

После тебя

ДЖОДЖО МОЙЕС

Когда одна история заканчивается, начинается другая.

«После тебя» — потрясающее продолжение романа

«До встречи с тобой».

People Magazine

Annotation

Что ты будешь делать, потеряв любимого человека? Стоит ли жить после этого? Теперь Лу Кларк не просто обычная девчонка, живущая обыденной жизнью. Шесть месяцев, проведенных с Уиллом Трейнором, навсегда изменили ее. Непредвиденные обстоятельства заставляют Лу вернуться домой к своей семье, и она поневоле чувствует, что ей придется все начинать сначала. Раны телесные залечены, а вот душа страдает, ищет исцеления! И это исцеление ей дают члены группы психологической поддержки, предлагая разделить с ними радости, печали и ужасно невкусное печенье. Благодаря им она знакомится с Сэмом Филдингом, врачом «скорой помощи», сильным человеком, который знает о жизни и смерти все. Сэм оказывается единственным, кто способен понять Лу Кларк. Но сможет ли Лу найти в себе силы вновь полюбить?.. Впервые на русском языке!

- [Джоджо Мойес](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Джоджо Мойес

После тебя

Jojo Moyes
AFTER YOU

Copyright © Jojo's Mojo Limited, 2015
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

© О. Александрова, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается моей бабушке Бетти Макки

Глава 1

Здоровяк в дальнем углу бара обливается потом. Он сидит, низко склонившись над стаканом с двойным виски, и то и дело оглядывается на дверь. В безжалостном электрическом свете его покрытое испариной лицо влажно блестит. Он маскирует прерывистое дыхание тяжелыми вздохами и снова возвращается к своему напитку.

– Эй, можно вас?

Я поднимаю глаза от бокала, который старательно вытираю.

– Нельзя ли повторить?

Мне хочется сказать ему, что это не самая хорошая идея и выпивка вряд ли поможет. От нее будет только хуже. Но он крупный парень, до закрытия осталось пятнадцать минут, и по правилам нашей компании я не могу отказать клиенту. Поэтому я подхожу к нему, забираю его стакан и подношу к глазам. Он кивает на бутылку.

– Двойной, – говорит он, смахивая мясистой рукой пот с лица.

– Семь фунтов двадцать пенсов, пожалуйста.

Вечер вторника, без четверти одиннадцать, место действия – ирландский тематический паб в аэропорту Лондон-Сити под названием «Шемрок и клевер», который имеет такое же отношение к Ирландии, как Махатма Ганди. Бар закрывается через десять минут после отправления последнего самолета, и на данный момент, кроме меня, здесь только серьезный молодой человек с ноутбуком, две веселые дамочки за столиком номер два и мужик с двойным «Джемисоном» – пассажиры задерживающихся на сорок минут рейсов SC 107 на Стокгольм и DB 224 на Мюнхен.

Я на боевом посту начиная с полудня, так как у моей сменщицы Карли прихватило живот и она отпросилась домой. Вообще-то, я не против. Я спокойно задерживаюсь допоздна. Тихонько мурлыча себе под нос мелодию из «Кельтских свирелей Изумрудного острова», выпуск третий, я подхожу к столику номер два забрать стаканы у женщин, рассматривающих подборку фото на телефоне. Судя по несдержанному смеху, обе под хорошим градусом.

– Моя внучка. Пять дней от роду, – сообщает мне высокая блондинка, когда я наклоняюсь за ее стаканом.

– Прелесть, – улыбаюсь я.

Все младенцы для меня на одно лицо.

– Она живет в Швеции. Я там еще ни разу не была. Как-никак, но все же надо повидаться со своей первой внучкой, а?

– Мы обмываем ножки малышки. – (Очередной взрыв хохота.) – Может, выпьете с нами за ее здоровье? Ну давайте же! Расслабьтесь хоть на пять минут. Вдвоем нам эту бутылку ни за что не осилить.

– Упс! Нам пора! Пошли, Дор.

Увидев сообщение на табло, они собирают пожитки и нетвердой походкой, что заметно, наверное, только мне, направляются к выходу.

Я убираю их стаканы на барную стойку и зорко оглядываю зал в поисках грязной посуды.

– Неужели вам никогда не хотелось? – Женщина, что пониже, оказывается, вернулась за паспортом.

– Простите?

– После окончания смены пройти вместе со всеми на посадку. Сесть на самолет. Мне бы точно хотелось. – Она снова смеется. – Каждый чертов день, будь он неладен!

Я отвечаю им профессиональной улыбкой, способной скрыть что угодно, и поворачиваюсь к барной стойке.

А вокруг уже вовсю закрываются на ночь магазины беспощинной торговли, опускаются стальные жалюзи, пряча от посторонних глаз дорожные сумки и шоколадки «Тоблерон» для экстренных подарков. Мерцают и потихоньку гаснут огни у выходов 3, 5 и 11, направляющих в ночное небо последних путешественников. Конголезка Вайолет, местная уборщица, слегка раскачиваясь при ходьбе и поскрипывая резиновыми подошвами туфель, толкает мне навстречу по сияющему линолеуму свою тележку.

– Вечер добрый, дорогуша.

– Вечер добрый, Вайолет.

– Милочка, не дело засиживаться здесь допоздна. Тебе надо быть дома рядом с теми, кого любишь, – каждый раз слово в слово повторяет она.

– Да нет, сейчас не так уж и поздно, – каждый раз слово в слово отвечаю я.

Она одобрительно кивает и катит тележку дальше.

Серьезный Молодой Человек с Ноутбуком и Потный Любитель Скотча ушли. Я заканчиваю со стаканами и закрываю кассу, дважды пересчитывая деньги, чтобы наличность в кассе совпала с пробитыми чеками. Я делаю пометки в grossбухе, проверяю пивные насосы, отмечаю продукты, требующие дозаказа. И тут неожиданно обнаруживаю куртку толстяка

на барном стуле. Подхожу поближе и поднимаю глаза на монитор. Ага, вот-вот начнется посадка на рейс до Мюнхена, если я, конечно, готова бежать за владельцем куртки. Я снова смотрю на монитор и медленно подхожу к мужскому туалету.

– Эй! Есть кто-нибудь?

Голос, что слышится в ответ, слегка задушенный, с истерическими нотками. Толстяк, низко склонившись над раковиной, плещет себе в лицо водой. Вид у него – краше в гроб кладут.

– Что, уже объявили посадку на мой рейс?

– Посадка только начинается. У вас еще в запасе пара минут.

Я собираюсь уходить, но что-то меня останавливает. Мужчина буравит меня горящими от волнения бусинками глаз. Затем качает головой.

– Нет, я не могу это сделать, – говорит он, хватая бумажное полотенце и вытирает лицо. – Не могу подняться на борт самолета. – (Я терпеливо жду.) – Мне надо лететь на встречу с новым боссом, а я не могу. И я не решился сказать ему, что боюсь самолетов. – Он покачал головой. – Ужасно боюсь.

Я закрыла за собой дверь.

– А в чем заключается ваша новая работа?

– Э-э-э... – моргает он. – Автозапчасти. Я новый старший менеджер по запчастям для тормозов в «Хант моторс».

– Похоже, классная работа. Значит, у вас есть... тормоза.

– Я уже давно в этом деле. – Он с усилием сглатывает. – Вот почему я не хочу сгореть в огненном шаре. Я реально не хочу сгореть в парящем в воздухе огненном шаре.

Меня так и подмывает сообщить ему, что это будет скорее падающий, нежели парящий в воздухе огненный шар, но я вовремя прикусываю язык. Он снова споласкивает водой лицо, и я подаю ему еще одно бумажное полотенце.

– Благодарю. – Он опять прерывисто вздыхает и выпрямляется, явно пытаюсь взять себя в руки. – Спорим, вам еще не доводилось видеть, чтобы взрослый мужик вел себя как форменный идиот, да?

– По четыре раза на дню. – (Его крошечные глазки становятся совсем круглыми.) – По четыре раза на дню мне приходится выуживать кого-нибудь из мужского туалета. А причина у всех одна: боязнь летать. – (Он удивленно моргает.) – Но, видите ли, как я не устаю повторять, ни один самолет, вылетевший из этого аэропорта, еще ни разу не потерпел крушения.

От неожиданности мужчина даже втягивает шею в воротничок

рубашки.

– Да неужели?

– Ни один.

– И даже никакой... самой маленькой аварии на взлетной полосе?

Я решительно качаю головой:

– На самом деле здесь тоска зеленая. Люди улетают по своим делам и через пару дней возвращаются. – Я спиной пытаюсь открыть дверь. К вечеру в этих уборных запашок ой-ей-ей. – Да и вообще, лично я считаю, что с вами могут случиться вещи и похуже этого.

– Ну, полагаю, вы правы. – Он обдумывает мои слова и осторожно косится на меня. – Значит, четыре раза на дню, так?

– Иногда даже чаще. А теперь, с вашего позволения, мне действительно пора назад. А то, не дай бог, решат, будто я что-то зачастила в мужскую уборную. – (Он улыбается, и я вижу, каким он может быть при других обстоятельствах. Энергичный человек. Жизнерадостный человек. Человек, отлично руководящий поставками импортных автозапчастей.) – Знаете, мне кажется, уже объявили посадку на ваш рейс.

– Так вы считаете, со мной все будет в порядке.

– С вами все будет в порядке. Это очень безопасная авиалиния. Считайте, что вы просто вычеркнули из жизни пару часов. Смотрите, SK 491 приземлился пять минут назад. И когда вы пойдете к нужному вам выходу, то непременно встретите стюардов и стюардесс с прибывшего борта. Вот увидите, они будут беззаботно смеяться и болтать, ведь для них полет на самолете – все равно что поездка на автобусе. Некоторые из них делают по два, три, четыре рейса в день. Они ведь не полные идиоты. Если бы было небезопасно, стали бы они рисковать, а?

– Все равно что поездка на автобусе, – повторяет он за мной.

– Только гораздо более безопасная.

– Это уж точно. – Он поднимает брови. – На дороге полным-полно придурков. – Я киваю, а он поправляет галстук. – И это классная работа.

– Стыд и позор, если вы упустите ее из-за такой ерунды. Главное – сделать первый шаг, а потом вы привыкнете.

– Очень может быть. Благодарю вас...

– Луиза, – подсказываю я.

– Благодарю вас, Луиза. Вы очень добрая девушка. – Он вопросительно смотрит на меня. – А как насчет того... чтобы вы согласились... как-нибудь со мной выпить?

– Я слышу, объявляют посадку на ваш рейс, сэр. – Я открываю дверь, пропуская его вперед.

Он кивает и, чтобы скрыть неловкость, с шумом хлопает себя по карманам:

– Все верно. Конечно. Ну... я пошел.

– И не забывайте о тормозах.

А буквально через две минуты после его ухода я обнаружила, что он заблевал третью кабинку.

Домой я возвращаюсь в четверть второго. Стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале лифта, я захожу в притихшую квартиру. Переодеваюсь в пижамные штаны и толстовку с капюшоном, открываю холодильник, достаю бутылку белого вина, наливаю в бокал. Вино такое кислое, что больно губам. Изучив этикетку, я понимаю, что забыла заткнуть бутылку пробкой, но затем решаю особо не заморачиваться по этому поводу и с бокалом в руке плюхаюсь в кресло.

На каминной доске две открытки. Одна – поздравление с днем рождения от родителей. «Лучшие пожелания» от мамы для меня точно нож острый. Вторая открытка от сестры. Сестра сообщает, что собирается приехать с Томасом на уик-энд. Открытка шестимесячной давности. На автоответчике два сообщения. Одно от дантиста, другое – нет.

Привет, Луиза. Это Джаред. Мы встречались в «Грязной утке». Ну, мы с тобой тогда еще перепихнулись. (Сдавленный неловкий смешок.) Это было... ну ты понимаешь... В общем, мне понравилось. Как насчет того, чтобы повторить? У тебя есть мои координаты.

Когда в бутылке ничего не остается, я прикидываю, не сбегать ли за новой, но очень не хочется выходить из дому. Не хочется в очередной раз выслушивать шуточки Самира из круглосуточного магазинчика насчет моего пристрастия к «Пино гриджио». Да и вообще, не хочется ни с кем разговаривать. Внезапно на меня накатывает смертельная усталость, но при этом я настолько перевозбуждена, что даже если и лягу в постель, то все равно не усну. Я вдруг вспоминаю о Джареде, в частности о том, что у него странная форма ногтей. И с чего это меня вдруг стали волновать чьи-то странные ногти? Я обвожу глазами голые стены гостиной и неожиданно понимаю, что мне срочно нужно на свежий воздух. Реально нужно. Я поднимаю в коридоре окно и неуверенно карабкаюсь по пожарной лестнице на крышу.

Когда девять месяцев назад я появилась в этом доме, риелтор показал мне устроенный предыдущими жильцами террасный садик с тяжелыми кадками для растений и маленькой скамейкой.

«Естественно, официально сад не может считаться вашим, –

сказал он. – Но только из вашей квартиры имеется выход на крышу. Помоему, очень даже мило. Вы даже сможете устраивать здесь вечеринки».

Растения давным-давно засохли и погибли. Что ж, я действительно не умею ухаживать за вещами. И вот я стою на крыше и смотрю на подмигивающую мне лондонскую тьму. Миллионы людей вокруг меня живут своей жизнью: едят, ссорятся и так далее. Миллионы жизней, протекающих отдельно от моей. Странный непрочный мир.

Звуки ночного города пронизывают воздух, мерцают натриевые фонари, режут моторы, хлопают двери. В нескольких милях к югу слышится отдаленный гул полицейского вертолета, обшаривающего лучом прожектора местный парк в поисках очередного негодяя. А где-то вдали воеет сирена. Вечная сирена. «Вы очень быстро почувствуете себя здесь как дома», – сказал мне тот риелтор. Я чуть было не расхохоталась ему прямо в лицо. Как тогда, так и сейчас, город казался мне чужим и враждебным.

После секундного колебания я ступаю на карниз, раскинув в сторону руки, как подвыпивший канатоходец. Я иду по бетонному выступу шагом «пятка к носку», а легкий ветерок щекочет волоски на руках. Переехав в эту квартиру, я в трудные минуты жизни иногда решалась пройти по карнизу вдоль всей квартиры. И в конечной точке громко смеялась, глядя в ночное небо. *Вот видишь? Я здесь – по-прежнему живая – прямо на краю. Я делаю то, что ты мне велел!*

Это стало моей тайной привычкой. Я, небесная линия города, уютный покров темноты, абсолютная анонимность и осознание того, что здесь никто не знает, кто я такая. Я поднимаю голову, ветер овеивает лицо, внизу слышится чей-то смех, потом – звук разбившейся бутылки, по дороге змеится вереница машин, бесконечная красная лента габаритных огней, похожая на поток крови. Здесь всегда плотное движение, не говоря уже о шуме и сутолоке. Единственные более-менее спокойные часы – наверное, с трех до пяти утра, когда все пьяные уже завалились в кровать, повара из ресторанов сняли белые фартуки, а в пабах заперли двери. Тишину этих предрассветных часов время от времени нарушает шум проезжающих мимо автоцистерн, открывающейся на заре еврейской булочной дальше по улице и фургончиков развозчиков газет, которые бросают толстые кипы на тротуар. Я в курсе всех малейших движений города, потому что в этот час я не сплю.

Ну а пока город еще гудит. В «Белой лошади» гуляют засидевшиеся после закрытия хипстеры и жители Ист-Энда, кто-то громко ссорится на улице, а на другом конце Лондона городская больница общего профиля

принимает больных, раненых и тех, кто с трудом продержался до утра. Но здесь, наверху, есть только воздух и темнота, и где-то высоко в небе совершает рейс Лондон – Пекин грузовой самолет службы «Федекс», а миллионы путешественников вроде мистера Любителя Скотча летят навстречу неизвестности.

– Восемнадцать месяцев. Целых восемнадцать месяцев. Так когда же все это закончится? – бросаю я в темноту. Ну вот, началось. Я чувствую, как во мне снова мутной волной вскипает непрощенная злость. Делаю пару шагов вперед, глядя себе под ноги. – Потому что это не похоже на жизнь. Это вообще ни на что не похоже. – Два шага. Еще два. Сегодня я дойду до угла. – Ты не дал мне чертовой новой жизни, разве не так? Конечно нет. Ты только сломал мою прежнюю жизнь. Разломал на мелкие кусочки. И что мне теперь делать с тем, что осталось? Когда я начну чувствовать... – Я раскидываю руки, покрытые от холодного воздуха мурашками, и понимаю, что снова начинаю плакать. – Будь ты проклят, Уилл! Будь ты проклят за то, что покинул меня!

Тоска накатывает приливной волной. Мощной, всепоглощающей. И когда я уже готова погрузиться в нее с головой, внезапно мне слышится чей-то голос:

– Не думаю, что вам следует тут стоять.

Я поворачиваюсь и вижу у пожарного выхода чье-то бледное личико, распахнутые темные глаза. От неожиданности я теряю равновесие, нога соскальзывает с карниза, тело всей тяжестью кренится в опасную сторону. Сердце падает куда-то вниз, а за ним – и я сама. И потом, точно в ночном кошмаре, я, совсем невесомая, лечу в темную пропасть ночи, ноги оказываются выше головы, я слышу пронзительный крик, возможно, свой собственный...

Треск...

И чернота.

Глава 2

– Как тебя зовут, милая?

На шее фиксирующий воротник.

Чья-то рука осторожно ощупывает мою несчастную голову.

Я жива. Что на самом деле крайне удивительно.

– Вот так-то. Откройте глаза. А теперь посмотрите на меня. Посмотрите на меня. Вы можете назвать свое имя?

Я пытаюсь говорить, открыть рот, но мой голос получается каким-то сдавленным и абсолютно неразборчивым. Наверное, я прикусила язык. Во рту у меня кровь, теплая, с металлическим привкусом. Я не в состоянии пошевелинуться.

– Мы сейчас положим вас на специальную доску, хорошо? Будет немножко неудобно, но я вколю вам морфин, чтобы было легче переносить боль.

Голос мужчины звучит спокойно, словно нет ничего ненормального в том, что я лежу, как сломанная кукла, на холодном бетоне, устремив глаза в сумрачное небо. Мне хочется смеяться. Хочется объяснить им, какая нелепица, что я лежу здесь. Но я всего-навсего очередная понтырица в пижамных штанах, у которой все, кажется, пошло наперекосяк.

Лицо мужчины исчезает из поля зрения. Надо мной склоняется женщина в светоотражающей куртке, кудрявые темные волосы затянуты в хвост. Женщина направляет тонкий луч фонарика прямо мне в глаза и смотрит на меня с таким бесстрастным интересом, словно я не человек, а неизвестная науке особь.

– Мы можем ее увозить?

Я хочу что-то сказать, но меня отвлекает боль в ногах. Господи, говорю я, но не уверена, что произношу это вслух.

– Зрачки в норме и реагируют. Давление в норме, пульс девяносто при норме шестьдесят. Ей повезло, что она упала на тот тент. Интересно, насколько велики шансы приземлиться на шезлонг?.. Хотя мне не нравятся ушибы. – (Поток холодного воздуха на талии, легкое прикосновение прохладных пальцев...) – Внутреннее кровотечение?

– Нужна вторая бригада?

– Не могли бы вы немного отойти, сэр? Чуть-чуть назад?

Мужской голос:

– Я вышел перекурить, и она шлепнулась прямо на мой чертов балкон.

Еще немножко – и свалилась бы на мою чертову голову.

– Значит, вам крупно повезло. А вот ей нет.

– Я до сих пор не могу оправиться от потрясения. Не так уж часто прямо с чертова неба на вас падают люди. Посмотрите на мое кресло. Я купил его за восемьсот фунтов в магазине у Конрана... Как думаете, я могу предъявить за него иск?

Короткая пауза.

– Как вам будет угодно, сэр. Я вам вот что скажу. Вы можете выставить ей счет за то, что пришлось отмывать ваш балкон от крови. И как вам такая идея?

Медик переводит глаза на коллегу. Похоже на путешествие во времени, у меня такое уже было. Я что, упала с крыши? Очень холодно лицу, и я понимаю, что меня трясет от озноба.

– Сэм, у нее начинается шок...

Где-то внизу отъезжает дверца фургона. Булочник? А затем доска подомной начинает двигаться, и сразу же – больно, больно, больно! – все погружается во тьму.

Вой сирены и синий вихрь. Ох уж эти вечные лондонские сирены! Мы движемся. Отблески неоновых светов проникают в автомобиль «скорой помощи», исчезают и снова появляются, освещая неожиданно забитый салон и мужчину в зеленой униформе, который, введя какую-то информацию в телефон, начинает поправлять капельницу над моей головой. Боль уменьшилась – морфин? – но после восстановления мыслительных способностей на меня накатывает дикий ужас. Внутри медленно раздувается гигантская подушка безопасности, блокируя все остальное.

– Пгостите?

Мужчина сидит, упершись в стенку салона, и слышит меня только со второго раза. Он поворачивается и склоняется надо мной. От него пахнет лимоном, и он как-то неровно выбрит.

– У вас там все хорошо?

– Я это...

Мужчина наклоняется пониже:

– Простите. Из-за этой сирены ничего не слышно. Мы уже скоро будем в больнице. – Он накрывает мою руку своей, сухой и теплой, что действует успокаивающе. И внезапно мне становится страшно, что он захочет убрать руку. – Держитесь. Донна, какое у нас расчетное время прибытия?

Я не могу говорить. Язык распух и не помещается во рту. Мысли

расплываются и путаются. Интересно, а я шевелила руками, когда меня переносили в машину? Вроде бы я поднимала правую руку, так?

– Я это парализована? – спрашиваю я шелестящим шепотом.

– Что? – Он практически прижимается ухом к моему лицу.

– Парализована? Я это парализована?

– Парализована? – Мужчина секунду колеблется, продолжая пристально меня изучать, затем поворачивается и переводит взгляд на мои ноги. – Вы можете пошевелить пальцами ног?

Я пытаюсь вспомнить, как правильно двигать ногой. Получается не сразу. Похоже, для этого нужно сосредоточиться сильнее обычного. Тогда медик наклоняется и слегка касается пальцев ноги, словно желая напомнить мне, где они находятся.

– Попробуйте еще раз. Вот так.

И сразу же обе ноги пронизывает жуткая боль. Судорожный вздох, скорее всхлип. Мой.

– Вы в порядке. Боль – это хорошо. Ручаться, конечно, не могу, но не думаю, что у вас задет позвоночник. Вы повредили бедро, ну и еще кое-что. – Его глаза прикованы к моим. Глаза у него добрые. Кажется, он понимает, как мне нужны слова ободрения. Его рука по-прежнему лежит поверх моей. Я никогда еще так сильно не нуждалась в тепле простого человеческого прикосновения. – Правда. Я практически уверен, что вы не парализованы.

– О, злая бозу, – словно издали слышу я свой голос. Глаза наполняются слезами. – Пожалуйста, не отпускаяйте меня.

Он придвигает лицо совсем близко к моему:

– Я вас не отпущу.

И я хочу что-то сказать, но его лицо расплывается, и меня снова окутывает чернота.

Уже после мне рассказали, что я, пролетев вниз два этажа из пяти, закончила свой полет сперва на натянутом над балконом тенте, а затем – на плетеном шезлонге с водонепроницаемыми подушками, принадлежащем мистеру Энтони Гардинеру, адвокату в области авторских прав и моему соседу, с которым я ни разу не встречалась. Я сломала бедро, два ребра и ключицу. А еще два пальца на левой руке и плюсневую кость, которая проткнула кожу и торчала прямо из ноги, напугав до обморока одного из студентов-медиков. Мои рентгеновские снимки заволаживают врачей. У меня в ушах до сих пор стоят слова пользовавшего меня парамедика: «Никогда не знаешь, что может случиться, когда упадешь с большой

высоты». Да, мне явно здорово повезло. Они твердят мне это и ждут, улыбаясь, что я, наверное, отвечу им такой же широкой улыбкой или, возможно, даже на радостях исполню чечетку. Но я не чувствую себя везучей. Я вообще ничего не чувствую. Я дремлю и просыпаюсь, когда над головой вспыхивают ослепительные огни операционной, а затем снова оказываюсь в тиши палаты. Лицо медсестры. Обрывки разговоров.

Ты видела, какую грязь развела старуха из палаты D4?

Ты ведь работаешь в больнице Принцессы Елизаветы, да? Можешь передать им, что мы знаем, как управлять отделением неотложной помощи. Ха-ха-ха-ха-ха!

А теперь, Луиза, отдыхай. Мы обо всем позаботимся. Просто отдыхай.

От морфина хочется спать. Они увеличивают мне дозу, и я радуюсь прохладной струйке забвения.

Я открываю глаза и вижу в ногах кровати маму.

– Она проснулась. Бернارد, она проснулась. Как думаешь, нам позвать медсестру?

Она изменила цвет волос, отстраненно думаю я. А затем: ой! это же мама. Но ведь мама со мной не разговаривает.

– О, слава богу! Слава богу! – Мама дотрагивается до крестика на шее. Этот жест мне о ком-то напоминает, но вот о ком – я не знаю. Она легонько гладит меня по щеке. И по какой-то непонятной причине глаза у меня тотчас же наполняются слезами. – О моя маленькая девочка! – Она наклоняется ко мне всем телом, словно желая заслонить от грядущих опасностей. Я чувствую до боли знакомый запах ее духов. – О Лу! – Она вытирает мне слезы бумажным платком. Я не в силах пошевелить рукой. – Когда мне позвонили, я до смерти испугалась. Тебе очень больно? Ты что-нибудь хочешь? Что я могу для тебя сделать? – Она так тараторит, что я не успеваю вставить ни слова. – Мы сразу приехали, как только узнали. Трина присматривает за дедушкой. Он посылает тебе привет. Он типа просто издает какие-то звуки, ну ты понимаешь, но мы-то знаем, что он хочет сказать. О моя девочка, как, ради всего святого, ты попала в такую передрыгу? И о чем, ради всего святого, ты только думала? – Похоже, она вовсе не ждет от меня ответа. Все, что мне надо делать, – это спокойно лежать. Мама вытирает глаза сперва себе, затем мне. – Ты все еще моя девочка. И я не пережила бы, если бы с тобой что-нибудь случилось, а мы бы по-прежнему не... Ну, ты понимаешь.

– Нгет... – Я давлюсь словами. Язык заплетается. Точно у пьяной. –

Нет, я не хотела...

– Я знаю. Лу, ты поступила так жестоко. Я не могла...

– Не сейчас, милая, хорошо? – трогает ее за плечо папа.

Мама замолкает. Отворачивается и смотрит в пустоту перед собой, затем берет меня за руку:

– Когда нам позвонили... Ох! Я испугалась, что ты... – Она снова хлопает носом, прижимая платок к губам. – Бернард, слава богу, что она в порядке!

– Конечно в порядке. Она сделана из резины, эта крошка. Да?

Очертания папиной фигуры расплываются перед глазами. Последний раз мы говорили с ним по телефону два месяца назад, но не виделись целых восемнадцать месяцев, а именно со дня моего отъезда. Папа выглядит огромным и очень родным, а еще отчаянно уставшим.

– Простите, – шепчу я. Ничего другого в голову не приходит.

– Да ладно тебе! Мы просто рады, что ты в порядке. Хотя ты и выглядишь так, будто провела шесть раундов с Майком Тайсоном. Ты здесь хоть раз смотрела на себя в зеркало? – (Я качаю головой.) – Помнишь Терри Николса? Ну того самого, что перелетел через велосипед перед «Минимартом»? Так вот, если убрать усы, ты точь-в-точь как он. И в самом деле... – Папа наклоняется поближе ко мне. – Раз уж ты сама начала...

– Бернард.

– Завтра мы принесем тебе щипчики. Но в любом случае в следующий раз, когда захочешь полетать, лучше давай отправимся на какой-нибудь старый добрый аэродром. Прыжки и размахивание руками в твоем случае явно не работают.

Я пытаюсь улыбнуться.

Теперь они уже оба наклоняются ко мне. Их озабоченные лица напряжены. Мои родители.

– Бернард, она похудела. Не находишь, что она похудела?

Папа приближает ко мне лицо, и я вижу, что глаза у него на мокром месте. А растянутые в улыбке губы непривычно дрожат.

– Милая, она у нас... просто красавица. Уж можешь мне поверить. Просто красотка, черт побери!

Он сжимает мою руку, затем подносит к губам и целует. Сколько себя помню, папа ни разу такого не делал.

Только сейчас я понимаю, что они решили, будто я умираю, и из моей груди вырывается горестный всхлип. Я закрываю глаза, чтобы остановить жгучие слезы, и чувствую на запястье папину мозолистую руку.

– Мы здесь, родная. Теперь все в порядке. Все будет хорошо.

Первые две недели они каждый божий день мотаются на утреннем поезде в Лондон, преодолевая целых пятьдесят миль, ну а затем сокращают число посещений до нескольких раз в неделю. Папа получил особое разрешение не ходить на работу, потому что мама боится ездить одна. Ведь в Лондоне всякое может случиться. Она беспрестанно это повторяет, сопровождая свои слова опасливыми взглядами на дверь, словно вооруженный ножом убийца в плаще с капюшоном мог прокрасться за ней в палату. Трина остается дома, чтобы приглядывать за дедушкой. Мама сообщает мне об этом несколько натянутым тоном, из чего я делаю вывод, что сестра, будь на то ее воля, возможно, распорядилась бы своим временем несколько иначе.

Мама привозит домашнюю еду. Она пришла в ужас, увидев мой больничный ланч, состав которого мы даже после долгих и бурных дискуссий так и не смогли определить. «И в пластиковой упаковке, Бернард. Как в тюрьме!» – презрительно фыркнула она, ткнув в непонятное блюдо вилкой. Теперь мама каждый день привозит с собой огромные сэндвичи: толстые куски ветчины и сыра на белом хлебе, а также домашние супы в термосе. «Это хотя бы похоже на настоящую еду», – говорит она и кормит меня с ложечки, как младенца. Мой язык постепенно приходит в норму, возвращаясь к человеческому размеру. Оказывается, при приземлении я прокусила его чуть ли не насквозь. Мне говорят, что такое случается сплошь и рядом.

Мне делают две операции на бедре, моя левая нога загипсована до колена, а левая рука – до локтя. Кит, один из санитаров, спрашивает разрешения написать что-нибудь на моих гипсовых повязках, так как девственно-белый гипс – плохая примета, и радостно расписывает их такими грязными выражениями, что медсестре Эвелин, родом с Филиппин, перед врачебным обходом приходится заклеивать непристойности пластырем. Когда Кит везет меня на рентген или процедуры, он потчует меня больничными сплетнями. И хотя я спокойно могу обойтись без страшилок о пациентах, умирающих медленной и мучительной смертью, которых здесь, похоже, видимо-невидимо. Кит обожает подобные истории. Интересно, а что он рассказывает обо мне? Ведь я девушка, которая упала с высоты пятого этажа, но выжила. В больничной иерархии это наверняка ставит меня выше больного с кишечной непроходимостью из палаты С или той тупоголовой девицы, которая случайно отрезала себе большой палец секатором.

Даже странно, как быстро привыкаешь к больничному распорядку. Я просыпаюсь, принимаю помощь от людей, которых уже знаю в лицо, говорю лечащим врачам то, что положено говорить, и начинаю ждать прихода родителей. Родители выполняют необходимую в палате мелкую работу, а при появлении врачей становятся непривычно почтительными. Папа так долго извиняется за мое неумение нормально прыгать, что маме приходится лягать его, и довольно чувствительно, в лодыжку.

После окончания врачебного обхода мама совершает экскурсию по магазинчикам в вестибюле, а по возвращении сдержанно возмущается обилием торговых точек с фастфудом. «Бернард, ты не поверишь! Этот одноногий мужчина с кардиологии набил полный рот чизбургером и чипсами».

Папа обычно сидит на стуле в изножье кровати и читает местную газету. Первую неделю он все пытается найти сообщения о моем происшествии, а я пытаюсь объяснить ему, что в этой части города даже двойные убийства вряд ли удостоятся упоминания в краткой сводке новостей, но, поскольку на прошлой неделе в Стортфолде первая полоса местной газеты открывалась статьей под заголовком «Тележки из супермаркета оставлены в неподобающем месте парковки», а неделей раньше это было «Школьники удручены состоянием пруда с утками», убедить папу стоит больших трудов.

В пятницу, после заключительной операции на моем бедре, мама приносит домашний халат, который велик мне на целый размер, и большой бумажный пакет сэндвичей с яйцом. Я даже могу не спрашивать, что в пакете: запах сероводорода пропитывает воздух, как только мама открывает сумку. Папа шепчет слова извинения и демонстративно машет перед носом рукой.

– Джози, сестры меня убьют, – говорит он, открывая и закрывая дверь в палату.

– Яйца ее подкрепят. Она слишком худенькая. Да и вообще, чья бы корова мычала. Ты вечно выпускаешь ужасные запахи, обвиняя в этом собаку, которая уже два года как умерла.

– Я просто хочу сохранить романтику наших отношений, любимая.

Мама осторожно оглядывается и понижает голос:

– Трина говорит, что, когда ее последний бойфренд устраивает газовую атаку, он накидывает ей на голову одеяло. Нет, ты представляешь?!

Папа поворачивается ко мне:

– А вот когда я такое делаю, мама готова сменить местожительство.

Они смеются, но атмосфера явно напряженная. Я это кожей чувствую. Когда твой мир скукоживается до пространства, ограниченного четырьмя стенами, у тебя возникает обостренное чутье на малейшие изменения в воздухе. Это всегда чувствуется по тому, как врачи отворачиваются, рассматривая рентгеновские снимки, или как медсестры прикрывают рот, когда говорят о ком-то, кто только что умер в соседней палате.

– Что? – спрашиваю я. – В чем дело?

Родители беспомощно смотрят друг на друга.

– Понимаешь... – Мама присаживается на край постели. – Доктор сказал... Консультант сказал... что не совсем ясно, как ты могла упасть.

Я откусываю кусочек сэндвича с яйцом. Я уже могу что-то поднять левой рукой.

– Ах, ты об этом. Меня отвлекли.

– Когда ты ходила по крыше.

Я молча жую.

– Солнышко, а ты, случайно, не страдаешь лунатизмом?

– Папа, я еще ни разу в жизни не ходила во сне.

– А вот и нет. Когда тебе было тринадцать, ты во сне спустилась по лестнице и съела половину торта, испеченного Трине на день рождения.

– Ну, тогда я просто была немного сонной.

– И еще уровень алкоголя в крови. Они сказали... что он у тебя просто зашкаливал.

– У меня выдался тяжелый вечер на работе, вот я и выпила бокал-другой и поднялась на крышу подышать воздухом. А потом меня отвлек голос.

– Значит, ты слышала голос.

– Я просто стояла на крыше и смотрела вниз. Иногда я так делаю. А когда у меня за спиной послышался голос какой-то девочки, я испугалась и оступилась.

– Девочка?

– Я и правда слышала ее голос.

– А ты уверена, что это была реальная девочка? Не вымышленная... – спрашивает папа.

– У меня повреждено бедро, но не голова.

– Да, они точно говорили, что «скорую» вызвала какая-то девочка. – Мама предостерегающе касается папиной руки.

– Итак, ты утверждаешь, что это действительно был несчастный случай, – продолжает папа.

Я даже прекращаю жевать. Они виновато отворачиваются друг

от друга.

– Что? Неужели вы думаете, будто я специально прыгнула вниз?

– Мы ничего не утверждаем. – Папа чешет в затылке. – Просто... мы немножко удивлены, что ты разгуливала по крыше дома в предрассветный час. Ведь ты всегда боялась высоты.

– Я была помолвлена с человеком, который считал нормальным подсчитывать число калорий, сожженных им во время сна. Господи боже мой! Значит, вот почему вы со мной так нянчитесь. Неужели вы думаете, что я пыталась покончить с собой?

– Просто он спрашивал разные...

– Кто вас спрашивал? О чем?

– Тот парень, психиатр. Милая, они только хотят убедиться, что ты в порядке. Мы знаем, тебе было... Ну ты понимаешь... После...

– Психиатр?

– Тебя собираются поставить на учет. У нас была долгая беседа с докторами, и ты едешь домой. Будешь жить с нами, пока не поправишься. Ты не можешь оставаться одна в своей квартире. Это...

– Вы что, были в моей квартире?

– Ну нам же надо было собрать твои вещи.

В комнате повисает тягостное молчание. Я представляю, как они стоят на пороге моей квартиры, мама судорожно сжимает сумку при виде грязного постельного белья, батареи пустых бутылок на каминной доске, половинки шоколадки «Фрут энд натс», одиноко лежащей в пустом холодильнике. Представляю, как родители переглядываются и качают головой. *Бернард, ты уверен, что мы не перепутали адрес?*

– Это... не совсем подходящее место для человека, идущего на поправку. И сейчас тебе лучше быть со своей семьей. Хотя бы до тех пор, пока снова не встанешь на ноги.

Меня так и подмывает сказать им, что я отлично справлюсь в своей квартире и не важно, что они там о ней думают. Я хочу делать свое дело, и возвращаться домой, и забывать обо всем до начала следующей смены. Меня так и подмывает сказать, что я не желаю возвращаться в Стортфолд, чтобы снова стать Той Девницей: Той, Которая. Не желаю ощущать тяжесть маминого тщательно скрываемого неодобрения, не желаю выслушивать папино жизнерадостное «все хорошо, все хорошо, все как прежде», словно если он будет твердить это, точно заклинание, все действительно будет хорошо. Я не желаю каждый день проходить мимо дома Трейноров, вспоминая о том, что когда-то была его частью, и от этого никуда не деться. Но я ничего не говорю. Потому что внезапно чувствую себя ужасно

усталой, и вообще у меня везде болит и больше нет сил бороться.

Спустя две недели папа привозит меня домой в своем служебном фургончике. В кабине есть место только для двоих, поэтому мама остается убирать к моему приезду дом. И по мере приближения к Стортфолду у меня постепенно начинаются нервные спазмы в животе.

Жизнерадостные улицы родного города кажутся чужими. Я смотрю на них отстраненным, критическим взором, невольно отмечая, какое здесь все бедненькое, но чистенькое. Неожиданно я начинаю понимать, что увидел Уилл, когда впервые приехал домой после аварии, но сразу же отбрасываю эту мысль. Когда мы сворачиваем на нашу улицу, я вдруг ловлю себя на том, что вжимаюсь в спинку сиденья. Мне совсем не хочется вести вежливые разговоры с соседями и давать объяснения. Не хочу, чтобы меня осуждали за то, что я сделала.

– Ты в порядке? – Папа как будто читает мои мысли.

– Отлично.

– Вот и молодец. – Он ободряюще кладет мне руку на плечо.

Мама уже встречает нас на пороге. Похоже, последние полчаса она караулила у окна. Папа ставит одну из моих сумок на ступеньку и возвращается, чтобы помочь мне выйти из машины и забрать вторую сумку. Теперь я уже могу обходиться только тростью. Медленно ковыляя по подъездной дорожке, я спиной чувствую, как колышутся занавески в соседних домах. И буквально слышу шепотки соседей: *Посмотри, кто тут у нас объявился. Как думаешь, что она на сей раз натворила?*

Папа направляет меня вперед, внимательно следя за моими ногами, словно они могут занести меня куда не надо.

– Ну как, нормально? – без усталости твердит он. – Вот так, потихонечку.

Я вижу в прихожей за маминой спиной дедушку. На нем клетчатая рубашка и парадный голубой джемпер. Ничего не изменилось. Те же обои на стенах. Тот же ковер в прихожей, который, судя по белесым полосам, мама пылесосила не далее чем сегодня утром. На крючке висит моя старая синяя куртка с капюшоном. Восемнадцать месяцев. У меня такое чувство, будто я отсутствовала целых десять лет.

– Не торопи ее, – говорит мама, нервно ломая руки. – Бернارد, ты слишком быстро идешь.

– Она явно не собирается соревноваться с Мо Фарахом^[1]. Но если пойдет еще медленнее, нас примут за лунатиков.

– Осторожней, ступеньки! Бернارد, может, подстрахуешь ее сзади, пока она поднимается. Ну, ты понимаешь, на случай, если она вдруг начнет

падать назад.

– Я знаю, где у нас ступеньки, – цежу я сквозь стиснутые зубы. – Хотя и жила здесь всего-навсего двадцать шесть лет.

– Бернард, проследи, чтобы она не споткнулась о тот выступ. Ты же не хочешь, чтобы она сломала и второе бедро.

Господи! Неужели и у тебя, Уилл, все было так же? Каждый божий день?

И тут, отодвинув маму в сторону, на пороге появляется моя сестра.

– Мама, ради бога! Ну давай же, Хопалонг!^[2] Нечего устраивать здесь бесплатный цирк.

Трина просовывает руку мне под мышку и на секунду оборачивается, чтобы бросить испепеляющий взгляд на соседей. Она возмущенно поднимает брови, словно хочет сказать: какого черта?! Я могу поклясться, что слышу шуршание задерживающихся занавесок.

– Проклятые зеваки! Ну да ладно. Поторапливайся! Мне еще надо успеть отвезти Томаса в клуб, а я обещала, что до этого ты покажешь ему свои шрамы. И боже мой, до чего же ты отощала! Твои сиськи, наверное, теперь похожи на два мандарина, засунутые в пару носков.

Очень нелегко смеяться и одновременно идти. Томас так стремительно бросается меня обнимать, что я останавливаюсь и упираюсь рукой в стенку, чтобы не навернуться, когда он в меня врежется.

– Они что, действительно тебя разрезали, а потом собрали по частям? – спрашивает он. Его макушка уже на уровне моей груди. И у него не хватает четырех передних зубов. – Дедушка говорит, что они тебя неправильно собрали. И бог его знает, как мы сможем определить, что они перепутали.

– Бернард!

– Я пошутил.

– Луиза... – Дедушкин голос звучит хрипло и невнятно.

Он на нетвердых ногах проходит вперед и обнимает меня. Я отвечаю ему тем же. Он слегка отстраняется и притворно сердито хмурится, его старческие руки держат меня на удивление крепко.

– Я знаю, дедуля. Знаю. Но теперь она дома, – говорит мама.

– Ты снова будешь жить в своей старой комнате, – добавляет папа. – Боюсь только, тебе не понравятся обои с трансформерами, которые мы поклеили для Тома. Надеюсь, ты не имеешь ничего против автоботов и предаконов?

– А у меня в попе червяки, – радостно сообщает Томас. – Мама не велит рассказывать об этом чужим. Или засовывать пальцы в...

– Господи помилуй! – вздыхает мама.

– Добро пожаловать домой, Лу, – произносит папа и тотчас же роняет сумку мне на ногу.

Глава 3

Оглядываясь назад, я могу сказать, что первые девять месяцев после смерти Уилла прошли для меня как в тумане. Я прямиком отправилась в Париж и на время забыла о доме, пьяная от неожиданной свободы и жажды новых впечатлений, которую разбудил во мне Уилл. Я получила работу в баре – любимом месте сбора экспатов^[3], – где терпели мой ужасный французский, и в результате я даже здорово поднаторела в языке. Я поселилась в Шестнадцатом округе, в крошечной комнате в мансарде над ресторанчиком с восточной кухней, и долгими бессонными ночами лежала, прислушиваясь к голосам подвыпивших посетителей или к звукам ранних развозчиков продуктов, а наутро просыпалась с таким чувством, будто я живу чужой жизнью.

В те первые месяцы мне казалось, будто с меня живьем содрали кожу – настолько остро я ощущала происходящее вокруг. Проснувшись, я с ходу начинала смеяться или плакать, теперь мне все виделось в другом свете, словно раньше я смотрела на жизнь через фильтр, который внезапно убрали. Я пробовала непривычную еду, бродила по незнакомым улицам, говорила с людьми на неродном для себя языке.

Время от времени меня преследовал призрак Уилла. И тогда я начинала смотреть на все его глазами, а у меня в ушах стоял его голос:

Ну, что ты теперь об этом думаешь, Кларк?

Я ведь говорил, что тебе понравится.

Съешь это! Попробуй это! Ну давай же!

Мне ужасно не хватало наших ежедневных рутинных занятий. Прошли недели, прежде чем мои руки перестали скучать по тактильному контакту с Уиллом: по мягкой рубашке, которую я на нем застегивала, по теплым ладоням, которые я осторожно мыла, по шелковистым волосам, память о которых до сих пор хранили мои пальцы. Я тосковала по его голосу, по резкому, язвительному смеху, по его губам, по его глазам с тяжелыми веками. Мама, так и не сумевшая смириться с моим участием во всей этой истории, заявила, что хотя она и не стала любить меня меньше, но решительно не узнает в этой Луизе ту девочку, которую она растила и воспитывала. Одним словом, после потери не только любимого мужчины, но и семьи для меня все было кончено, а нити, связывавшие меня с прошлым, оборваны. Я словно попала в неизведанную вселенную.

Поэтому я стала играть в новую жизнь. Завязывала случайные,

ни к чему не обязывающие знакомства с другими путешественниками: английскими студентами в академическом отпуске; американцами, повторившими путь своих литературных героев и решившими не возвращаться на Средний Запад; молодыми преуспевающими банкирами; разношерстными туристами, приезжавшими на один день, этот бесконечный калейдоскоп лиц; беглецами, пытавшимися спрятаться от прошлого. Улыбалась, общалась, работала и уговаривала себя, что делаю именно то, что хотел от меня Уилл.

И вот прошла зима, наступила чудесная весна, а затем в одно прекрасное утро я проснулась и поняла, что разлюбила этот город. Или, по крайней мере, так и не смогла почувствовать себя настолько парижанкой, чтобы остаться. Рассказы экспатов начали звучать на редкость однообразно, парижане сделались не слишком дружелюбными, и чуть ли не миллион раз в день я стала замечать, что мне так или иначе напоминают, что я никогда не смогу стать здесь своей. Сам город, при всей его притягательности, теперь походил на гламурное платье от-кутю, которое я в запале купила, но не смогла носить, потому что оно плохо сидело. Я уволилась и отправилась путешествовать по Европе.

Еще никогда за всю свою жизнь я не была в таких растрепанных чувствах в течение двух месяцев подряд. Я постоянно ощущала себя страшно одинокой. Меня бесила вечная неопределенность из-за переездов с места на место, волнения из-за расписания поездов и курса валют, невозможность завести друзей, поскольку я никому не доверяла. Да и вообще, что я могла о себе рассказать? Когда меня начинали расспрашивать, я отделялась общими словами. Ведь тем, что действительно могло представлять интерес или было важно для меня, я категорически не могла ни с кем поделиться. И при отсутствии собеседников даже самые интересные достопримечательности – будь то фонтан Треви или каналы Амстердама – становились для меня просто очередным номером в списке, где можно было поставить галочку. Закончилось мое путешествие на пляже в Греции, напомнившем мне о пляже, где я была с Уиллом. Я неделю просидела на песке, отбиваясь от загорелых молодых людей, которые по странной иронии судьбы все как один носили имя Дмитрий, и уговаривая себя, что это прекрасное времяпрепровождение, но в результате не выдержала и вернулась в Париж. Причем в основном потому, что внезапно поняла, что мне больше некуда ехать.

Две недели я спала на диване у девушки, с которой работала вместе в баре, и все это время безуспешно пыталась составить план действий.

Вспоминая разговор с Уиллом о моем будущем, я разослала письма в несколько колледжей насчет курса по дизайну одежды, но, не имея за плечами никакого опыта в этом деле, везде получила вежливый отказ. В колледже, куда я первоначально была зачислена, мое место отдали кому-то другому, потому что я вовремя не оформила отсрочку. В будущем году я могу снова подать заявление, сказала администраторша, которая, судя по ее тону, ни секунды не сомневалась, что я никогда не сделаю этого.

Я просмотрела веб-сайты имеющихся вакансий и поняла: у меня по-прежнему не хватает квалификации, чтобы претендовать на любую работу, способную хоть как-то меня заинтересовать. И пока я раздумывала, как жить дальше, неожиданно позвонил Майкл Лоулер: пора было что-то делать с деньгами, которые оставил мне Уилл. Для меня это был удобный предлог наконец двинуться дальше. Майкл Лоулер помог мне договориться о цене на безумно дорогую квартиру с двумя спальнями в районе «Квадратной мили»^[4]. Квартиру я купила исключительно из-за винного бара на углу, о котором когда-то упоминал Уилл. Таким образом я могла чувствовать себя ближе к нему. У меня даже осталось немного денег на то, чтобы обставить квартиру. И вот шесть недель спустя я вернулась в Англию, нашла работу в «Шемроке и клевере», переспала с мужчиной по имени Фил, с которым больше не собиралась встречаться, и стала ждать, когда же наконец появится ощущение, что я снова живу.

Прошло девять месяцев, а я по-прежнему продолжаю ждать.

Первую неделю своего пребывания под родительской кровлей я практически не выходила из дому. У меня все болело, я легко утомлялась, а потому самым простым было лежать в кровати, дремать под воздействием сильных болеутоляющих и убеждать себя, что сейчас самое главное – потихоньку восстанавливаться. Как ни странно, но возвращение домой меня даже обрадовало, ведь со времени своего отъезда я впервые получила возможность нормально поспать хотя бы четыре часа подряд, к тому же наш дом был таким маленьким, что в поисках точки опоры я всегда могла дотянуться до стенки. Мама меня кормила, дедушка составлял мне компанию (Трина забрала Томми и вернулась в колледж), а я только и делала, что смотрела дневные телешоу, ставшие для меня на время добрыми друзьями, и с замиранием следила за взлетами и падениями второразрядных знаменитостей, о которых вследствие продолжительного пребывания за границей даже не слышала. Я словно жила в маленьком коконе, куда, надо сказать, потеснив меня, незаконно вселился огромный слон.

Мы не разговаривали ни о чем, что могло бы разрушить установившееся таким образом хрупкое равновесие. Я внимательно следила за тем, какой очередной знаменитостью разродится дневное телевидение, и за ужином говорила: «Ну и как вам эта история с Шейной Уэст?» И родители с благодарностью подхватывали тему и говорили, что она проститутка, или что у нее чудесные волосы, или что она не хуже и не лучше, чем есть на самом деле. Мы обсуждали шоу «Миллион на чердаке» («Интересно, а сколько мог бы стоять викторианский цветочный горшок твоей мамы? Уродливое старье...») и «Идеальные дома нашей страны» («В такой ванной я даже собаку не стала бы мыть»). И я старалась не думать ни о чем, кроме приема пищи и преодоления мелких препятствий типа одевания, чистки зубов и выполнения маминых мелких поручений («Милая, пока меня не будет, разбери, пожалуйста, если можешь, свое грязное белье, чтобы я могла постирать его с нашим цветным»).

Но внешний мир, словно набегающий на берег прибой, настойчиво вторгался в нашу жизнь. Я слышала, как соседи расспрашивали маму, когда та развешивала белье. *Ваша Лу уже дома, да?* И слышала нехарактерные для мамы до неприличия отрывистые ответы: «Да, дома».

Я вдруг заметила за собой привычку обходить стороной комнаты, из окна которых был виден замок. Но я знала, что он там, а обитатели дома рядом – живая связь с Уиллом. Иногда я задавала себе вопрос, что с ними сейчас. Еще в мою бытность в Париже мне передали письмо от миссис Трейнор, в котором та выражала формальную благодарность за помощь ее сыну. «Я прекрасно понимаю, что вы приложили максимум усилий». И на этом все. Семья Уилла перестала быть частью моей жизни, превратившись в призрачное напоминание о времени, о котором мне хотелось забыть.

Но теперь, когда наша улица каждый вечер на несколько часов погружалась в тень замка, присутствие Трейноров становилось для меня немым укором.

Только через две недели своего пребывания в отчем доме я вдруг обнаружила, что родители перестали посещать свой клуб, куда обычно ходили по вторникам.

– Сегодня ведь вторник, да? – спросила я в начале третьей недели, когда семья собралась за обеденным столом. – Разве вам не пора уходить?

Они смущенно переглянулись.

– Да нет. Нам и здесь неплохо, – ответил папа, продолжая жевать свиную отбивную.

– Ой, да я прекрасно справлюсь сама. Честное слово, – заявила я. – Мне уже гораздо лучше. И я с удовольствием посмотрю телевизор. – В глубине души я хотела просто посидеть в одиночестве. Ведь с тех пор, как я вернулась домой, меня больше чем на полчаса не оставляли одну. – Правда-правда. Сходите развлекитесь. Не все же вам со мной сидеть.

– Мы... На самом деле мы больше не ходим в клуб, – не глядя на меня, сказала мама, сосредоточенно разрезавшая картофель на тарелке.

– Люди... Им всем не терпится высказаться. О том, что происходит, – пожал плечами папа. – И в результате мы поняли, что гораздо проще держаться от них подальше.

В разговоре возникла тягостная пауза, затянувшаяся на целых шесть минут.

Были и другие, более конкретные звоночки из прошлого, с которым, как мне казалось, я покончила навсегда. Гость из прошлого был облачен в эластичные штаны для бега с хорошими гигроскопическими свойствами.

Обнаружив, что Патрик уже четвертое утро подряд устраивает пробежки мимо моего дома, я поняла, что это больше, чем простое совпадение. Услышав в первый день его голос, я прохромала к окну и посмотрела на улицу через щелочку жалюзи. И вот, нате вам, он там внизу собственной персоной, растягивает коленные сухожилия и беседует с какой-то блондинкой: ее волосы убраны в хвостик, а сама девица затянута в синюю лайкру, настолько тугую, что я с уверенностью могла сказать, чем она сегодня завтракала. Они выглядели словно два олимпийца, пропустившие соревнования по бобслею.

Я отошла от окна на случай, если Патрик вдруг поднимет голову и заметит меня, но уже через минуту они побежали дальше, бок о бок, по дороге – спины выпрямлены, ноги ритмично двигаются, – совсем как запряженная в повозку пара блестящих бирюзовых пони.

Два дня спустя я как раз одевалась, когда снова услышала их. Патрик разглагольствовал насчет углеводной диеты, и на сей раз блондинка периодически смотрела с подозрением на наш дом, словно удивляясь, с чего это вдруг они второй раз подряд останавливаются в одном и том же месте.

На третий день они появились, когда я сидела с бабушкой в гостиной.

– Нам следует заняться спринтом, – громко произнес Патрик. – Я вот что тебе скажу: добеги до четвертого фонарного столба и обратно, а я засеку время. Интервал – две минуты. Вперед!

Бабушка посмотрел на меня и многозначительно поднял брови.

– Он что, после моего возвращения постоянно так делает?

В ответ дедушка закатил глаза, показав желтоватые белки.

Я бросила взгляд на улицу сквозь тюлевые занавески. Патрик стоял в эффектной позе в нескольких футах от моего окна, не сводя глаз с секундомера. На нем была черная флисовая куртка, застегнутая на молнию, и шорты из лайкры в тон куртки, и я за своей тюлевой занавеской смотрела на него во все глаза, не переставая удивляться, как я могла так долго верить, будто люблю этого человека.

– Не останавливайся! – кричал Патрик, глядя на секундомер. И девица, точно дрессированная собачка, дотронулась до фонарного столба рядом с Патриком и снова рванула с места. – Сорок две и тридцать восемь сотых секунды, – одобрительно произнес Патрик, когда она вернулась, повесив язык на плечо. – Спорим, ты сможешь улучшить результат еще на пять десятых секунды.

– Это он ради тебя старается. – Мама вошла в комнату с двумя кружками в руках.

– А я-то удивляюсь, с чего бы это!

– Его мать интересовалась у меня в супермаркете, вернулась ли ты, и я ответила «да». И не надо на меня так смотреть. Не могла же я врать этой женщине. Та, другая, сделала себе силиконовые сиськи. Весь Стортфолд только об этом и говорит. Такие огромные, что на них вполне уместятся две чашки чая. – Мама еще немного потопталась рядом. – А ты в курсе, что они помолвлены?

Я ждала, что почувствую укол в сердце, но практически ничего не почувствовала, будто комарик куснул.

– Они смотрятся... очень гармонично.

Мама окинула их задумчивым взглядом:

– Лу, он неплохой парень. Просто ты... изменилась. – Она вручила мне кружку и повернулась к двери.

Наконец одним утром, когда Патрик остановился, чтобы проделать отжимания на тротуаре возле нашего дома, я открыла переднюю дверь и вышла на улицу. Я стояла на крыльце, скрестив на груди руки, и ждала, когда он заметит меня.

– На твоём месте я не стала бы тут задерживаться. Соседская собака питает маленькую слабость именно к этому участку тротуара.

– Лу! – воскликнул он, словно меньше всего ожидал увидеть меня на пороге моего собственного дома, куда он приходил по несколько раз в неделю целых семь лет, пока мы встречались. – Ну... Я... немного удивлен видеть тебя снова. Мне казалось, ты уехала завоевывать мир!

Его невеста, которая отжималась рядом с ним, вскинула на меня глаза и снова уставилась в тротуар. Возможно, это плод моего воображения, но мне показалось, будто она изо всех сил сжала ягодичы. Вверх – вниз, вверх – вниз. Она продолжала яростно отжиматься. Вверх – вниз. Я даже начала слегка опасаться за сохранность ее нового бюста.

Патрик перехватил мой взгляд и живо вскочил на ноги.

– Это Кэролайн, моя невеста. – Он не сводил с меня глаз, явно ожидая хоть какой-то реакции. – Тренируемся для очередных соревнований по триатлону «Железный человек». Мы уже приняли участие в двух из них.

– Как... романтично, – заметила я.

– Ну, нам с Кэролайн нравится все делать вместе.

– Я вижу, – кивнула я. – И оба в бирюзовой лайкре!

– О да. Командные цвета.

Возникла короткая пауза.

Я взмахнула сжатой в кулак рукой:

– Ладно, бегите! Продолжайте вашу командную тренировку!

Кэролайн поднялась и начала растягивать мышцы бедра, поочередно сгибая колени и поджимая ноги к ягодичам, точно аист. Она сухо кивнула мне. Минимальная дань вежливости, на которую она смогла решиться.

– А ты похудела, – произнес Патрик.

– Ну да. Бессолевая диета и капельницы с физраствором творят чудеса.

– Я слышал... с тобой произошел несчастный случай.

– Плохие вести быстро распространяются.

– И все же. Я рад, что ты в порядке. – Он шмыгнул носом и посмотрел на дорогу. – Прошлый год был для тебя, должно быть, нелегким. Ну, сама понимаешь. Я о том, что ты сделала, и вообще.

Вот и началось. Я молча стояла, пытаюсь дышать ровно. Кэролайн категорически отказывалась на меня смотреть, продолжая растягивать коленные сухожилия.

– Во всяком случае... прими мои поздравления по поводу свадьбы.

Патрик окинул гордым взглядом свою будущую жену, замерев от восхищения при виде ее мускулистой ноги.

– Люди не зря говорят: ты просто знаешь, что это твое, – виновато улыбнулся Патрик.

И это меня доконало.

– Не сомневаюсь, что так. Наверняка ты уже отложил на свадьбу кругленькую сумму. Ведь свадьбы нынче дорогое удовольствие, да? – (Они дружно вытаращились на меня.) – Я насчет того, что ты продал мою

историю газетчикам. Сколько они тебе отвалили, Пат? Пару тысяч? Трине так и не удалось узнать точную цифру. Что ж, смерть Уилла поможет вам одеть в лайкру парочку спиногрызов!

Судя по взгляду, который Кэролайн бросила на своего суженого, Патрик явно не рискнул поделиться с ней этой деталью своей биографии. Он уставился на меня, на лице его вдруг заалели два пятна.

– Я тут совершенно ни при чем.

– Конечно нет. Ну ладно. Была рада повидаться, Пат. Кэролайн, желаю счастья в семейной жизни! Не сомневаюсь, ты будешь... самой накачанной невестой в округе.

Я повернулась и медленно вошла в дом. Прислонилась к двери и осталась стоять, пытаясь унять сердцебиение, до тех пор, пока они наконец не продолжили пробежку.

– Говнюк, – сказал дедушка, когда я проковыляла обратно в гостиную, и, бросив пренебрежительный взгляд в сторону окна, повторил: – Говнюк. – И хихикнул.

Я уставилась на дедушку. А затем неожиданно для себя начала хохотать, впервые за очень долгое время.

– Ну так как, ты решила, что собираешься делать? Когда поправишься.

Я лежала на кровати. Трина звонила из колледжа. Она ждала окончания занятий Томаса в футбольном клубе, и у нее как раз образовалась свободная минутка. Я уставилась в потолок, куда Томас наклеил целое созвездие светящихся стикеров, которые теперь можно было снять только с добрым куском обшивки.

– Еще нет.

– Но ты должна хоть что-то делать. Не будешь же ты целую вечность сидеть на попе ровно.

– Я вовсе не сижу на попе ровно. А кроме того, у меня еще болит бедро. Физиотерапевт советует побольше лежать.

– Мама с папой гадают, чем ты думаешь заняться. Ведь в Стортфолде нет работы.

– Я не хуже тебя это знаю.

– Но ты плывешь по течению. Тебя абсолютно ничего не интересует.

– Трин, я только что упала с пятого этажа. И теперь восстанавливаюсь.

– А до этого ты унеслась путешествовать. Потом работала в баре, так как не поняла, что хочешь делать. Тебе давно пора навести порядок в голове. В колледж ты возвращаться не собираешься, значит самое время решать, как жить дальше. В любом случае, если ты считаешь, что

в Стортфолде, необходимо сдать квартиру в Лондоне. Ты же не можешь до бесконечности сидеть на родительской шее.

– И это мне говорит женщина, которая последние восемь лет существовала за счет банка Папы и Мамы.

– У меня очное обучение. А это большая разница. Так или иначе, пока ты валялась в больнице, я проверила выписки с твоего банковского счета. И после того как я заплатила по счетам, по моим прикидкам, у тебя еще остается полторы тысячи фунтов, включая положенные выплаты по больничному листу. Кстати, какого черта ты столько треплешься по телефону с Америкой? Эти звонки обошлись тебе в целое состояние.

– Это тебя не касается.

– Ладно, я составила список агентов по недвижимости, занимающихся арендой. А затем, думаю, стоит снова попытаться подать заявление в колледж. Возможно, кто-то уже бросил учебу на курсе, который ты выбрала.

– Трин, ты меня утомляешь.

– Нет смысла болтаться без дела. Как только у тебя появится цель, ты сразу почувствуешь себя человеком.

Конечно, все это ужасно раздражало, но, с другой стороны, ворчание Трины действовало успокаивающе. Ведь она была единственной, кто осмеливался меня воспитывать. Родители, похоже, были убеждены, что у меня внутри образовалась червоточина, а потому обращаться со мной следует с особой деликатностью. Мама аккуратно складывала мое выстиранное белье в изножье кровати, готовила мне еду три раза в день, а когда я ловила на себе ее взгляд, отвечала мне смущенной полуулыбкой, которая яснее всяких слов говорила о том, что мы не решались друг другу сказать. Папа возил меня на сеансы физиотерапии, сидел рядом со мной на диване перед телевизором и даже не пытался надо мной подшучивать. И только Трина была в своем обычном репертуаре.

– Ты ведь знаешь, что я сейчас скажу.

– Да. Но лучше не надо.

– И ты знаешь, что он бы тебе сказал. Ты заключила соглашение. И не имеешь права его нарушить.

– Ну ладно. Проехали, Трин. Давай закончим этот разговор.

– Отлично. Томас уже выходит из раздевалки. Увидимся в пятницу! – сказала она так, словно мы мило поболтали о пустяках: например, о музыке, или о предполагаемом путешествии на каникулах, или о мыльной опере.

В результате я так и осталась лежать, тупо таращась в потолок.

Ты заключила соглашение.

Ага. И посмотри, что из этого получилось.

Хотя Трина и высказывала мне претензии, я все же достигла определенного прогресса за те несколько недель, что прошли после моего возвращения домой. Я перестала пользоваться тростью, с которой чувствовала себя чуть ли не девяностолетней старухой и которую умудрялась забывать практически везде, где бывала. Каждое утро я по маминой просьбе выводила дедушку погулять в парк. Доктор велел дедушке совершать ежедневный моцион, но мама, которой вздумалось однажды за ним проследить, обнаружила, что он, очевидно решив не утруждать себя долгими прогулками, дошел до углового магазина, чтобы купить увесистый пакет свиных шкварок и съесть их на обратном пути.

Мы шли медленно, дружно прихрамывая, и ни у кого из нас не было определенной цели.

Мама продолжала уговаривать нас обследовать окрестности замка, «чтобы сменить декорации», но я пропускала ее слова мимо ушей, и, когда каждое утро за нами закрывалась калитка, дедушка неизменно уверенно кивал в сторону парка. И не только потому, что это был самый короткий путь или парк был ближе к букмекерской конторе. Думаю, дедушка просто знал, что мне не хочется туда возвращаться. Я была еще не готова. Я вообще сомневалась, что когда-нибудь буду готова.

Мы два раза медленно обошли вокруг утинового пруда, затем сели на скамью в жидких лучах весеннего солнца и стали смотреть, как карапузы и их родители кормят жирных уток, а подростки курят, орут и дерутся; наивные детские ухаживания. Потом мы неспешно прогулялись до букмекерской конторы, чтобы дедушка мог сделать двойную ставку в три фунта на лошадь по имени Плutowка, а после того как дедушка, скомкав, выбросил квитанцию в мусорную корзину, я сказала, что куплю ему в супермаркете пончик с джемом.

– Ой, жир! – воскликнул дедушка перед прилавком с кондитерскими изделиями, а я удивленно нахмурилась. Тогда он показал на пончики и со смехом повторил: – Ой, жир.

– А... все понятно. Мы так и скажем маме. Пончики с низким содержанием жира.

Мама объяснила, что от нового лекарства дедушка становится смешливым. Но я подумала: это еще не самое страшное, что бывает в жизни.

И пока мы стояли в очереди в кассу, дедушка все еще продолжал

хихикать над своей шуткой. А я, опустив голову, рылась в карманах в поисках мелочи и размышляла, стоит ли помочь на выходных папе в саду. Поэтому я не сразу услышала шепотки за спиной.

– Это бремя вины. Говорят, она пыталась броситься с крыши многоэтажки.

– Ну, вы бы тоже так сделали, разве нет? Я точно знаю, что не могла бы жить в ладу с собой.

– И у нее еще хватает наглости показываться на люди.

Я застыла, судорожно сжав руки в карманах.

– Только подумайте, бедняжка Джози Кларк до сих пор мучается угрызениями совести. Она буквально каждую неделю исповедуется, а ведь душа этой женщины чиста, как свежeweыстиранное белье.

Дедушка показывал на пончики и артикулировал, обращаясь к кассирше:

– Ой, жир.

Она подняла глаза и вежливо улыбнулась:

– Восемьдесят шесть пенсов, пожалуйста.

– Трейноры тоже страшно изменились.

– Да, ты не находишь, что это их совершенно подкосило?

– Восемьдесят шесть пенсов, пожалуйста.

Я не сразу поняла, что кассирша выжидающе смотрит на меня. Я вытащила из кармана пригоршню мелочи и дрожащими руками попыталась ее рассортировать.

– А тебе не кажется, что Джози рискует, доверяя ей заботу о дедушке?

– Ты же не думаешь, что она...

– Кто знает. Коли она уже один раз на такое пошла...

У меня горело лицо, стучало в висках. Деньги посыпались на прилавок. Дедушка продолжал твердить озадаченной кассирше: «ОЙ, ЖИР. ОЙ, ЖИР», ожидая, когда та поймет его шутку. Я потянула его за рукав:

– Да ладно тебе, дедушка. Нам надо идти.

– Ой, жир, – с упорством пьяного повторил дедушка.

– Верно, – добродушно улыбнулась кассирша.

– Дедушка, ну пожалуйста! – Меня бросило в жар, закружилась голова. Казалось, я вот-вот упаду в обморок.

Должно быть, они продолжали судачить за моей спиной, но у меня так звенело в ушах, что я уже ничего не слышала.

– Пока, пока, – сказал дедушка.

– До свидания, – ответила кассирша.

– Славно, – кивнул дедушка, когда мы вышли на улицу, и, посмотрев на меня, спросил: – А почему ты плачешь?

Когда ты хоть как-то причастен к ужасному, роковому событию, то все получается не совсем так, как ты думаешь. Ты считаешь, что главное для тебя – преодолеть психологические последствия ужасного, рокового события. Это и яркие воспоминания, и бессонные ночи, и бесконечное прокручивание пленки назад с неизменными вопросами: а правильно ли ты поступил, все ли сказал, что следовало сказать, мог ли ты поступить хоть как-то иначе?

Мама не зря говорила, что мое присутствие *там* возле Уилла в конце концов перевернет всю мою жизнь, и мне казалось, она имеет в виду чисто моральные аспекты. Мне казалось, она имеет в виду чувство вины, которое придется перебороть, скорбь, бессонные ночи, странные приступы беспричинного гнева, бесконечные мысленные диалоги с тем, кого уже нет с нами. Но теперь я поняла, что это не только мое личное дело: в наш электронный век я навсегда останусь той самой особой. И даже если я сумею стереть воспоминания, то буду до конца жизни замарана историей со смертью Уилла. Наши имена будут неразрывно связаны до тех пор, пока существуют мониторы и пиксели. Люди станут судить обо мне на основании чисто поверхностной информации, а иногда и при полном отсутствии таковой, и тут уж ничего не попишешь.

Я коротко подстриглась. Изменила манеру одеваться, убрав наиболее приметные вещи в мешки и засунув их в дальний угол шкафа, и взяла на вооружение фирменный стиль моей сестрицы: джинсы и безликий верх. Теперь, когда я читала статьи в газетах о банковском служащем, укравшем целое состояние, женщине, убившей своего ребенка, исчезнувших братьях и сестрах, я больше не содрогалась от ужаса, как в прежние времена, и не переворачивала брезгливо страницу, а думала об истории, которая не попала на черно-белую страницу.

Нет, я чувствовала странное родство с героями этих репортажей. На мне лежало позорное пятно. И все кругом это знали. И что самое неприятное, теперь я тоже это знала.

Я отправилась в библиотеку. Убрала волосы под вязаную шапочку, надела солнцезащитные очки и постаралась не слишком заметно хромать, хотя от напряжения у меня сводило челюсти.

Я прошла мимо карапузов из хорового кружка в детском уголке, молчаливых любителей генеалогии, пытающихся доказать, что, да,

их связывают некие родственные узы с королем Ричардом III, и устроилась в уголке с подшивкой местных газет. Найти газеты за август 2009-го оказалось проще простого. Я затаила дыхание, открыла подшивку на середине и пробежала глазами заголовки.

Уроженец нашего города кончает с собой в швейцарской клинике

Семья Трейнор просит не беспокоить их в «трудное для них время».

Тридцатипятилетний сын Стивена Трейнора, зрителя замка Стортфолд, покончил с собой в «Дигнитас», сомнительной швейцарской клинике эвтаназии. Мистер Трейнор стал квадриплегиом после дорожно-транспортного происшествия в 2007 году. Он прибыл в клинику в сопровождении семьи и сиделки, двадцатисемилетней Луизы Кларк, также уроженки Стортфолда.

Полиция расследует обстоятельства дела. Из достоверных источников стало известно, что полиция не нашла оснований для судебного разбирательства.

Родители Луизы Кларк, Бернард и Джозефина Кларк, проживающие на Ренфру-роуд, от комментариев отказались.

Камилла Трейнор, мировой судья, насколько известно, после самоубийства сына сложила с себя полномочия. Согласно местному источнику, ее поведение оказалось «несовместимым» со статусом мирового судьи.

А вот наконец лицо Уилла, смотрящее на меня с зернистой фотографии в газете. Слегка сардоническая улыбка, прямой взгляд. У меня на секунду перехватило дыхание.

Смерть мистера Трейнора поставила точку в его успешной карьере в Сити, где его знали как акулу бизнеса, а также как человека, обладавшего редким чутьем на выгодные корпоративные сделки. Вчера коллеги мистера Трейнора собрались почтить память человека, которого они описывают как...

Я закрыла газету. И, только убедившись, что могу контролировать выражение лица, я подняла глаза. Библиотека жила своей обычной спокойной жизнью. Карапузы продолжали петь, их тонкие голоса нестройно выводили замысловатую мелодию, а сгрудившиеся вокруг мамы восторженно хлопали в ладоши. Библиотекарша за моей спиной вполголоса обсуждала с коллегой способы приготовления тайского карри. Мужчина рядом со мной водил пальцем по строкам старинного списка избирателей, монотонно бубня: Фишер, Фицгиббон, Фицуильям.

Я ничего толком не сделала. Прошло больше восемнадцати месяцев, а я ничего толком не сделала. Продавала напитки в барах двух стран и упивалась жалостью к себе. А теперь после четырех недель пребывания в доме, в котором выросла, вдруг почувствовала, как Стортфолд начинает меня засасывать, словно желая убедить, что я могу быть здесь счастлива. Все будет хорошо. Я буду в безопасности. Конечно, никаких особых приключений мне больше не светит и придется потерпеть, пока люди снова не привыкнут к моему присутствию. Но ведь в жизни случаются вещи и похуже, чем жить вместе со своей семьей, в любви и спокойствии. В безопасности.

Я посмотрела на лежавшие передо мной подшивки. И прочла заголовок на первой полосе свежей газеты.

**ПОБЕДА В ГОНКЕ ЗА МЕСТО НА СТОЯНКЕ
ДЛЯ ИНВАЛИДОВ ПЕРЕД ПОЧТОВЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ**

И я вспомнила о папе, который, сидя у моей больничной койки, тщетно искал сообщения о чрезвычайном происшествии.

Я с треском провалилась, Уилл. Я подвела тебя по всем статьям.

Уже на подходе к дому я услышала истошные крики. И не успела я открыть дверь, как у меня заложило уши от завываний Томаса. Сестра громко отчитывала сына в углу гостиной, строго грозя ему пальцем. Мама склонилась над дедушкой, в руках у нее был тазик с водой и абразивная губка, а дедушка тем временем вежливо, но настойчиво отталкивал ее руку.

– Что здесь происходит?

Мама отошла в сторону, и я смогла хорошенько разглядеть дедушкино лицо, украшенное новыми угольно-черными бровями и несколько неровными густыми черными усами.

– Перманентный маркер, – объяснила мама. – Начиная с этой минуты

чтоб больше не смели оставлять спящего дедушку в одной комнате с Томасом!

– Ты должен прекратить разрисовывать все подряд! – вопила Трина. – Рисовать только на бумаге, понятно? Не на стенах. Не на лицах. Не на собаке миссис Рейнолдс. Не на моих штанах.

– Я написал тебе дни недели!

– Я не нуждаюсь в штанах с днями недели! – взвизгнула Трина. – А если и так, научись для начала правильно писать слово «вторник»!

– Трин, не ругай его, – попросила мама и снова склонилась над дедушкой. – Могло быть и хуже.

В нашем маленьком домике папины шаги вниз по лестнице звучали как мощные раскаты грома. Папа на полном ходу влетел в гостиную, плечи у него уныло поникли, волосы со сна стояли дыбом.

– Неужели нельзя дать человеку поспать в выходной день?! Это какой-то чертов дурдом!

Мы замерли, дружно уставившись на папу.

– Что? Что я такого сказал?

– Бернард...

– Вам не понравилось слово «дурдом»? Ой, да брось! Наша Лу ведь не думает, будто я имел в виду...

– Боже правый! – схватила за голову мама.

Сестра принялась поспешно выпихивать Томаса из гостиной.

– Вот черт! – громко прошептала она. – Томас, уйди от греха подальше. Потому что, клянусь, когда твой дедуля до тебя доберется...

– Что? – нахмурился папа. – Что случилось?

Дедушка зашелся лающим смехом. И поднял вверх трясущийся палец.

Зрелище было не для слабонервных. Томас раскрасил папино лицо синим маркером. Папины глаза выглядели, словно ягоды крыжовника, из зеленовато-синего моря.

– Что?

Томас выскочил в коридор, откуда послышался его протестующий вопль:

– Мы смотрели «Аватар»! Он сказал, что не прочь стать аватаром!

У папы округлились глаза. Он подскочил к зеркалу на каминной полке. В комнате стало тихо.

– Господи боже мой!

– Бернард, не смей поминать имя Господа всуе!

– Джози, он покрасил меня в синий цвет, черт возьми! В таком виде я могу разве что поминать имя Господа на чертовом аттракционе

в Батлинсе^[5]. Это перманентный маркер? ТОММИ! ЭТО ПЕРМАНЕНТНЫЙ МАРКЕР?!

– Пап, мы это смоем. – Трина закрыла за собой дверь в сад, откуда доносились жалобные завывания Томаса.

– Завтра я должен следить за установкой новой ограды в замке. Приедут подрядчики. Как, черт возьми, мне вести переговоры с подрядчиками, если я весь синий?! – Папа поплевал на ладонь и принялся тереть лицо. Краска только размазалась, теперь и по ладони. – Она не смывается. Джози, она не смывается!

Мама, переключившись с дедушки на папу, устроилась возле него с абразивной губкой в руках.

– Стой спокойно, Бернард! Я делаю все, что могу.

Трина отправилась за сумкой с ноутбуком:

– Пошарю в Интернете. Наверняка что-нибудь найдется. Зубная паста, или жидкость для снятия лака, или отбеливатель...

– Только через мой труп! Я не позволю мыть отбеливателем свое чертово лицо! – взревел папа.

Дедушка, с его новыми пиратскими усами, хихикал в углу комнаты. Я начала пробираться бочком мимо них.

Мама держала папу за подбородок левой рукой, а правой отчаянно оттирала краску. Мама повернулась ко мне, словно только что обнаружила мое присутствие:

– Лу! Я не успела спросить. Ты в порядке, дорогая? Хорошо прогулялась?

И все остановились, как на стоп-кадре, чтобы улыбнуться мне. Их улыбка словно говорила: «Все в порядке, Лу. Тебе не из-за чего волноваться». И я поняла, что ненавижу эту улыбку.

– Отлично!

Именно такого ответа они и ждали. Мама повернулась к папе:

– Великолепно. Бернард, разве это не великолепно?

– Да. Замечательные новости.

– Если разберешь свое белое белье, дорогая, я потом закину его в стирку вместе с папиным.

– На самом деле, – ответила я, – можешь не трудиться. Я тут подумала. Пожалуй, мне пора возвращаться домой.

Никто не произнес ни слова. Мама посмотрела на папу, у папы напряглась спина. Дедушка в очередной раз слабо хихикнул и прижал руку к губам.

– Что ж, вполне разумно, – произнес папа с достоинством, несколько

неожиданным для пожилого мужчины с лицом черничного цвета. – Но если хочешь вернуться в ту квартиру, ты должна выполнить одно наше условие.

Глава 4

– Меня зовут Наташа. Мой муж умер от рака три года назад.

Дождливым вечером понедельника члены психологической группы поддержки тех, кто хочет двигаться дальше, сидели кружком на оранжевых офисных стульях в зале собраний церкви Пятидесятницы. Рядом с нашим руководителем Марком, высоким усатым мужчиной, буквально всеми порами источавшим черную меланхолию, стоял пустой стул.

– Я Фред. Моя жена Джилли умерла в сентябре. Ей было семьдесят четыре.

– Сунил. Мой брат-близнец умер от лейкемии два года назад.

– Уильям. Умер отец. Шесть месяцев назад. Честно говоря, все это несколько нелепо, так как, когда он был жив, мы с ним не слишком ладили. И я не перестаю спрашивать себя, зачем я здесь.

Я заметила, что в воздухе стоял специфический запах скорби. Запах сырости, плохо проветриваемых церковных залов и чайных пакетиков низкого качества. Пахло обедом на одного человека и окурками сигарет, выкуренных в одиночестве на городских балконах или на холодном ветру. Пахло лаком для волос и дезодорантом для подмышек; маленькие повседневные подвиги в борьбе с трясинной отчаяния. И уже один этот запах говорил мне, что я здесь лишняя, что бы я там ни обещала папе.

Я чувствовала себя самозванкой. Да и вообще, они все выглядели такими... *грустными*.

Я беспокойно поерзала на стуле, и Марк меня засек. Он кивнул и наградил меня ободряющей улыбкой. Мы знаем, словно хотел сказать он. Мы это уже проходили. Спорим, что нет, молча ответила я.

– Простите. Простите, я опоздал.

Дверь открылась, впуслав поток теплого воздуха, и свободный стул занял неуклюжий подросток, явно не знавший, куда девать свои длинные конечности.

– Джейк. Тебя не было на прошлой неделе. Все в порядке?

– Простите. Папа закрутился на работе и не смог меня подвезти.

– Не волнуйся. Хорошо, что ты пришел. Ты знаешь, где напитки.

Мальчик оглядел комнату из-под длинной челки и на секунду замялся, когда его взгляд остановился на моей блестящей юбке. Я поспешно поставила на колени сумку – прикрыть юбку, и он отвернулся.

– Привет, мои дорогие. Я Дафна. Мой муж покончил жизнь

самоубийством. Но не думаю, что это из-за того, что я вечно его пилила! – В отрывистом хохоте женщины явно сквозила боль. Она пригладила волосы и смущенно потупилась. – Мы были счастливы. Действительно были.

Мальчик сидел, засунув под себя руки.

– Джейк. Мама. Два года назад. Я ходил сюда весь прошлый год, потому что папа отказывается обсуждать мамину смерть, а мне надо хоть с кем-нибудь поговорить.

– Джейк, и как поживает твой папа? – спросил Марк.

– Неплохо. Я хочу сказать, что в прошлую пятницу он привел ночью женщину, а потом вроде бы сидел на диване, но не плакал. И это уже кое-что.

– Папа Джейка борется с горем по-своему, – заметил Марк, обращаясь ко мне.

– Трахается, – пояснил Джейк. – Тупо трахается. Как сексуальный маньяк.

– Эх, хотел бы я быть молодым! – мечтательно протянул Фред. Он был в рубашке с галстуком. Фред был явно из тех мужчин, которые без галстука чувствуют себя раздетыми. – Думаю, это был бы чудесный способ пережить смерть Джилли.

– Двоюродная сестра подклеила мужика на похоронах моей тети, – сообщила сидевшая в углу женщина. Кажется, ее звали Линн. Точно не помню.

Она была маленькой, кругленькой, с густой челкой темно-каштановых, явно крашенных волос.

– Неужто прямо на похоронах?

– Она сказала, они отправились в мотель сразу после поминок. – Линн пожала плечами. – Очевидно, это был эмоциональный всплеск.

Я попала в неподходящее место. Теперь я это ясно видела. И начала лихорадочно собирать вещи, попутно гадая, как лучше поступить: объявить о своем уходе или просто по-тихому свалить.

Но тут Марк повернулся ко мне и выжидающе улыбнулся.

Я ответила ему пустым взглядом.

Он поднял брови.

– Ой! Я? На самом деле... я собиралась уходить. Думаю, я... Словом, я хочу сказать, что не уверена, что...

– Ну, в первый день все хотят уйти, моя дорогая.

– Я тоже хотел уйти. Даже во второй и в третий раз.

– Это все печенье. Я постоянно твержу Марку, что надо покупать

печенье получше.

– Просто изложи нам все в общих чертах. Расслабься. Ты среди друзей.

Они смотрели на меня, ждали. И я поняла, что не могу сбежать.

– Хм... Ладно. Ну, меня зовут Луиза, и человек, которого я... любила... умер в тридцать пять лет.

Кое-кто из сидевших в зале участливо кивнул.

– Слишком молодой. Луиза, когда это случилось?

– Двадцать месяцев назад. И неделя. И два дня.

– Три года, две недели и два дня, – улыбнулась мне Наташа.

Я слышала сочувственные шепотки. Сидевшая рядом Дафна погладила меня по ноге пухлой рукой в кольцах.

– Мы здесь уже неоднократно обсуждали, что, когда близкий человек умирает молодым, это особенно трудно пережить, – заметил Марк. – Как долго вы были вместе?

– Э-э-э... Мы... ну... чуть меньше шести месяцев.

Я поймала на себе удивленные взгляды.

– Хм... довольно непродолжительное знакомство.

– Уверен, боль Луизы от этого ничуть не меньше, – примирительно произнес Марк. – Луиза, а как он ушел?

– Куда ушел?

– В общем, умер, – подсказал Фред.

– Ой! Он... э-э-э... покончил жизнь самоубийством.

– Ты, наверное, испытала настоящий шок.

– Не совсем. Я знала, что он это планирует.

Есть особый тип тишины. Такая тишина повисает в комнате, когда вы говорите людям, считающим, будто они знают абсолютно все о смерти любимого человека, что это далеко не так.

Я перевела дыхание.

– Он задумал свести счеты с жизнью еще до нашего знакомства. Я попыталась его переубедить и не смогла. Поэтому я поехала с ним, ведь я любила его, и тогда это вроде бы имело смысл. Но сейчас мне так не кажется. Вот почему я здесь.

– Смерть всегда бессмысленна, – заявила Дафна.

– Если только ты не буддист, – сказала Наташа. – Я пытаюсь принять мировоззрение буддистов, но мне становится страшно, что Олаф вернется ко мне в виде мыши и я могу случайно его отравить. – Она передернула плечами. – Ведь приходится везде сыпать отраву. В нашем доме полным-полно мышей.

– И не надейся от них избавиться. Они совсем как блохи, – заметил Сунил. – На одну в поле зрения приходится сотня где-то притаившихся.

– Наташа, милочка, ты все же думай, что делаешь, – сказала Дафна. – А вдруг вокруг бегают сотни маленьких Олафов. И мой Алан тоже может оказаться среди них. Ты могла отравить их обоих.

– Ну, – встрял в разговор Фред, – если уж верить буддистам, то он вполне мог вернуться в виде кого-то еще. Разве нет?

– А что, если это муха или вроде того и Наташа ее тоже убила?

– Не хотел бы я вернуться в виде мухи, – поморщился Уильям. – Отвратительные черные волосатые создания.

– Я же не серийный убийца, – обиделась Наташа. – Тебя послушать, так я только тем и занимаюсь, что уничтожаю реинкарнированных мужей.

– Ну, та мышка действительно могла быть чьим-то мужем. Даже если она и не Олаф.

– По-моему, нам стоит попытаться вернуть разговор в более конструктивное русло, – устало потирая виски, произнес Марк. – Луиза, ты молодец, что решилась прийти сюда и поведать свою историю. Почему бы тебе не рассказать нам чуть-чуть побольше о том, как ты и... кто это был? – словом, как вы встретились? Ты здесь в круге доверия. Не волнуйся. Мы дали обязательство, что наши истории не выйдут за пределы этих стен.

И тут я случайно перехватила взгляд Джейка. Он посмотрел на Дафну, затем на меня и едва заметно покачал головой.

– Мы познакомились на работе, – сказала я. – Его звали... Билл.

Несмотря на данное папе обещание, я решила больше не ходить на собрания психологической группы поддержки тех, кто хочет двигаться дальше. Но мое возвращение на работу было ужасным, и к концу дня я поняла, что сейчас меньше всего хочу оказаться в своей пустой квартире.

– Ты вернулась!

Карли поставила на барную стойку чашку кофе, взяла у посетителя, судя по виду какого-то бизнесмена, деньги и обняла меня, продолжая при этом одним стремительным движением кидать монеты в соответствующие отделения ящика кассы.

– Что, черт возьми, произошло? Тим сказал нам, будто с тобой стряслось несчастье. А потом он уволился, и я не знала, вернешься ли ты.

– Долго рассказывать, – ответила я и изумленно уставилась на нее. – Хм... А что это на тебе такое надето?

Понедельник, девять утра. Аэропорт – сплошное сине-серое

расплывчатое пятно из пассажиров-мужчин, заряжающих ноутбуки, глядящих на экран айфонов, читающих газеты или обсуждающих по телефону биржевые индексы.

– Да уж. Ну, за время твоего отсутствия кое-что изменилось.

Подняв голову, я обнаружила, что бизнесмен уже оказался по другую сторону барной стойки. Я удивленно покосилась на него и поставила сумку.

– Э-э-э... если вас не затруднит подождать меня в зале, я вас обслужу...

– Вы, должно быть, Луиза. – Он протянул мне руку. Его рукопожатие было небрежным и довольно холодным. – Я новый управляющий этого бара. Ричард Персиваль.

Я посмотрела на его прилизанные волосы, костюм, голубую рубашку. Интересно, и что это за бары такие, которыми он раньше управлял?

– Приятно познакомиться.

– Значит, вы та самая, что целых два месяца отсутствовала.

– Ну да. Я...

Он прошелся вдоль выставленных в ряд стаканов, обвел критическим взглядом буквально каждую бутылку.

– Хочу поставить вас в известность, что я отнюдь не фанат работников, бесконечно сидящих на больничном. – (Я вдруг почувствовала, что воротничок врежется в шею.) – Луиза, я просто... объясняю вам свою позицию. Я не из тех управляющих, кто будет закрывать глаза на нарушения. Да, во многих компаниях в качестве поощрения персоналу даются отгулы. Но только не в тех компаниях, где работаю я.

– Уж можете мне поверить, я вовсе не считала последние девять недель отгулами в качестве поощрения.

Он обследовал нижнюю поверхность крана и задумчиво вытер ее большим пальцем. Мне пришлось собраться с духом, прежде чем начать говорить.

– Я упала с верхнего этажа. Если хотите, могу показать шрамы после операций. Чтобы вы, упаси господи, не подумали, что я захочу это повторить.

Он окинул меня изумленным взглядом:

– Ваш сарказм совершенно неуместен. Я отнюдь не утверждаю, что с вами может произойти очередной несчастный случай, но, если учесть, что вы проработали в нашей компании всего ничего, ваш отпуск по болезни кажется мне недопустимо длинным. Это все, что я хотел вам сказать. Чтобы вы взяли себе на заметку.

У него были запонки с гоночными машинами. Секунду-другую я их

тупо разглядывала.

– Мистер Персиваль, ваше сообщение принято. В дальнейшем постараюсь избегать несчастных случаев с почти летальным исходом.

– И вам понадобится униформа. Если подождете пять минут, я принесу вам ее со склада. Какой у вас размер? Двенадцатый? Четырнадцатый?

– Десятый, – ответила я.

Он удивленно поднял брови. Я последовала его примеру. Когда он исчез в своем кабинете, Карли, стоявшая у кофемашины, послала ему вслед сладкую улыбку.

– Вот хреноплет, – процедила она.

И Карли не ошиблась. Начиная с самого первого момента, как я заступила на работу, Ричард Персиваль, выражаясь словами папы, прилип ко мне точно банный лист. Он снимал с меня мерки, исследовал каждый уголок в баре на предмет микроскопических крошек от арахиса, скрупулезно проверял выполнение гигиенических требований, собственноручно подсчитывал выручку и отпускал нас домой только тогда, когда сумма всех пробитых чеков до последнего пенни сходилась с наличностью в кассе.

У меня больше не оставалось времени болтать с посетителями, проверять на мониторе время отправления, отдавать забытые паспорта, смотреть из огромного застекленного окна на взлетающие самолеты. Теперь я даже не успевала почувствовать раздражение при звуках «Кельтских свирелей Изумрудного острова», выпуск третий. Если посетителя не удавалось обслужить в течение десяти секунд, Ричард, как по мановению волшебной палочки, появлялся из кабинета, демонстративно вздыхая, а затем громко извинялся за то, что гостя заставили так долго ждать. Мы с Карли, обычно занятые в это время обслуживанием других клиентов, незаметно обменивались сердитыми и презрительными взглядами.

Первую половину дня он тратил на встречи с поставщиками, вторую – на телефонные разговоры с головным офисом, неся жуткую околесицу о посещаемости и затратах на одного клиента. Он заставлял нас втюхивать чуть ли не каждому посетителю более дорогие напитки и отчитывал, если мы этого не делали. Одним словом, радости было мало.

Но ко всем прочим неприятностям у нас еще появилась униформа.

Карли вошла в дамскую комнату, когда я уже заканчивала переодеваться, и встала рядом со мной перед зеркалом.

– Мы похожи на пару идиотов, – сказала она.

Какой-то маркетинговый гений, занимавший высшую ступень корпоративной лестницы, оказался недоволен черными юбками и белыми блузками, решив в результате, что национальные ирландские костюмы пойдут на пользу сети баров «Шемрок и клевер». Эти национальные ирландские костюмы определенно были придуманы тем, кто искренне верил, будто дублинские деловые женщины и кассирши из супермаркетов обычно ходят на работу в изумрудно-зеленых вышитых жилетах, гольфах и танцевальных туфлях со шнуровкой. Ну и в придачу в париках с локонами.

– Господи, если бы мой парень увидел меня в таком виде, он бы точно меня бросил! – Карли закурила сигарету и забралась на раковину, чтобы нейтрализовать установленную на потолке пожарную сигнализацию. – Представляешь, поначалу он чуть было не попытался меня поиметь. Извращенец.

– Интересно, а что тогда должны надевать мужчины? – Я одернула короткую юбку и опасно покосилась на зажигалку Карли, прикидывая, легко ли воспламенится новая одежда.

– Сама посуди. Из мужчин тут только один Ричард. И ему приходится носить эту жуткую рубашку с зеленым логотипом. Бедняга!

– И это все?! Что, никаких эльфийских остроносых туфель? Никаких шляп с высокой тульей, как у лепрекона?

– Надо же, как удивительно! Выходит, только мы, девочки, должны выглядеть на работе точно порнографические лилипутки.

– В этом парике я похожа на Долли Партон^[6] в молодости.

– Попробуй рыжий. Нам еще крупно повезло, что есть три цвета на выбор.

И тут мы услышали, что нас зовет Ричард. При звуках его голоса у меня рефлекторно скрутило живот.

– Так или иначе, я здесь точно не останусь. Я ему тут устрою «Риверданс». Прямиком на выход – и сразу на другую работу, – заявила Карли. – Пусть засунет чертов трилистник^[7] в свою тощую корпоративную задницу. – И, исполнив нечто такое, что я назвала бы ядовитой пародией на прыжок и подскок, Карли гордо покинула дамскую комнату.

Остаток дня я вздрагивала от постоянных разрядов статического электричества.

Собрание группы психологической поддержки закончилось в половине десятого. Я вышла на улицу и, вконец обессилив после трудного дня,

вдохнула полной грудью влажный летний воздух. Потом стащила жакет – слишком жарко, – неожиданно поняв, что оголяться на глазах у незнакомых людей ничуть не позорнее, чем разгуливать в псевдоирландском танцевальном наряде.

Я не смогла говорить об Уилле, хотя другие говорили о своих утратах так, словно любимые люди по-прежнему были неотъемлемой частью их жизни и находились где-то совсем рядом.

– О да, моя Джилли постоянно так делала.

– Не могу заставить себя стереть голосовое сообщение брата. Я должен время от времени слышать его голос, чтобы не забыть, как он звучит.

– Иногда я слышу, как он ходит в соседней комнате.

А я даже не решалась произнести вслух имя Уилла. Их рассказы о семейных отношениях, о тридцати годах брака, об общих домах, детях и так далее заставляли меня чувствовать себя мошенницей. Ведь я ухаживала за ним всего шесть месяцев. Я любила его и проводила в последний путь. Но разве эти, в сущности, посторонние люди способны понять стремительную динамику наших отношений за каких-то шесть месяцев? Как объяснить им, почему мы без слов понимали друг друга? Почему у нас были свои шутки, свои секреты и своя, быть может, суровая правда? И как сильно эти короткие шесть месяцев изменили мое мироощущение? Ну и наконец, как ему удалось настолько заполнить мой мир, что без него он совсем опустел?

Да и вообще, какой смысл холить и лелеять свою скорбь? Словно постоянно расковыривать рану, не давая ей нормально заживать. Я знала, на что подписывалась. Я знала, какова была моя роль. Но какой смысл пережевывать это снова и снова.

Нет, хорошего понемножку. Ноги моей больше тут не будет. В чем я уже практически не сомневалась. А папе я найду что сказать.

Я медленно шла по парковке, шарила в сумочке в поисках ключей от машины и уговаривала себя, что по крайней мере сегодняшний вечер я не буду куковать в одиночестве перед телевизором, с ужасом думая о том, что уже через двенадцать часов хочешь не хочешь, а придется быть на работе.

– На самом деле его ведь звали не Билл, так?

Я удивленно подняла голову и обнаружила идущего рядом со мной Джейка.

– Да.

– Наша Дафна совсем как настоящая служба теле- и радионовостей

в одном лице. Намерения у нее самые хорошие, но ты даже не успеешь произнести фразу «реинкарнация грызунов», как все, кто входит в круг ее общения, будут в курсе твоей истории.

– Спасибо, что предупредил.

Он ответил мне широкой ухмылкой и кивнул на мою юбку из люрекса:

– Кстати, клевый прикид. Очень подходит для групповых занятий со скорбящими.

Джейк остановился, чтобы завязать шнурок. Я тоже остановилась и, немного поколебавшись, сказала:

– Прими мои соболезнования по поводу своей мамы.

Джейк нахмурился:

– Не надо так говорить. Это как в тюрьме. Там у человека не положено спрашивать, за что он сидит.

– Правда? Ой, извини. Я не хотела...

– Расслабься. Я пошутил. Ладно, увидимся на следующей неделе.

Какой-то человек, стоявший прислонившись к мотоциклу, приветственно поднял руку. А когда Джейк подошел к нему, заключил мальчика в медвежьи объятия и поцеловал в щеку. Я даже застыла на месте от неожиданности. В наше время было непривычно видеть, чтобы отец на людях целовал сына, вышедшего из дошкольного возраста.

– Ну и как все прошло?

– Нормально. Как всегда. – Джейк кивнул в мою сторону. – Ой, а это... Луиза. Она новенькая.

Мужчина внимательно смотрел на меня, щурясь от лучей вечернего солнца. Высокий, широкоплечий, со сломанным носом и татуировками на правой руке, внешне смахивающий на бывшего боксера.

– Джейк, была рада познакомиться. До скорого. – Вежливо кивнув отцу Джейка, я помахала рукой и направилась к своей машине.

Но тут я поймала на себе пристальный мужской взгляд и почувствовала, что краснею.

– Вы та самая девушка.

Ох нет, подумала я, неожиданно замедлив шаг. *Только не здесь.*

Я уставилась под ноги, чтобы собраться с духом. Затем неохотно повернулась:

– Ладно. Как я уже объяснила во время знакомства с группой, мой друг привык сам принимать решения. А мне оставалось только поддерживать его. Но, честно говоря, это отнюдь не та тема, которую мне хотелось бы обсуждать прямо сейчас, тем более с незнакомым человеком.

Отец Джейка упорно продолжал меня рассматривать. Он даже

заслонил глаза ладонью от солнца.

– Ну, я согласна, что такое не каждый способен понять. Но что было, то было. Сегодня я не в настроении обсуждать свой выбор. И вообще, я ужасно устала, у меня был еще тот денек, а теперь я просто хочу домой.

– Не знаю, о чем вы тут говорите, – склонив голову набок, сказал он. – Хромота. Просто я заметил, что вы хромаете. Вы ведь живете в районе новой застройки на Хай-стрит, да? Вы та самая девушка, что упала с крыши. Март. Апрель.

И я сразу узнала его.

– Ой... Вы были...

– Парамедик. Из той бригады, которая вас тогда подобрала. А я все гадал, что с вами потом стало.

У меня словно камень с души свалился. Я обвела глазами его лицо, волосы, руки, рефлекторно, совсем как собака Павлова, восстановив в памяти мельчайшие подробности – успокаивающие прикосновения его рук, звуки сирены, слабый запах лимона, – и облегченно вздохнула:

– Все хорошо. Ну, если честно, не совсем хорошо. У меня штифт в бедре, и новый босс – настоящий засранец, и я – сами видите – хожу на занятия группы психологической поддержки в сырой церковный зал вместе с людьми, которые реально, реально...

– Печальные, – подсказал Джейк.

– Бедро восстановится. И уж точно не помешает вашей танцевальной карьере.

У меня из груди вырвался отрывистый, хриплый смех.

– Ой нет! Нарядом я обязана новому боссу. Тому, который засранец. Обычно я так не одеваюсь. Ладно, проехали. Еще раз спасибо. Ух ты! – Я приложила руку ко лбу. – Надо же, как странно. Ведь вы меня спасли.

– Ужасно приятно снова вас видеть. Нам не часто удастся узнать, что стало с нашими пациентами.

– Вы отлично поработали. Просто... Ну, вы были очень добры ко мне. И я этого никогда не забуду.

– De nada.

– Де – что?

– De nada. Испанский. Пустяки.

– Ну тогда беру свои слова назад. Спасибо за пустяки.

Он улыбнулся, отвернулся и вскинул руку. Рука у него была здоровенная.

Оглядываясь, я так и не поняла, что заставило меня его окликнуть.

– Эй!

– На самом деле меня зовут Сэм, – остановившись, сказал он.

– Сэм, я тогда действительно случайно упала.

– Вот и хорошо.

– Нет, правда. Понимаю, вы встретили меня на собрании группы психологической поддержки и все такое, но должна вам сказать, я никогда не стала бы бросаться с крыши.

Он окинул меня проницательным взглядом много повидавшего на своем веку человека, которому не раз приходилось слышать подобные разговоры.

– Что ж, я рад.

С минуту мы просто стояли и смотрели друг на друга. Затем он помахал мне рукой:

– Был рад повидаться с вами, Луиза.

Он надел шлем, Джейк взобрался на сиденье за его спиной. И я поймала себя на том, что провожаю глазами отъезжающий мотоцикл. А поскольку я продолжала смотреть, то заметила, как Джейк, надевая шлем, удивленно округлил глаза. А затем я вспомнила, что он говорил на той встрече.

Сексуальный маньяк.

– Идиотка, – сказала я себе и похромала по горячему асфальту туда, где моя машина потихоньку варилась на вечернем солнце.

Глава 5

Я жила на окраине Сити. А на случай, если я в этом сомневалась, прямо через дорогу был вырыт огромный котлован, окруженный строительным забором, на котором было написано: «ФАРТИНГЕЙТ. ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ СИТИ». Мы находились именно в той самой точке, где к храмам из сверкающего стекла, возведенным для поклонения золотому тельцу, притулились убогие кирпичные дома, в которых разместились магазинчики с восточными пряностями и круглосуточные бакалейные лавки, стриптиз-бары и непотопляемые конторы заказа такси. Мой многоквартирный дом стоял в окружении складского типа зданий, удивленно и с опаской смотревших на победное наступление стекла и стали; их единственной надеждой на спасение были джус-бары для хипстеров и временные магазины, торгующие в розницу. Я никого тут не знала, за исключением Самира, хозяина круглосуточного магазинчика, и женщины из булочной; эта женщина всегда приветливо улыбалась, но, похоже, не говорила по-английски.

Вообще-то, такая анонимность меня вполне устраивала. Ведь я переехала сюда, в конце-то концов, чтобы спрятаться от прошлого, от неприятного чувства, будто окружающие знают обо мне буквально все, что можно знать. Но большой город начал постепенно меня менять. Я мало-помалу познакомилась с тем его уголком, который выбрала для себя, с его ритмом жизни и подводными камнями. Я усвоила, что, если дать денег алкашу на автобусной станции, он уже от тебя не отстанет, поселится под дверью твоей квартиры на ближайшие восемь недель. Я усвоила, что ночью идти по своему кварталу разумнее всего с крепко зажатыми между пальцами ключами и что, если приходится выходить после полуночи за бутылкой вина, разумнее всего не смотреть в сторону компании парней, меняющих деньги возле «Кебаб корнер». Я научилась спать под несмолкаемый гул полицейского вертолета над головой.

И я смогла выжить. Ну а кроме того, я лучше, чем кто-либо другой, знала, что в жизни случаются вещи и похуже.

- Привет.
- Привет, Лу. Ну что, опять не спится?
- Здесь еще только десять вечера.
- Так в чем дело?

Натан, бывший физиотерапевт Уилла, последние девять месяцев провел в Нью-Йорке, пользуясь директора крупной корпорации – мужчину средних лет, с отличной репутацией на Уолл-стрит, четырехэтажным особняком и миозитом. Звонить Натану по ночам во время приступов бессонницы уже вошло у меня в привычку. Ведь так приятно сознавать, что где-то, пусть далеко, есть человек, который тебя понимает, хотя во время беседы с ним я иногда и чувствовала легкие уколы зависти. *Все, кроме меня, смогли двигаться дальше. Все, кроме меня, чего-то достигли.*

– Ну и как там Большое Яблоко?

– Неплохо? – С его новозеландским акцентом все утвердительные предложения звучали как вопросительные.

Я улеглась на диван, положив ноги на спинку.

– Угу. Нельзя сказать, что твой ответ слишком информативен.

– Ладно. Мне подняли зарплату. И это здорово. Через пару недель собираюсь слетать домой, навестить своих стариков. Уже заказал билеты. Что тоже очень хорошо. Они на седьмом небе от счастья, потому что сестра родила ребенка. Ой, и я познакомился с классной телкой в баре на Пятой авеню, и мы с ней отлично поладили, но, когда я пригласил ее на свидание, она спросила, чем я занимаюсь, и сказала, что встречается только с парнями, которые ходят на работу в костюме. – Натан весело рассмеялся.

Я тоже невольно улыбнулась:

– Значит, медицинский халат ее не устраивает?

– Выходит, что так. Хотя она и заявила, что если бы я был настоящим доктором, то она, быть может, еще подумала бы. – Он снова засмеялся. Его хладнокровию можно было только позавидовать. – Девушки такого сорта становятся очень говнистыми, если ты не водишь их по крутым ресторанам и все такое. Так что лучше об этом сразу узнать. А как ты?

– Живу потихоньку. Типа того, – пожала я плечами.

– Ты по-прежнему спишь в его футболке?

– Нет. Она им больше не пахнет. И если честно, уже стала слегка пованивать. Я выстирала ее и завернула в папиросную бумагу. Но для совсем плохих дней у меня остался его джемпер.

– Хорошо, когда под рукой есть хоть что-то, за что можно зацепиться.

– Да, и я теперь хожу на групповую психотерапию.

– Ну и как тебе?

– Жуть! Я чувствовала себя мошенницей. – Натан терпеливо ждал, пока я поправляла подушку под головой. – Натан, а что, если я сама себя накручиваю? Иногда мне кажется, что я вообразила себе то, чего между нами не было. Как можно было так безумно полюбить человека за такое

короткое время? И вообще, когда я думаю о нас с Уиллом, то у меня невольно возникает вопрос: мы действительно любили друг друга или все дело в аберрации памяти? И чем больше проходит времени, тем сильнее мне начинает казаться, что эти шесть месяцев просто странный... сон.

– Тебе это не приснилось, подруга, – немного помолчав, произнес Натан.

Я потерла покрасневшие глаза:

– Неужели я только одна такая? Кто до сих пор так сильно тоскует по нему?

Натан снова помолчал.

– Не-а. Он был хорошим парнем. Можно сказать, лучшим.

Вот это-то мне и нравилось в Натане. Он спокойно относился к длинным паузам в телефонных разговорах. Я села и высморкалась.

– Так или иначе, я не уверена, что буду посещать занятия. Похоже, групповая психотерапия не для меня.

– Лу, но попробовать все же стоит. Нельзя судить, поможет это тебе или нет, по одному занятию.

– Ты говоришь совсем как мой папа.

– А что? В здравом смысле ему не откажешь.

Я подскочила от звонка в дверь. Единственной, кто за все это время позвонил в мою дверь, была миссис Неллис из двенадцатой квартиры, которая как-то раз принесла мне мою корреспонденцию, когда почтальон перепутал нашу почту. Но сейчас я сомневалась, что в столь поздний час она еще бодрствует. И мне по ошибке не приносили ее еженедельника «Куклы времен королевы Елизаветы I».

В дверь снова позвонили. А затем в третий раз, очень настойчиво.

– Мне надо идти. Кто-то ломится ко мне.

– Не вешай носа, подруга! Все будет хорошо.

Я положила телефон и осторожно поднялась. У меня тут не было друзей. И я еще не успела придумать, как обзавестись друзьями, если ты переехал в новый район и до вечера занят на работе. А если бы родители решили внезапно нагрянуть, чтобы отвезти меня обратно в Стортфолд, они сделали бы это днем, поскольку никто из них не любил водить машину в темноте.

Я продолжала ждать, в глубине души надеясь, что звонивший поймет свою ошибку и уйдет. Но звон продолжался, пронзительный и непрерывный, словно стоявший за дверью прислонился к звонку плечом.

Тогда я встала и подошла к двери:

– Кто там?

– Мне надо с вами поговорить.

Девичий голос. Я глянула в глазок. Девушка смотрела себе под ноги, поэтому я успела разглядеть лишь длинные светло-каштановые волосы и мешковатую кожаную куртку. Девушка слегка покачивалась и терла нос. Пьяная?

– Думаю, вы ошиблись квартирой.

– Вы Луиза Кларк?

Я замерла.

– Откуда вам известно мое имя?

– Мне надо с вами поговорить. Не могли бы вы просто открыть дверь?

– На дворе уже ночь. Половина одиннадцатого.

– Угу. Вот почему мне не хотелось бы отсвечивать на лестнице.

Но я колебалась. Я уже достаточно давно здесь жила и знала, что нельзя открывать дверь незнакомым. В этом районе города тебе в квартиру вполне мог позвонить случайный наркоман, чтобы попросить денег. Но эта девочка говорила вполне грамотно и явно не принадлежала к асоциальным элементам. И была очень молодой. Слишком молодой для журналистки, которую могла зацепить история бывшего финансового гения, решившего покончить жизнь самоубийством. Слишком молодой, чтобы так поздно гулять. Я склонила голову набок, пытаюсь разглядеть, нет ли рядом с ней кого-нибудь еще. Вроде бы нет.

– Ты можешь сказать, что тебе от меня нужно?

– Но только не здесь.

Я открыла дверь, насколько позволяла цепочка, оказавшись лицом к лицу с непрошеной гостьей.

– Нет, так дело не пойдет. Я не буду разговаривать через порог.

Судя по детской пухлости щек, ей явно было не больше шестнадцати. Длинные блестящие волосы. Долговязая, тощие ноги обтянуты черными джинсами. Дурацкая подводка для глаз, а личико хорошенькое.

– Итак... Как, ты сказала, тебя зовут? – спросила я.

– Лили. Лили Хотон-Миллер, – вздернув подбородок, сказала она. – Послушайте, я хочу поговорить с вами о своем отце.

– По-моему, ты меня с кем-то путаешь. Я не знаю никого по имени Хотон-Миллер. Должно быть, тебе нужна какая-то другая Луиза Кларк.

Я попыталась закрыть дверь, но она сунула в щель носок туфли. Я возмущенно вытаращилась на юную нахалку.

– Его вовсе не так зовут, – произнесла она с таким видом, будто говорила с законченной дебилкой, а когда продолжила, глаза ее загорелись яростным огнем. – Его зовут Уилл Трейнор.

Лили Хотон-Миллер стояла посреди моей гостиной и разглядывала меня с беспристрастным интересом ученого, изучающего новый вид навозного червя.

– Ух ты! А что это на вас такое надето?

– Я... я работаю в ирландском пабе.

– Танцуете на шесте? – Явно потеряв ко мне интерес, она медленно развернулась и обвела глазами комнату. – Вы что, действительно здесь живете? А где ваша мебель?

– Я... только что переехала.

– Один диван, один телевизор, две коробки книг? – Она кивнула на стул, на котором я сидела, пытаюсь отдышаться и переварить услышанное.

Я встала:

– Пойду налью себе выпить. Ты чего-нибудь хочешь?

– Кока-колу. Если, конечно, у вас не найдется вина.

– А сколько тебе лет?

– А почему вас это интересует?

– Ничего не понимаю... – Я остановилась у кухонного прилавка и растерянно покачала головой. – У Уилла не было детей. А иначе я непременно бы об этом знала. – Я нахмурилась, внезапно заподозрив подвох. – Это что, какая-то шутка?

– Шутка?

– Мы с Уиллом много говорили. Он бы мне точно сказал.

– Ага. Выходит, что нет. И мне нужно поговорить о нем с кем-нибудь, кто не будет впадать в истерику при упоминании его имени, как все остальные члены моей семьи. – Она взяла с каминной полки открытку от мамы и снова положила на место. – Я бы не сказала, что это шутка. Хотя нет. Мой настоящий папа – какой-то печальный калека в инвалидном кресле. Типа даже смешно.

Я протянула ей стакан воды:

– Но кто... кто твои родители? Я имею в виду, кто твоя мама?

– А у вас, случайно, нет сигаретки? – Она принялась расхаживать туда-сюда по комнате, трогая все подряд, беря в руки мои немногочисленные личные вещи и снова возвращая их на место. Когда я покачала головой, она сказала: – Мою маму зовут Таня. Таня Миллер. Она замужем за моим отчимом, которого зовут Фрэнсис Тупой Урод Хотон.

– Милое имя.

Она поставила стакан, вытащила из кармана куртки пачку сигарет

и прикурила одну. Я хотела сказать, что у меня дома не курят, но от растерянности не нашла подходящих слов, а потому просто открыла окно.

Я не могла оторвать от нее глаз. Сейчас, приглядевшись повнимательнее, я действительно заметила некое сходство с Уиллом. Те же голубые глаза, тот же карамельный цвет волос. Знакомая манера вздергивать подбородок при разговоре, знакомый немигающий взгляд. А может, я просто видела то, что мне хотелось видеть? Она посмотрела в окно на улицу внизу, явно думая о чем-то своем.

– Лили, прежде чем мы продолжим, я бы хотела кое-что...

– Я знаю, что он умер. – Она сильно затянулась и выпустила в потолок струйку дыма. – Одним словом, вот как я это выяснила. По телевизору показывали документальный фильм об эвтаназии, и они упомянули его имя, мама вдруг ни с того ни с сего начала истерить и кинулась в ванную, Урод пошел за ней, а я осталась слушать под дверью. Мама была просто в шоке, ведь она понятия не имела, что он оказался в инвалидном кресле. Я все слышала. Конечно, нельзя сказать, будто я не знала, что Урод не мой биологический отец. Мама говорила, что мой биологический отец был настоящим засранцем и даже слышать обо мне не хотел.

– Уилл не был... засранцем.

Она передернула плечами:

– По рассказам, выходит вроде бы так. Но в любом случае, когда я пыталась задавать ей вопросы, она начинала психовать и говорить, что я знаю все, что мне положено знать, и что Урод Фрэнсис стал для меня прекрасным отцом, таким, каким Уиллу Трейнору и не снилось, и что вообще тема закрыта.

Я сделала глоток воды. Мне еще никогда так сильно не хотелось выпить.

– Ну и что ты сделала?

Она пожала плечами и снова затянулась сигаретой.

– Я, естественно, прогуглила его. И нашла вас.

Мне надо было побыть одной. Надо было переварить услышанное. Слишком много для одного раза. Новости просто свалили меня с ног. Я не знала, что и думать об этой ершистой девушке, разгуливавшей по моей гостиной и буквально наэлектризовавшей воздух вокруг.

– Значит, он совсем обо мне ничего не говорил, да?

Я во все глаза смотрела на ее балетки, жутко потрепанные, словно их хозяйка исходила в них вдоль и поперек все лондонские улицы. И у меня

вдруг возникло такое чувство, будто меня пытаются посадить на крючок.

– Лили, сколько тебе лет?

– Шестнадцать. А я хоть немножечко на него похожа? Я видела снимки в «Гугле», но, может, у вас есть его фото? – Она обвела глазами гостиную и остановила взгляд на сложенных в углу коробках. – А что, вы еще не распаковали ваши фотографии?

Она покосилась на сложенные в углу картонные коробки. А что, если она начнет рыться в моих вещах и найдет джемпер Уилла? Я почувствовала приступ паники.

– Хм. Лили. Слишком уж много впечатлений для одного вечера. И если ты та, за кого себя выдаешь, тогда... нам есть о чем поговорить. Но сейчас уже почти одиннадцать, так что давай отложим разговор на более удобное время. А где ты живешь?

– Сент-Джонс-Вуд.

– А... Хм... Твои родители, должно быть, уже волнуются. Почему бы тебе не оставить свой номер телефона, чтобы мы...

– Я не могу идти домой. – Она повернулась к окну и отработанным щелчком пальцев выкинула окурков в окно. – Откровенно говоря, я... мне не следовало здесь находиться. По идее, я должна быть в школе. Я учусь в пансионе. Они уже наверняка меня обыскали. – Она вытащила телефон, посмотрела на экран и, сердито нахмурившись, сунула телефон обратно в карман.

– Ну, я... не знаю, чем еще могу быть тебе полезна...

– Я тут подумала, может, мне лучше остаться здесь. Хотя бы на эту ночь? И тогда вы смогли бы еще кое-что о нем рассказать.

– Остаться здесь?! Нет. Нет. Прости, но это невозможно. Я ведь тебя совсем не знаю.

– Но зато вы знали моего папу. Вы действительно считаете, будто он был не в курсе, что у него есть дочь?

– Тебе пора домой. Послушай, давай позвоним твоим родителям. Чтобы они за тобой приехали. Давай так и сделаем, а я...

Она негодуяюще уставилась на меня:

– Я думала, вы мне поможете.

– Лили, я обязательно тебе помогу. Но это не дело...

– Значит, вы мне не верите, да?

– Я понятия не имею, чем могу...

– Вы просто не хотите помочь. Вы ничего не хотите делать. И разве вы хоть что-нибудь рассказали мне о папе? Ничего. И разве вы мне хоть как-то помогли? Нет. Спасибо.

– Да ладно тебе... Это несправедливо... Мы ведь только...

Но она швырнула в окно очередной окурок, круто развернулась и вышла из комнаты.

– Что? Куда ты идешь?

– Ой, вам-то что за печаль? – ответила она, и прежде чем я успела открыть рот, входная дверь с шумом захлопнулась. Лили исчезла.

Я неподвижно сидела на диване, пытаюсь осмыслить произошедшее, голос Лили еще долго продолжал звучать у меня в ушах. Я не ослышалась? Я снова и снова, несмотря на гул в голове, мысленно прокручивала слова Лили.

Моим отцом был Уилл Трейнор.

Мама Лили, очевидно, сказала ей, что Уилл не захотел признавать дочь. Нет, он непременно сказал бы мне, будь он в курсе. У нас не было друг от друга секретов. Ведь мы могли говорить обо всем на свете, ведь так? И все же меня раздирали сомнения. А что, если вопреки моим ожиданиям Уилл не был со мной до конца откровенен? Неужели он был способен напрочь выкинуть из головы тот факт, что у него есть дочь?

Когда я поняла, что горькие мысли назойливо крутятся в голове, я сдалась и взяла в руки ноутбук. Уселась по-турецки на диван и набрала в поисковике: «Лили Хоутон-Миллер», но, не получив результата и попробовав несколько вариантов написания фамилии своей гостыи, остановилась наконец на «Лили Хотон-Миллер», после чего поисковик выдал мне результаты хоккейных матчей, опубликованные школой под названием «Аптон Тилтон» в графстве Шропшир. Я открыла картинки – и пожалуйста, Лили собственной персоной: серьезная девочка в строю улыбающихся юных хоккеисток. «Лили Хотон-Миллер отважно, хотя и не слишком удачно, играла в защите». Снимок двухлетней давности. Школа-пансион. Ну да, она говорила, что сейчас должна была быть в пансионе. Но это еще отнюдь не означало, что Лили имеет какое-то отношение к Уиллу или что ее мать действительно говорила правду о том, чья она дочь.

Тогда я сузила поиск до «Хотон-Миллер» и нашла короткую заметку о посещении Фрэнсиса и Тани Хотон-Миллер банкета в отеле «Савой», а также датированный годом раньше запрос на получение разрешения на строительство винного погреба в доме в Сент-Джонс-Вуде.

Немного подумав, я набрала «Таня Миллер» и «Уильям Трейнор» и неожиданно попала на страницу в «Фейсбуке», открытую восемнадцать месяцев назад выпускницами Университета Дарема, где несколько женщин,

имена которых почему-то заканчивались на «елла»: Эстелла, Фенелла, Арабелла, – обсуждали смерть Уилла.

Я не поверила, когда узнала об этом из выпуска новостей.

Из всех людей именно – он! Покойся с миром, Уилл.

Жизнь прожить – не поле перейти. Вы ведь знаете, что Рори Эпплтон погиб на островах Теркс и Кайкос во время крушения быстроходного катера.

Изучал географию? Рыжеволосый такой?

Нет, философию, политику, экономику.

По-моему, я с ним целовалась на балу для первокурсников. Огромный язык.

Фенелла, я вовсе не нахожу это смешным. Это неприлично.

И вообще, бедняга уже умер.

А разве не Уилл Трейнор гулял с Таней Миллер весь последний курс?

Не понимаю, почему это неприлично говорить о том, что я, возможно, целовалась с кем-то, лишь потому, что ему было суждено умереть.

Я вовсе не заставляю тебя переписывать историю. А вдруг это прочтет его жена и ей будет неприятно узнать, что ее незабвенный лизался с какой-то девицей из «Фейсбука».

Уверена, она знает, что у него был огромный язык. Она ведь была его женой.

Рори Эпплтон был женат?

Таня вышла замуж за какого-то банкира. Мне всегда казалось, что они с Уиллом непременно поженятся. Роскошная пара.

Я кликнула на ссылку, и тут же выскочила фотография улыбающейся блондинки, тонкой как тростинка, с высокой прической; она стояла на ступенях бюро регистрации с темноволосым мужчиной постарше. А несколько поодаль виднелась хмурая девочка в тюлевом платье. Девочка определенно напоминала Лили Хотон-Миллер, с которой я только что познакомилась. Но фотография была семилетней давности, и, по правде говоря, на ней могла быть запечатлена любая другая надутая юная подружка невесты с длинными светло-каштановыми волосами.

Я еще раз прочитала материал и закрыла ноутбук. И что теперь прикажете делать? Если она действительно дочь Уилла, может, следует связаться со школой? Хотя я не сомневалась, что в подобных закрытых заведениях определенно существуют свои правила относительно незнакомцев, интересующихся девочками-подростками.

А вдруг это какая-то афера? Ведь Уилл был весьма состоятельным человеком. А потому идея о том, что кто-то разработал хитроумный план,

чтобы развести семью Уилла на деньги, отнюдь не лишена вероятности. Когда папин приятель Чоки умер от сердечного приступа, семнадцать человек заявили на поминки, чтобы сообщить вдове, что он проспорил им деньги.

Нет, надо быть предельно осторожной. Один неверный шаг – и я снова окунусь в пучину боли и страданий.

Но когда я легла в кровать, мне показалось, будто голос Лили эхом разносится по пустой квартире.

Моим отцом был Уилл Трейнор.

Глава 6

– Простите, у меня будильник не сработал. – Я пулей пролетела мимо Ричарда, одергивая на ходу синтетическую юбку.

– Вы опоздали на сорок пять минут. Это неприемлемо.

Восемь тридцать утра. И как я успела заметить, мы с Ричардом были единственными живыми людьми в баре.

Карли уволилась. Причем даже не потрудилась сообщить об этом Ричарду лично. Она просто послала ему эсэмэску, что забросит чертову униформу в конце недели, и так как ей задолжали плату за чертов двухнедельный отпуск, она предлагает взять это в зачет тех двух недель, которые необходимо отработать после подачи заявления об уходе. «Если бы она потрудилась изучить должностную инструкцию для персонала, – бушевал Ричард, – то наверняка бы знала, что брать неиспользованный отпуск в зачет отработки абсолютно неприемлемо. Смотри раздел третий, все ясно как божий день, ЕСЛИ БЫ она потрудилась заглянуть в текст. И чертыхаться также абсолютно неприемлемо».

Теперь ему придется совершить ряд официальных процедур, предусмотренных для поиска замены.

Что означало: пока не будут закончены эти самые процедуры, работать придется только мне. И Ричарду.

– Простите. У меня кое-какие... проблемы дома.

Я резко проснулась в семь тридцать, в течение нескольких минут пытаюсь вспомнить, в какой стране нахожусь и как меня зовут. А потом я тупо лежала в постели, не в состоянии пошевелиться, и перебирала в памяти события вчерашнего вечера.

– Хорошие работники не тащат за собой домашние проблемы на рабочее место, – пропел Ричард, протискиваясь мимо меня с блокнотом в руках.

Я смотрела ему вслед, раздумывая над тем, есть ли у него вообще дом. Похоже, он проводил там не слишком много времени.

– Ага. Ну, хороший начальник не заставляет своих подчиненных носить униформу, которую даже стриптизерши сочли бы слишком вульгарной, – пробормотала я, выстукивая на кассовом аппарате код, а свободной рукой поправляя подол юбки с люрексом.

Он резко развернулся и подошел ко мне:

– Что вы сказали?

– Ничего.

– Нет, я не глухой.

– Я сказала, что непременно учту на будущее. Спасибо, что напомнили, – сладко улыбнулась я Ричарду.

Он задержал на мне взгляд на несколько секунд дольше, чем требовалось, а затем сказал:

– Уборщица опять заболела. Поэтому, прежде чем встать за стойку бара, вам придется убрать мужской туалет.

Его взгляд был упорным, он словно бросал мне вызов, заставляя хоть что-то сказать. Я мысленно напомнила себе, что не могу потерять эту работу.

– Ладно, – сглотнула я.

– Кстати, в третьей кабинке небольшой беспорядок.

– Чудненько, – бросила я.

Он развернулся и удалился к себе в кабинет. И пока он шел, я мысленно посылала ему вслед огненные стрелы вуду.

– Сегодня собрание нашей группы посвящено чувству вины. За то, что остался жить, за то, что сделал недостаточно... Именно чувство вины обычно и мешает нам двигаться дальше.

Марк подождал, пока мы не пустим по кругу жестяную коробку с печеньем, и наклонился всем телом вперед, напряженно сжав руки. Он проигнорировал тихий гул недовольства, вызванный явно не сливочным печеньем «Бурбон».

– Я был так несдержан с Джилли, – нарушил тишину Фред. – Я имею в виду, когда у нее началась старческая деменция. У нее появилась привычка ставить грязные тарелки в кухонный шкаф, а я находил их спустя несколько дней... и, стыдно сказать, кричал на нее. – Он вытер глаза. – Ведь раньше она была безупречной хозяйкой. И это хуже всего.

– Фред, тебе пришлось долгие годы терпеть деменцию Джилли. И надо быть сверхчеловеком, чтобы не испытывать чудовищного напряжения.

– Грязные тарелки хоть кого могут свести с ума, – заметила Дафна. – Наверное, я тоже орала бы что-нибудь ужасное.

– Но ведь в том не было ее вины, ведь так? – Фред поерзал на стуле. – Теперь я постоянно думаю об этом. Мне хочется повернуть время вспять. Надо было просто вымыть тарелки и ничего ей не говорить. А вместо того чтобы кричать, крепко ее обнять.

– А я ловлю себя на фантазиях о мужчинах в метро, – призналась

Наташа. – Иногда я, спускаясь по эскалатору, переглядываюсь с кем-нибудь, кто поднимается. С первым встречным мужчиной. А затем, еще не успев дойти до платформы, я начинаю выстраивать в голове наши отношения. Ну, вы понимаете, типа он бежит за мной вниз по эскалатору, так как знает, что между нами возникла некая магическая связь, и вот мы стоим и смотрим друг на друга среди толпы на линии Пикадилли, а затем отправляемся вместе выпить, и не успеваешь оглянуться, как...

– Похоже на фильмы Ричарда Кертиса, – заметил Уильям.

– Мне нравятся фильмы Ричарда Кертиса, – сказал Сунил. – Особенно фильм об актрисе и том мужчине в штанах.

– «Шепердс-Буш», – сказала Дафна.

Возникла короткая пауза.

– Дафна, полагаю, ты имела в виду «Ноттинг-Хилл», – улыбнулся Марк.

– А мне больше нравится версия Дафны. Ну что? – фыркнул Уильям. – Что, уж и посмеяться нельзя?

– ...А потом я представляю, что мы женимся, – продолжила Наташа. – Но затем, когда мысленно я уже стою перед алтарем, меня вдруг словно током пронизывает: «Что я делаю?! Олаф умер всего три года назад, а я уже фантазирую о других мужчинах».

Марк откинулся на спинку стула:

– А ты не находишь, что после трех лет жизни в одиночестве это вполне естественно? Фантазировать о других мужчинах?

– Но если бы я действительно любила Олафа, то вряд ли стала бы думать о ком-то еще.

– Мы живем не в Викторианскую эпоху, – заметил Уильям. – И ты не обязана до скончания века носить траур по усопшему мужу.

– Но если бы я умерла первой, мне бы не хотелось, чтобы Олаф в кого-то влюбился.

– Да ты все равно не узнаешь, – бросил Уильям. – Ты ведь будешь уже на том свете.

– А как насчет тебя, Луиза? – Марк заметил, что я молчу. – Тебя мучает чувство вины?

– А нельзя ли... Нельзя ли поговорить о чем-нибудь другом?

– Я католичка, – заявила Дафна. – И чувство вины возникает у меня постоянно. Это все монахини, ну, вы знаете.

– Луиза, а чем тебе неприятна сегодняшняя тема?

– Милочка, а тебя что, тоже воспитывали в монастыре?

Я сделала глоток кофе, ощущая на себя взгляды присутствующих.

Ну давай же! Я тяжело сглотнула:

– Тем, что я не смогла его остановить. Иногда мне кажется, если бы я была поумнее... Или отнеслась бы ко всему по-другому... Или была бы лучше... Ну, я не знаю. Наверное, лучше во всем.

– Ты винишь себя в смерти Билла, потому что веришь, будто могла бы его остановить?

Я потянула за вылезшую из подола нитку. И когда нитка оказалась у меня в руках, я почувствовала, что одновременно освободилась от неких внутренних запретов.

– А еще в том, что мой образ жизни далек от того, что я ему обещала. Я чувствую себя виноватой в том, что он фактически оплатил мне покупку квартиры, тогда как моя сестра никогда не сможет позволить себе собственное жилье. И в том, что мне не нравится моя квартира, ведь я не чувствую ее своей. Я даже не хочу навести там уют, поскольку она ассоциируется у меня с тем фактом, что У... Билл умер, а я в каком-то смысле осталась в выигрыше.

– Ты не должна мучиться угрызениями совести из-за недвижимости, – нарушила воцарившуюся тишину Дафна.

– Я бы не отказался, чтобы кто-нибудь оставил мне квартиру, – сказал Сунил.

– Но вам не кажется, будто это слишком уж сказочный конец? Человек умирает, каждый извлекает из этого определенный урок, двигается дальше и даже в результате получает чудесную награду. – Теперь я говорила не думая. – Но я ничего не сумела сделать. Провалилась по всем статьям.

– А мой папа как с кем-нибудь переспит, так сразу плачет, потому что это не мама, – выпалил Джейк, глядя на нас из-под падавшей на глаза челки. – Он охмуряет женщин, чтобы уложить их в постель, а затем страдает и кается. Словно если он будет испытывать чувство вины после секса, то тогда все о'кей.

– Значит, ты считаешь, что чувство вины служит ему некой опорой в жизни?

– Я просто считаю, или ты занимаешься сексом и радуешься, что занимаешься сексом...

– Вот я бы точно не чувствовал себя виноватым, если бы занимался сексом, – не выдержал Фред.

– Или ты относишься к женщинам по-человечески и тогда не мучаешься угрызениями совести. Или ты вообще ни с кем не спишь и трепетно хранишь память о маме до тех пор, пока реально не будешь готов двигаться дальше. – При слове «трепетно» голос Джейка сломался,

и он стиснул зубы.

К этому времени мы уже успели привыкнуть к тому, что время от времени у членов нашей группы неожиданно каменеют лица, и, следуя негласному кодексу чести, поспешно отворачивались, чтобы, не дай бог, не увидеть непрошеную слезу.

– Джейк, а ты говорил папе о том, что чувствуешь? – ласково спросил Марк.

– Мы с ним не говорим о маме. Понимаете, с ним все в порядке, пока мы не упоминаем ее имени.

– Тебе наверняка тяжело нести в одиночку такую ношу.

– Угу. Ну... вот потому-то я и здесь. Ведь так?

На секунду в комнате стало тихо.

– Джейк, солнышко, скушай печенье, – наконец сказала Дафна, и мы снова пустили коробку по кругу, слегка успокоившись, когда Джейк взял печеньюшку.

Я продолжала думать о Лили. И даже пропустила мимо ушей исповедь Сунилы о рыданиях в кондитерском отделе супермаркета, но успела вовремя сделать сочувственное лицо после рассказа Фреда о том, как он, надув множество воздушных шариков, в одиночестве справлял день рождения Джилли. Теперь, спустя несколько дней, та встреча с Лили уже начинала казаться мне сновидением, ярким и сюрреалистическим.

Откуда у Уилла могла взяться дочь?

– Вы сегодня какая-то невеселая.

Я шла по парковке к своей машине и, наткнувшись на отца Джейка, стоявшего возле своего мотоцикла, остановилась прямо напротив него.

– У нас были занятия по излечению скорби. И вряд ли можно ожидать, что я прямо на пороге исполню чечетку.

– Что ж, вполне справедливо.

– Это не то... что вы думаете. Я хочу сказать, дело не во мне. А в... одном подростке.

Он поискал глазами отставшего от меня Джейка:

– Ладно. Тогда я вам сочувствую. Хотя, с вашего позволения, вы явно слишком молоды, чтобы иметь ребенка подросткового возраста.

– Ой, что вы! Она не моя. Просто все... так запутанно.

– Я с удовольствием дал бы вам хороший совет. Но не знаю, в чем суть дела. – Он сделал шаг вперед, заключив Джейка в объятия, мальчик скорчил недовольную мину, но стерпел.

– Ну как, молодой человек, ты в порядке?

– Отлично.

– Отлично, – покосившись на меня, повторил Сэм. – Ну вот, опять двадцать пять. Стандартный ответ подростка на любой вопрос. Война, голод, выигрыш в лотерею, мировая слава. И все просто отлично.

– Сегодня меня не надо забирать. Я иду к Джулс.

– Может, все-таки тебя подкинуть?

– Она живет вон в том доме, – показал Джейк. – Я как-нибудь и сам дойду.

У Сэма на лице не дрогнул ни один мускул.

– Может, в следующий раз пошлешь мне эсэмэску? Чтобы я не тащился через весь город и не тратил понапрасну время.

Джейк передернул плечами и пошел вперед, закинув рюкзак на спину. Мы молча проводили его глазами.

– Ну что, увидимся позже? Да, Джейк?

Джейк, не оглядываясь, поднял руку.

– Ну ладно, – сказала я. – Вот теперь я, кажется, чувствую себя чуть-чуть лучше.

В ответ Сэм только едва заметно покачал головой. Он посмотрел вслед Джейку с таким видом, будто ему не хотелось отпускать его от себя.

– У него иногда бывают тяжелые дни, – сказал Сэм и, повернувшись ко мне, добавил: – Луиза, вы не против выпить со мной кофе или чего-нибудь еще? Чтобы я не чувствовал себя законченным лузером. Вас ведь Луиза зовут, да?

Я вспомнила, что говорил Джейк на сегодняшней встрече.

В пятницу папа привел домой эту чокнутую блондинку по имени Мэг, которая просто помешалась на нем. И пока папа был в душе, она все выпытывала у меня, говорил ли он о ней в ее отсутствие.

Сексуальный маньяк. Но вполне милый, и именно он тогда собрал меня по частям в машине «скорой помощи», и вообще, альтернативным вариантом было просидеть весь вечер дома, гадая о том, что происходит в голове у Лили Хотон-Миллер.

– Ладно, если мы будем говорить о чем угодно, но только не о несносных подростках.

– А мы можем поговорить о вашем прикиде?

Я посмотрела на свою зеленую юбку с люрексом и ирландские балетные туфли.

– Нет, конечно.

– Ну ладно, попытка не пытка, – сказал он, оседлав мотоцикл.

Мы устроились на улице, за столиком пустого бара неподалеку от моего дома. Он пил черный кофе, я – фруктовый сок.

Теперь, когда не надо было уворачиваться от машин на парковке и лежать привязанной к больничной каталке, у меня появилась возможность исподтишка рассмотреть его. Я сразу обратила внимание на красноречивую горбинку на носу и прищуренные глаза много повидавшего в этой жизни человека, которого трудно удивить. Он был высоким, широкоплечим, черты лица, пожалуй, поглубже, чем у Уилла, движения достаточно экономные, словно он опасался что-то сломать или повредить. А еще ему явно больше нравилось слушать, нежели говорить. Может, дело было именно в этом, а может, я просто отвыкла от мужского общества, но я поймала себя на том, что буквально не закрываю рта. Я говорила о своей работе в баре, заставляя его смеяться над Ричардом Персивалем и моим ужасным нарядом, и о том, как странно снова оказаться дома, о папиных плоских шутках, о дедушке, с его пончиками, и о племяннике, с его нетривиальным подходом к использованию синего маркера. Я трещала без умолку, отчетливо понимая, что я, как обычно, не сказала о самом главном: об Уилле, о вчерашней сюрреалистической встрече, да и вообще о себе. С Уиллом я могла совершенно не думать, то я сказала или нет. Говорить с ним было все равно что дышать. И вот теперь я умудрилась вообще о себе ничего не сказать.

А этот мужчина просто кивал в нужных местах и, наблюдая за медленным потоком транспорта, пил кофе, словно для него было в порядке вещей сидеть за столиком рядом с тараторящей без остановки малознакомой женщиной в зеленой мини-юбке с люрексом.

– Как там твое бедро? – поинтересовался он, когда я в конце концов иссякла.

– Ничего. Хотя было бы неплохо, если бы я перестала хромать.

– До свадьбы заживет, надо только пройти курс физиотерапии. – (И я вновь услышала голос, звучавший тогда в машине «скорой помощи». Спокойный, уверенный, обнадеживающий.) – А что с остальными травмами?

Я машинально опустила глаза, словно обладала способностью видеть сквозь одежду.

– Тоже неплохо, если не обращать внимания на то, что меня всю будто изрисовали ярко-красной шариковой ручкой.

– Тебе крупно повезло, – кивнул Сэм. – Это было еще то падение.

И тут на меня снова накатило. Леденящий ужас, подступающий

к горлу. Воздух под ногами. *Никогда не знаешь, что будет, когда упадешь с большой высоты.*

– Я вовсе не пыталась...

– Ты это уже говорила.

– Но я не уверена, что мне все поверили.

Мы обменялись смущенными улыбками, и у меня невольно возник вопрос: а что, если он тоже не поверил?

– Итак... а тебе часто приходится подбирать людей, упавших с крыши?

Он медленно покачал головой и рассеянно посмотрел вдаль.

– Мне приходится подбирать только куски. И я очень рад, что в твоём случае нам все же удалось эти куски составить.

Мы еще немного помолчали. Мне хотелось продолжить разговор, но я настолько отвыкла находиться наедине с мужчиной – по крайней мере, в трезвом виде, – что неожиданно почувствовала приступ робости, мой рот открывался и закрывался совсем как у золотой рыбки.

– Ты вроде собиралась поговорить о каком-то подростке? – пришел мне на помощь Сэм.

Боже, какое облегчение иметь возможность хоть с кем-то поделиться и при этом не казаться полоумной даже самой себе. Я рассказала ему о ночном стуке в дверь, о той странной встрече, об информации, найденной мною в «Фейсбуке», а также о бегстве девочки, заставшем меня врасплох.

– Ну и дела, – когда я закончила, задумчиво протянул он. – Это просто... – Он едва заметно покачал головой. – Ты думаешь, она действительно та, за кого себя выдает?

– Она немножко на него похожа. Но, если честно, не знаю. Может, я выискиваю знаки судьбы? Может, просто стараюсь найти его черты в ком-то другом? И поэтому вижу то, что хочу видеть. Вполне вероятно. У меня сейчас словно раздвоение личности. С одной стороны, я радуюсь, что Уилл оставил свой след на земле, а с другой – переживаю, что снова облажалась. Ну а посередине целый комплекс самых разных эмоций. Типа если она действительно его дочь, то тогда какая это ужасная несправедливость, что он ее никогда не видел. Ну и бесконечные вопросы, которые меня терзают. Как ко всему этому отнесутся его родители? И мог бы он изменить свое решение, если бы знал, что у него есть дочь? А что, если это действительно могло заставить его передумать... – Я запнулась и замолчала.

Сэм, нахмурившись, откинулся на спинку стула:

– Так ты из-за него решила согласиться на групповую психотерапию?

– Да.

Я чувствовала на себе его испытующий взгляд. Возможно, он пытался понять, что значил для меня Уилл.

– А теперь я не знаю, что делать, – нарушила я молчание. – То ли попробовать ее разыскать, то ли оставить все как есть.

Сэм сидел в глубокой задумчивости.

– Ну а что бы сделал он? – наконец спросил Сэм.

И в этот самый момент я неожиданно поплыла. Я подняла глаза на сидевшего рядом со мной крупного мужчину, с прямым взглядом ясных глаз, двухдневной щетиной, с добрыми, чуткими руками. И все мысли разом вылетели из головы.

– Ты в порядке?

Я поспешно глотнула сока, пытаюсь скрыть то, что было ясно написано у меня на лице. Неожиданно – сама не знаю почему – мне захотелось плакать. Как-то сразу все навалилось. Эта странная ночь, выбившая меня из колеи. То, что надо мной снова нависла неясная тень Уилла, теперь незримо присутствовавшего при каждом разговоре. Я вдруг снова увидела его лицо, насмешливо поднятые брови, словно говорившие: *Ну и что, ради всего святого, вы теперь будете делать, Кларк?*

– Просто... очень длинный день. И в самом деле, ты не обидишься, если я...

Сэм поспешно отодвинул стул и вскочил:

– Нет-нет. Конечно иди. Извини, я не подумал.

– Ну что ты. Все было очень мило. Только...

– Нет проблем. Длинный день. Да еще эта ваша группа скорбящих. Я понимаю. Ну что ты, оставь, ради бога, – сказал он, когда я полезла за кошельком. – Я серьезно. Твой апельсиновый сок меня явно не разорит.

Мне показалось, что я, несмотря на хромоту, вихрем понеслась к своей машине. И всю дорогу я спиной чувствовала его взгляд.

Я поставила машину на парковку и наконец-то смогла вдохнуть полной грудью, поскольку всю обратную дорогу мне словно не хватало воздуха. Бросила взгляд в сторону углового магазина, затем посмотрела на окна своей квартиры и решила: к черту благоразумие! Я хотела вина, несколько больших бокалов вина. Вино поможет мне бесстрашно смотреть вперед, перестав оглядываться назад. Или вообще никуда не смотреть.

Когда я вылезала из машины, у меня снова разболелось бедро. Теперь, после появления в моей жизни Ричарда, оно болело постоянно. А ведь физиотерапевт предупреждал, что мне не следует проводить весь день на ногах. Но не могло быть и речи, чтобы сообщить об этом Ричарду.

Понятно. Значит, вы работаете в баре, но хотите, чтобы вам разрешили весь день сидеть. Я ничего не путаю?

Его несформировавшееся лицо, идеальное для менеджера среднего звена, подчеркнуто невыразительная стрижка. И манера держаться с несколько усталым превосходством, хотя он всего-то на два года старше меня. Я закрыла глаза, чтобы прогнать беспокойство, скрутившее внутренности тугим узлом.

– Вот это, пожалуйста. – Я поставила на прилавок холодную бутылку «Каберне совиньон».

– Никак на вечеринку собралась?

– Что?

– Маскарадный костюм. Ты оделась... Ой, только не говори! – Самир задумчиво потер подбородок. – Белоснежкой.

– В самую точку, – сказала я.

– Но ты все же с этим поосторожнее. Пустые калории, знаешь ли. Если ты следишь за фигурой, то тогда тебе лучше пить водку. Вот это чистый напиток. Ну, можно еще добавить немного лимона. Я именно так и говорю Джинни, что живет через дорогу. Ты ведь в курсе, что она стриптизерша, да? А они очень следят за фигурой.

– Совет диетолога. Как мило.

– Похоже, тут все дело в сахаре. Надо следить за количеством сахара. А тогда какой смысл покупать продукты с низким содержанием жиров, если там полно сахара, да? Вот они, твои пустые калории. Прямо тут. Но самое плохое – это сахарозаменители. Они прилипают к кишкам.

Он пробил вино и протянул мне сдачу.

– Самир, а сам-то ты что обычно ешь?

– Готовую лапшу с копченым беконом. Вкуснятина.

Я впала в задумчивость, блуждая в темных глубинах сознания между своими больными почками, экзистенциальным отчаянием из-за работы и непреодолимым желанием поестть готовой лапши с копченым беконом, и тут вдруг увидела ее. Она сидела, обняв коленки, на тротуаре у дверей моего дома. Я взяла у Самира сдачу и практически побежала через дорогу.

– Лили?

Она медленно подняла голову.

Ее речь была нечленораздельной, глаза в красных прожилках, словно она плакала.

– Меня никто не хочет впускать. Я звонила во все звонки, но никто не захотел меня впустить.

Я вставила ключ в дверь и опустилась на землю, скрючившись возле

Лили.

– Я просто хотела лечь спать, – принялась тереть глаза Лили. – Я так устала. Хотела взять до дому такси, но не сумела найти денег.

От нее волнами поднимался запах алкоголя.

– Ты что, пьяная?

– Не знаю. – Она беспомощно заморгала, горестно поникнув. И у меня вдруг возникло нехорошее подозрение: а только ли в алкоголе тут дело? – Я, может быть, и не такая пьяная, а вот вы точно превратились в лепрекона. – Она похлопала себя по карманам. – Ой, смотрите, что у меня есть! – Она достала наполовину выкуренную самокрутку, которая, насколько я поняла, пахла отнюдь не табаком. – Давай курнем, Лили, – сказала она. – Ой нет! Ты же Луиза. Лили – это я. – Она начала хихикать, одновременно выуживая непослушными пальцами из кармана зажигалку, которую попыталась зажечь не с того конца.

– Все. Тебе уже достаточно. Пора домой. – Я забрала у Лили косячок и, не обращая внимания на ее слабые протесты, растоптала его каблуком. – Я вызову тебе такси.

– Но я вовсе не хочу...

– Лили!

Я подняла глаза. На другой стороне дороги, засунув руки в карманы джинсов, стоял какой-то парень и смотрел на нас немигающим взглядом. Лили стрельнула в его сторону глазами и поспешно отвернулась.

– А это еще кто такой? – поинтересовалась я.

Лили потупилась.

– Лили! Иди сюда! – Тон его был неожиданно повелительным.

Парень стоял, расставив ноги, словно не сомневался, что стоит ему свистнуть – и она прибежит. И мне вдруг стало не по себе.

Никто из нас даже не шелохнулся.

– Это что, твой парень? Может, хочешь с ним поговорить? – тихо спросила я.

Когда она открыла рот, я поначалу вообще ничего не разобрала. Пришлось наклониться к ней поближе и попросить ее повторить.

– Заставьте его уйти. – Она закрыла глаза и повернулась лицом в сторону двери. – Ну пожалуйста!

Парень двинулся через дорогу прямоком к нам. Я огляделась и попыталась придать голосу властные интонации:

– Ты свободен, спасибо. Лили идет со мной. – Он остановился на полпути. Я выдержала его тяжелый взгляд. – Поговоришь с ней как-нибудь в другой раз. Понятно? – Я положила руку на кнопку домофона

и начала бормотать, делая вид, будто разговариваю со своим воображаемым мускулистым и очень вспыльчивым дружкой: – Ага. Дейв, а может, все-таки спустишься мне помочь? Спасибо.

Молодой человек уставился на меня, и его взгляд не предвещал ничего хорошего. Но затем он повернулся, вытащил из кармана телефон и начал прямо на ходу вести с кем-то тихий напряженный разговор, не обращая внимания на раздраженные гудки такси, которому пришлось его объезжать, и то и дело исподволь оглядываясь на нас.

Я вздохнула – вздох получился похожим на икоту, – тихо выругалась и, подхватив Лили Хотон-Миллер под мышки, не слишком элегантно потащила ее в вестибюль.

В ту ночь она спала в моей квартире. Ничего лучшего я так и не смогла придумать. Ее дважды стошнило в ванной, и она яростно сопротивлялась, когда я пыталась убрать ей волосы с лица. Лили отказалась дать мне номер своего домашнего телефона, хотя, возможно, просто его забыла, а ее мобильный был заблокирован пин-кодом.

Я привела Лили в порядок, натянула на нее свои штаны для пробежек и футболку, а затем проводила в гостиную.

– Ты прибралась! – воскликнула она с таким видом, будто я сделала это специально для нее.

Я налила ей стакан воды и уложила на диван в безопасной позе, хотя, поскольку Лили два раза вывернуло наизнанку, внутри у нее явно ничего не осталось. Когда я приподняла ей голову, чтобы положить на подушку, Лили открыла глаза, словно только сейчас меня узнала.

– Прости, – сказала она так тихо, что поначалу мне показалось, будто я ослышалась, и ее глаза наполнились слезами.

Я накрыла Лили одеялом. Она моментально заснула, а я смотрела на ее бледное личико, синие тени под глазами, изогнутые брови, такие же как у Уилла, и до боли знакомую россыпь едва заметных веснушек.

А затем я заперла дверь, отнесла ключи к себе в спальню и положила под подушку – то ли чтобы она, упаси господи, ничего не украла, то ли чтобы не смогла уйти. Мне не спалось, в голове раздавались звуки сирены, перед глазами стоял терминал аэропорта, скорбные лица членов нашей группы в церковном зале и тяжелый взгляд того парня на другой стороне улицы, мозг сверлила мысль, что под моей крышей спит посторонний человек. Мне не давал покоя внутренний голос, неустанно твердивший: *Что, черт возьми, ты делаешь?!*

А что еще я могла сделать? И наконец, когда за окном запели ранние

птицы, первый утренний грузовичок привез товар в булочную внизу, внутренний голос постепенно затих и я уснула.

Глава 7

Проснулась я оттого, что пахло кофе. Пару секунд я гадала, откуда в мою квартиру мог просочиться запах кофе, и, когда нашла ответ на свой вопрос, живо вскочила с кровати и принялась натягивать толстовку.

Она сидела по-турецки на диване, курила, стряхивая пепел в мою новую кружку. Телевизор был включен – какое-то ненормальное детское шоу с ярко одетыми, гримасничающими ведущими, – на каминной доске стояли два пластиковых стаканчика.

– Ой, привет! Твой тот, что справа, – повернувшись ко мне, сказала Лили. – Не знала, какой ты любишь, и поэтому взяла «американо».

Я растерянно заморгала, наморщив нос от сигаретного дыма. Открыла окно и посмотрела на часы.

– Неужели я проспала все на свете?

– Угу. Кофе, наверное, немного остыл. Я не знала, будить тебя или нет.

– У меня сегодня выходной, – сообщила я, протягивая руку за кофе. Кофе был еще теплым. И я с благодарностью сделала большой глоток. А затем удивленно уставилась на стаканчик. – Эй, постой-ка! А где ты это взяла? Я ведь заперла входную дверь.

– Спустилась по пожарной лестнице. Но так как денег у меня не было, я сообщила парню из булочной, из какой я квартиры, а он сказал, что ты можешь занести деньги позже. А еще ты должна ему за два рогалика с копченым лососем и творожным сыром.

– Да неужели? – Я вовсе не собиралась с ней миндальничать, более того, я вдруг поняла, что жутко проголодалась.

Она перехватила мой взгляд.

– Ой, рогалики я уже съела. – Она выпустила в потолок колечко дыма. – У тебя в холодильнике хоть шаром покати. Нет, тебе определенно пора навести здесь порядок.

Сегодня утром Лили была совсем другой. Она так разительно отличалась от той девицы, которую я подобрала вчера вечером на улице, что мне с трудом верилось, будто передо мной один и тот же человек. Я вернулась в спальню и, одеваясь, прислушивалась к бормотанию телевизора и шлепанью босых ног Лили на кухню и обратно.

– Эй, как там тебя?! Луиза! А ты не могла бы одолжить мне немного денег? – крикнула она.

– Если для того, чтобы опять нажраться, то нет.

Она без стука вошла в спальню. Я поспешно прикрылась футболкой.

– А можно мне сегодня снова у тебя переночевать?

– Лили, мне надо поговорить с твоей мамой.

– И о чем, интересно, ты собираешься с ней говорить?

– Я хочу понять, в чем дело и что происходит.

Она замерла на пороге:

– Значит, ты мне не веришь.

Знаком велев ей отвернуться, я наконец-то застегнула лифчик.

– Я тебе верю. Но все должно быть по-честному. Если ты хочешь что-то от меня получить, то должна для начала что-то рассказать о себе.

И не успела я натянуть футболку, как она снова повернулась ко мне:

– Ладно, поступай как знаешь. Мне все равно надо сходить за своей одеждой.

– Зачем? Где ты остановилась?

Она повернулась ко мне спиной, пропустив мой вопрос мимо ушей, подняла руку и понюхала подмышку.

– Можно воспользоваться твоим душем? А то я насквозь провоняла.

Час спустя мы в напряженном молчании уже ехали в Сент-Джонс-Вуд. Я была измучена до предела событиями вчерашней ночи, да и вообще, на меня плохо действовала та странная энергия, которую словно излучала Лили. Она непрерывно ерзала на сиденье, курила сигарету за сигаретой, а затем внезапно затихала, погружаясь в свои мысли, настолько мрачные, что я буквально на физическом уровне ощущала их тяжесть.

– Итак, кто это был? Вчерашний мужчина, – безразличным тоном поинтересовалась я, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Да так, один человек.

– Ты мне вроде бы говорила, что это твой парень.

– Ну, значит, так оно и есть.

В ее голосе появились жесткие нотки, и она сразу замкнулась. И чем ближе мы подъезжали к дому ее родителей, тем больше она уходила в себя. Лили сидела, скрестив на груди руки, подтянув к подбородку колени, ее взгляд стал тяжелым и вызывающим, словно она уже вела молчаливую битву. У меня возникло нехорошее подозрение: не соврала ли она случайно насчет Сент-Джонс-Вуда, однако Лили махнула рукой в сторону широкой улицы в окаймлении деревьев и велела на третьем повороте свернуть налево. И мы вдруг оказались на широкой дороге между домами, где живут в основном дипломаты и американские банкиры, на дороге, по которой, кажется, никто никогда просто так не ездит. Я подъехала поближе и,

раскрыв рот, уставилась из окна на высокие белые оштукатуренные здания, аккуратно подстриженные изгороди из тиса и безупречные ящики для цветов снаружи на подоконниках.

– Ты что, здесь живешь?

Она с такой силой захлопнула за собой дверь, что моя маленькая машина обиженно задребезжала.

– Я здесь не живу. Это они здесь живут.

Она вошла в дом, я последовала за ней, чувствуя себя непрошеным гостем. Мы оказались в просторной прихожей с высокими потолками, паркетными полами и огромным зеркалом в позолоченной раме на стене, на котором уже не было места от белых пригласительных карточек. Антикварный столик украшала ваза с искусно составленным букетом. Воздух был ароматизирован духами.

Откуда-то сверху доносились возбужденные голоса, кажется детские, хотя трудно сказать.

– Мои сводные братья, – небрежно бросила Лили и прошла на кухню, явно ожидая, что я последую за ней.

А я, застыв на месте, смотрела во все глаза на серую кухню в стиле модерн, с бесконечными полированными рабочими поверхностями из серо-коричневого искусственного камня. Все вокруг буквально кричало о больших деньгах, начиная от дорогущего тостера фирмы «Дуалит» и кончая огромной навороченной кофемашиной, которой самое место где-нибудь в итальянском кафе. Лили открыла холодильник и, обследовав его содержимое, извлекла коробку с кусочками ананаса, а затем залезла туда рукой и принялась жадно есть.

– Лили? – Взволнованный женский голос откуда-то сверху. – Лили, это ты? – Звук торопливых шагов вниз по ступенькам.

Лили страдальчески закатила глаза.

На пороге кухни появилась стройная блондинка. Она удивленно уставилась на меня, затем на Лили, которая как ни в чем не бывало продолжала вяло кидать в рот кусочки ананаса. Женщина подошла к Лили и выхватила у нее из рук коробку.

– Где, черт возьми, ты была? В твоей школе уже рвут и мечут. Папочка обшаривает на машине окрестности. Мы уж, грешным делом, подумали, что тебя убили! Где ты была?

– Он не мой папа.

– И нечего со мной умничать, юная леди! Ты не можешь вот так взять и преспокойно заявиться домой, словно ничего не случилось! Ты хоть

представляешь себе, сколько неприятностей нам всем доставила?! Я полночи просидела с твоим братом, а потом так и не сомкнула глаз, поскольку переживала из-за тебя. Мне даже пришлось отменить поездку к бабушке Хотон, потому что мы не знали, где тебя искать.

Лили окинула мать холодным взглядом:

– Не понимаю, с чего это вдруг ты так разволновалась. Обычно тебе без разницы, где я и что со мной.

Женщина буквально оцепенела от гнева. Она казалась очень худой, такая худоба достигается экзотическими диетами или маниакальными занятиями спортом. У нее была дорогая стрижка – волосы крашенные, но смотрелись естественно – и, насколько я поняла, дизайнерские джинсы. Однако ее выдавало лицо, очень загорелое, но усталое и изможденное. Потом она повернулась в мою сторону:

– Значит, все это время она находилась у вас, да?

– Да, но...

Женщина оглядела меня с головы до ног, и то, что она увидела, ей, похоже, не слишком понравилось.

– Вы хоть отдадите себе отчет, сколько неприятностей вы нам доставили?! Вы хоть представляете, сколько ей лет?! И что, черт возьми, у вас может быть общего с такой юной девушкой?! Вам сколько лет? Не меньше тридцати, да?

– На самом деле я...

– Что все это значит? Лили, неужели у тебя какие-то отношения с этой женщиной?

– Ой, мама, заткнись, ради бога! – Лили снова взяла коробку с ананасом и теперь задумчиво шарила в ней указательным пальцем. – Это не то, что ты думаешь. Она тут вообще ни при чем. – Лили положила в рот последний кусочек, замолчала, чтобы прожевать, тем самым усилив драматический эффект, и только потом продолжила: – Это та женщина, что ухаживала за моим папой. Моим настоящим папой.

Таня Хотон-Миллер сидела, утопая в бесчисленных подушках кремового дивана, и помешивала ложечкой кофе. Я примостилась на краю дивана напротив, уставившись на огромные ароматические свечи французской фирмы «Диптик» и изящно разложенные журналы по интерьеру. Я боялась, что если откинусь на спинку дивана, то непременно пролью кофе себе на колени.

– Итак, как вы познакомились с моей дочерью? – устало произнесла Таня. Ее безымянный палец украшали два самых огромных бриллианта,

которые мне когда-либо доводилось видеть.

– На самом деле я с ней не знакомилась. Она заявила ко мне в квартиру. Я понятия не имела, кто она такая.

Тане потребовалось не меньше минуты, чтобы переварить услышанное.

– Значит, вы ухаживали за Уиллом Трейнором.

– Да, до самой его смерти.

В разговоре возникла короткая пауза, когда у нас над головой раздался грохот и мы, не сговариваясь, посмотрели на потолок.

– Мои сыновья, – вздохнула Таня. – У них... некоторые проблемы с поведением.

– А они... от вашего?..

– Они не от Уилла, если вы это хотели узнать.

В комнате снова стало тихо. Или почти тихо, так как сверху доносились непрекращающиеся яростные вопли. Раздался громкий удар – и наступило затишье, затишье перед бурей.

– Миссис Хотон-Миллер, – начала я, – это правда? Лили... действительно дочь Уилла Трейнора?

Она воинственно вздернула подбородок:

– Да.

Меня вдруг затрясло, и я поспешила поставить чашку на стол.

– Не понимаю... Не понимаю, как...

– Все очень просто. Мы с Уиллом встречались на последнем курсе университета. Естественно, я была влюблена в него по уши. В него все были влюблены. Хотя, должна вам сказать, это нельзя было назвать улицей с односторонним движением. Ну вы понимаете? – Она сдержанно улыбнулась и замолчала, словно ожидая от меня комментариев.

Нет, я решительно отказывалась понимать. Как Уилл мог не сказать мне, что у него есть дочь?! И это после всего того, через что нам пришлось вместе пройти!

– Короче, – продолжила Таня, – мы считались золотой парой. Вечеринки, катания на лодке, уик-энды за городом, ну сами знаете. Мы с Уиллом... Мы побывали везде. – Таня рассказывала свою историю так, словно та еще была свежа в памяти, словно эта женщина снова и снова прокручивала ее в голове. – А затем после студенческого бала в конце года мне пришлось уехать, чтобы помочь своей подруге Лизе, влипшей в какие-то неприятности, а когда я вернулась, Уилл уже ушел. И я понятия не имела куда. Я прождала его, потеряв счет времени, все потихоньку стали разъезжаться по домам, и тут наконец какая-то практически незнакомая

девушка подошла ко мне и сообщила, что Уилл уехал домой с девицей по имени Стефани Лоудон, которая – кто бы мог подумать! – давно положила на него глаз. Сперва я решила, что все это ложь, так как доверяла Уиллу. Но потом все равно поехала к ее дому и осталась караулить в машине. И вот, нате вам, в пять утра дверь открылась, показался Уилл, а затем они стояли и целовались прямо на пороге, словно им было плевать, что их могут увидеть и что потом будет. А когда я вышла из машины и накинулась на Уилла, он даже не потрудился хотя бы из вежливости сделать вид, будто ему стыдно. Он вел себя как ни в чем не бывало, типа я подняла много шума из-за ерунды, а когда я вконец расстроилась, заявил, что не стоит понапрасну растрачивать эмоции, поскольку в любом случае наши отношения не могли длиться вечно и после университета мы все равно расстались бы. А затем учеба закончилась, и, положив руку на сердце, я даже почувствовала некоторое облегчение – ведь кому приятно прослыть девушкой, которую бросил Уилл Трейнор? Хотя пережить все это оказалось очень нелегко, уж слишком резко он оборвал наши отношения, понимаете? В общем, после того, как мы окончили университет и он начал работать в Сити, я написала ему письмо с просьбой сходить куда-нибудь вместе выпить, чтобы я, по крайней мере, выяснила, что, ради всего святого, случилось, и закрыла тему. Ведь, с моей точки зрения, мы были вполне счастливы. Он не ответил, и тогда я позвонила ему, и он велел своей секретарше просто отправить эту... эту открытку, где говорилось, что она приносит свои извинения, но у Уилла очень плотный рабочий график и сейчас у него нет на меня времени, но он желает мне всего наилучшего. Всего наилучшего, – скривилась Таня.

У меня внутри все оборвалось. Как бы мне ни хотелось опровергнуть рассказ Тани, в ее словах была убийственная правда. Уилл как-то признался, что когда был моложе, то не слишком порядочно обходился с женщинами. («Я вел себя как последняя сволочь», – говорил он.)

– А затем, – продолжила Таня, – два месяца спустя я обнаружила, что забеременела. И было уже слишком поздно что-либо предпринимать, так как у меня никогда не было нормального цикла и я не сразу поняла, что уже пропустила первые две задержки. Поэтому я решила оставить ребенка. Но... – Тут она посмотрела на меня и снова, словно заранее защищаясь, воинственно вздернула подбородок. – Не было никакого смысла ему говорить. Только не после того, что он сказал и сделал.

Мой кофе давно остыл.

– Не было никакого смысла ему говорить?

– С него стало бы заявить, что он не желает иметь со мной ничего

общего. Он наверняка решил бы, что я специально подзалетела, чтобы заманить его в ловушку или типа того.

У меня отвисла челюсть. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы закрыть рот.

– Но вам... вам не кажется, что он имел право знать? Миссис Хотон-Миллер, вам не кажется, что, возможно, ему захотелось бы увидеть своего ребенка? Невзирая на то, что между вами произошло. – (Таня Хотон-Миллер поставила чашку и посмотрела на меня.) – Ей шестнадцать. Когда он умер, ей было четырнадцать или пятнадцать. Это ужасно большой...

– К этому времени у нас уже появился Фрэнсис. Он стал для нее отцом. И всегда относился к ней невероятно хорошо. Мы были семьей. Мы и сейчас семья.

– Я не понимаю...

– Послушайте, Уилл не заслужил права познакомиться со своей дочерью. – (Эти горькие слова будто повисли между нами в застывшем воздухе.) – Он был засранцем. Понятно? Уилл Трейнор был эгоистичным засранцем. – Она нервно убрала упавшую на лицо прядь волос. – Я действительно ничего не знала о том, что с ним произошло. Это стало для меня настоящим шоком. Но, честно признаться, я отнюдь не уверена, что это могло бы хоть что-нибудь изменить.

Я была в таком шоке, что не сразу обрела дар речи.

– Это изменило бы абсолютно все. Для него, – заявила я и, поймав неприязненный взгляд Тани Хотон-Миллер, продолжила дрогнувшим голосом: – Уилл наложил на себя руки, потому что не видел смысла жить дальше. Если бы он знал, что у него есть дочь...

Миссис Хотон-Миллер решительно встала с места:

– Ой, я вас умоляю! Только не надо навешивать на меня еще и это, мисс, как вас там. И я не собираюсь мучиться комплексом вины из-за самоубийства этого человека. Вы что, думаете, моя жизнь такая уж легкая? И кто дал вам право меня судить?! Если бы на вашу долю выпала хоть половина моих проблем... Нет. Уилл Трейнор был ужасным человеком.

– Уилл Трейнор был лучшим из всех, кого я знаю.

Она окинула меня пристальным взглядом:

– Да. Возможно, у каждого своя правда.

Мы сверлили друг друга глазами, и я подумала, что еще никогда в жизни не чувствовала к кому-то такой внезапной антипатии. Я встала, чтобы уйти, но тут тишину нарушил девичий голос:

– Значит, мой папа не подозревал о моем существовании.

Мы резко обернулись и увидели застывшую на пороге Лили. Таня

Хотон-Миллер побелела как полотно, но затем взяла себя в руки.

– Лили, я хотела оградить тебя от лишних страданий. Я слишком хорошо знала Уилла и была не готова поставить нас обоих в унижительное положение просительниц, уговаривающих кого-то вступить с ними в отношения, которых человек, возможно, и не желает. – Она пригладила волосы. – И вообще, ради бога, оставь эту свою чудовищную привычку подслушивать! Ты слышишь звон, но не знаешь, где он.

И тут мое терпение лопнуло. В довершение всего, когда я направилась к двери, наверху разорался маленький мальчик. После чего в лестничный пролет полетел пластмассовый грузовичок, который разбился на мелкие кусочки где-то внизу. Я увидела взволнованное лицо филиппинки, перегнувшейся через перила. И начала спускаться по ступенькам.

– Куда ты идешь?

– Прости, Лили. Давай... давай поговорим в другой раз.

– Но ты ведь так ничего и не рассказала о папе.

– Он не был твоим папой, – вмешалась в разговор Таня Хотон-Миллер. – Фрэнсис сделал для тебя столько, сколько Уилл никогда бы в жизни не сделал...

– Фрэнсис не мой отец! – рявкнула Лили.

Тем временем наверху снова раздался чудовищный грохот, а затем послышался женский голос, женщина что-то кричала на незнакомом мне языке. Игрушечный пулемет выпустил в воздух очередь пластиковых пулек. Таня Хотон-Миллер схватилась за голову:

– Нет, я этого не вынесу. Просто не вынесу!

Лили поймала меня у двери:

– А можно мне остаться у тебя?

– Что?

– В твоей квартире. Я не могу здесь находиться.

– Лили, не думаю...

– Только на одну ночь. Ну пожалуйста!

– Ой, да на здоровье! Пусть она поживет у вас день или два. Она составит вам прекрасную компанию. – Таня с саркастической улыбкой помахала рукой. – Ведь она такая вежливая, услужливая, любящая. О таком человеке в доме можно только мечтать! – Лицо Тани окаменело. – А что, давайте представим, как это будет. Вы в курсе, что она пьет? И курит? И что ее отчислили из школы? Она ведь наверняка поставила вас в известность, да? – (Лили стояла со скучающим видом, словно она уже миллион раз слышала эту шарманку.) – Она даже не потрудилась явиться на экзамены. Мы сделали для нее все, что было в наших силах.

Консультанты, лучшие школы, репетиторы. Фрэнсис относится к ней как к родной дочери. А она просто плюет нам в лицо. У моего мужа сейчас очень напряженная ситуация в банке, у мальчиков свои проблемы, но она ради нас и пальцем не пошевелит. И так было всегда.

– А тебе-то откуда знать? Меня полжизни воспитывали няни. А когда родились мальчики, ты отослала меня в пансион.

– Мне с вами со всеми было не справиться! Я делала, что могла.

– Ты делала, что хотела: начать новую жизнь с идеальной семьей уже без меня. – Лили снова повернулась ко мне. – Ну пожалуйста! Хоть немножечко! Обещаю, что не стану путаться у тебя под ногами. Я буду хорошей.

Конечно, мне следовало сказать «нет». Кто бы сомневался. Но я была жутко зла на эту женщину. И на секунду мне даже показалось, что я должна выступить от лица Уилла, сделав то, что он уже не в силах сделать.

– Отлично, – бросила я, повернувшись, и как раз вовремя, поскольку мимо моего уха просвистела какая-то конструкция лего, разлетевшаяся у моих ног на множество ярких кусочков. – Собирай вещи. Жду тебя в машине.

Вторая половина субботы прошла как в тумане. Мы перетащили в мою спальню оставшиеся коробки из гостевой комнаты, которая, перестав играть роль кладовой, была теперь предназначена для Лили. Я даже повесила валявшиеся без дела жалюзи, перенесла туда лампу, поставив ее на второй прикроватный столик. Я купила раскладушку, напольную стойку для одежды, новое пуховое одеяло и набор подушек, а потом мы вдвоем втащили все это добро на пятый этаж. Лили, похоже, нравилось, что у нее появилась хоть какая-то цель, и ее, похоже, вовсе не смущал сам факт переезда к практически незнакомому человеку. В тот вечер я смотрела, как она разбирала свои немногочисленные пожитки в гостевой комнате, и мне вдруг стало ужасно грустно. Боже мой, только очень несчастный ребенок мог согласиться сменить роскошь и комфорт родительского дома на походный аскетизм крошечной комнаты для гостей, с раскладушкой и рахитичной вешалкой для одежды!

Я приготовила пасту, остро ощущая всю странность того, что мне приходится готовить для кого-то еще, потом мы вместе посмотрели телевизор, в половине девятого у нее зазвонил телефон, и она попросила дать ей ручку и листок бумаги.

– Вот, – нацарапав какие-то цифры, сказала она, – это мамин мобильный. Ей нужен номер твоего телефона и адрес. На случай

непредвиденных ситуаций.

И у меня сразу мелькнула мысль: а как часто Лили намерена у меня оставаться?

В десять вечера я, вконец обессилив, сообщила Лили, что мне пора на боковую. Она сидела по-турецки на диване, смотрела телевизор и одновременно выстукивала кому-то сообщение на ноутбуке.

– Не засиживайся допоздна, хорошо? – В моих устах это прозвучало довольно фальшиво, словно я только строила из себя взрослую.

Но Лили буквально прилипла к экрану телевизора.

– Лили?

Она подняла голову, как будто только сейчас заметила мое присутствие.

– Ой да, совсем забыла тебе сказать. Я была там.

– Где – там?

– На крыше. Когда ты упала. Это я тогда вызвала «скорую».

И я неожиданно вспомнила ее – эти большие глаза на белеющем в темноте лице.

– Но... но что ты там делала?

– Я нашла твой адрес. И когда моя мамаша распсиховалась, я решила сперва разузнать о тебе, а потом попробовать поговорить. Ну, я увидела свет в твоём окне, а потом прикинула, что можно подняться наверх по пожарной лестнице и просто подождать. Но когда ты вышла на крышу и принялась валять дурака на самом краю, я подумала, что если хоть что-нибудь тебе скажу, то напугаю тебя до мокрых штанов.

– И поэтому ты сказала.

– Угу. Хотя я не хотела. Я реально решила, что убила тебя. – Она расхохоталась истерическим смехом.

С минуту мы обе молчали.

– Все считают, что я собиралась броситься с крыши.

– Неужели? – резко повернулась ко мне Лили.

– Ага.

Она на секунду задумалась.

– Из-за того, что случилось с моим папой?

– Да.

– А ты по нему скучаешь?

– Каждый божий день.

Лили притихла, а потом неожиданно спросила:

– А когда у тебя следующий выходной?

- В воскресенье, – ответила я, пытаюсь собраться с мыслями.
- А мы можем съездить в твой родной город?
- Ты что, хочешь поехать в Стортфорд?
- Я хочу увидеть, где он жил.

Глава 8

Я не стала предупреждать папу о нашем приезде. Так как не вполне представляла себе, что скажу домашним. Я остановила машину, но еще с минуту продолжала сидеть на месте. Лили прильнула к окну, и я вдруг с пронзительной остротой осознала всю убогость нашего маленького дома по сравнению с особняком ее родителей. Когда я сказала Лили, что мама наверняка захочет оставить нас на ланч, девочка настояла на том, чтобы купить цветы, но мое предложение купить на ближайшей заправке гвоздики она встретила в штыки, хотя цветы предназначались для людей, которых она в жизни не видела.

Мне пришлось заехать в супермаркет на другом конце Стортфолда, и там Лили выбрала огромный, перевязанный бантом букет из фрезий, пионов и лютиков, за который, естественно, заплатила я.

– Посиди пока тут, – остановила я Лили, уже собравшуюся было вылезти из машины. – Сперва мне надо им кое-что насчет тебя объяснить.

– Но...

– Положись на меня. Давай дадим им время очухаться.

Я прошла по дорожке через маленький садик и постучала в дверь. Я услышала доносившееся из гостиной невнятное бормотание телевизора и представила, как дедушка в своем кресле напряженно следит за скачками, шевеля губами в такт стука копыт. Звуки и образы родного дома. Я вспомнила о долгих месяцах, которые провела на чужбине, сомневаясь в том, что меня примут обратно, и стараясь не думать, каково это – вновь пройти по знакомой дорожке, оказаться в кольце маминых рук, пахнущих кондиционером для белья, услышать папин раскатистый смех.

Папа открыл дверь, и у него от удивления глаза полезли на лоб.

– Лу! А мы тебя не ждали!.. Разве мы тебя ждали? – Шагнув вперед, он заключил меня в медвежьи объятия. И я сразу почувствовала себя вернувшейся блудной дочерью.

– Привет, па.

Он остался стоять на ступеньке с вытянутой рукой. Из коридора потянуло жареным цыпленком.

– Ну так как, может, зайдешь или нам устроить пикник прямо на крыльце?

– Да, но сперва мне надо тебе кое-что сказать.

– Ты потеряла работу.

– Нет, я не теряла своей...

– Ты наколола еще одно тату.

– Откуда ты узнал про тату?

– Я твой отец. И знаю все, черт возьми, что сделала ты или твоя сестра с тех пор, как вы вышли из младенческого возраста. – Он наклонился ко мне поближе и прошептал: – А вот твоя мать никогда бы не позволила мне украсить себя наколкой.

– Нет, папа. Я не наколола еще одно тату. – Я набрала в грудь побольше воздуха. – Я... я привезла с собой дочку Уилла.

Папа ошалело уставился на меня. У него за спиной возникла мама, в своем неизменном переднике.

– Лу! – Поймав папин взгляд, она тотчас же всполошилась. – Что? Что случилось?

– Она говорит, что приехала с дочкой Уилла.

– С кем с кем она приехала?! – ахнула мама.

Папа вдруг резко побледнел и, нащупав за спиной батарею, поспешно ухватился за нее.

– Ну что еще? – рассердилась я. – Что случилось?

– Ты же... не хочешь сказать, что... выносила... э-э-э... его ребеночка?

Я скорчила страшную рожу:

– Она в машине. Ей шестнадцать.

– Ох, слава богу! Ох, Джози, слава богу! В наше время всякое бывает... Никогда не знаешь... – Наконец папа взял себя в руки. – Дочка Уилла, говоришь? Ты никогда не рассказывала о...

– Я не знала. Никто не знал.

Мама попыталась заглянуть из-за папиного плеча в мою машину, а сидевшая там Лили старательно делала вид, будто не знает, что речь идет о ней.

– Ну, тогда приглашай ее в дом, – сказала мама, прижав руки к шее. – У нас сегодня цыпленок вполне приличного размера. Хватит на всех, если я добавлю еще картошки. – Она растерянно покачала головой. – Нет, надо же, дочка Уилла! Боже мой, Лу! От тебя действительно можно ожидать чего угодно. – Она наклонилась вперед, чтобы помахать рукой Лили, та неуверенно помахала в ответ. – Иди сюда, дорогая!

Папа приветственно поднял руку, а затем едва слышно спросил:

– Мистер Трейнор знает?

– Пока нет.

– Ну-с, а что там у нас еще? – потеряв грудь, спросил папа.

– Ты о чем?

– Это ты мне должна сказать. Я имею в виду, помимо прыжков с крыши и возвращения потерянных детей. Надеюсь, ты не поступила в цирк, не усыновила ребенка из Казахстана или типа того?

– Папа, клянусь, тут моя совесть чиста. По крайней мере, пока.

– Что ж, и на том спасибо. А который час? Я не отказался бы выпить.

– Лили, в какой школе ты учишься?

– В небольшом пансионе в Шропшире. Вряд ли о нем кто-либо когда-либо слышал. Там в основном дебилы-аристократы и представители побочных ветвей румынской королевской семьи.

Мы всемером теснились за обеденным столом в гостиной, причем шестеро из нас истово молились в душе, чтобы никому не приспичило в туалет, так как тогда придется вставать и двигать стол ближе к дивану.

– Пансион, значит? Буфеты, полночные посиделки и все такое? Зуб даю, это клево.

– Не совсем. Они закрыли буфет в прошлом году, потому что многие девочки заработали нервную анорексию^[8] и, съев «Сникерс», например, специально вызывали у себя рвоту.

– Мама Лили живет в Сент-Джонс-Вуде, – сообщила я. – Лили побудет со мной парочку дней, чтобы... Чтобы поближе познакомиться с родственниками... с другой стороны.

– В нашем городе живет уже не одно поколение Трейноров, – сказала мама.

– Правда? – заинтересовалась Лили. – А вы их знаете?

– Не то чтобы... – замялась мама.

– А какой у них дом?

– Ну, о таких вещах лучше спрашивать Лу. – Мамино лицо сразу окаменело. – Это Лу у нас проводила там... все свое время.

Лили явно ждала продолжения. Папа вопросительно взглянул на маму:

– Я работаю с мистером Трейнором, управляющим замком.

– Дедушка! – воскликнул дедушка и рассмеялся.

Лили посмотрела на него, потом на меня. Я ответила ей ободряющей улыбкой.

– Все верно, дедуля, – сказала мама. – Он приходится Лили дедушкой. Совсем как ты – Лу. Кому еще картошки?

– Дедушка, – с довольным видом тихо повторила Лили.

– Мы позвоним им и... все расскажем, – предложила я. – Если хочешь, можно на обратном пути проехать мимо их дома. Чтобы ты хоть краем глаза на него взглянула.

Пока мы обменивались мнениями, моя сестра сидела молча. Лили усадили рядом с Томом в слабой надежде на то, что это его дисциплинирует, хотя некоторый риск, что он заведет разговор о паразитах в заднем проходе, все же имелся. Трина внимательно следила за Лили. Сестра оказалась более подозрительной, чем мои родители, поверившие во все то, что я им выдала на голубом глазу. И в конце концов задала мне все те вопросы, что, как запертая птица, стучали у меня в мозгу. *Откуда я узнала, что она та, за кого себя выдает? Что ей было надо? И наконец, с чего это вдруг, ради всего святого, родная мать захотела, чтобы девочка осталась со мной?*

– И как долго она у тебя пробудет? – едва слышно спросила Трина, пока папа распинаялся насчет работ с зазеленевшим дубом.

– Мы это еще не обсуждали.

Трина состроила гримасу, красноречивей любых слов говорившую, что я форменная идиотка, но ее это нисколько не удивляет.

– Трин, она переночевала у меня всего два раза. И она еще совсем юная.

– Вот и я о том же. А что ты вообще понимаешь в воспитании детей?

– Она уже не ребенок.

– Она хуже, чем ребенок. Подростки – что твои карапузы, только с переизбытком гормонов. Считают себя достаточно взрослыми, чтобы делать то, что им заблагорассудится, а здравого смысла – чуть. Она могла вляпаться в самые разные неприятности. Поверить не могу, что ты затеяла эту авантюру.

Я передала сестре соусник:

– Привет, Лу. Ты молодец, что держишь хвост пистолетом. Поздравляю, что сумела пережить этот ужасный инцидент. Мне очень приятно тебя видеть.

Трина вернула мне солонку и едва слышно сказала:

– Понимаешь, тебе с этим не справиться, так же как... – И тут ее голос затих.

– Так же как с чем?

– Со своей депрессией.

– Нет у меня никакой депрессии! – огрызнулась я. – Трина, я не в депрессии. Повторяю еще раз для дураков: я не бросалась вниз с крыши дома.

– Ты уже давным-давно сама на себя не похожа. И случилось это гораздо раньше, чем вся эта история с Уиллом.

– Ну что мне еще сделать, чтобы тебя убедить? Перекувырнуться?

Я нашла работу. Хожу на физиотерапию выправить бедро и на занятия групповой психотерапии вправить себе мозги. По-моему, я очень даже неплохо справляюсь. – Я поняла, что все за столом меня внимательно слушают. – Ой, я совсем забыла самое главное. Лили была там. Она видела, как я упала. Оказывается, это она вызвала «скорую». – (Теперь ко мне были прикованы взгляды всех членов моей семьи.) – Я... не нарочно прыгнула с крыши. Да-да. Она видела, как я упала. И вызвала «скорую»... Лили, я как раз объясняю своей сестре. Ведь ты была там, когда я упала, так? Теперь верите? Я говорила вам, что слышала девчоночий голос. Я еще не совсем сошла с ума. На самом деле она все видела. Я поскользнулась, так?

Лили, продолжая жевать, оторвала глаза от тарелки. Как только мы сели за стол, она только и делала, что уписывала еду за обе щеки.

– Угу. Она стопудово не пыталась покончить с собой.

Папа с мамой переглянулись и посмотрели на меня. Мама облегченно вздохнула, незаметно перекрестилась и улыбнулась мне. Сестра удивленно вздернула брови, что с ее стороны было равнозначно тому, чтобы принести мне свои извинения. У меня даже немного поднялось настроение.

– Угу. Она просто что-то выкрикивала в небо. – Лили театрально взмахнула вилок. – Потому что была пьяная в стельку.

В комнате повисло неловкое молчание.

– О-о-о... – протянул папа. – Ну тогда все...

– Все хорошо, – закончила за него мама.

– Цыпленок просто объедение, – сказала Лили. – А можно еще кусочек?

Мы остались до вечера, отчасти потому, что каждый раз, как я вскакивала, чтобы распрощаться, мама впихивала в нас очередную порцию еды, а отчасти потому, что Лили болтала с моими домашними, и это каким-то образом помогало разрядить обстановку. А когда солнце стало клониться к горизонту, мы с папой уселись в садике позади дома на два шезлонга, которые каким-то чудом умудрились окончательно не сгнить за прошлую зиму. Правда, мы с папой все же решили не рисковать и без нужды лишний раз не шевелиться.

– А ты знаешь, что твоя сестра читает книгу «Женщина-евнух»^[9] и какое-то дерьмо под названием «Женская спальня» или вроде того? Она утверждает, что твоя мать – это классический пример угнетенной женщины, а тот факт, что мама с этим не согласна, – еще одно свидетельство ее угнетения. Трина пытается убедить маму, что я должен

заниматься стряпней и уборкой, ну и вообще, утверждает, будто я какой-то чертов пещерный человек. Но когда я осмеливаюсь ей возразить, она начинает говорить, чтобы я «ограничил свои привилегии». Ограничил свои привилегии! А я сказал ей, что я бы с радостью, если бы знал, куда ее мать их засунула.

– А у мамы, похоже, все отлично, – заметила я.

Я отхлебнула чая и, услышав, что мама моет посуду, почувствовала легкий укол совести.

Папа грустно отвернулся:

– Она уже три недели не брила ноги. Три недели, Лу! Положа руку на сердце, у меня мурашки по спине ползут, когда я в постели случайно до них дотрагиваюсь. Я уже две ночи подряд сплю на диване. Лу, я одного не могу понять. Почему люди не способны довольствоваться тем, что у них есть? Ведь твоя мама была довольна, а значит, и я тоже. Каждый из нас отлично знает, в чем состоит его роль. Я тот, кому положено иметь волосатые ноги. Она та, кому впору резиновые перчатки. Все проще пареной репы.

В глубине садика Лили учила Тома имитировать птичьи голоса с помощью толстой травинки. Том держал травинку большими пальцами, но недостающие четыре передних зуба явно препятствовали процессу образования звука, поэтому Том лишь фыркал и брызгал слюной.

Мы с папой сидели в уютном молчании и слушали, как дети визгливыми криками подражают голосам птиц, дедушка что-то уныло насвистывает себе под нос, а соседская собака жалобно скулит под закрытой дверью. И я вдруг поняла, какое это счастье – снова оказаться дома.

– А как там поживает мистер Трейнор?

– О-о-о... Великолепно. Представляешь, он снова собирается стать отцом!

Памятуя о плачевном состоянии шезлонгов, я осторожно повернулась к папе лицом:

– Да неужели?!

– Но это не миссис Трейнор... Она переехала сразу после... ну, ты понимаешь. Он теперь с рыжеволосой женщиной. Ох, запоматывал, как ее зовут.

– Делла, – подсказала я.

– Ага. Она самая. Похоже, они знакомы уже очень давно, но, мне кажется, ее беременность для обоих стала неожиданностью. – Папа открыл очередную банку пива. – Теперь он даже выглядит бодрее. По-

моему, для него это как подарок – получить нового сына или дочь. Будет на что отвлечься.

В глубине души мне хотелось его осудить. Но я отлично понимала, что после всего того, что произошло, мистеру Трейнору необходимо хоть какое-то светлое пятно в жизни. Чтобы любой ценой вырваться из трясины горя.

Они все еще вместе только из-за меня, не раз говорил мне Уилл.

– А как, по-твоему, он отнесется к Лили?

– Понятия не имею, солнышко, – ответил папа и, немного подумав, добавил: – Полагаю, он будет счастлив. Ведь так он словно получит частицу своего сына.

– А как насчет миссис Трейнор?

– Не знаю, солнышко. Я вообще понятия не имею, где она сейчас живет.

– Лили... очень трудный ребенок.

Папа разразился веселым смехом:

– Чья бы корова мычала! Вы с Триной нас с матерью просто с ума сводили своими поздними гулянками, парнями и любовными трагедиями. Так что тебе будет даже полезно прочувствовать все на собственной шкуре. – Папа отхлебнул пива и снова засмеялся. – Это хорошие новости, дорогая. Я рад, что тебе не придется куковать одной в пустой квартире.

Травинка Томми издала нечто похожее на птичий крик. Лицо мальчика просветлело, и он ткнул травинкой в небо. Мы с папой одобрительно подняли большие пальцы.

– Па! – (Он молча повернулся ко мне.) – Ты ведь знаешь, что у меня все прекрасно, да?

– Знаю, дорогая. – Он дружески толкнул меня плечом. – Но ты, конечно, понимаешь, что это моя работа – волноваться за тебя. И я буду волноваться за тебя до тех пор, пока не смогу самостоятельно подняться со стула. – Он опасливо покосился на шезлонг. – Что может случиться гораздо раньше, чем мне хотелось бы.

Мы уехали незадолго до пяти. Я посмотрела в зеркало заднего вида. Трина – единственная из всей нашей семьи, кто не помахал нам вслед. Она стояла со сложенными на груди руками и, напряженно вытянув шею, провожала нас глазами.

Мы вернулись домой, и Лили сразу исчезла на крыше. Я там не была со времени того несчастного случая, убедив себя, что весной даже не стоит и пытаться, что пожарная лестница скользкая после дождя, что вид

мертвых растений в горшках пробудит во мне чувство вины, но, положив руку на сердце, причина была в банальном страхе. При одной мысли о том, что надо подняться на крышу, у меня начинало колотиться сердце; я сразу вспоминала, как уходила из-под ног земля, словно кто-то выдернул из-под меня коврик.

Увидев, что Лили лезет на пожарную лестницу из окна в коридоре, я крикнула ей вслед, что жду ее обратно через двадцать минут. Но прошло уже двадцать пять минут, и я начала беспокоиться. Я выглянула в окно, чтобы позвать Лили, но в ответ слышала лишь монотонный гул транспорта. Через тридцать пять минут я, чертыхаясь, полезла на пожарную лестницу.

Было довольно жарко, и битумное покрытие крыши буквально плавилось. Снизу доносились звуки и запахи ленивого воскресного вечера: тархтение редких машин, музыка из распахнутых окон, смех околачивающихся на углу юнцов, ароматы жарящегося на углях мяса. Лили сидела на перевернутом цветочном горшке и смотрела на город. А я стояла, прислонившись спиной к баку для воды, не в силах побороть приступы паники, когда Лили опасно перегибалась через край.

Нет, мне явно не стоило сюда подниматься. Крыша качалась под ногами, словно палуба корабля. Тогда я пробралась к заржавевшей железной скамье и тяжело опустилась на нее. Мое тело сохранило память о том, каково это – стоять на карнизе, а еще о том, как бесконечно мала разница между основательностью материального мира и зыбкостью нашего существования, как легко положить конец всему, что измеряется самыми мелкими единицами физических величин, таких как граммы, миллиметры и градусы, и от осознания этого факта волосы у меня на руках встали дыбом, а по загривку потекла тонкая струйка пота.

– Лили, не могла бы ты спуститься вниз?

– Все твои растения засохли. – Она повернулась ко мне и принялась обрывать пожухлые листья с засохшего стебля.

– Естественно. Я не была здесь уже несколько месяцев.

– Ты очень нехорошо сделала, что загубила растения. Это жестоко.

Я бросила на нее испытующий взгляд, решив, что она, наверное, шутит, но, похоже, Лили говорила вполне серьезно. Она отломала веточку и принялась изучать высохшую сердцевину. Затем снова посмотрела на город внизу:

– А как ты познакомилась с моим папой?

Я ухватилась за угол бака для воды, пытаюсь унять дрожь.

– Подала заявление, предложив свои услуги в качестве сиделки.

И меня взяли.

– Несмотря на то, что у тебя не было никакой медицинской подготовки?

– Да.

Лили отшвырнула сухую ветку и задумалась. Затем встала, прошла в дальний конец террасы и застыла там, скрестив на груди руки и расставив ноги, точь-в-точь как амазонка, только очень тщедушная.

– Он был красивым, да?

Земля снова стала уходить у меня из-под ног. Нет, пора срочно спускаться вниз.

– Лили, все. Я больше не могу здесь оставаться.

– А тебе что, действительно страшно?

– Просто я действительно хочу вниз. Пожалуйста.

Она посмотрела на меня, склонив голову, словно не могла решить, как лучше поступить. Шагнула к краю крыши и подняла ногу, причем так медленно, что я успела покрыться холодным потом. Затем повернулась ко мне, ухмыльнулась, сунула в зубы сигарету и направилась к пожарной лестнице.

– Не валяй дурака! Ты наверняка больше не свалишься. Снаряд в одну воронку дважды не падает.

– Угу. И тем не менее не стоит испытывать судьбу.

Несколько минут спустя, когда я наконец сумела взять себя в руки, мы преодолели два марша шаткой пожарной лестницы. А возле окна в коридор я вдруг поняла, что у меня не осталось сил, и тяжело опустилась на ступеньку.

Лили сделала большие глаза, но продолжала терпеливо ждать. А когда до нее наконец дошло, что я не могу пошевелиться, уселась на ступеньку рядом со мной. На самом деле мы спустились всего-то на десять футов, но теперь, когда из окна проглядывался мой коридор, а по бокам были перила, я поняла, что ко мне вернулась способность нормально дышать.

– Я знаю, что тебе поможет. – Лили сунула мне под нос свою самокрутку.

– Ты что, реально хочешь, чтобы я обкурилась? На такой высоте? Надеюсь, ты не забыла, что я уже однажды падала с крыши?

– Это поможет тебе расслабиться, – сказала Лили, а когда я решительно отвергла ее предложение, добавила: – Ой, да ладно тебе. Ты что, самый правильный человек во всем Лондоне?

– Я вовсе не из Лондона.

Оглядываясь назад, я сама себе удивлялась. Это ж надо, мною

манипулировала какая-то малолетка! Но Лили была похожа на тех реально крутых девчонок из моего класса, на которых мне всегда хотелось произвести впечатление. Поэтому, прежде чем она успела открыть рот, я взяла у нее косячок, неуверенно затянулась и постаралась не закашляться, когда у меня запершило в горле.

– Так или иначе, тебе всего шестнадцать, – пробормотала я. – Ты не должна этого делать.

Лили перегнулась через перила:

– А ты чувствовала к нему физическое влечение?

– К кому? К твоему папе? Поначалу нет.

– Потому что он был в инвалидном кресле?

Потому что он был похож на Дэниела Дэй-Льюиса^[10] в фильме «Моя левая нога» и пугал меня до мокрых штанов, хотела я сказать, но было лень вдаваться в подробности.

– Нет. Его инвалидное кресло волновало меня в последнюю очередь. Он мне не понравился, потому что... он был очень сердитым. И агрессивным. Вряд ли можно почувствовать физическое влечение к такому человеку.

– А я на него похожа? Я нашла его фото в поисковике, но не могу сказать.

– Немного. Цвет волос. Возможно, глаза.

– Мама сказала, что он был реально красивым. Поэтому и стал настоящим засранцем. Ну, может, не только поэтому. – Лили повернулась ко мне. – Когда я действую ей на нервы, она всегда жалуется, что я совсем как он. «Боже мой, ты совсем как Уилл Трейнор!» Она всегда говорила «Уилл Трейнор». И никогда – «твой отец». Она хотела, чтобы Урод был моим отцом, хотя и ежу понятно, что он мне никто. Похоже, ей кажется, что если она станет постоянно твердить, что мы одна семья, то все так и будет.

Я сделала еще одну затяжку, и меня вдруг повело. Если не считать того вечера в баре в Париже, когда я полностью отключилась, я тысячу лет не курила травку. Я почувствовала прилив крови к голове, но не поняла, хорошо это или нет.

– Знаешь, я словила бы большой кайф, если бы знала наверняка, что совершенно точно не навернусь с этой чертовой лестницы.

Лили забрала у меня косячок:

– Блин, Луиза! Почему бы тебе немного не развлечься? – Она сделала глубокую затяжку и откинула назад голову. – А он говорил тебе, что чувствует? Чувствует на самом деле.

Она снова затянулась и передала самокрутку мне. Травка на нее, кажется, вообще не действовала.

– Да.

– А вы ссорились?

– Всю дорогу. Но и смеялись тоже.

– А он был в тебя влюблен?

– Влюблен в меня? Сомневаюсь, что здесь уместно слово «влюблен».

Я молча шевелила губами, пытаюсь найти нужные слова, которых не было. Ну как объяснить этой девочке, кем были друг для друга мы с Уиллом? Что я сумела узнать его даже лучше, чем знала саму себя? И что никто на свете не понимал и не будет понимать меня так, как он? Разве она может хоть на секунду представить, что для меня потерять Уилла было равнозначно ранению в самое сердце, напоминающему о себе ноющей болью; пустоте, которую я не в силах заполнить?

Лили уставилась на меня во все глаза.

– Он был в тебя влюблен! Мой папа точно был в тебя влюблен, – захихикала она.

Это было так глупо, да и само слово настолько нелепо применительно к тому, что действительно происходило между мной и Уиллом, что я, сама того не желая, тоже захихикала.

– Папа тебя хотел. Умереть не встать! – Она судорожно вздохнула и повернулась ко мне. – Боже мой! Ведь ты могла быть МОЕЙ МАЧЕХОЙ.

Мы посмотрели друг на друга в притворном ужасе, и это ее заявление внезапно превратилось в непреложный факт, ставший самой забавной вещью, которую мы когда-либо слышали. Я чувствовала, что меня душит смех. Смех, от которого на глаза наворачиваются слезы и трясутся плечи. Я хохотала до колик в животе. Стоило мне посмотреть на Лили, как я заходила в новом приступе истерического смеха. Я полностью отдалась этому безудержному веселью, ведь мне уже давным-давно не было так смешно.

– А вы занимались сексом?

И этот ее вопрос сразу все испортил.

– Ну хватит! Наш разговор становится странным.

Лили скорчила рожицу:

– Ваши отношения тоже кажутся странными.

– Вовсе нет. Они... Они...

Неожиданно я поняла, что это уже перебор. Крыша, расспросы, косячок, воспоминания об Уилле. Мы с Лили словно заклинаниями соткали из воздуха его образ. И я снова увидела его улыбку, почувствовала его лицо

рядом со своим, хотя отнюдь не была уверена, что действительно этого хочу. Я слегка опустила голову, выбрала для себя точку на террасе на крыше и уставилась на нее через раздвинутые колени. Дыши! – молча велела я себе.

– Луиза?

– Что?

– Скажи, а он всегда планировал отправиться в то самое место? В «Дигнитас»?

Я кивнула. Мысленно повторила название, пытаясь подавить приступ растущей паники. Вдох. Выдох. *Просто дыши.*

– А ты пыталась его отговорить?

– Уилл был... упрямым.

– Вы ссорились из-за этого?

– До самого последнего дня, – тяжело сглотнула я.

До последнего дня. Почему я так сказала? Я закрыла глаза.

А когда снова их открыла, то обнаружила, что Лили за мной наблюдает.

– А ты была с ним, когда он умер?

Наши глаза встретились. Подростки такие жестокие, подумала я. Для них не существует границ дозволенного. И они ничего не боятся.

По глазам Лили я поняла, что она готовится задать очередной вопрос. Но, возможно, она была не такой храброй, как мне казалось.

– Ну а когда ты собираешься рассказать обо мне его родителям? – наконец спросила она.

У меня закружилась голова.

– На этой неделе. Позвоню на этой неделе.

Она кивнула и поспешно отвернулась, чтобы я не видела выражения ее лица. Медленно вдохнула дым. А потом резко швырнула косячок между ступеньками пожарной лестницы и, не оглядываясь, влезла через окно в квартиру. Подождав, пока ноги не перестанут дрожать, я последовала за Лили.

Глава 9

Я позвонила во вторник в обеденное время, когда из-за однодневной совместной забастовки французских и немецких авиадиспетчеров бар практически опустел. Дождавшись, пока Ричард отправится к оптовикам, я вышла в зону ожидания за последним женским туалетом, перед таможней, и нашла в телефоне номер, который так и не решилась стереть.

После трех-четырех длинных гудков у меня возникло непреодолимое желание нажать на кнопку «Сброс». Но затем я услышала мужской голос и узнала знакомую манеру проглатывать гласные.

– Алло?

– Мистер Трейнор? Это... Лу.

– Лу?

– Луиза Кларк.

Короткое молчание. Я буквально слышала, как при одном только упоминании моего имени на него камнепадом обрушиваются воспоминания, и, как ни странно, почувствовала себя виноватой. Последний раз я видела его на похоронах Уилла. Раньше времени постаревший мужчина, буквально раздавленный горем.

– Луиза. Ну... Боже мой! Это... Как поживаете?

Я немного посторонилась, пропустив Вайолет с ее тележкой. Вайолет кивнула и, поправив свободной рукой лиловый тюрбан, наградила меня понимающей улыбкой. Я заметила, что ногти у нее разрисованы миниатюрными английскими флагами.

– Очень хорошо. А вы?

– О-о-о, знаете ли... На самом деле тоже очень хорошо. Со времени нашей последней встречи обстоятельства немного изменились, но это все... вы понимаете...

Он на время утратил свое привычное добродушие, и я вдруг растерялась. Сделав глубокий вдох, я продолжила:

– Мистер Трейнор, я звоню вам потому, что мне надо с вами серьезно поговорить.

– Мне казалось, Майкл Лоулер уладил все финансовые вопросы. – Тон его голоса едва заметно изменился.

– Речь вовсе не о деньгах. – Я закрыла глаза. – Мистер Трейнор, недавно ко мне пришел посетитель, и мне кажется, вам не мешало бы с ним встретиться.

Какая-то женщина стукнула меня по ноге чемоданом на колесиках и пробормотала извинения. Я убрала ногу и отвернулась.

– Мне очень непросто это сделать, но я хочу сказать вам одну вещь. У Уилла осталась дочь. Она нагрянула ко мне как гром среди ясного неба, и ей не терпится с вами встретиться. – (Длинная пауза.) – Мистер Трейнор?

– Простите. Не могли бы вы повторить то, что сейчас сказали?

– У Уилла осталась дочь. Он этого не знал. Ее мать – старая университетская подружка Уилла, которая в свое время взяла на себя смелость не ставить его в известность. Его дочь вышла на меня, и теперь она очень хочет встретиться с вами. Ей шестнадцать. Ее зовут Лили.

– Лили?

– Да. Я говорила с ее матерью, и та, похоже, не врет. Женщина по фамилии Миллер. Таня Миллер.

– Я... Я не помню ее. Но у Уилла была чертова уйма подружек. – И снова длинная пауза. Когда мистер Трейнор заговорил, его голос звучал слегка надтреснуто: – Значит, у Уилла осталась дочь.

– Да. Ваша внучка.

– Вы... вы действительно считаете, что она его дочь?

– Я видела ее мать и своими ушами слышала все, что та говорила об Уилле, и да, я действительно считаю, что Лили его дочь.

– Ох! Господи боже мой!

Я услышала чей-то далекий голос:

– Стивен? Стивен? Ты в порядке?

И опять молчание.

– Мистер Трейнор?

– Извините. Это просто... Я немного...

Я приложила руку ко лбу:

– Понимаю, для вас это самый настоящий шок. Простите. Но я не знала, как получше вам это преподнести. Мне не хотелось бы вот так появляться в вашем доме, если...

– Нет-нет, не извиняйтесь. Чудесные новости! Потрясающие новости! Надо же, внучка!

– Что происходит? Почему ты сидишь в такой странной позе? – Голос человека на заднем фоне звучал озабоченно.

Я поняла, что мистер Тренор прикрыл телефон рукой:

– Со мной все в порядке, дорогая. Правда. Через минуту я... тебе все объясню.

И снова возбужденное перешептывание. После чего мистер Трейнор возвратился к прерванному разговору, но теперь в его голосе явно

проскальзывали нотки сомнения:

– Луиза?

– Да?

– А вы абсолютно уверены? Я хочу сказать, что это как-то...

– На все сто, мистер Трейнор. И буду счастлива вам все объяснить. Ей шестнадцать, и она полна жизни, и она... ну, она горит желанием узнать побольше о семье, о существовании которой и не подозревала.

– Господи боже мой! Боже мой... Луиза?

– Я еще здесь.

И когда он снова заговорил, я почувствовала, что глаза у меня вдруг наполнились слезами.

– А как... как мне с ней встретиться? Как нам устроить встречу с... Лили?

Мы отправились туда в следующую субботу. Лили боялась ехать одна, хотя прямо об этом не говорила. Она просто заявила, что будет лучше, если я сама все скажу мистеру Трейнору, так как «старикам легче найти общий язык».

Мы ехали в угнетающей тишине. От волнения, что придется снова переступить порог дома Трейноров, меня даже начало подташнивать, хотя я не могла объяснить это своей пассажирке. Лили упорно молчала.

А он тебе поверил?

Да, ответила я Лили. Полагаю, что да. Хотя будет разумно с ее стороны сдать кровь на генетический тест, чтобы развеять все сомнения.

Он сам попросил о встрече со мной или это твоя идея?

Но я не помнила. После разговора с мистером Трейнором у меня стоял туман в голове.

А что, если я обману его ожидания?

Я сомневалась, что он ожидает увидеть что-то такое особенное. Ведь он только три дня назад обнаружил, что у него есть внучка.

Лили объявилась у меня в пятницу вечером, хотя я ждала ее только в субботу утром, но она сказала, что мама на нее не по-детски наехала, а Урод Фрэнсис заявил, что ей давно пора повзрослеть. «И это говорит человек, у которого целая комната отведена под игрушечную железную дорогу», – презрительно фыркнула Лили.

Я сказала, что она может оставаться у меня сколько угодно, но при следующих условиях: а) я получу подтверждение от ее мамы, что она в курсе ее местонахождения; б) она не будет пить спиртное; в) она не будет курить в доме. Это означало, что, пока я принимала душ,

она просто отправлялась в магазинчик Самира через дорогу и болтала с ним, за разговором успевая выкурить сигаретку-другую. Но я решила не придирается по пустякам. Таня Хотон-Миллер почти двадцать минут жаловалась мне по телефону на свою невыносимую жизнь, в частности на совершенно невыносимую Лили, затем четыре раза подряд повторила, что мне не стоит отправлять Лили домой буквально через сорок восемь часов, и закончила разговор только тогда, когда откуда-то сверху донесся ужасающий грохот, означающий, что дела приняли явно плохой оборот. Я ошеломленно держала в руке замолчавший телефон, прислушиваясь, как Лили гремит чем-то на моей маленькой кухне, а незнакомая музыка заставляет дрожать немногочисленные предметы обстановки гостиной.

Ну ладно, Уилл, мысленно обратилась я к нему. Если ты действительно хотел, чтобы у меня началась новая жизнь, тебе это удалось.

На следующий день я вошла в гостевую комнату разбудить Лили и обнаружила, что она вовсе не спит, а сидит, обхватив коленки рукой, и курит в открытое окно. На кровати высилась гора одежды, будто Лили перемерила кучу нарядов и все забраковала.

Она сердито зыркнула на меня, словно предупреждая, чтобы я не смела ничего говорить. Перед глазами тотчас же возник образ Уилла, который сидит, отвернувшись от окна, в своем инвалидном кресле, а взгляд его полон ярости и боли, и у меня перехватило дыхание.

– Мы выезжаем через полчаса, – сказала я.

Мы въехали на окраину Стортфолда около одиннадцати. Узенькие улочки города были запружены группами туристов – точь-в-точь стаи птиц в ярком оперении, – бесцельно бродивших, с путеводителями и мороженым в руках, мимо кафе и сувенирных лавок, где торговали тарелками с изображением замка и календарями, которые по приезде домой будут наверняка похоронены в дальнем углу ящиков комода. Я медленно проехала мимо замка в длинном хвосте экскурсионных автобусов, удивляясь экипировке туристов, не меняющейся из года в год и состоящей из непромокаемых плащей, летних курток и шляп от солнца. В этом году в городе отмечалось пятисотлетие замка, и куда ни помотришь, везде были постеры с рекламой связанных с этим событием мероприятий: танцоры в народных костюмах, жареная свинина, торжественные мероприятия...

Я припарковалась у парадного входа, почувствовав страшное облегчение, что не пришлось ехать к пристройке, где я провела так много

времени с Уиллом. Мы сидели в машине и прислушивались к урчанию мотора. Лили, как я заметила, успела до мяса обкусать ногти.

– Ты в порядке? – (Она лишь передернула плечами.) – Ну что, тогда пройдем в дом?

Она уставилась себе под ноги:

– А что, если я ему не понравлюсь?

– С чего это вдруг?

– Я никому не нравлюсь.

– Уверена, ты ошибаешься.

– В школе меня никто не любит. А родители спят и видят, чтобы избавиться от меня. – Лили свирепо впила зубами в ноготь большого пальца. – Какая нормальная мать позволит своей дочери жить в убогой, занюханной квартире какой-то чужой тетки?!

Я откинулась на спинку сиденья и сделала глубокий вдох.

– Мистер Трейнор – очень славный человек. Я никогда не привезла бы тебя сюда, если бы хоть чуточку сомневалась.

– Но если я ему не понравлюсь, мы можем просто уехать? Типа вот так взять и свалить.

– Ну конечно.

– Я ведь сразу пойму. Хотя бы по тому, как он будет на меня смотреть.

– Если понадобится, мы тут же дадим деру.

Она едва заметно улыбнулась, но с явным облегчением.

– Ну ладно, – бросила я, стараясь не показывать, что волнуюсь не меньше ее. – Тогда вперед.

Я стояла на ступеньке и внимательно следила за Лили, а потому совершенно забыла о себе. Дверь медленно отворилась, и на пороге появился он, все в той же васильковой рубашке, которая была на нем два года назад, хотя и с новой, более короткой стрижкой, возможно предназначенной для того, чтобы скрыть следы преждевременного старения, вызванного тяжелым горем. Он открыл рот, словно собирался что-то сказать, но забыл, что именно, а потом посмотрел на Лили и уже не отводил от нее глаз.

– Лили?

Она кивнула.

Мистер Трейнор буквально впился в нее взглядом. Никто не шелохнулся. А затем у него задрожали губы, на глаза навернулись слезы, он шагнул вперед и сжал ее в объятиях:

– О моя дорогая! Боже мой! Как я счастлив видеть тебя! Боже мой!

Его седая голова прижалась к ее светло-каштановой. И у меня невольно возникло опасение, что Лили отшатнется, ведь она явно не из тех, кто легко идет на физический контакт. Но, к моему удивлению, она протянула вперед руки, обняла мистера Трейнора за талию и так крепко вцепилась в его рубашку, что побелели костяшки пальцев, а потом закрыла глаза, растворившись в его объятиях. И они, старик и его внучка, казалось, целую вечность стояли, застыв на верхней ступеньке.

Затем он отстранился и заплакал, не скрывая слез.

– Дай мне посмотреть на тебя. Дай мне посмотреть.

Лили бросила на меня смущенный взгляд, но вид у нее был явно довольный.

– Да-да, теперь я вижу. Боже мой! Это ты! Это ты! Правда, она похожа на него? – повернувшись ко мне, спросил он.

Я молча кивнула.

Лили не отрывала глаз от мистера Трейнора, возможно пытаясь увидеть черты своего отца. И они по-прежнему стояли, держась за руки.

И только сейчас я поняла, что тоже плачу. Может, потому, что на старом морщинистом лице мистера Трейнора читалось невероятное облегчение и радость от щедрого подарка судьбы, а может, потому, что нельзя было без слез смотреть на счастье нежданно-негаданно нашедших друг друга людей. А когда Лили улыбнулась ему мягкой, признательной улыбкой, мои нервы не выдержали и все сомнения насчет Лили Хотон-Миллер вмиг рассеялись.

Прошло менее двух лет со времени моего последнего посещения этого дома, но с тех пор Гранта-хаус изменился почти до неузнаваемости. Исчезли огромные антикварные шкафы, шкатулки на отполированных до блеска столах красного дерева, тяжелые портьеры. И уже с первого взгляда на расплывшуюся фигуру Деллы Лейтон становилось понятно, откуда такие перемены. Да, кое-где еще стояли предметы старинной обстановки, но все кругом сверкало яркими красками или было девственно-белым: и новые занавески фирмы «Сандерсон» цвета яичного желтка, и пастельные ковры на старых деревянных полах, и современные эстампы в простых рамах. Делла шла очень медленно, улыбка на ее лице была слегка настороженной, словно приклеенной. А когда Делла приблизилась, я невольно попятилась. Меня шокировал вид откровенно беременной женщины, с ее грузным телом и почти непристойным изгибом живота.

– Привет. Вы, должно быть, Луиза. Очень приятно познакомиться.

Ее пышные рыжие волосы были склоты на макушке, рукава бледно-

голубой льняной блузки закатаны над распухшими запястьями. Мне бросилось в глаза огромное бриллиантовое кольцо на безымянном пальце, и я почувствовала легкий укол в сердце, представив, каково пришлось в свете всех этих событий бедной миссис Трейнор.

– Мои поздравления, – сказала я, кивнув на живот Деллы.

Я хотела добавить что-то еще, но не знала, удобно ли сказать женщине на последнем сроке беременности, что она «большая», «не слишком большая», «аккуратненькая», «цветущая», или употребить любой другой эвфемизм, который используют для маскировки того, что буквально вертится на кончике языка, а именно: «Черт возьми!»

– Благодарю. Это стало для нас сюрпризом. Но приятным сюрпризом, – ответила Делла и поспешно перевела взгляд с меня на мистера Трейнора и Лили.

Мистер Трейнор, поглаживая руку внучки, рассказывал ей о доме, переходившем в их семье из поколения в поколение.

– Кто-нибудь хочет чая? – спросила Делла. Ей пришлось повторить свой вопрос, поскольку эти двое были настолько увлечены друг другом, что ничего не слышали и не видели вокруг. – Стивен? Чаю?

– Чудесно, дорогая. Спасибо. Лили, ты пьешь чай?

– А можно мне, пожалуйста, сока? Или воды? – улыбнулась Лили.

– Я вам помогу, – сказала я Делле.

Тем временем мистер Трейнор, взяв Лили под ручку, знакомил ее с портретами предков на стене, всю дорогу повторяя, что у нее нос совсем как у того, а цвет волос – как у этой.

Делла посмотрела в их сторону, и мне показалось, что я заметила испуг в ее глазах. Она перехватила мой взгляд и, смутившись, наградила меня бодрой улыбкой:

– Очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Мы поставили на стол молоко, сахар и заварочный чайник, осторожно кружа по кухне вокруг друг друга и обмениваясь вежливыми репликами насчет печенья. Делле было трудно наклоняться, и я достала из буфета чашки, выставив их на рабочую поверхность. Новые чашки, как я успела заметить. Современные, с геометрическим рисунком. Полная противоположность старинному фарфору в цветочек, с изображением трав и латинскими названиями, которому отдавала предпочтение предшественница Деллы. Похоже, все следы тридцативосьмилетнего пребывания миссис Трейнор в этом доме были оперативно и безжалостно уничтожены.

– Дом выглядит очень мило, – заметила я. – Но по-другому.

– Да. После развода Стивен был вынужден отдать бóльшую часть мебели. Поэтому нам пришлось внести некоторые изменения в интерьер. – Она потянулась за банкой с чаем. – Он лишился семейных вещей, передававшихся из поколения в поколение. Конечно, она заграбастала все, что смогла.

Делла бросила в мою сторону быстрый взгляд, словно пытаясь понять, можно ли записать меня в союзники.

– Я не разговаривала с миссис... с Камиллой с тех пор, как Уилл... – начала я, но, почувствовав себя в некотором роде предательницей, решила не продолжать.

– Итак, Стивен сказал, что эта девочка просто возникла у вас на пороге. – На лице Деллы застыла вежливая улыбка.

– Да. Это показалось мне немного странным. Но я познакомилась с ее мамой, и та абсолютно точно... ну, какое-то время была очень близка с Уиллом.

Делла встала с места, схватившись за поясицу, и занялась чайником. Мама говорила, что Делла возглавляла небольшую адвокатскую контору в соседнем городе. *Остается только удивляться на женщину, которая до тридцати лет не сумела выйти замуж*, – презрительно сказала мама и, бросив на меня быстрый взгляд, поспешно поправилась: – *До сорока. Я имела в виду до сорока.*

– А как вы считаете, что ей нужно?

– Простите?

– Как вы считаете, что ей нужно? Этой девочке.

Из коридора доносился голос Лили, она с детской непосредственностью задавала вопросы, и мне вдруг, как ни странно, захотелось ее защитить.

– Не думаю, что ей что-то нужно. Она только сейчас обнаружила, что у нее был отец, о котором она не знала, и теперь хочет познакомиться поближе с его семьей. С ее семьей.

Делла, награв заварочный чайник, вылила из него воду и ложечкой отмерила чайные листья (она их положила с горкой, совсем как в свое время миссис Трейнор). Затем медленно, чтобы не ошпариться, налила в чайник кипяток.

– Мы со Стивеном очень давно любим друг друга. И последний год или около того оказался для него весьма тяжелым. И ему будет... – начала Делла, не глядя на меня, – будет очень нелегко, если Лили так или иначе осложнит его жизнь.

– Сомневаюсь, что Лили хоть как-то осложнит его или вашу жизнь, –

осторожно сказала я. – Но у меня нет ни малейших сомнений в том, что девочка имеет полное право познакомиться со своим родным дедушкой.

– Конечно, – поспешно отозвалась Делла, снова приклеив на лицо улыбку.

И я моментально поняла, что не прошла проверку на вшивость, а также то, что мне, в сущности, наплевать.

Делла еще раз проверила поднос, взяла его с кухонного стола и, согласившись на мое предложение помочь ей отнести торт и заварочный чайник, направилась с подносом в гостиную.

– Луиза, как поживаете?

Мистер Трейнор откинулся на спинку кресла, широкая улыбка осветила его помятое лицо. За чаем он беседовал в основном с Лили, расспрашивая ее о матери, о том, где она живет, какие предметы изучает (мы, естественно, не стали рассказывать ему о проблемах со школой), что она больше любит: фруктовый торт или шоколад (Шоколад? Надо же, я тоже!), имбирь (нет), крикет (не очень – ну с этим надо что-то делать!). Все, что он увидел и услышал, полностью развеяло его сомнения. И похоже, даже если бы Лили сообщила, что ее мать – бразильская стриптизерша, при таком раскладе это ни в коей мере не смутило бы мистера Трейнора.

Я заметила, что во время разговора он исподтишка рассматривает лицо Лили в профиль, словно пытаясь увидеть в нем черты Уилла. А время от времени мистер Трейнор впадал в печальную задумчивость. Я понимала: он думал о том же, что и я, и ему было грустно, что его сыну не суждено было узнать о существовании дочери. Но затем мистер Трейнор брал себя в руки, даже едва заметно расправлял плечи и снова начинал охотно улыбаться.

Он прогулялся с Лили по окрестностям замка, по возвращении с восторгом сообщив, что Лили самостоятельно выбралась из лабиринта. «С первой же попытки! Должно быть, это у нее генетическое». А Лили так широко улыбалась, что у нее наверняка уже болели щеки.

– Луиза, а как дела у вас?

– Спасибо, очень хорошо.

– А вы по-прежнему работаете... сиделкой?

– Нет. Я... я немного поездила по миру, а теперь работаю в аэропорту.

– О! Замечательно! Надеюсь, в «Бритиш эруэйз»?

Я почувствовала, что краснею.

– Нет.

– А... Значит, вы менеджер?

– Я работаю в баре. В аэропорту.

Мистер Трейнор на секунду замялся, а затем уверенно кивнул:

– Людям всегда нужны бары. Особенно в аэропортах. Я сам перед полетом обычно выпиваю двойной виски. Да, дорогая?

– Да, выпиваешь, – подтвердила Делла.

– И полагаю, это очень увлекательно – каждый день следить, как люди улетаю́т и прилетаю́т. Очень волнительно.

– У меня на повестке дня... другие вещи.

– Конечно, другие. Хорошо. Хорошо...

В разговоре возникла короткая пауза.

– А когда должен родиться ребеночек? – поспешила я сменить тему.

– В следующем месяце, – ответила Делла, горделиво положив руки на живот. – Это девочка.

– Чудесно. А как вы собираетесь ее назвать?

Они многозначительно переглянулись. Они наверняка уже выбрали имя, но не хотели об этом говорить, чтобы не сглазить.

– О... мы еще не знаем.

– Такое странное чувство. Снова стать отцом в моем возрасте. Даже трудно себе представить. Менять подгузники, и вообще. – Он посмотрел на Деллу и поспешно добавил: – Но это великолепно. Я счастливчик. Мы с тобой оба счастливчики. Правда, Делла?

Она только молча улыбнулась.

– А как поживает Джорджина?

Пожалуй, из всех только я заметила, что у мистера Трейнора вытянулось лицо.

– О, прекрасно. Видите ли, она по-прежнему в Австралии.

– Хорошо.

– Она приезжала несколько месяцев назад... Но... в основном была со своей матерью. Ей было очень некогда.

– Ну конечно.

– Думаю, у нее появился бойфренд. Мне точно кто-то говорил, что у нее есть бойфренд. Так что... это чудесно.

Делла ласково дотронулась до его руки.

– А кто такая Джорджина? – с набитым ртом спросила Лили.

– Младшая сестра Уилла, – повернулся к ней мистер Трейнор. – Твоя тетя! Да! На самом деле я теперь почти уверен, что в твоём возрасте она была очень похожа на тебя.

– А у вас есть ее фотография?

– Постараюсь найти для тебя какую-нибудь. – Мистер Трейнор задумчиво потер висок. – Никак не могу вспомнить, куда мы задевали ее выпускную фотографию.

– У тебя в кабинете, – сказала Делла. – Сиди, дорогой. Я сейчас принесу. Мне полезно двигаться. – Она поднялась с дивана и, тяжело ступая, вышла из комнаты.

Лили увязалась за ней:

– Хочу взглянуть на остальные фотки. Интересно посмотреть, на кого я похожа.

Мистер Трейнор с улыбкой проводил их взглядом. Мы сидели и молча прихлебывали чай. Затем он повернулся ко мне:

– А вы с ней еще... не связывались? С Камиллой?

– Я не знаю, где она живет. А вы не могли бы дать мне ее адрес? Лили хотела познакомиться и с ней тоже.

– У нее сейчас трудное время. По крайней мере, Джорджина так говорит. Мы ведь с ней толком и не объяснились. Все очень осложнилось из-за... – Он едва заметно кивнул на дверь и непроизвольно вздохнул.

– Может, вы сами ей сообщите? О Лили?

– Ой нет! Ой... нет. Не уверен, что она захочет... – Мистер Трейнор устало потер лоб. – Будет лучше, если это сделаете вы. – Он написал на клочке бумаги адрес и с виноватой улыбкой протянул мне бумажку. – Это довольно далеко отсюда. Она хотела начать новую жизнь. Передайте ей от меня наилучшие пожелания, хорошо? Так странно... учитывая все обстоятельства, в конце концов получить внуку. – Он немного понизил голос. – Забавно, но Камилла – единственный человек, способный понять, что я сейчас чувствую.

Будь на месте мистера Трейнора любой другой человек, я непременно его обняла бы. Но ведь мы как-никак англичане, да и вообще, когда-то он был в каком-то смысле моим работодателем, и поэтому мы всего-навсего обменялись смущенными улыбками. И оба почувствовали себя не в своей тарелке.

Мистер Трейнор расправил плечи:

– И все же. Я действительно счастливчик. Новая жизнь в моем-то возрасте! Не уверен, что я это заслужил.

– Сомневаюсь, что счастье – именно та вещь, которую можно заслужить.

– А как вы сами-то? Я знаю, что вы... обожали Уилла.

– Он действительно был яркой личностью.

Я покачала головой, слова застряли комом в горле. Когда я наконец

взяла себя в руки, то обнаружила, что мистер Трейнор продолжает испытующе на меня смотреть.

– Луиза, он был создан для того, чтобы жить на полную катушку. Но вы и так знаете.

– Выходит, в этом все дело, да?

– Просто у него это получалось лучше, чем у нас, – вздохнул мистер Трейнор. – Луиза, рано или поздно вы смиритесь. Мы все смиримся. Так или иначе.

Тем временем вернувшаяся в гостиную Делла принялась демонстративно составлять на поднос чашки. Я восприняла это как намек, что хорошенького понемножку.

– Думаю, нам уже пора уходить, – поднявшись, сказала я Лили, которая вошла вслед за Деллой, держа в руках фотографию в рамке.

– Она ведь и впрямь похожа на меня, да? Вы не находите, что у нас одинаковые глаза? Интересно, а она захочет со мной поговорить? У нее есть имейл?

– Не сомневаюсь, что захочет, – успокоил ее мистер Трейнор. – Но, Лили, если не возражаешь, сперва я сам с ней поговорю. Такую фантастическую новость надо как-то переварить. Лучше дать ей несколько дней, чтобы привыкнуть к этой мысли.

– Ну ладно. А когда я смогу приехать, чтобы погостить?

Справа от меня звякнула чашка, которую едва не уронила Делла. Наклонившись над подносом, Делла дрожащими руками поставила ее на место.

– Погостить? – Мистер Трейнор даже вытянул шею, словно сомневаясь, что не ослышался.

– Ну, ты же мой дедушка. Вот я и подумала, что могу пожить здесь до конца лета. Чтобы лучше тебя узнать. Нам ведь надо столько всего наверстать, да? – Ее лицо пылало от радостного возбуждения.

Мистер Трейнор покосился на Деллу, и от ее взгляда слова застряли у него в горле.

– Мы бы с радостью тебя приняли, – держа поднос перед собой, ровным тоном сказала Делла. – Но сейчас у нас впереди много дел.

– Видишь ли, у Деллы это первый ребенок. Думаю, она хотела бы...

– Побывать немного в кругу семьи. Со Стивеном. И ребеночком.

– Я могла бы помочь. Я отлично управляюсь с младенцами, – не сдавалась Лили. – Я присматривала за братьями, когда те только родились. А они были ужасными. Просто жуткими младенцами. Орали не переставая.

Мистер Трейнор снова посмотрел на Деллу.

– Лили, дорогая, не сомневаюсь, что ты великолепно справишься, – начал он. – Просто сейчас не самое подходящее время.

– Но у вас же куча комнат. Я вполне могла бы пожить в одной из гостевых. Вы меня не увидите и не услышите. И вообще, я могла бы помочь с подгузниками и прочими делами, и я могла бы посидеть с ребеночком, а вас отпустить погулять. Я могла бы просто... – Лили вдруг прервала свой монолог и медленно перевела глаза с мистера Трейнора на Деллу, а потом на меня.

– Лили... – начала я, неловко переминаясь с ноги на ногу возле двери.

– Я вам здесь не нужна.

Стивен Трейнор сделал шаг вперед, чтобы положить руку ей на плечо.

– Лили, дорогая. Это не то, что ты...

Она резко отпрянула:

– Вам нравится идея занять уже готовую внучку, но на самом деле вы не хотите впустить меня в свою жизнь. Вам нужна... Вам нужна... лишь посетительница.

– Лили, просто сейчас это неуместно, – вмешалась в разговор Делла. – Знаешь... я очень долго ждала Стивена, твоего дедушку, и теперь это время... время, которое мы сможем провести с нашей малышкой... для нас бесценно.

– А я, значит, нет.

– Ты нас не так поняла. – Мистер Трейнор снова попытался подойти к Лили.

Она его оттолкнула:

– Господи, вы все одинаковые! Вы, с вашими идеальными маленькими семьями, где нет места другим. Для меня вообще нигде нет места.

– Ой, только вот этого не надо. Давай не будем драматизировать, – сказала Делла.

– Да пошла ты! – буквально выплюнула Лили.

Делла отпрянула, а Лили прямо на глазах удивленного мистера Трейнора резко развернулась и выскочила из комнаты. Я оставила их одних в звящей тишине гостиной и побежала вслед за Лили.

Глава 10

Я послала имейл Натану и получила ответ.

Лу, ты что, подсела на сильнодействующие лекарства? Какого хрена?

Тогда я отправила ему второй имейл, с некоторыми подробностями, и к Натану, похоже, вернулась его обычная невозмутимость.

Вот старый пес! До сих пор продолжает удивлять. А?

Два дня от Лили не было ни слуху ни духу. Я, конечно, беспокоилась, но в глубине души была даже рада получить временную передышку. И гадала, а что, если теперь, когда ее иллюзии относительно семьи Уилла разрушены, она сможет навести мосты со своей собственной? И позвонит ли ей мистер Трейнор, чтобы как-то сгладить неловкость? И вообще, где сейчас обретается Лили и связано ли ее отсутствие с тем парнем, что выслеживал ее напротив моего дома? Было в том парне что-то настораживающее, так же как и в уклончивых ответах Лили, когда я начинала о нем спрашивать.

А еще я много думала о Сэме и жалела, что тогда умчалась от него как полоумная. Оглядываясь назад, я понимала, что со стороны это выглядело, мягко сказать, странно. Наверняка я показалась ему опасной сумасбродкой, несмотря на все мои старания убедить его в обратном. И я твердо решила, что если еще раз увижу его после занятий нашей психгруппы, то просто скажу «привет» и улыбнусь спокойной загадочной улыбкой уравновешенного человека.

Моя работа шла ни шатко ни валко. В баре появилась новенькая по имени Вера, суровая девушка из Литвы, которая выполняла свои обязанности с мрачной полуулыбкой, словно подозревая, что где-то неподалеку сбросили радиоактивную бомбу и скоро очередь дойдет до нас. Всех мужчин Вера называла «грязными, грязными животными», правда только когда ее не слышал Ричард.

А Ричард, в свою очередь, теперь каждое утро устраивал беседы для усиления «мотивации», после которых нам надлежало вскидывать сжатую в кулак руку и орать «ДА!», при этом мой кудрявый парик вечно

съезжал набок, после чего Ричард делал большие глаза, словно сей промах свидетельствовал о каких-то моих личных качествах, а вовсе не о том, как неудобно носить на голове плохо пригнанный нейлоновый парик. Кстати, Верин парик сидел на ней как влитой. Должно быть, боялся упасть из-за страха перед хозяйкой.

И вот, вернувшись домой после тоскливого рабочего дня, я залезла в Интернет, чтобы узнать о подростковых проблемах и, таким образом, понять, можно ли хоть как-то исправить положение после неудачного уик-энда. Но вся информация была исключительно о гормональных вспышках, и ни слова о том, как помочь адаптироваться шестнадцатилетней девочке, которая только-только успела познакомиться с семьей своего покойного биологического отца-квадраплегики. В половине десятого я наконец сдалась, оглядела спальню с нераспакованными коробками, где по-прежнему хранилась добрая половина моего гардероба, а затем, дав себе твердое обещание в ближайшее время ликвидировать бардак и даже почти поверив в это, легла спать.

Проснувшись я в половине третьего утра оттого, что кто-то ломился во входную дверь.

Полусонная, я вылезла из кровати, схватила швабру и, холодея от ужаса, посмотрела в глазок.

– Я сейчас вызову полицию! – заорала я. – Что вам надо?

– Это Лили. Эй!

Когда я открыла дверь, Лили со смехом ввалилась в прихожую, насквозь прокуренная, с размазавшейся вокруг глаз тушью.

Запахнув халат, я закрыла за ней дверь:

– Господи, Лили! Сейчас уже глубокая ночь.

– Как насчет того, чтобы потанцевать? Думаю, мы вполне можем потанцевать. Обожаю танцы. Хотя дело совсем в другом. Я действительно люблю танцевать, но я здесь не потому. Мама не пускает меня домой. Они сменили замки. Нет, ты можешь себе это представить?!

Меня так и подмывало сказать, что, как ни странно, могу, поскольку мне в шесть утра вставать на работу.

– Она даже не открыла мне эту дурацкую дверь, – с размаху врезавшись в стенку, пожаловалась Лили. – Стояла и орала на меня через щель в почтовом ящике. Словно я какая-то... шваль подзаборная. Поэтому... – Она потерла лицо. – Пожалуй, я останусь у тебя. Можем потанцевать...

Она протиснулась мимо меня, по дороге уронив ключи на пол,

подошла к музыкальному центру и врубила музыку на полную мощность. Я собралась было убавить звук, но она схватила меня за руку:

– Луиза, давай потанцуем! Тебе надо освоить пару движений! Нельзя быть все время такой унылой! Расслабься! Ну давай!

Я вырвала руку, лихорадочно нащарила кнопку громкости, и очень вовремя, так как соседи снизу уже начали исступленно стучать. А когда я повернулась, Лили уже исчезла в гостевой комнате, где, покачнувшись, рухнула лицом вниз на раскладушку.

– Господи! Какая жуткая кровать!

– Лили?.. Лили? Ради всего святого, ты не можешь приходить и уходить когда вздумается.

– Я буквально на минуточку, – услышала я приглушенное бормотание. – Только передохну. А затем я пойду танцевать. Мы пойдем танцевать.

– Лили, мне с утра на работу.

– Луиза, я тебя люблю. Я тебе уже говорила? Реально люблю. Ты единственная, кто...

– Ты не можешь вот так приходить и заваливаться...

– Мм... Сон в стиле диско... – промычала она и осталась лежать неподвижно.

Я тронула ее за плечо:

– Лили?.. Лили?

Но в ответ услышала лишь легкое похрапывание.

Подождав пару минут, я со вздохом стянула с Лили замызганные кеды, перевернула ее на бок, вынула все из карманов (сигареты, мобильник, измятую пятерку) и отнесла к себе в комнату. А затем, уже окончательно проснувшись, хотя на часах было три ночи, уселась на стул возле Лили и стала следить, чтобы та, не дай бог, не задохнулась.

Волосы Лили рассыпались по плечам, а ее лицо во сне было удивительно спокойным, на нем словно отпечатались сердитая морщина между бровей, что в сочетании с застывшей безумной улыбкой было нереально прекрасно. И как ни бесило меня ее поведение, я поняла, что не могу долго на нее сердиться. Бедная девочка действительно получила тяжелый удар в это воскресенье. Лили была моей полной противоположностью. Она не лелеяла свою боль и не держала ее в себе. Нет, она давала волю своим чувствам, напивалась и делала бог знает что, лишь бы заставить себя поскорее забыть. До этого момента я даже не подозревала, до чего же она похожа на своего отца.

Уилл, а как бы ты поступил на моем месте? – мысленно спросила

я его.

В свое время я не смогла помочь ему и вот теперь не знала, как помочь ей. Не знала, как все наладить.

Я вспомнила слова сестры. *Ты ведь понимаешь, что не справишься сама.* И в этот предрассветный час я на миг возненавидела ее за то, что она, как всегда, оказалась права.

Следующие несколько недель Лили чуть ли не через день заявлялась меня навестить. И я никогда не знала, какую Лили на сей раз увижу: ненормально жизнерадостную, требующую, чтобы я пошла с ней в ресторан, или взглянула на роскошную кошку на заборе, или потанцевала за компанию под музыку какой-то группы, которую она только что для себя открыла; либо подавленную, с настороженным взглядом, молча идущую прямым ходом в гостиную, чтобы лечь на диван и включить телевизор. Иногда она задавала на первый взгляд случайные вопросы об Уилле. Какие передачи он смотрел? (Он практически не смотрел телевизор. Он предпочитал фильмы.) Какой его любимый фрукт? (Виноград без косточек. Красный.) Когда я в последний раз видела его смеющимся? (Он редко смеялся. Но его улыбка... Ее невозможно забыть. Блеск ровных белых зубов, морщинки в уголках глаз.) И я никогда не знала, устраивают ли ее мои ответы.

И примерно каждые десять дней я видела пьяную Лили или того хуже (я никогда толком не знала), которая, не обращая внимания на мои протесты и лишая меня законного сна, на заре барабанила в дверь, ковыляла, с размазанной по щекам тушью и босиком (туфли она успевала где-то посеять), в гостевую комнату, падала на раскладушку и вырубалась, а утром, когда мне пора было уходить на работу, категорически отказывалась просыпаться.

Похоже, у нее было совсем мало друзей, а увлечений не было вовсе. Она могла спокойно обратиться к любому прохожему на улице, чтобы с непрошибаемой уверенностью избалованного ребенка попросить его об одолжении. Но дома никогда не подходила к телефону и свято верила, что она никому не нравится.

Я знала, что занятий в большинстве частных школ летом нет, а потому поинтересовалась, где она ночует в те дни, когда не появляется ни у меня, ни у матери, и после короткой паузы она ответила: «У Мартина». А когда я осторожно спросила, можно ли назвать Мартина ее бойфрендом, она, как все подростки, скорчила рожу, словно я сказала не только глупость, но и фу какую мерзость.

Иногда она сердилась, иногда грубила. Но я не находила в себе моральных сил ее оттолкнуть. У меня создалось ощущение, что для Лили, при всем ее беспорядочном поведении, моя квартира непонятно почему стала чем-то вроде прибежища. И я поймала себя на том, что ищу ключи к разгадке этой тайны: проверяла ее телефон на предмет сообщений (заблокирован на пин-код), карманы на предмет наркотиков (ничего, если не считать того косячка), а однажды, когда она явилась ко мне пьяная и заплаканная, проследила из окна за машиной, стоявшей возле моего дома и сигналившей добрые три четверти часа, пока один из соседей не спустился вниз и не треснул кулаком по стеклу с такой силой, что нахалу в автомобиле пришлось сдаться и уехать ни с чем.

– Лили, я, конечно, тебя не осуждаю. Но, по-моему, это не самая хорошая идея – напиваться до невменяемого состояния, – однажды утром, заваривая нам кофе, сказала я.

Лили теперь проводила со мной столько времени, что мне пришлось внести коррективы в свой образ жизни: я покупала продукты на двоих, убирала чужой мусор, дважды в день делала горячие напитки и старалась не забывать запираť дверь в ванную, чтобы не слышать пронзительных воплей: *Боже мой! Какой ужас!*

– Нет, осуждаешь. Как еще прикажешь понимать твои слова насчет того, что «это не самая хорошая идея»?

– Я серьезно.

– Разве я учу тебя жить? Разве я говорю тебе, что у тебя депрессивная квартира и ты одеваешься как человек, утративший интерес к жизни, если, конечно, ты не хромоногая порнушница-пикси^[11], что, честное слово, просто отвратительно. Разве я к тебе лезу? Да? Нет. Я вообще молчу в тряпочку, так что отвяжись от меня.

И тогда мне вдруг захотелось ей рассказать. Рассказать, что со мной случилось девять лет назад, в ту ночь, когда я выпила лишнего, и как сестра на рассвете вела меня домой, босую и плачущую. Но Лили, несомненно, отнеслась бы к моей истории с тем же детским презрением, с каким она относилась ко всем моим откровениям, да и вообще, я смогла открыться только одному человеку. Но его больше нет с нами.

– Просто свинство будить меня посреди ночи. Мне на работу рано вставать.

– Дай мне ключ. Тогда я не буду тебя будить, разве нет?

Ее победная улыбка меня доконала. Ослепительная и настолько похожая на улыбку Уилла, что я, сама того не желая, дала ключ.

И, делая это, я прекрасно понимала, что сейчас сказала бы моя сестра.

Я уже дважды успела поговорить с мистером Трейнором. Он хотел узнать, все ли хорошо у Лили, и волновался за ее будущее.

– Мне кажется, она определенно очень одаренная девочка. И бросить школу в шестнадцать лет не самая хорошая идея. А что по этому поводу говорят ее родители?

– Похоже, они вообще много не говорят.

– Может, мне стоит с ними побеседовать? Как вам кажется, ей понадобятся деньги для поступления в университет? Из-за развода у меня сейчас стало чуть хуже со свободными средствами, но Уилл оставил немного денег. И мне кажется, мы можем найти им... хорошее применение. – Он немного понизил голос. – Однако с нашей стороны было бы разумно прямо сейчас ничего не говорить Делле. Боюсь, она может меня неправильно понять.

Я не была до конца уверена, способна ли она вообще его правильно понять, поэтому в знак согласия лишь что-то промывчала.

– Луиза, как вам кажется, мне удастся уговорить Лили снова меня навестить? Она не выходит у меня из головы. И мне бы хотелось попробовать еще раз. Уверен, Делла будет только рада познакомиться с ней поближе.

Я вспомнила выражение лица Деллы, когда мы ходили вокруг да около на кухне, и у меня, естественно, возник вопрос: мистер Трейнор действительно настолько слеп или он просто неисправимый оптимист?

– Хорошо, я попробую, – пообещала я.

Когда ты остаешься одна в городе в жаркий июльский уик-энд, то начинаешь совсем по-другому воспринимать тишину своей квартиры. Моя смена закончилась рано, в четыре часа, и в пять я уже была дома, усталая и измученная; правда, меня согревала мысль о том, что я несколько часов побуду в полном одиночестве. Я приняла душ, съела тост и залезла в Интернет посмотреть имеющиеся вакансии с заработной платой выше минимальной или хотя бы с нормированным рабочим днем, а затем, открыв все окна в гостиной в надежде на спасительный ветерок, села на диван и стала слушать просачивающиеся в теплый воздух звуки большого города.

В общем, я была более-менее довольна своей жизнью. Встречи нашей группы психологической поддержки помогли мне понять очень важную вещь: надо уметь радоваться даже тому малому, что у тебя есть. Я была здорова. У меня имелась какая-никакая, но перспектива. У меня снова была семья. Я работала. И если мне так и не удалось примириться со смертью

Уилла, то, по крайней мере, я перестала жить под ее знаком.

И все же.

В вечера вроде этого, когда на улицах было полно гуляющих парочек, а из пабов выходили веселые компании, планирующие совместные ужины и различные увеселительные мероприятия вроде похода в клуб, у меня начинало болезненно ныть сердце, а в душе рождалось странное первобытное чувство, которое словно говорило, что я сейчас не там, где мне следует быть, и потому упускаю нечто важное.

И я как никогда остро ощущала, что оказалась за бортом жизни.

Я немного прибралась в квартире, постирала униформу, включила, а потом выключила телевизор. И вот когда я уже начала потихоньку впадать в мрачное уныние, неожиданно загудел домофон. Я поднялась и устало взяла трубку. Наверняка это почтовый курьер ждет дальнейших инструкций или разносчик гавайской пиццы перепутал адрес. Я услышала смутно знакомый мужской голос:

– Луиза?

– Кто это? – спросила я, хотя сразу узнала незваного гостя.

– Сэм. Сэм со «скорой». Я как раз проезжал мимо с работы и просто...

Ну... ты в тот вечер так быстро убежала... И я хотел узнать, все ли у тебя в порядке.

– Спусти столько времени? Меня уже вполне могли съесть голодные кошки.

– Ну, насколько я понимаю, все же не съели.

– Просто у меня нет кошки. – (Короткая пауза.) – Но я в порядке, Сэм со «скорой». Спасибо.

– Прекрасно... Рад это слышать.

Я попыталась разглядеть его на экране с черно-белым зернистым изображением. Сегодня на Сэме была кожаная косуха, а не обычная форма парамедика, он стоял, упершись рукой в стенку, время от времени поглядывая на дорогу. Я увидела, что он сокрушенно покачал головой, и это заставило меня продолжить разговор.

– Ну и чего ты добиваешься?

– Да так, ничего особенного. В основном безуспешно пытаюсь вести с кем-то беседу через домофон.

Я рассмеялась, пожалуй, слишком охотно. И слишком громко.

– Я уже давным-давно бросила это бессмысленное занятие. Меня нелегко развести на выпивку, – бросила я, и он рассмеялся. А потом я оглядела свою тихую квартиру. И, даже не успев толком подумать, сказала: – Оставайся там. Я сейчас спущусь.

Вообще-то, я собиралась взять свою машину, но, когда Сэм протянул мне запасной мотоциклетный шлем, решила не ломаться. Сунув ключи в карман, я остановилась возле мотоцикла в ожидании его сигнала, что можно садиться.

– Ты же парамедик. И тем не менее едешь на мотоцикле.

– Я знаю. Но из всех моих пороков этот, пожалуй, теперь остался единственным. – Он улыбнулся, оскалив зубы. И у меня екнуло сердце. – Ты что, не чувствуешь себя со мной в безопасности?

На этот вопрос у меня не было подходящего ответа. И под его пристальным взглядом я взгромоздилась на седло. Ладно, если он подвергнет нас обоим опасности, то у него хотя бы хватит совести снова собрать меня по частям.

– Господи, что я делаю?! – воскликнула я, водружая на голову шлем. – Я еще никогда не ездила на этих штуках.

– Просто держись за ручку для пассажира и улавливай движения мотоцикла. Не цепляйся за меня. Если что-то будет не так, просто постучи по плечу, и я остановлюсь.

– А куда мы едем?

– Ты хоть немножко разбираешься в дизайне интерьера?

– Я вообще не по этому делу. А что?

– Да так, хотел показать тебе свой новый дом. – И он завел мотоцикл.

И вот мы уже влились в транспортный поток, лавируя между машинами и грузовиками, направляясь, судя по указателям, в сторону скоростного шоссе, и я зажмурила глаза и прижалась к спине Сэма, в глубине души надеясь, что он не слышит, как я визжу.

Мы оказались на самой окраине города, в месте, где буйно разросшиеся сады плавно переходили в поля, а у домов были не номера, а имена. Когда мы проехали через одну деревню и оказались во второй, соседней, практически никак не разделенной с первой, Сэм сбросил скорость возле выходящей в поле калитки, затем остановил мотоцикл и махнул мне рукой, что можно слезать. Я сняла шлем, сердце по-прежнему бешено колотилось, и попыталась негнущимися пальцами, которыми я цеплялась за ручку, взбить потные волосы.

Сэм открыл калитку и подтолкнул меня вперед. Половина поля заросла травой, а вторая была загромождена бетонными плитами и пеноблоками. Несколько поодаль от строящегося здания, в тени изгороди, стоял железнодорожный вагон, возле которого был устроен курятник, откуда

на нас с интересом смотрело несколько птиц.

– Мой дом.

– Здорово! – Я огляделась вокруг. – Хм... А где же он?

Швырнув шлем рядом с моим на мотоцикл, Сэм пошел по полю.

– Вот тут. Это фундамент. У меня ушло добрых три месяца, чтобы его поставить.

– Ты что, здесь живешь?

– Ага.

Я уставилась на бетонные плиты, а когда подняла голову, то обнаружила, что Сэм испытующе смотрит на меня. И в выражении его лица было нечто такое, что заставило меня прикусить язык. Задумчиво почесав в голове, я наконец сказала:

– Мы что, так и будем весь вечер стоять? Или ты все же устроишь мне ознакомительную экскурсию?

Омытые ласковыми лучами вечернего солнца, мы бродили под ленивое жужжание пчел по лабиринту из пеноблоков, вдыхая ароматы травы и лаванды, и Сэм показывал мне, где будут окна и двери.

– Вот это ванная.

– Пожалуй, тут немного сквозит.

– Угу. Придется с этим что-то делать. Эй, это тебе не дверной проем. Ты только что вошла в душ.

Переступив через груды пеноблоков, Сэм перебрался на другую бетонную плиту и протянул мне руку, чтобы помочь преодолеть препятствие.

– А тут гостиная. А из этого окна... – он сложил пальцы квадратиком, – открывается прекрасный вид на окрестности.

И я увидела изумительный пейзаж. словно мы были сейчас не в десяти милях от города, а по меньшей мере в ста. У меня даже перехватило дыхание от такой неземной красоты.

– Очень мило, но, думаю, твой диван стоит не на месте. И вообще, тебе их нужно два. Один тут, а второй – там. И насколько я понимаю, здесь у тебя окно, так?

– Ну да. Дивана действительно должно быть два.

– Хм... И тебе не мешало по-другому организовать места для хранения.

И что самое невероятное, уже через несколько минут беззаботной болтовни и хождения по фундаменту, я действительно представила себе этот дом. Я следила за плавными движениями рук Сэма, рисовавшего невидимые камин, его фантазии передавались мне, рождая в моем

воображении лестничные пролеты и линии потолка. Словно наяву я видела высокие окна и балясины, которые один его друг вырежет из старого дуба.

– Похоже, получится очень симпатично, – заметила я, когда мы общими усилиями представили себе последнюю комнату с примыкающей к ней ванной.

– Лет через десять. По крайней мере, я на это надеюсь.

Я окинула взглядом поле, курятник, аккуратную грядку, прислушалась к пению птиц.

– Честно признаюсь, я ожидала совсем другого. А у тебя никогда не возникало желания... э-э-э... пригласить сюда строителей?

– Со временем я, наверное, так и поступлю. Но пока мне нравится делать все своими руками. Видишь ли, это полезно для души... строить дом. – Он передернул плечами. – Когда ты весь день штопаешь колотые раны и реанимируешь слишком самоуверенных велосипедистов, жен, использованных мужьями в качестве боксерской груши, детишек с хронической астмой из-за вечной сырости...

– ...и легкомысленных девиц, свалившихся с крыши.

– И это тоже... – Он кивнул на бетономешалку и груды кирпичей. – Именно это помогает мне хоть как-то примириться с действительностью. А как насчет пива?

Он забрался по ступенькам в вагон, знаком велел мне следовать за ним. Внутри вагон не был похож на обычный железнодорожный вагон. Я увидела маленькую, безупречно чистую кухонную зону и мягкое сиденье в форме буквы «Г». Там до сих пор сохранился едва заметный запах воска и твидовых пальто пассажиров.

– Не люблю дома на колесах, – объяснил Сэм и махнул рукой в сторону сиденья. – Присаживайся.

Он достал из холодильника холодное пиво, открыл бутылку и протянул мне. А для себя поставил на плиту чайник.

– А ты разве со мной не выпьешь? – удивилась я.

Он покачал головой:

– Видишь ли, в течение пары лет я приходил с работы и выпивал рюмку для расслабона. Потом две. После чего понял, что без этих двух, а может трех, рюмок мне вообще не расслабиться. – Он достал банку с чаем и бросил в кружку пакетик. – А затем я потерял очень близкого мне человека и решил, что если я прямо сейчас не завяжу с выпивкой, то уже никогда этого не сделаю. – Он говорил, не глядя на меня, просто расхаживал с удивительной грацией для такого крупного мужчины по узкому вагону. – Иногда я, конечно, балуюсь пивком, но не сегодня.

Мне еще надо отвезти тебя домой.

После его последнего замечания у меня сразу пропало чувство нереальности происходящего. Ведь, как ни крути, я оказалась в этом странном доме-вагоне наедине с практически незнакомым мужчиной. Да и вообще, к чему сохранять излишнюю сдержанность в обществе человека, который нянчился с твоим изломанным, практически обнаженным телом? И зачем волноваться по поводу мужчины, заблаговременно сообщившего, что собирается отвезти тебя домой? Похоже, нетривиальность нашей встречи убрала все ненужные преграды и препятствия на пути более близкого знакомства. Он видел мое нижнее белье. Черт, он видел, что там у меня под кожей! И поэтому с Сэмом я чувствовала себя так легко, как ни с кем другим.

Дом чем-то напомнил мне цыганскую кибитку, о которой я читала в далеком детстве. Если верить книжкам, там все лежало на своем месте и, несмотря на тесноту, царил идеальный порядок. В вагончике было довольно уютно, но слишком уж аскетично, не чувствовалось женской руки. А пахло там нагретым солнцем деревом, мылом и немножко беконом. Возможность начать все сначала, догадалась я. Интересно, а что случилось с его и Джейка прежним домом?

– А... что, собственно, думает по этому поводу Джейк?

Сэм пристроился на другом конце сиденья с кружкой чая:

– Поначалу он решил, что я рехнулся. А теперь ему даже нравится. Он ухаживает за животными, когда я на дежурстве. А я в свою очередь обещал научить его ездить по полю на мотоцикле, как только ему исполнится семнадцать. – Он поднял кружку. – Да поможет мне Бог!

В ответ я подняла бутылку с пивом.

Возможно, все дело было в неожиданном удовольствии оказаться теплым вечером пятницы в обществе привлекательного мужчины, а возможно, во второй бутылке пива, но, так или иначе, я начала потихоньку расслабляться. Температура если и понизилась, то лишь на пару градусов, и в вагоне уже становилось душно. Поэтому мы, с двумя складными стульями, переместились на улицу, и я принялась наблюдать за клюющими траву цыплятами – на редкость успокаивающее зрелище, – а Сэм травил байки о страдающих ожирением пациентах, для подъема и транспортировки которых требовалось четыре бригады, а также о членах молодежных бандитских группировок, которые даже в смиренной рубашке не оставляли попыток пырнуть друг друга ножом. И я поймала себя на том, что во время разговора исподволь наблюдаю за ним: за его манерой держать кружку, за его неожиданной улыбкой, когда в уголках

каждого глаза образовывались три идеальные линии, словно нарисованные пером.

Сэм рассказал о своих родителях. Его отец был пожарным, но сейчас вышел на пенсию, а мать – певицей в ночном клубе, которая пожертвовала своей карьерой ради детей. «Думаю, именно поэтому меня не шокирует твоя униформа. Люблю все блестящее». Он не упомянул имени своей бывшей жены, но заметил, что его мать беспокоится об отсутствии женского влияния на Джейка. «Раз в месяц она приезжает сюда и все проверяет, а затем забирает в Кардифф, где вместе со своими сестрами кудахчет над ним, пытается его подкормить, а заодно проверяет, достаточно ли у него носков». Сэм сидел, упершись локтями в колени. «Джейк, конечно, ворчит, но в глубине души ему все это нравится».

Я же рассказала ему о возвращении Лили и о ее встрече с Трейнорами. Рассказала о ее изменчивом настроении и непредсказуемом поведении, а Сэм кивал, как будто ничего другого и не ожидал. А когда я рассказала о матери Лили, он осуждающе покачал головой:

– Тот факт, что они богатые люди, еще не делает их хорошими родителями. Если бы ее мамаша сидела на пособии, то ее наверняка уже давным-давно навестили бы работники социальной службы. – Он снова поднял свою кружку с чаем. – Луиза Кларк, ты делаешь доброе дело.

– Но я отнюдь не уверена, что делаю его так уж хорошо.

– Ни у кого не может быть абсолютной уверенности, что он хорошо справляется с подростками. В этом-то вся и завыка.

Мне было нелегко совместить этого Сэма, очень домашнего, с цыплятками, с тем грустным ходоком, о котором мы слышали на собраниях нашей группы. Но кому, как не мне, было не знать, что внешность обманчива. Я понимала: скорбь может заставить вас вести себя так, что вы сами удивитесь.

– Мне нравится твой железнодорожный вагон, – сказала я. – И твой невидимый дом.

– Тогда, смею надеяться, ты приедешь сюда снова, – ответил он.

Сексуальный маньяк. Если он именно так клеит женщин, тоскливо подумала я, тогда, блин, он действительно очень хорош. Реально адская смесь: достойно несущий свое горе отец, с его скупыми улыбками, способный взять курицу одной рукой, чтобы курица реально выглядела при этом счастливой. Нет, я ни за что не позволю себе стать одной из его психически ненормальных подружек, неустанно твердила я себе. Но, черт возьми, все-таки было некое тайное удовольствие в легком флирте с интересным мужчиной! Да и вообще, было крайне приятно чувствовать

что-то еще, кроме беспокойства или бессильной злобы – парных эмоций, ставших частью моей повседневной жизни. Ведь за последние несколько месяцев мой единственный контакт с лицом противоположного пола произошел под воздействием алкогольных паров, а закончился слезами и самобичеванием в ванной.

Уилл, как думаешь, это нормально?

Тем временем на улице постепенно темнело, и цыплята начали неохотно возвращаться в курятник.

Сэм, внимательно наблюдавший за ними, неожиданно произнес:

– Сдается мне, Луиза Кларк, что, разговаривая со мной, ты одновременно беседуешь с кем-то еще.

Ужасно хотелось сказать в ответ что-нибудь умное. Но он меня раскусил, и мне нечем было крыть.

– Ты и я. Мы с тобой ходим вокруг да около, – продолжил он.

– А ты что, хочешь сразу взять быка за рога?

– Ну вот, теперь я, похоже, тебя смутил.

– Нет, – посмотрела я на Сэма. – Ну, если только чуть-чуть.

За нашей спиной с шумом поднялась в небо ворона, всколыхнув застывший воздух тяжелыми крыльями. Поборов желание пригладить волосы, я решила допить пиво.

– Ну ладно. Тогда вопрос по существу. Как думаешь, сколько времени может уйти на то, чтобы пережить чью-то смерть? Я хочу сказать, смерть того, кого ты реально любил.

Ума не приложу, зачем я его об этом спросила. Слишком безжалостно и прямолинейно, учитывая его обстоятельства. Возможно, я элементарно боялась, что на сцене вот-вот появится сексуальный маньяк...

От удивления у Сэма сделались большие глаза.

– Ой-ей-ей! Ну... – Он посмотрел на свою кружку, затем бросил взгляд на окутанные тенью поля. – Сомневаюсь, что это вообще возможно.

– Надо же, как весело!

– Нет, я серьезно. Я очень много об этом думал. Ты просто учишься жить с этой утратой, с твоими незабвенными. Потому что они остаются с тобой навсегда, пусть даже и отошли в мир иной. Хотя это уже не то непереносимое горе, что обрушивается на тебя изначально и заставляет совершенно иррационально злиться на всех тех идиотов, которые живут себе припеваючи, тогда как твой любимый человек уже умер. Нет, это что-то такое, к чему приспосабливаешься постепенно. Как к дыре в душе. Ну, я не знаю. Как если бы ты был булочкой, а превратился в пончика.

Его лицо стало таким печальным, что я сразу почувствовала себя

виноватой.

– В пончика? – переспросила я.

– Ну да, сравнение, конечно, глупое, – грустно улыбнулся он.

– Я не хотела...

Он покачал головой. Затем внимательно посмотрел на траву под ногами, после чего бросил на меня осторожный взгляд:

– Ладно, оставим этот разговор. Давай-ка я лучше отвезу тебя домой.

Мы прошли по полю к его мотоциклу. На дворе вдруг резко похолодало, и я скрестила руки на груди. Сэм тотчас же протянул мне свою куртку и, как я ни отказывалась, заставил ее надеть. Куртка оказалась приятно тяжелой и какой-то очень мужской. И я постаралась не вдыхать ее запах.

– Ты что, всех своих пациенток вот так клеишь?

– Нет. Только тех, кто остался в живых. – (Я неожиданно рассмеялась. Несколько громче, чем хотелось бы.) – В принципе, нам не положено приглашать пациенток на свидания. – Он протянул мне запасной шлем. – Но насколько я понимаю, ты уже больше не моя пациентка.

– А это не настоящее свидание, – подхватила я.

– Разве нет? – Он посмотрел прямо перед собой и задумчиво кивнул, когда я залезла на мотоцикл. – Вот и славно.

Глава 11

Придя на собрание нашей группы психологической поддержки, я почему-то не увидела там Джейка. И пока Дафна жаловалась на то, что ей даже банку не открыть без мужчины на кухне, а Сунил рассказывал о проблемах с дележом скромного имущества брата между его отпрысками, я поймала себя на том, что жду, когда откроются тяжелые красные двери в конце церковного зала. Конечно, я уговаривала себя, будто беспокоюсь о благополучии мальчика, которому необходимо поделиться с понимающими людьми переживаниями по поводу поведения отца. Я убеждала себя, что вовсе не жажду видеть небрежно прислонившегося к мотоциклу Сэма.

– Луиза, а какие именно мелочи повседневной жизни ставят в тупик тебя?

Возможно, Джейк просто завязал с нашей группой. Возможно, он решил, что больше не нуждается в наших встречах. Насколько я знаю, все рано или поздно бросают групповую психотерапию. Так и должно быть. И рано или поздно я больше никогда никого из них не увижу.

– Луиза? Мелочи жизни? Наверняка ты сможешь что-нибудь вспомнить.

А я все думала о том поле, об аккуратной кухоньке пассажирского вагончика, о том, как Сэм нес под мышкой курицу с таким видом, будто это ценная посылка. А перышки на груди у курицы были мягкими, как легкий ветерок.

Дафна пихнула меня локтем в бок. Я вздрогнула.

– Мы обсуждали мелочи повседневной жизни, которые заставляют нас вспоминать о своей утрате.

– Мне не хватает секса, – заявила Наташа.

– Это вовсе не мелочи жизни, – отозвался Уильям.

– Ты просто не знал моего мужа, – фыркнула Наташа. – Нет, в самом деле. Я неудачно пошутила. Простите. Сама не понимаю, что на меня нашло.

– Шутить никогда не вредно, – ободряюще заметил Марк.

– У Олафа хозяйство было что надо. Вот такое. – Наташа обвела глазами присутствующих. А когда ей никто не ответил, расставила руки примерно на фут и выразительно кивнула. – Мы были очень счастливы.

В комнате стало тихо.

– Хорошо, – сказал Марк. – Приятно слышать.
– Но я не хочу, чтобы вы подумали... Словом, я не хочу, чтобы люди думали... будто у него был крошечный...
– Уверен, никто о твоём муже так не думает.
– Но если ты не перестанешь об этом все время твердить, я точно подумаю, – сказал Уильям.
– Но я не желаю, чтобы ты думал о пенисе моего мужа! – возмутилась Наташа. – Более того, я запрещаю тебе о нём думать.
– Тогда кончай трендеть по поводу его пениса! – рассердился Уильям.
– А мы можем поговорить о чём-нибудь другом, кроме пенисов? – попросила Дафна. – А то мне уже немного не по себе. Монахини били нас линейкой даже за произнесенное вслух слово «промежность».

Марк протестующе поднял руки:

– Мы можем поговорить о чём-нибудь ещё, кроме... И вернуться к символам утраты. Луиза, ты, кажется, собиралась нам рассказать, какие повседневные вещи напоминают тебе о твоей утрате.

Я задумалась, пытаюсь не обращать внимания на то, что Наташа опять расставила руки, молча измеряя какую-то только ей одной ведомую длину.

– Думаю, мне не хватает рядом человека, с которым я могла бы все обсудить, – произнесла я и сразу услышала одобрительные шепотки. – Я хочу сказать, что не принадлежу к числу тех, у кого слишком широкий круг друзей. Я встречалась со своим последним парнем целую вечность, и мы... особо никуда не ходили. А затем появился Билл. И мы все время о чём-нибудь говорили. О музыке, о людях, о том, что мы сделали или хотели бы сделать, и мне никогда не приходилось волноваться, что я не то ляпнула или кого-то обидела, потому что он меня просто достал. А теперь я переехала в Лондон и оказалась сама по себе, вдали от семьи, да и вообще, чтобы разговаривать с ними... надо крепко подпоясаться.

– Верно, – поддакнул Сунил.

– А прямо сейчас у меня в жизни происходит нечто такое, о чём мне хотелось бы с ним поболтать. Мысленно я постоянно с ним говорю, но это не одно и то же. Мне не хватает возможности просто спросить: «Эй, а что ты об этом думаешь?» – зная, что бы он ни сказал, все будет в самую точку.

Группа на минуту притихла.

– Луиза, ты можешь поговорить с нами, – сказал Марк.

– Это... не так просто.

– Ну, это всегда непросто, – заметила Линн.

Я посмотрела на их доброжелательные, внимательные лица. Нет, похоже, эти ребята вообще ничего не поняли из того, что я им сказала.

А если и поняли, то неправильно.

Дафна поправила шелковый шарф:

– Да все просто как дважды два. Луизе нужен другой парень, с которым можно было бы поговорить. Конечно нужен. Ты молодая и привлекательная. Найдешь себе другого. Да и ты, Наташа, тоже. Вперед! Мне уже поздно искать себе кого-нибудь, но вам уж точно нечего делать в этом вонючем задрипанном зале. Прости, Марк! Вам, девочки, надо танцевать и веселиться!

Мы с Наташей переглянулись. И, судя по ее взгляду, Наташе не меньше моего хотелось танцевать.

Я сразу же вспомнила о Сэме со «скорой» и поспешно отогнала эту мысль прочь.

– А если тебе понадобится новый пенис, – начал Уильям, – не сомневаюсь, что мог бы запланировать...

– Поговорили – и будет. Переходим к желаниям, – заявил Марк. – Кто-нибудь удивился тому, что мы только что выяснили?

Я вернулась домой, выжатая как лимон, в четверть десятого вечера и неожиданно обнаружила там Лили. Одетая в пижаму, она лежала на диване перед телевизором. Я даже выронила сумку:

– И давно ты здесь?

– С самого завтрака.

– Ты в порядке?

– Мм...

Ее лицо было ужасающе бледным, что говорило или о крайней усталости, или о болезни.

– Тебе нездоровится?

Лили даже не потрудилась поднять на меня глаза. Она ела из миски попкорн, небрежно подбирая со дна крошки.

– Просто сегодня мне как-то лениво хоть что-нибудь делать.

Тем временем загудел телефон Лили. Она равнодушно посмотрела на пришедшую эсэмэску и запихнула телефон под диванную подушку.

– У тебя действительно все в порядке? – через минуту спросила я.

– Все прекрасно.

Однако выглядела она далеко не прекрасно.

– Я могу помочь?

– Я же сказала, что у меня все прекрасно.

На меня она почему-то не смотрела.

Эту ночь Лили провела у меня дома. А на следующий день, как раз когда я собиралась на работу, позвонил мистер Трейнор и попросил позвать Лили к телефону. Она лежала, растянувшись на диване, и, узнав, кто ее просит, безучастно посмотрела на меня, неохотно взяла трубку и стала молча слушать, что ей говорит мистер Трейнор. Его слов я, естественно, разобрать не могла, но тон его голоса был очень ласковым, успокаивающим, нежным. Когда он закончил, Лили, сделав небольшую паузу, бросила:

– Хорошо. Отлично.

– Значит, ты собираешься встретиться с ним снова? – спросила я, получив обратно трубку.

– Он хочет приехать в Лондон повидаться со мной.

– Ну, это очень мило...

– Но он не может уезжать слишком далеко от дома, так как *она* в любой момент может начать рожать.

– Я могу тебя к нему отвезти.

– Не надо.

Лили села, подтянув коленки к подбородку, взяла пульт и принялась переключать каналы.

– Может, хочешь об этом поговорить? – после минутного молчания предложила я.

Но Лили не удосужилась оторваться от телевизора, и я поняла, что разговор закончен.

В четверг я пошла к себе в спальню и, плотно закрыв дверь, позвонила сестре. Мы перезванивались несколько раз в неделю. Теперь, когда моя размолвка с родителями больше не разделяла нас с Триной, точно минное поле, нам стало гораздо легче общаться.

– Как думаешь, это нормально?

– Папа рассказывал, что, когда мне было шестнадцать, я как-то целых две недели с ним не разговаривала. Только огрызалась. А ведь я тогда была вполне довольна жизнью.

– Она не огрызается. Но выглядит очень несчастной.

– Все подростки выглядят несчастными. По определению. На самом деле беспокоиться стоит именно о внешне вполне довольных жизнью. Возможно, за внешней веселостью скрываются серьезные проблемы. Или булимия, или склонность к kleptomanii.

– Она провалялась на диване все последние три дня.

– Ну и что с того?

– Думаю, у нее что-то случилось.

– Ей шестнадцать. Ее папаша вообще не знал о ее существовании и сделал ноги задолго до ее рождения. Мамаша вышла замуж, выражаясь словами Лили, за какого-то уроды, у девочки двое братьев-разбойников, талантливых учеников Реджи и Ронни Крэй^[12], а ее семейка сменила замки на входной двери. На ее месте я бы тоже валялась на диване и рыдала, – сказала Трина, громко прихлебывая чай. – И в довершение всего она живет с особой, которая напяливает на работу в бар блестящий зеленый спандекс и называет это карьерой...

– Люрекс. Это люрекс.

– Не имеет значения. Итак, а когда ты собираешься найти себе приличную работу?

– Скоро. Просто сперва мне нужно... понять, на каком я свете. Словом, прояснить ситуацию.

– Эту ситуацию.

– Она в депрессии. И у меня за нее болит душа.

– А знаешь, что может меня вогнать в депрессию? То, как ты держишь обещание начать другую жизнь, при этом жертвуя собой ради первого встречного бомжа.

– Уилл не был бомжом.

– А вот Лили да. Ты ведь даже толком не знаешь эту девчонку. А тебе надо сосредоточиться на том, чтобы двигаться дальше. Рассылать резюме, заводить нужные знакомства, выявлять свои достоинства, а не искать оправдания тому, почему ты топчешься на месте.

Я уставилась в небо. Из соседней комнаты доносилось глухое бормотание телевизора, затем я услышала звук шагов в сторону кухни, хлопанье дверцы холодильника и снова шаги обратно к дивану.

Немного понизив голос, я продолжила:

– Трин, а что бы ты сделала на моем месте? Ребенок мужчины, которого ты любила, появляется на пороге твоего дома, и ни одна живая душа не желает нести за него ответственность. Неужели ты тоже умыла бы руки?

Сестра как-то странно притихла, что с ней случалось нечасто. И я почувствовала себя обязанной продолжать говорить.

– Представь, что это был бы повзрослевший на восемь лет Том, и он сказал бы, что поругался с тобой, уж не знаю из-за чего. Сказал бы, что он никому не нужен, а теперь слетел с катушек. Так, по-твоему, это было бы нормально, если бы единственный человек, к которому он обратился за помощью, отвернулся бы от него, решив, что ему не нужен этот

геморрой? И просто бы отвалил, прикинув, что так для него будет лучше? Трин, я пытаюсь делать то, что должно. Ты уж извини, о'кей? – (В ответ тишина.) – Это помогает мне жить. О'кей? Это помогает мне чувствовать себя полезной.

Сестра так долго молчала, что я уж было решила, будто она вышла в другую комнату.

– Трин?

– Ну ладно. Я вроде в свое время читала в «Социальной психологии» что-то насчет того, что подростки не выносят душеспасительных бесед с глазу на глаз.

– Так мне что, разговаривать с ней через дверь?

Уверена, когда-нибудь мне удастся поговорить с сестрой по телефону так, чтобы не слышать усталых вздохов человека, которому приходится повторять все еще раз для идиотов.

– Нет, тупица. Это означает, что, если ты хочешь ее разговорить, вы должны начать делать что-то вместе, как одна команда.

В пятницу по дороге с работы домой я заскочила в хозяйственный магазин. Затем, нагруженная, точно ишак, с трудом преодолела четыре лестничных пролета и вошла к себе. Лили была там, где я и ожидала, на диване перед телевизором. Она неохотно подняла глаза:

– А что это там у тебя такое?

– Краска. Моя квартира выглядит слишком уныло. Ты сама говорила, что ее надо немного освежить. Думаю, мы можем избавиться от этого старья из «Магнолия маркет».

Лили явно оживилась. Я притворилась, будто с головой ушла в приготовление выпивки, но краем глаза увидела, что она потянулась, а затем подошла к пакетам и принялась изучать банки с краской.

– Сомневаюсь, что эта окажется более веселой. Она ведь бледно-серая.

– Мне сказали, сейчас это модно. Но если тебе кажется, что она не годится, я могу сдать ее обратно.

Лили еще раз посмотрела на банку:

– Да нет, вроде сойдет.

– Я вот тут подумала, что в гостевой комнате можно будет сделать две стены кремовыми, а одну – серой. Как по-твоему, будет нормально?

Во время разговора я сосредоточенно разворачивала малярные кисти, стараясь не смотреть на Лили. Затем я переделась в старую рубашку с шортами и попросила Лили включить музыку.

– А какую именно?

– На твой выбор. – Я оттащила кресло в сторону и расстелила вдоль стены пленку. – Твой папа говорил, что в музыке я совершеннейший профан.

Она ничего не ответила, хотя я, несомненно, ее заинтриговала. Я открыла банку с краской и принялась ее перемешивать.

– Он заставил меня впервые в жизни пойти на концерт. Не попсы, а классической музыки. Я согласилась лишь потому, что только так могла заставить его выйти в свет. Поначалу он очень неохотно выходил из дому. Он надел хорошую рубашку и выходной пиджак, и я впервые увидела его таким... – Я вспомнила свой шок, когда увидела этот тугий синий воротничок и его лицо – лицо человека, которым он был до инцидента. – Так или иначе, я приготовилась умирать со скуки и прорыдала всю вторую часть. Это самая потрясающая вещь, которую я когда-либо слышала.

После короткого молчания Лили спросила:

– А что это было? Что вы слушали?

– Сейчас точно и не вспомню. Сибелиус? Есть такой?

Лили только передернула плечами. Я продолжила красить, Лили топталась рядом. Затем взяла кисть. Поначалу она молчала, но в конце концов немного забылась в ходе монотонной работы. Она трудилась очень аккуратно, стараясь, чтобы краска не капала, и вытирая кисточку о край банки с краской. Мы практически не разговаривали, разве что вполголоса обменивались просьбами: *Не могла бы ты передать маленькую кисточку? Как думаешь, а это проступит через второй слой?* И только через полчаса лед между нами начал таять.

– Ну, что скажешь? – поинтересовалась я, сделав пару шагов назад, чтобы полюбоваться плодом своих рук. – Как считаешь, мы осилим вторую?

Лили передвинула пленку и принялась за следующую стену. Она поставила какую-то альтернативную рок-группу, о которой я никогда не слышала; музыка была беззаботной и очень приятной. Я снова принялась за работу, стоически не обращая внимания на боль в плече и напавшую на меня зевоту.

– Тебе надо обзавестись какими-нибудь картинами.

– Ты совершенно права.

– У меня дома есть большая репродукция Кандинского. В моей комнате она вообще не в тему. Если хочешь, могу тебе ее отдать.

– Спасибо.

Теперь работа пошла у нее чуть-чуть скорее. Лили широкими мазками красила стену, аккуратно обходя окна.

– Я вот тут подумала... Наверное, нам все же стоит поговорить с мамой Уилла. Твоей бабушкой. Как насчет того, чтобы ей написать?

Лили не ответила. Согнувшись в три погибели, она красила стену возле плинтуса. Наконец она поднялась и посмотрела на меня:

– А она такая же, как он?

– Такая же, как кто?

– Миссис Трейнор. Она такая же, как мистер Трейнор?

Я спустилась с ящика, на котором стояла, чтобы было удобно красить, и вытерла кисточку.

– Она... другая.

– Ты что, хочешь таким образом сказать, что она тупая корова?

– Она вовсе не тупая корова. Она такая... Просто, чтобы узнать ее получше, нужно время. Вот и все.

Лили недоверчиво покосилась на меня:

– Значит, ты все же хочешь сказать, что она тупая корова и я ей точно не понравлюсь.

– Я совсем другое имела в виду. Просто она из тех людей, кто не привык демонстрировать свои чувства.

Лили вздохнула и положила кисть:

– Похоже, я единственный человек на земле, которому удалось неожиданно узнать о наличии у него бабушки и дедушки, а после этого обнаружить, что он им обоим не понравился.

Мы удивленно уставились друг на друга. А потом совершенно неожиданно расхохотались.

А затем я решительно закрыла банку с краской.

– Ну ладно, – сказала я. – Пойдем развлечемся.

– Куда?

– Ты сама говорила, что мне надо повеселиться. Вот ты и скажешь куда.

Я по очереди вытаскивала из картонной коробки свои топики, пока наконец Лили не одобрила один из них, а затем позволила ей затащить в похожий на пещеру клуб в глухом закоулке в районе Вест-Энда, где вышибалы знали Лили по имени и всем было двадцать раз наплевать, что ей, возможно, еще нет восемнадцати.

– Музыка девяностых. Замшелое ретро, – жизнерадостно сказала она, и я постаралась не слишком задумываться о том, что в ее глазах я, должно быть, старая рухлядь.

Мы танцевали. Танцевали так, что я забыла обо всем, и пот струился

по спине, и волосы повисли слипшимися прядями. Более того, разболевшееся бедро заставило меня усомниться, смогу ли я завтра встать за барную стойку. Мы танцевали так, будто танцы составляли смысл нашей жизни. Но, боже правый, как это было здорово! Ведь я забыла, что такое настоящая радость существования: способность потеряться в звуках музыки, стать частью толпы, однородной органической массы, колышущейся в такт брит-попа. За несколько жарких темных часов проблемы улетели прочь, как гелиевые шарики, и я забыла обо всем: о жуткой работе, о занудном боссе, о своей неспособности двигаться дальше. И я сразу стала особенной. Живой, подвижной, веселой. Я разглядела в толпе Лили, ее глаза были закрыты, волосы разметались по лицу, на котором застыло странное сосредоточенное и одновременно отрешенное выражение, характерное для человека, забывшегося в танце. А когда Лили открыла глаза и посмотрела прямо на меня, я увидела у нее в руке бутылку, явно не с кока-колой, и уже собралась было рассердиться, но неожиданно для себя улыбнулась счастливой, широкой улыбкой, невольно подумав о том, как все же странно, что именно этот запутавшийся ребенок, который и себя-то толком не знает, успешно учит меня науке жить полной жизнью.

Вокруг нас бурлил ночной Лондон, несмотря на то что было два часа ночи. Ненадолго остановившись, чтобы Лили могла сделать селфи на фоне театра, рекламы китайского фильма «Вздых» и парня, одетого огромным медведем (похоже, она хотела зафиксировать чуть ли не каждое событие), мы принялись петлять по людным улицам в поисках ночного автобуса. Мы проходили мимо лавок с кебабом, орущих алкашей, сутенеров и крикливых девиц. Мое бедро болезненно пульсировало, липкий пот противно охлаждал кожу под влажной одеждой, но я по-прежнему чувствовала странный прилив энергии, словно у меня открылось второе дыхание.

— Бог его знает, как мы теперь доберемся домой, — жизнерадостно заявила Лили.

И тут меня кто-то окликнул:

— Лу!

Я посмотрела через дорогу и увидела Сэма, высунувшегося из окна «скорой». И не успела я помахать ему рукой, как он, проехав через разделительную линию, резко развернул автомобиль в нашу сторону.

— А куда это ты направляешься?

— Домой. Если, конечно, нам удастся найти автобус.

– Прыгайте в машину. Живей. Я два раза предлагать не буду. Мы уже заканчиваем дежурство. – Сэм покосился на сидевшую рядом с ним женщину. – Да ладно тебе, Дон! Она наша пациентка. Перелом бедра. Не можем же мы заставить ее тащиться пешком домой.

Лили, не скрывая своего восторга от столь неожиданного поворота событий, посмотрела на меня. А затем задняя дверь открылась, и какая-то женщина в форме парамедика загнала нас внутрь.

– Сэм, ты доиграешься до того, что нас уволят, – сказала она, жестом пригласив нас сесть на каталку. – Привет! Я Донна. Ой, а ведь я тебя помню. Ты та, что...

– ...свалилась с крыши дома. Ага.

Лили притянула меня к себе для очередного селфи, на этот раз в «скорой», и я сделала вид, будто не заметила округлившихся глаз Донны.

– И где же вы были? – крикнул с переднего сиденья Сэм.

– Танцевали, – ответила Лили. – Я все пытаюсь объяснить Луизе, что пора перестать вести себя как унылая старая перечница. А можно включить сирену?

– Нельзя. Так куда вы ходили? Вопрос от еще одного старого пердуна. Хотя я все равно не пойму.

– В «Двадцать два», – сказала Лили. – На Тоттенхэм-Корт-роуд.

– Сэм, это там, куда мы выезжали на срочную трахеотомию.

– Я помню. Похоже, вы неплохо провели ночь.

Он поймал мой взгляд в зеркале заднего вида, и я слегка покраснела. Я даже немного загордилась тем, что ходила танцевать. Значит, еще не все потеряно. И я могу быть совсем другим человеком, а не только убогой барменшей из аэропорта, для которой хорошо провести время – это навернуться с крыши.

– Было здорово, – просияла я, увидев в зеркале, как вокруг его глаз разбежались веселые морщинки.

Затем он посмотрел на экран компьютера на приборной доске:

– Вот черт! У нас экстренный вызов в «Спенсерс».

– Но мы же едем в обратную сторону! – возмутилась Донна. – И почему Ленни вечно так с нами поступает? Да он просто садист.

– Все остальные машины заняты.

– А что происходит? – поинтересовалась я.

– Срочная работа подвернулась. Придется вас высадить. Хотя это совсем близко от твоего дома. Ну как, идет?

– «Спенсерс», – тяжело вздохнула Донна. – Великолепно. Ну все, держитесь, девочки.

Пронзительно завывала сирена. «Скорая» сорвалась с места и, мигая синим проблесковым маячком, под восторженный визг Лили помчалась вперед.

Чуть ли не каждый уик-энд, сказала нам Донна, когда мы схватились за поручни, чтобы сохранять равновесие, на станцию скорой помощи поступает вызов из «Спенсера» с просьбой привести в порядок тех, кто уже не стоит на ногах ко времени закрытия, или заштопать парней, у которых после шести пинт пива пробуждается боевой дух и начисто сносит крышу.

– Эти юнцы в расцвете сил должны радоваться жизни, а вместо этого они тратят каждый лишний фунт, который зарабатывают, на то, чтобы довести себя до невменяемого состояния. Каждую чертову неделю.

И уже через несколько минут «скорой» пришлось сбросить скорость, чтобы не задавить пьяную компанию, вылезшую на мостовую. Объявление на закопченных окнах ночного клуба «Спенсерс» гласило: «До 10 вечера для девушек напитки бесплатные». Несмотря на веселое улюлюканье и кричащие наряды гостей холостяцких вечеринок и просто гуляющих, атмосфера на запруженных улицах возле питейных заведений была скорее не карнавальная, а лихорадочной и взрывоопасной. Я осторожно выглянула в окно.

Сэм открыл заднюю дверь и взял свою укладку.

– Оставайтесь в машине! – приказал он и вылез наружу.

К нему подошел полицейский, что-то пробормотал, и они вдвоем подошли к сидевшему на краю тротуара парню, из раны на виске у которого вовсю хлестала кровь. Сэм присел перед парнем на корточки, а полицейский тем временем отгонял пьяных зевак, добровольных помощников и воющих девиц с размазанной по щекам тушью. Казалось, будто парня окружила толпа хорошо одетых статистов из «Ходячих мертвецов», окровавленных, тупо раскачивавшихся, бормочущих себе под нос и периодически падающих с ног.

– Ненавижу такую работу. – Донна принялась поспешно рыться в куче упакованных в пластик медикаментов. – Нет чтобы дать нам вызов к роженице или симпатичной бабулечке с кардиомиопатией. Твою мать! Ну вот, началось.

Сэм только стал обследовать рану пострадавшего, когда какой-то парень, волосы которого были густо намазаны гелем, а воротник рубашки насквозь пропитался кровью, неожиданно схватил Сэма за плечо:

– Эй! Мне нужно в «скорую»!

Сэм медленно повернулся к пьяному дебоширу, который при разговоре

брызгал слюной и кровью.

– Отвали, приятель. Хорошо? Не мешай мне делать мою работу!

Но парень, похоже, уже был под приличным градусом и ходов не писал. Он посмотрел на своих дружков, а затем снова накинута на Сэма, плюясь и рыча:

– Не смей мне говорить, чтобы я отвалил!

Сэм, не обращая на него внимания, продолжил осмотр первого раненого.

– Эй! Эй, ты! Мне надо в больницу! – повторил парень, пихнув Сэма в плечо. – Эй!

Сэм остался сидеть на корточках, погрузившись в задумчивость. Затем медленно выпрямился и повернулся, оказавшись лицом к лицу с нарушителем спокойствия.

– Сейчас я тебе кое-что объясню в доступных для тебя выражениях. Ты не сядешь в автомобиль «скорой помощи», понятно? Так что побереги силы, сынок, возвращайся к своим дружкам, приложи лед, а утром сходи к доктору.

– Ты что, будешь меня учить?! Я оплачиваю твою зарплату. И у меня, блин, сломан нос!

Сэм пытался окоротить его взглядом, но парень никак не унимался. Он размахнулся и толкнул Сэма в грудь.

– Ой-ей-ей! – охнула Донна.

Из груди Сэма вырвалось глухое рычание.

– Ну ладно. Я тебя предупредил...

– Ты еще будешь меня предупреждать! – презрительно выплюнул парень. – Будешь меня предупреждать! Да кем ты себя возомнил?!

Донна, выскочив из машины, рысью понеслась к полицейскому. Она что-то прошептала ему на ухо, и тот оглянулся. Выражение лица у Донны было умоляющим. Парень продолжал вопить и чертыхаться, толкая Сэма в грудь.

– Нет, сперва ты поможешь мне, а уж потом займешься этим недоноском!

Сэм поправил воротник. Его лицо подозрительно окаменело.

У меня перехватило дыхание, но тут между ними встал полицейский. Донна, дергая Сэма за рукав, принялась тихонько подталкивать его к раненому парню на краю тротуара. Полицейский, что-то тихо бормоча в рацию, крепко держал пьяного хулигана за плечо. Внезапно тот повернулся и смачно плюнул Сэму на куртку:

– Да пошел ты!

От неожиданности все кругом замерли. Сэм напрягся всем телом.

– Сэм! Сэм! Иди сюда! Помоги мне, пожалуйста. Ты мне нужен. – Донна снова потащила его в сторону парня, сидевшего на краю тротуара. Я бросила взгляд на лицо Сэма: его глаза блестели холодным блеском, как два бриллианта. – Ну давай же! Пора убираться отсюда, – сказала Донна, и они принялись грузить полумертвого парня в «скорую».

Сэм сосредоточенно вел машину. Мы с Лили втиснулись на переднее сиденье рядом с ним. И хотя Донна успела отмыть его куртку, он ни на кого не смотрел, на небритых щеках ходили желваки.

– Могло быть и хуже, – жизнерадостно заметила Донна. – Тут в прошлом месяце одного мальчика вырвало прямо мне на голову. Причем маленькое чудовище сделало это нарочно. Он засунул пальцы себе в горло и подбежал ко мне сзади только потому, что я сказала, что я ему не чертово такси и не собираюсь везти его домой. – Она поднялась и потянулась за энергетическим напитком, который держала под рукой. – Просто напрасная трата сил. Как только подумаешь, что мы могли бы сделать вместо того, чтобы подчищать дерьмо за мелким пакостником... – Она сделала большой глоток и посмотрела на парня, лежавшего в полубессознательном состоянии на носилках. – Нет, я просто отказываюсь понимать. И что только творится у них в голове.

– Не слишком много, – буркнул Сэм.

– Угу. А вот этого приятеля надо держать на коротком поводке. – Донна потрепала Сэма по руке. – В прошлом году он уже получил одно предупреждение.

Сэм смущенно покосился на меня:

– Мы тогда должны были забрать девушку на Коммершиал-стрит. Лицо – сплошное кровавое месиво. Бытовуха. А когда я уже грузил девицу на каталку, ее парень выскочил из паба и снова набросился на нее с кулаками. Вот я и не сдержался.

– Ты что, ему врезал?

– Причем не один раз, – фыркнула Донна.

– Дон, видела бы ты, в каком состоянии была та девица.

– В любом случае ему больше не стоит нарываться на неприятности.

А иначе его выгонят со службы.

– Спасибо, – сказала я, когда нас с Лили выпустили из машины. – За то, что подбросил.

– Не мог же я оставить вас одних в этом дурдоме на открытом воздухе.

Наши взгляды на секунду встретились. Но затем Донна быстро

закрыла дверь, и они поспешили доставить в больницу свой потрепанный живой груз.

– Он на тебя явно запал, – заметила Лили, когда «скорая» скрылась из виду.

Надо же, а я и забыла, что она тут. Вздохнув, я полезла в карман за ключами.

– Он бабник.

– Ну и что? Положить на это с прибором, – заявила Лили, когда я открыла дверь. – Я хочу сказать, если бы я была такой старой. И отчаявшейся. Как ты.

– Лили, я не уверена, что готова к серьезным отношениям.

Она шла позади меня, и поэтому я, конечно, не могла ничего утверждать, но что-то мне подсказывало: пока мы поднимались по лестнице, эта несносная девчонка строила мне рожи.

Глава 12

Я написала миссис Трейнор. Я не стала упоминать о Лили, сообщив только, что я вернулась из путешествия и через пару недель буду с другом в ее краях и хотела бы, если можно, ее поприветствовать. Я отправила письмо срочной почтой и, бросив его в почтовый ящик, неожиданно почувствовала странное волнение.

Папа сообщил мне по телефону, что она покинула Гранта-хаус вскоре после смерти Уилла, и добавил, что все служащие в замке были неприятно удивлены, но я сразу вспомнила, как выследила мистера Трейнора с Деллой, и у меня, естественно, возникли некоторые сомнения по поводу искренности удивления этих самых служащих. В маленьком городишке сохранить что-то в секрете по определению невозможно.

– Она очень тяжело перенесла историю с сыном, – сказал папа. – И как только она уехала, эта рыжеволосая тут же взяла быка за рога. Хваткая дамочка, что есть, то есть. Ну что там говорить, хороший мужик, еще не лысый, большой дом – словом, ясно, что такой долго один не останется. Кстати, Лу, ты не могла бы поговорить со своей мамой по поводу ее подмышек? А то ей скоро придется косы заплетать, если она их наконец не побреет.

Я постоянно думала о миссис Трейнор, мучительно гадая, как она отнесется к появлению Лили. Что ж, я прекрасно помнила выражение радости и недоверия на лице мистера Трейнора во время их встречи. Интересно, а эта новость хоть как-то поможет залечить ее душевные раны? Иногда, глядя, как Лили смеется во время телевизионной передачи или задумчиво смотрит в окно, я настолько отчетливо видела в чертах ее лица сходство с Уиллом – такой же четко очерченный нос и такие же почти славянские скулы, – что мне становилось трудно дышать. (В такие минуты Лили всегда говорила: «Перестань так по-идиотски таращиться, Луиза. Ты меня бесишь».)

Лили переехала ко мне на две недели. Таня Хотон-Миллер позвонила сказать, что они всей семьей отправляются в отпуск в Тоскану, но Лили с ними ехать не хочет.

– Честно говоря, учитывая ее поведение, это даже к лучшему. Она меня утомляет.

На что я резонно заметила, что поскольку Лили дома практически не бывает, а Таня поменяла замки на входной двери, то Лили просто

физически не может никого утомлять, если, конечно, она не барабанит в окно, сопровождая это горестными причитаниями. Ответом мне было короткое молчание.

– Когда у вас появятся собственные дети, – наконец устало обронила Таня, – вы, быть может, поймете, что я имею в виду.

Господи, вечно этот туз в рукаве у всех родителей! *И где уж мне понять?!*

Таня предложила мне деньги, чтобы покрыть расходы на содержание Лили, пока их не будет. Но я гордо отказалась, хотя, по правде говоря, содержание Лили обошлось мне гораздо дороже, чем я рассчитывала. Лили, как оказалось, не желала довольствоваться фасолью на тосте или сэндвичами с сыром. Она просила дать ей денег и возвращалась с домашним хлебом, экзотическими фруктами, греческим йогуртом, экологически чистым цыпленком – одним словом, с основными продуктами питания среднего класса. И я невольно вспоминала Танин дом и то, как Лили стояла возле огромного холодильника и бездумно закидывала в рот кусочки свежего ананаса.

– Кстати, – сказала я, – а кто такой Мартин?

В разговоре снова повисла короткая пауза.

– Мартин – мой бывший друг. Лили настаивает на том, чтобы с ним увидеться, прекрасно зная, что мне это неприятно.

– А можно мне номер его телефона? Чтобы знать, где она. На всякий пожарный, пока вас не будет.

– Номер телефона Мартина? А мне-то он зачем?! – взвизгнула Таня, и телефон отключился.

Со времени моей встречи с Лили что-то неуловимо изменилось. И не то чтобы я свыклась с постоянным подростковым бедламом в своей практически пустой квартире, и все же я стала получать удовольствие от присутствия в своей жизни Лили. Приятно было есть не в одиночестве, а в компании, сидеть с ней рядом на диване перед телевизором, обмениваясь репликами по поводу происходящего на экране, и с непроницаемым лицом пробовать ее стряпню. *«Ну и откуда мне было знать, что для картофельного салата нужен отварной картофель? Господи боже мой, это же просто салат!»*

На работе я прислушивалась, как папаши, отправляясь в деловую поездку, желали своим отпрыскам спокойной ночи: *«Не расстраивай мамочку, Люк... Да неужели?.. Нет, правда? Какой умный мальчик!»* За этим непременно следовала смущенная улыбка, когда они понимали,

что нам все слышно, а потом переговоры шипящим шепотом по телефону с аргументами в свою защиту: *«Нет, я тогда вовсе не обещал забрать его после школы. Нет, я был очень занят в Барселоне... Да, был... Нет, ты просто не слушала».*

В моей голове не укладывалось, как можно было дать кому-то жизнь, любить этого ребенка, заботиться о нем, а когда ему исполнилось шестнадцать лет, заявить, будто ты ужасно утомлен, а потом сменить замки, чтобы не пускать его в дом. Ведь шестнадцать лет – это детский возраст, так? Несмотря на все попытки Лили казаться взрослой, я видела, что она еще сущий ребенок. Это чувствовалось по тому, как она легко возбуждалась и приходила в восторг. По тому, как она часто дулась, корчила рожи перед зеркалом в ванной и мгновенно засыпала невинным сном.

Я вспоминала свою сестру с ее чистой любовью к Тому. Вспоминала своих родителей, всегда готовых поддержать нас с Триной и протянуть руку помощи, хотя мы давным-давно вышли из детского возраста. И в такие моменты я как никогда горько жалела о том, что в жизни Лили не было Уилла и что его нет в моей жизни. *Уилл, ты должен был быть здесь, молча укоряла я его. На этом месте должен был быть ты.*

Я взяла себе выходной день, что, по мнению Ричарда, было грубым нарушением дисциплины. («Вы вернулись на работу всего пять недель назад. Я просто ума не приложу, с какой это стати вы собираетесь снова исчезнуть».) Я улыбнулась и, как хорошая ирландская девушка, поблагодарила Ричарда низким реверансом, а затем отправилась домой, где застала Лили за покраской стены в гостевой комнате в ярко-зеленый цвет.

– Ты вроде говорила, что хотела сделать стены поярче, – увидев, что я стою с отвисшей челюстью, бросила Лили. – Я сама заплатила за краску.

– Ладно. – Я сняла парик и расшнуровала туфли. – Только постарайся, пожалуйста, до вечера закончить. Потому что я взяла на завтра отгул, – переодевшись в джинсы, добавила я. – Я собираюсь показать тебе кое-какие вещи, которые любил твой папа.

Она застыла, ярко-зеленая краска капала с кисточки на ковер.

– Какие такие вещи?

– Сама увидишь.

Мы ехали целый день под саундтрек музыкальной подборки из айпода Лили, в результате чего душераздирающие траурные песнопения о любви

и разлуке уже через минуту сменялись бьющим по ушам яростным гимном ненависти к человечеству. Я же оттачивала искусство следить за дорогой, не обращая внимания на шум, а сидевшая рядом Лили кивала в такт музыке, время от времени выбивая по приборной доске барабанную дробь. Хорошо, подумала я, что она получает удовольствие от поездки. Но вот что совершенно непонятно, так это зачем человеку две барабанные перепонки.

Мы начали со Стортфолда, я показала Лили места, где мы с Уиллом обычно делали остановку, чтобы перекусить, места для пикника в полях за городом, его любимые скамейки возле замка, и Лили из вежливости старалась не демонстрировать, как ей скучно. Хотя справедливости ради стоит заметить, что очень трудно проявлять энтузиазм от созерцания бесконечных полей. Поэтому я просто рассказала ей, что, когда мы только познакомились, Уилла ни за какие коврижки было не вытащить из дому и как путем различных уловок, чтобы преодолеть его упрямство, я начала потихоньку выводить его на улицу.

– Ты должна понять, что твой отец ненавидел зависеть от других, поэтому любой выход на улицу он переносил крайне болезненно, поскольку его мучила даже не сама зависимость от своих помощников, а скорее то, что это видят другие.

– Даже если это была ты.

– Даже если это была я.

Она на секунду задумалась.

– Мне это тоже было бы неприятно. Я, например, терпеть не могу, когда меня видят с мокрой головой.

Мы посетили художественную галерею, где Уилл учил меня отличать «хорошее» современное искусство от «плохого» (чего я так и не научилась делать), но практически все картины на стене вызывали у Лили лишь кислую гримасу. Мы заглянули в винную лавку, где Уилл в свое время заставил меня попробовать различные сорта вина («Нет, Лили, сегодня мы не будем дегустировать вина»), а затем отправились в тату-салон, где он когда-то уговорил меня сделать татуировку. Лили попросила у меня денег в долг, чтобы сделать себе тату (я едва не разрыдалась от облегчения, когда мастер сказал, что никаких татуировок для лиц моложе восемнадцати лет), а потом уговорила меня показать мою наколку в виде маленькой пчелки. Это был один из тех редких случаев, когда мне удалось произвести на нее впечатление. Она громко расхохоталась, узнав, какую татуировку выбрал для себя Уилл: слова «Употребить до 19 марта 2007 года», выколотые на груди.

– У тебя точно такое же мерзкое чувство юмора, – заявила я Лили,

тем самым явно доставив ей удовольствие.

И в этот момент хозяин салона, услышав наш разговор, заметил, что у него есть фотография той татуировки.

– Я храню фото всех сделанных мною тату, – сказал он, улыбнувшись из-под висячих напояженных усов. – Люблю вести их учет. Только напомните мне точную дату.

Мы молча смотрели, как он перелистывает ламинированный скоросшиватель. И вот оно, фото за июль, почти два года назад, крупный план черно-белой надписи, аккуратно наколотой на золотистую кожу Уилла. Я стояла, уставившись на снимок, и от нахлынувших воспоминаний у меня на секунду перехватило дыхание. Этот до боли знакомый маленький черно-белый прямоугольник; я мыла его мягкой тряпочкой, сушила, мазала кремом, прижималась к нему лицом. Я протянула было руку, но Лили меня опередила, ее пальцы с обгрызенными ногтями нежно погладили фото.

– Думаю, я тоже такую сделаю, – сказала она. – Типа этой. Когда подрасту.

– А как он поживает? – услышали мы голос хозяина салона, и дружно обернулись. Он сидел на своем рабочем кресле и задумчиво потирал покрытое цветными наклейками предплечье. – Я его помню. Квадраплегики нас нечасто посещают. Он парень с характером, да?

Внезапно у меня комок встал в горле.

– Он умер, – отважно сказала Лили. – Мой папа. Он умер.

– Прости, дорогуша, – поморщился мастер тату. – Я не знал.

– А можно мне взять это себе? – Лили принялась вытаскивать фото из пластикового кармана.

– Конечно, – поспешно ответил он. – Если хочешь, бери. Да ладно, бери прямо в пластике. На случай, если пойдет дождь.

– Спасибо, – кивнула Лили, бережно засовывая снимок под мышку.

Хозяин еще раз пробормотал свои извинения, и мы вышли из салона.

Мы сели перекусить – впервые за весь день – в местном кафе, и я, чувствуя, как постепенно улетучивается приподнятое настроение, начала говорить. Я рассказала Лили все, что знала, о романтических отношениях Уилла, о его успешной карьере, о том, что он был из тех людей, одобрение которых было не так-то легко заслужить, ну разве что сделать нечто из ряда вон выходящее или рассмешить его дурацкой шуткой. Рассказала, каким он был, когда мы встретились, и как сильно он потом изменился, став чуть мягче и научившись радоваться мелочам жизни, в частности возможности поднять меня на смех.

– Например, за то, что я опасалась пробовать непривычную еду. У моей мамы имеется стандартный набор из десяти блюд, которые она по очереди готовит в течение последних двадцати пяти лет. И ни в одно из них не входит квиноа. Или лемонграсс. Или гуакамоле. А твой папа все это любил.

– И ты теперь тоже?

– Ну, на самом деле я каждые пару месяцев пробую гуакамоле. Скорее, в память о нем.

– А тебе что, не нравится?

– Да нет, на вкус вроде бы ничего. Но уж больно похоже на зеленые сопли.

Я рассказала Лили о последней подружке Уилла, о том, как мы феерически испортили ее свадебный танец, когда я уселась Уиллу на колени и он начал кружить на своей моторизированной инвалидной коляске по танцполу, а она подавилась своим напитком, да так, что тот полился у нее через нос.

– Серьезно? Ее свадьбу?

И вот в душном зале маленького кафе я постаралась вызвать специально для Лили дух ее отца, и, возможно, потому, что мы были далеко от дома, со всеми сложностями нашей совместной жизни, или потому, что ее родители находились сейчас на континенте, или потому, что впервые в жизни кто-то рассказывал ей забавные и милые истории об ее отце, но Лили немножко пришла в себя и начала улыбаться, задавать вопросы и радостно кивать, словно находила в моих ответах подтверждение чего-то такого, о чем она и сама догадывалась. *Да, да, наверняка он был именно таким. Да, возможно, я и сама тоже такая.*

Мы с ней проговорили чуть ли не до полудня, не обращая внимания на остывший чай на столе и настойчивые предложения усталой официантки убрать со стола остатки тостов, которые мы заказали два часа назад, и я вдруг поняла, что впервые за все время могу вспоминать Уилла без щемящего чувства в сердце.

– А как насчет тебя?

– Ты о чем? – Я положила последний кусочек в рот и покосилась на уже готовую взорваться официантку.

– Что случилось с тобой после папиной смерти? Я хочу сказать, похоже, ты гораздо больше успела сделать, когда была с ним, несмотря на его инвалидное кресло, чем сейчас, без него.

Я едва не подавилась куском хлеба и судорожно попыталась проглотить его.

– Я, естественно, что-то делаю. И сейчас очень даже занята. Я имею в виду на работе. Ведь когда работаешь посменно, довольно трудно хоть что-то планировать. – (Лили скептически подняла брови, но ничего не сказала.) – И у меня по-прежнему болит бедро. Я еще не готова заняться альпинизмом. – (Лили лениво помешивала остывший чай.) – И вообще, моя жизнь полна событий. Ведь падение с крыши вряд ли можно назвать обычным делом. И впечатлений хватит на год вперед!

– Неужели ты считаешь, что падать с крыши – это занятие?

На минуту мы обе притихли. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять звон в ушах. Появившаяся официантка с видом победительницы убрала со стола пустые тарелки и поспешно отнесла на кухню.

– Эй! – нарушила я тишину. – А я рассказывала тебе, как возила твоего папу на скачки?

Моя машина сломалась, когда мы успели проехать сорок миль по автостраде в сторону Лондона. Ни раньше ни позже. Лили, как ни странно, сохраняла олимпийское спокойствие. На самом деле ей даже было интересно.

– Со мной еще ни разу такого не случалось, чтобы машина, в которой я ехала, ломалась. Даже не подозревала, что сейчас такое еще бывает.

А когда после ее заявления у меня отвисла челюсть (мой папа, например, регулярно умолял свой старенький минивэн, обещая ему бензин лучшего качества, регулярную проверку давления в колесах и вообще вечную любовь, довезти его без проблем домой), Лили сообщила мне, что ее родители каждый год меняли свои «мерседесы». Правда, в основном потому, добавила она, что через двенадцать месяцев машина могла потерять товарный вид, поскольку резко возрастал уровень угрозы со стороны ее сводных братьев окончательно уделать кожаный салон.

Мы грустно сидели в ожидании эвакуатора, чувствуя, как содрогается моя маленькая машинка, когда мимо проезжает тяжелый грузовик. Решив наконец, что в целях безопасности нам лучше выбраться из машины, мы вскарабкались на дорожную насыпь и, усевшись рядышком на траве, стали смотреть, как полуденное солнце постепенно исчезает за эстакадой автодороги.

– А кто такой Мартин? – спросила я, когда мы исчерпали все связанные с аварией темы для разговоров.

Лили рассеянно рвала траву рядом с собой.

– Мартин Стил? Это мужчина, который меня вырастил.

– А я думала, это был Фрэнсис.

– Нет. Урод нарисовался у нас, когда мне уже было семь.

– Знаешь, Лили, ты это брось. Кончай его так называть.

Она посмотрела на меня исподлобья:

– Ладно. Ты, наверное, права. – Лили улеглась на траву и сказала со сладкой улыбкой: – Пожалуй, я буду звать его Хренососом.

– Тогда уж лучше зови Уродом. А как так вышло, что ты его до сих пор навещаешь?

– Мартина? Он единственный папа, которого я действительно помню. Мама жила с ним, когда я была маленькой. Он музыкант. Очень креативный. Он читал сказки и сочинял обо мне песни и вообще. Я просто... – начала Лили и замолчала.

– А что произошло между ним и твоей мамой?

Лили, порывшись в сумке, достала сигареты и закурила. Затянулась и, выставив вперед челюсть, выдохнула длинную струйку дыма.

– Однажды я пришла со школы, меня тогда еще привела жившая у нас девушка-иностранка, а мама объявила, что Мартин ушел. Она сказала, они решили, что им лучше расстаться, так как они перестали ладить. – Лили сделала очередную затяжку. – Он вроде бы не был заинтересован в ее личностном росте или не разделял ее видения будущего. В общем, чушь собачья! Думаю, она просто уже встретила Фрэнсиса и поняла, что Мартин никогда не сможет дать ей того, чего она хочет.

– А именно?

– Денег. И большой дом. И возможность целый день заниматься шопингом, сплетничать с подругами, чистить свои чакры, ну и так далее. Фрэнсис зарабатывает целое состояние, занимаясь какими-то вещами как частный банкир в своем частном банке вместе с другими частными банкирами. – Она повернулась и внимательно на меня посмотрела. – Так что какое-то время Мартин, в сущности, был моим отцом... В общем... я звала его папочкой буквально до того дня, как он от нас уехал. Он водил меня в детский сад и начальную школу, ну и все остальное. А потом она решает, что он ей надоел, и вот я прихожу домой, а он только что... ушел. Дом ведь ее, вот он и ушел. И все дела. И мне запретили с ним видеться и даже говорить о нем, потому что я только бережу старые раны и вообще все усложняю. Ведь она, само собой, ужасно страдает и находится на грани нервного срыва. – Здесь Лили очень похоже изобразила интонации Таниного голоса. – А когда я уже реально на нее разозлилась, она заявила, что ни к чему так переживать, так как он даже не мой папа. Да уж, самый удачный способ поставить меня в известность. – (Я с изумлением уставилась на нее.) – А потом в нашем доме тут же объявился Фрэнсис,

ну и пошло-поехало. Огромные букеты цветов и так называемый семейный отдых в роскошном отеле для родителей с детьми, где, пока они милуются, меня как третьего лишнего отсылают с нянями на детскую площадку. А потом, шесть месяцев спустя, она приводит меня в «Пиццу-экспресс». Я думаю, она хочет меня порадовать и, возможно, Мартин возвращается, но она заявляет, что они с Фрэнсисом собираются пожениться, что это чудесно, что он станет мне чудесным отцом и что я должна его очень любить. – Лили пустила в воздух колечко дыма и принялась смотреть, как оно увеличивается, расплывается и исчезает.

– Но ты не смогла его полюбить.

– Я его возненавидела. – Лили угрюмо покосилась на меня. – Ведь даже ребенку понятно, когда кто-то его всего лишь терпит. Я ему никогда не была нужна. Только моя мама. Я даже типа могу это понять: кому охота возиться с чужими детьми? Так что, когда у нее родились близнецы, она отослала меня в пансион. Бац! Всем спасибо. Все свободны.

Глаза Лили наполнились слезами. Мне хотелось взять ее за руку, но она сидела, обняв колени и образовав таким образом вокруг себя некий барьер. Несколько минут мы молча смотрели на автостраду, где, по мере того как солнце клонилось к горизонту, а облака окрашивались сказочным розовым цветом, поток транспорта становился все интенсивнее.

– Знаешь, а я ведь его нашла. – (Я удивленно повернулась к Лили.) – Мартина. Когда мне было уже одиннадцать. Я услышала, как одна из нянек говорила другой няне, что моей последней няне запретили рассказывать мне, что он звонил и наводил справки. Поэтому я сказала ей, что она должна сообщить мне его адрес, а иначе я пожалуюсь маме, что она ворует. И я отправилась прямо к нему. Оказалось, что он жил буквально в пятнадцати минутах ходьбы от нас. Пайкрофт-роуд. Знаешь такую улицу?

Я покачала головой:

– А он был рад... тебя видеть?

Она помедлила с ответом.

– Не то слово. Просто счастлив. На самом деле он чуть не плакал. Сказал, что ужасно по мне скучал, что ему было плохо без меня и я могу приходить, когда захочу. Но он уже успел связаться с кем-то еще, и у них родился ребенок. А когда ты появляешься в доме, где есть ребенок и вообще своя собственная нормальная семья, то начинаешь понимать, что ты больше не часть этой семьи. Словно тебя использовали и выкинули за ненадобностью.

– Уверена, никто даже не думал...

– Ну ладно. В любом случае я сказала ему, что он очень милый

и вообще, но я реально не могу с ним видаться. Это будет выглядеть странно. И знаешь, я типа сказала ему: «Я ведь тебе не родная дочь», а он все равно мне названивает. Глупость какая-то. – Лили яростно помотала головой, и я не нашлась что ответить. Мы еще немного помолчали, а потом она, подняв глаза к небу, неожиданно спросила: – А знаешь, что бесит меня больше всего? – (Я ждала.) – Когда она вышла замуж, то поменяла мою фамилию. Мою собственную фамилию, и никто даже не потрудился спросить меня, хочу я этого или нет. – Ее голос словно надломился. – Я ведь даже не хотела быть Хотон-Миллер.

– Господи, Лили!

Она яростно потерла лицо ладонью, словно стыдилась своих слез. Затянулась сигаретой, затушила окурок о траву и шумно потянула носом.

– И я вот что тебе скажу. Последнее время мама и Хреносос постоянно лаются. И я нисколько не удивлюсь, если они разойдутся. А если это случится, нам наверняка придется переехать в новый дом, сменить фамилию, и никто ей даже словечка не посмеет сказать, потому что она *страдает* и ей надо *эмоционально двигаться дальше*, ну и прочая хрень. А через два года появится другой Урод и мои братцы получат фамилию Хотон-Миллер-Брансон, или Озимандиас, или Тудлпип, или как там еще. – Лили истерически расхохоталась. – К счастью, к этому времени я уже буду далеко. Что, скорее всего, она вряд ли заметит.

– Неужели ты действительно думаешь, что ей на тебя совсем наплевать?

Лили резко повернула голову в мою сторону, и взгляд, которым она наградила меня, был не по возрасту умудренным и каким-то душераздирающим.

– Думаю, она меня любит. Но себя она любит больше. Ведь иначе разве могла бы она так со мной поступать?

Глава 13

А на следующий день у мистера Трейнора родился ребенок. Мой телефон зазвонил в 6:30 утра, и какое-то ужасное мгновение я думала, что случилось нечто страшное. Но это был мистер Трейнор, задыхающийся и взволнованный. Счастливым, дрожащим от слез голосом, характерным для всех новоиспеченных папаш, он сообщил мне важную новость:

– Это девочка! Восемь фунтов и одна унция! Абсолютно здоровенькая!

Он сказал мне, что она очень красивая, совсем как Уилл в младенчестве, что я непременно должна приехать посмотреть на нее, а затем попросил разбудить Лили, что я и сделала. Я смотрела, как Лили, заспанная и молчаливая, слушает радостное известие о том, что у нее... э-э-э... (у него ушло не меньше минуты, чтобы сформулировать)... теперь есть еще одна тетя!

– Ладно, – наконец пробормотала Лили и, еще немного подержав трубку у уха, добавила: – Угу... Конечно.

Она закончила разговор и передала мне телефон. Наши глаза встретились, но она лишь одернула измятую футболку и отправилась спать, плотно закрыв за собой дверь.

Группа медицинских страховых агентов уже была под таким хорошим градусом, что, по моим прикидкам, сделанным в 10:45, если они выпьют еще по одной, то их точно не пустят на борт самолета. Я как раз мучительно соображала, стоит ли им об этом говорить, когда увидела в дверях знакомую светоотражающую куртку.

– Здесь, слава богу, медицинская помощь никому не требуется. – Я медленно подошла к нему. – По крайней мере, пока.

– Никак не могу налюбоваться на твой прикид. Сам удивляюсь почему. – Сэм залез на табурет и положил локти на стойку. – А твой парик... очень занятный.

Я поправила юбку из люрекса:

– Я вырабатываю статическое электричество. Это мое тайное оружие. Кофе хочешь?

– Спасибо. Но мне нельзя особо засиживаться. – Проверив рацию, он сунул ее обратно в карман куртки.

Я сделала ему «американо», стараясь не показывать, как рада его видеть.

– А откуда ты узнал, где я работаю?

– У нас был вызов к выходу номер четырнадцать. Подозрение на сердечный приступ. Джейк говорил мне, что ты работаешь в аэропорту, да и вообще, установить твоё местонахождение оказалось не так уж сложно... – Он огляделся по сторонам. Страховые агенты на минуту умолкли. Насколько я успела заметить, Сэм был из той породы мужиков, при виде которых другие мужчины сразу становятся тише. – Донна решила заглянуть в дьюти-фри. На предмет сумочек.

– Полагаю, ты уже успел осмотреть пациента?

Сэм посмотрел на меня в упор:

– Нет. Сперва попью кофейку, а уж потом буду просить указаний относительно выхода номер четырнадцать.

– Смешно. И как, тебе удалось спасти этому пассажиру жизнь?

– Я дал ей аспирин и объяснил, что пить четыре двойных эспрессо до десяти утра не самая удачная идея. Я польщен, что моя работа кажется тебе такой волнующей.

Тут я не выдержала и рассмеялась. А потом поставила перед Сэмом кофе. Он с явным удовольствием сделал большой глоток.

– Что ж... Я вот тут подумал... Ты как, готова к очередному ненастоящему свиданию в ближайшее время?

– Со «скорой» или без нее?

– Определенно без.

– А мы сможем обсудить проблему трудных подростков?

– Мы сможем обсудить все, что пожелаешь.

Я опустила глаза, неожиданно поймав себя на том, что непроизвольно тереблю локон своих волос из нейлонового волокна. Нет, это ж надо! Накручивать на палец волосы, забыв, что это парик! Я поспешно опустила руку.

– Повторяю еще раз. Обсудим все, что захочешь.

– А что ты... предлагаешь?

Он так долго молчал, что я покраснела.

– Может, обед? У меня? Сегодня вечером? Обещаю, если пойдет дождь, я не буду заставлять тебя сидеть в столовой.

– Я согласна.

– Ну, тогда заеду за тобой в семь тридцать.

Не успел Сэм допить кофе, как в зале появился Ричард. Он посмотрел на Сэма, затем на меня. Я стояла, облокотившись на барную стойку, так что нас с Сэмом разделяло всего несколько дюймов.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Ричард.

– Никаких проблем. – Сэм встал, и я, к своему удивлению, обнаружила, что он на целую голову выше Ричарда.

На лице Ричарда отразилась целая гамма чувств, и я без труда прочла все его мысли. *Что здесь делает парамедик? Почему Луиза бездельничает? Я бы с удовольствием устроил Луизе хорошую выволочку, но этот мужчина слишком большой, и я не совсем понимаю, что здесь происходит, и вообще, я его слегка побаиваюсь.* Это было настолько забавно, что я едва не рассмеялась.

– Итак. Сегодня вечером. – Сэм кивнул мне и поднялся из-за стойки. – Только не вздумай снимать парик. Мне нравится, что ты такая огненная.

Один из пьяной компании, красномордый и очень самодовольный, откинулся на спинку стула, так что его рубашка, обтянув огромный живот, опасно затрещала по швам.

– А что, может теперь прочтешь нам лекцию о допустимой норме алкоголя?

– Ну что вы! Не отказывайте себе ни в чем, джентльмены, – отсалютовал ему Сэм. – Встретимся через год-два.

Я смотрела, как он вышел в зал отправлений, где у газетного киоска его уже ждала Донна. Повернувшись лицом к бару, я заметила, что Ричард пристально наблюдает за мной.

– Хочу обратить твоё внимание, Луиза, я не одобряю, что ты в рабочее время занимаешься своей личной жизнью, – заявил он.

– Отлично. Обязательно передам ему, чтобы в следующий раз не приезжал на вызов по поводу сердечного приступа у выхода номер четырнадцать.

У Ричарда окаменела челюсть.

– И кстати, он что-то там говорил насчет парика. Типа чтобы вы потом его не снимали. Этот парик – собственность корпорации «Тематические бары „Шемрок и клевер“». Вы не имеете права носить его в свободное от работы время.

Это было уже выше моих сил. Я громко расхохоталась:

– Да неужели?

У Ричарда хватило совести слегка покраснеть.

– Такова политика компании. Парик считается униформой.

– Черт возьми! Похоже, в будущем придется покупать парик ирландской танцовщицы за собственные деньги. Эй, Ричард! – окликнула я его, когда он был уже в дверях кабинета. – Вы, случайно, не в курсе, а я смогу получить за него налоговый вычет?

Я вернулась домой, но Лили не застала. Единственными свидетельствами ее пребывания были выброшенная коробка из-под хлопьев и кучка земли непонятной этиологии на полу в коридоре. Я попробовала позвонить ей и, не получив ответа, задумалась о том, как найти среднее между сверхзаботливыми родителями, нормальными родителями и Таней Хотон-Миллер. Но затем, выбросив это из головы, я пошла в душ, чтобы подготовиться к свиданию, которое решительно не могло считаться настоящим свиданием.

Шел дождь, небеса разверзлись вскоре после того, как мы приехали на поле Сэма, и пока мы бежали от мотоцикла в его вагон, то успели чуть ли не до нитки промокнуть. С меня медленно капала вода, да и вообще было неуютно в мокрых носках.

– Стой здесь, – распорядился Сэм, рукой стряхивая воду с волос. – Ты не можешь сидеть в мокрой одежде.

– Похоже на начало очень плохого порнофильма, – заметила я.

Сэм, застыв, посмотрел на меня, и я поняла, что ляпнула лишнее. Тогда я попыталась улыбнуться, но вместо улыбки получилась жалкая гримаса.

– Ладно, – тусклым голосом бросил Сэм.

Он исчез в недрах вагона и через минуту вернулся со свитером и чем-то вроде штанов для бега.

– Это штаны Джейка. Свежевыстиранные. Хотя, может, и недостаточно порнографические. Если захочешь переодеться, моя спальня вон там, а ванная за соседней дверью. Смотри, как тебе удобнее.

Я прошла в его спальню и закрыла за собой дверь. Дождь упорно барабанил по крыше вагона и заливал мутными потоками окна. Я собралась было задернуть занавески, но потом вспомнила, что, кроме нахохлившихся, мокрых кур во дворе, меня тут никто не увидит. Я стащила мокрые джинсы и футболку и вытерлась полотенцем, которое Сэм предусмотрительно дал мне вместе с одеждой. А затем постучала по стеклу, решив погонять, правда без особого успеха, кур во дворе, что, как я потом сообразила, было, скорее, в духе Лили. Тогда я поднесла полотенце к лицу, втянув носом воздух, и виновато оглянулась, словно человек, только что нюхнувший кокаина. Полотенце было чисто выстиранным, и тем не менее от него исходил едва уловимый запах мужского тела. После смерти Уилла я уже успела забыть, что такое запах мужчины. Почувствовав, что мне не по себе, я поспешно отложила полотенце.

Двухспальная кровать занимала практически все пространство комнаты. Узкий посудный шкаф служил гардеробом. В углу аккуратно стояли две пары рабочих ботинок. На прикроватной тумбочке лежала открытая книга, рядом виднелась фотография Сэма и какой-то блондинки с волосами, небрежно стянутыми узлом. Она обнимала его за плечи и улыбалась в объектив. Не супермодель, конечно, но в ее улыбке было нечто интригующе неотразимое. Она явно принадлежала к числу тех женщин, кто часто и охотно смеялся. И вообще, она была, если можно так выразиться, женским вариантом Джейка. Мне вдруг стало его безумно жалко, и я поспешила отвернуться, чтобы не впасть в меланхолию. Иногда мне казалось, что нас всех затянула пучина горя, но мы отказываемся признаваться остальным, что идем на дно. Интересно, неужели Сэм отказывается говорить о потере любимого человека по той же причине, что и я? Поскольку не успеешь ты открыть этот ящик Пандоры, как твоя грусть легким облачком вырвется наружу, омрачив разговор.

Тогда я сделала глубокий вдох и попыталась собраться.

– Просто постарайся хорошо провести вечер, – повторила я напутствие своей группы психологической поддержки.

Позволь себе хоть несколько секунд счастья.

Я вытерла потеки туши под глазами и собралась было причесаться, но, посмотрев в маленькое зеркало, поняла, что с волосами ничего сделать не удастся. Тогда я натянула широченный свитер Сэма, пытаюсь не обращать внимания на некоторую интимность момента надевания одежды чужого мужчины, надела штаны Джейка и взглянула на свое отражение.

Ну что скажешь, Уилл? Просто приятный вечер. Это ведь абсолютно ничего не значит, да?

Увидев меня, Сэм усмехнулся и закатал рукава свитера.

– Ты сейчас выглядишь лет на двенадцать.

Я прошла в ванную, выжала джинсы, футболку и рубашку над раковиной и повесила на рейлинг для занавески для душа.

– А что ты там стряпаешь?

– Да вот, собирался приготовить салат, но погода к этому явно не располагает. Поэтому приходится импровизировать. – (В кастрюле на плите кипела вода, да так, что запотели окна.) – Ты ведь ешь пасту, да?

– Я ем все.

– Прекрасно.

Сэм открыл бутылку вина, налил мне бокал и кивнул на узкое сиденье. Столик передо мной был накрыт на двоих. На секунду мне стало

не по себе. Надо просто ловить момент и наслаждаться маленькими радостями жизни. Я уже сходила на танцы. Попугала кур во дворе. А теперь собираюсь получить удовольствие от вечера наедине с мужчиной, который хочет приготовить для меня обед. Какой-никакой, но все же прогресс.

Сэм, должно быть, догадался о той борьбе, что сейчас происходила в моей душе, потому что он подождал, пока я попробую вино, и, продолжая что-то помешивать на плите, сказал:

– Так ты об этом боссе мне говорила? О сегодняшнем мужике?

Вино оказалось превосходным. Я сделала еще один глоток. Пока у меня жила Лили, я на всякий случай вообще отказалась от алкоголя и теперь чувствовала, что мои защитные барьеры исчезают.

– Угу.

– Мне знаком такой тип мужчин. Если тебя это хоть немного утешит, то я точно знаю, что через пять лет у него или образуется язва желудка, или начнется эректильная дисфункция.

– Что ж, это обнадеживает, – рассмеялась я.

Наконец Сэм сел за стол, поставив передо мной миску с дымящейся пастой.

– Твое здоровье! – Он поднял бокал с водой. – А теперь расскажи, что там у тебя с твоей потеряшкой.

Господи, какое счастье получить возможность хоть с кем-то поговорить! Я настолько отвыкла от общения с людьми, умеющими по-настоящему слушать – ведь в баре мне, наоборот, приходилось иметь дело исключительно с теми, кто не слышал никого, кроме себя, – что беседовать с Сэмом стало для меня настоящим откровением. Он не перебивал, не говорил, что он думает или что мне, по его мнению, следовало сделать. Он просто слушал, и кивал, и подливал мне вина, а когда за окном совсем стемнело и я поняла, что хочу знать его мнение, наконец сказал, наполнив мой бокал:

– Ты взяла на себя очень большую ответственность.

Я откинулась назад, поболтав ногами:

– Не думаю, что у меня был выбор. Знаешь, я воспользовалась твоим советом и теперь постоянно спрашиваю себя: а что бы сказал мне Уилл? – Я глотнула вина. – Хотя все получилось сложнее, чем я рассчитывала. Я надеялась, что просто познакомлю ее с дедушкой и бабушкой, и все придут в полный восторг, и получится самый настоящий хеппи-энд, совсем как в телевизионных программах на тему воссоединения семей. –

Я пристально смотрела на Сэма, он не менее пристально смотрел на свои руки. – По-твоему, я сумасшедшая, что ввязалась в эту историю?

– Отнюдь. Слишком много людей заботится исключительно о своем счастье, абсолютно не задумываясь о том, какие разрушительные последствия это может иметь. Ты не поверишь, сколько подростков мне приходится подбирать по уик-эндам. Пьяных, обкуренных, обдолбанных. Родители или слишком поглощены собственными делами, или вообще исчезают в неизвестном направлении, а детишки существуют в вакууме, а потом идут неверной дорожкой.

– Так ты считаешь, сейчас положение еще хуже, чем было?

– А кто его знает? Но я вижу все больше запутавшихся детей. И знаю, что лист ожидания приема у детского психиатра в больнице длиннее твоей руки. – Сэм сухо улыбнулся. – Ладно, давай не будем о грустном. Надо пойти закрыть птиц на ночь.

Мне хотелось спросить у него, как такой понимающий человек может так небрежно относиться к чувствам собственного сына. Мне хотелось спросить, понимает ли он, почему Джейк всегда печальный. Но после того, как Сэм накормил меня вкусным обедом и терпеливо выслушал, я сочла, что с моей стороны будет бестактно задавать столь нелицеприятные вопросы. И тут я отвлеклась на кур, по очереди запихиваемых в курятник, а затем вернулся Сэм, который принес со двора приятный запах свежести, одним словом, момент был упущен.

Сэм налил мне еще вина, и я с удовольствием выпила. Я позволила себе получить удовольствие от уютной обстановки вагончика, от приятной тяжести в животе, от общества этого мужчины, занимавшего меня разговорами. Он рассказывал, как ему приходилось держать за руки стариков, которые молча терпели свои страдания, и о сложных выездах, после которых он чувствовал себя совершенно деморализованным, и о странном ощущении того, что они выполняют не ту работу, которую должны делать. А я внимательно слушала, будто попав на время совсем в другой мир, следила за его руками, страстно описывающими в воздухе круги, за его улыбкой, которая словно просила не воспринимать все слишком серьезно. Я следила за его руками. Я следила за его руками.

И, поймав себя на том, что мои мысли приняли нежелательное направление, я покраснела и поспешно глотнула вина.

– А где сегодня Джейк?

– Я его почти не вижу. Полагаю, у своей подружки. – Сэм сокрушенно покачал головой. – Ее семейство вроде семьи Уолтон^[13]: куча братьев и сестер, а еще мамаша, которая весь день дома. Ему нравится там

тусоваться. – Сэм сделал глоток воды. – Итак, а где же Лили?

– Без понятия. Я два раза посылала ей эсэмэски, но она даже не потрудилась ответить.

Господи, одно только его присутствие на меня как-то странно действует! Он казался вдвое крупнее, вдвое ярче обычного среднестатистического мужчины. Меня буквально притягивали его глаза, которые во время разговора он слегка прищуривал, словно пытаясь убедиться, что правильно меня понял... А еще легкая небритость подбородка, размах плеч под мягким шерстяным свитером. Я перевела взгляд на его сильные пальцы, которыми он рассеянно барабанил по столу. Такие умелые руки... Я вспомнила, с какой осторожностью он в машине «скорой помощи» поддерживал мою голову, и его руки были единственным, что помогало мне держаться за жизнь. Он посмотрел на меня и улыбнулся, и я почувствовала, что млею как последняя дура. Ладно, пока у меня открыты глаза, это, наверное, не страшно.

– Луиза, может, хочешь кофе?

Нет, он явно смотрит на меня как-то особенно. Я покачала головой.

– Может, хочешь...

И, не успев толком подумать, я перегнулась через стол и, схватив Сэма за затылок, поцеловала его. Он помедлил буквально секунду, а затем наклонился вперед и ответил на мой поцелуй. Кто-то из нас, кажется, опрокинул бокал с вином, но мне уже было наплевать. Мне хотелось целовать его вечно. Волевым усилием я прогнала прочь все мысли о том, что это было, что это могло значить и в каком дерьме я могу оказаться. *Вперед, начинай жить!* – говорила я себе. И я целовала его до умопомрачения, превращаясь в один бьющийся пульс, и думала исключительно о том, что мне хочется с ним сделать.

Он отстранился первым. И вид у него был слегка ошарашенный.

– Луиза...

– Мм? – Я услышала, как на пол упало что-то из столовых приборов.

Я вскочила с места, он тоже встал и притянул меня к себе. Мы, сметая все на своем пути, слились в жарком объятии. И мир вокруг перестал существовать. Были только руки, и губы, и – боже мой! – запах, и вкус, и ощущения на кончиках пальцев. Во мне словно один за другим рассыпались разноцветными огнями крошечные фейерверки, а потайные уголки моего тела, которые я считала давным-давно умершими, постепенно пробуждались к жизни. Он поднял меня на руки, и я обвилась вокруг него, такого большого, сильного и мускулистого. Я целовала его лицо, ухо, запустив руки в его мягкие темные волосы. А потом он опустил меня

на пол, и мы стояли лицом к лицу, и он буквально ел меня глазами, и в его взгляде застыл немой вопрос.

Я задышалась.

– Знаешь, после того несчастного случая я еще ни разу не раздевалась в присутствии посторонних.

– Ничего страшного. Я прошел медицинскую подготовку.

– Нет, я серьезно. Видок у меня еще тот. – Неожиданно у меня на глаза навернулись слезы.

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе почувствовать себя лучше?

– Это самый отвратительный шов...

Он поднял рубашку, продемонстрировав двухдюймовый багровый шрам на животе:

– Вот смотри. Меня пырнул ножом австралиец с психическим расстройством. Четыре года назад. И вот еще... – Он повернулся и показал желто-зеленый синяк на пояснице. – А это в прошлую субботу меня пнула какая-то пьянь подзаборная. Женщина. – Он поднял руку. – Вот сломанный палец. Прищемил каталкой, когда поднимал слишком тучного пациента. Ой, я совсем забыл... На, смотри. – Вдоль бедра у него шла тонкая белая зигзагообразная линия со следами от швов. – Дырка в боку неизвестного происхождения после драки в ночном клубе на Хокни-роуд в прошлом году. Копы так и не нашли того, кто это сделал.

Я смотрела на его мощный торс, кое-где покрытый шрамами.

– А этот откуда? – Я осторожно дотронулась до небольшого шрама внизу живота. На ощупь кожа его казалась очень горячей.

– Это? Аппендикс. Мне было девять.

Я окинула взглядом его тело, затем посмотрела на его лицо и, не сводя с него глаз, принялась медленно стягивать через голову джемпер. Я дрожала как осиновый лист сама не знаю почему: то ли от холода, то ли от нервного возбуждения, то ли от его близости. Он подошел ко мне вплотную и нежно пробежался пальцами по моему бедру.

– А знаешь, я все помню. Вот тут у тебя было внутреннее кровотечение. – Он провел рукой по моему обнаженному животу, который тотчас же непроизвольно напрягся. – А вот здесь у тебя было багровое пятно на коже. Я еще тогда испугался, что поврежден какой-то внутренний орган. – Он положил теплую ладонь мне на живот, и внезапно мне стало трудно дышать.

– Никогда бы не подумала, что слова «повреждение внутренних органов» могут звучать так сексуально.

– Ой, это я еще только начал... – Он медленно провел меня

в направлении спальни. Я села на кровать, по-прежнему не сводя с него глаз, а он встал на колени, пробежав руками по моим ногам в джинсах. – А еще я помню это. – Он осторожно приподнял мою правую ногу, на которой остался ярко-красный шрам, и нежно провел по нему большим пальцем. – Вот здесь. Перелом. Повреждение мягких тканей. Должно быть, было ужасно больно.

– Надо же, а у тебя, оказывается, хорошая память.

– Большинство своих пациентов я на следующий день даже не узнаю, встретить я кого-нибудь из них случайно на улице. Но вот тебя, Луиза, забыть невозможно.

Он наклонился и поцеловал меня в подъем стопы, затем деликатно провел ладонями по ноге и навис надо мной, удерживаясь на вытянутых руках.

– Ну что, а сейчас уже ничего не болит?

Я покачала головой, на секунду онемев. Мне вдруг стало на все наплевать. Наплевать на то, что, быть может, он сексуальный маньяк, а быть может, просто играет со мной в какие-то игры. Наплевать, если он вдруг сломает мне второе бедро.

Подобно морскому приливу, он завоевывал каждый дюйм моего тела, а я неподвижно лежала на спине, смакуя новые ощущения. И с каждым его движением дыхание мое все больше замирало, и наконец я уже могла слышать тишину. На секунду он впился в мое лицо взглядом, затем закрыл глаза и поцеловал, медленно и очень нежно. Потом стал плавно опускаться на меня; это сладостное ощущение тяжести мужского тела разбудило во мне доселе спавшее вожделение. Мы целовались, его губы щекотали мне шею, от его кожи исходил жар, и я, пьяная от возбуждения, инстинктивно выгнулась дугой и обвила его ногами.

– О боже! – задыхающимся голосом простонала я, когда мы остановились передохнуть. – Какая жалость, что ты мне совершенно не подходишь!

– Ты не находишь, что это... не самый уместный разговор для постели?

– Но ты же не будешь потом плакать, да?

– О... нет, – растерянно заморгал он.

– И я хочу, чтобы ты знал. Я не какая-то там одержимая. И не собираюсь потом бегать за тобой по пятам. Или расспрашивать о тебе Джейка, пока ты в душе.

– Что ж... приятно слышать.

И, установив правила игры, я притянула его к себе и целовала,

целовала до тех пор, пока благополучно не забыла все, о чем мы только что говорили.

Полтора часа спустя я лежала на спине и затуманенными глазами глядела в низкий потолок. Моя кожа горела, кости ныли, болели те места, которые, как мне казалось, по определению не должны болеть, но тем не менее все мое существо было объято доселе невиданным чувством покоя, словно что-то внутри меня растаяло и приобрело новую форму. Нет, похоже, я вообще не смогу встать с постели, а так и останусь лежать.

Никогда не знаешь, что может случиться после падения с большой высоты.

Нет, это определенно была не я, а кто-то другой, думала я, когда, краснея, вспоминала последние двадцать минут. Неужели я действительно... Неужели действительно... Боже мой! Голова буквально шла кругом. У меня еще никогда не было такого секса. За все семь лет, что я была с Патриком. Это словно сравнивать сэндвич с сыром с... чем? С блюдом изысканной кухни? С огромным стейком? Не выдержав, я громко хихикнула и тут же прикрыла рот рукой. Нет, я точно была сама не своя.

Сэм мирно дремал у меня под боком, и я слегка приподнялась на локте, чтобы получше его рассмотреть. Боже мой! – мысленно ахнула я, любуясь чертами его лица, твердой линией рта. И во мне, естественно, тут же проснулось непреодолимое желание коснуться его, или просто поцеловать, или хотя бы прижаться к нему всем телом. А что, если протянуть руку, лечь чуть-чуть поближе, подставить губы, чтобы я смогла...

– Эй! – сонно открыл он глаза.

...И тут меня будто озарило.

Господи боже мой! Я стала одной из них.

Одевались мы практически в полном молчании. Сэм предложил мне чая, но я ответила, что мне надо поскорее вернуться домой – проверить, как там Лили.

– Ее семья уехала отдыхать и... – начала я и замолчала, пригладив спутанные волосы.

– Конечно. – Он посмотрел на меня, словно сомневаясь, стоит ли продолжать разговор, и в результате ограничился тем, что спросил: – Так ты хочешь уехать прямо сейчас?

– Да... Если можно.

Я забрала из ванной свою одежду, чувствуя себя неуверенно

и до противного трезвой. Нет, я не должна показывать ему своего смятения. Теперь я была целиком сосредоточена на том, чтобы дистанцироваться от него, стать далекой и чужой, даже для себя самой. Когда я вышла из ванной, Сэм, уже полностью одетый, домывал посуду. Я старалась на него не смотреть. Так было проще.

– А можно мне одолжить твои вещи? Мои так и не высохли.

– Конечно. Просто... Ну да ладно. – Порывшись в ящике, он протянул мне пластиковый пакет.

Я взяла у него пакет, и мы остались топтаться на месте.

– Спасибо за... приятный вечер.

– Приятный. – Он посмотрел на меня так, словно пытаюсь что-то понять. – Ну ладно.

На улице было темно, сыро и довольно прохладно. Когда мы ехали обратно, я изо всех сил старалась не прижиматься щекой к его спине. Несмотря на мои протесты, он заставил меня взять его кожаную куртку, которая оказалась явно нелишней. Мы остановились у моего дома в четверть двенадцатого. Мне даже пришлось еще раз посмотреть на часы, поскольку, по моим ощущениям, с тех пор, как он за мной заехал, прошла целая жизнь.

Я слезла с мотоцикла и начала стаскивать куртку. Но он заглушил мотор.

– Уже поздно. Давай провожу тебя до квартиры.

На секунду замедлившись, я сделала кислую мину и индифферентно сказала:

– Ладно. Если немного подождешь, я отдам тебе твою одежду.

Он окинул меня странным взглядом. Затем небрежно передернул плечами, будто желая показать, что ему, собственно, без разницы, и вошел за мной в дом.

Когда мы вышли из лифта, нас оглушил грохот музыки. И я безошибочно поняла, откуда он доносился. Я быстро прохромала по коридору, на секунду замялась у дверей своей квартиры и медленно открыла дверь. Лили стояла посреди прихожей, в одной руке сигарета, в другой – бокал вина. На ней было желтое платье в цветочек, которое я купила в бутике с винтажными вещами в те далекие времена, когда еще любила наряжаться. Я уставилась на нее во все глаза, а обнаружив на ней еще один предмет своего туалета, от неожиданности покачнулась, так что Сэму пришлось ухватить меня за талию.

– Классная кожа, Луиза! – Лили вытянула вперед ногу. – А почему ты это не носишь? У тебя столько стремных шмоток, а ты вечно ходишь в джинсах, футболках и повседневной одежде. Скучотища! – Она прошла в мою комнату и через минуту вернулась с золотым комбинезоном а-ля семидесятые, который я обычно носила с коричневыми ботинками. – Нет, ты только погляди! Все, я тоже такой хочу!

– А ну-каними их, – сказала я, когда вернула себе способность говорить.

– Что?

– Эти колготки. Сейчас женими их. – Мой голос казался каким-то задушенным и странно чужим.

Лили с удивлением посмотрела на черные с желтым колготки:

– Да нет, я серьезно, у тебя тут куча правильных винтажных шмоток. «Биба», «Диана фон Фюрстенберг». А это пурпурное платье в стиле Шанель? Ты хоть представляешь, сколько все это стоит?

– Сними их!

Возможно заметив, что я внезапно оцепенела, Сэм принялся ненавязчиво подталкивать меня вперед:

– Послушай, почему бы нам не пройти в гостиную и...

– Я с места не сдвинусь, пока она не снимет эти колготки.

Лили скорчила недовольную рожу:

– Господи! Расслабься. Было бы из-за чего психовать!

Я молча смотрела, кипя от ярости, как Лили начинает стягивать мои колготки в черную и желтую полоску, раздраженно взбрыкивая, когда те застревали на бедрах.

– Не порви их!

– Это просто пара колготок!

– Нет, это не просто пара колготок. Это... подарок.

– И тем не менее всего-навсего пара колготок, – пробормотала Лили.

Наконец колготки были сняты. Я смотрела невидящими глазами на черно-желтую горку на полу. Из соседней комнаты слышался стук вешалок. Должно быть, она спешно возвращала на место мою одежду.

А минуту спустя в гостиной появилась Лили. В лифчике и трусиках. Лили убедилась, что привлекла наше внимание, и только тогда принялась натягивать через голову короткое платьице, вихляя тощими бледными бедрами. Затем наградила меня сладкой улыбкой:

– Я иду в клуб. Можешь меня не ждать. Очень рада видеть вас снова, мистер...

– Филдинг, – подсказал Сэм.

– Мистер Филдинг, – улыбнулась мне Лили. Хотя ее улыбка мало походила на улыбку.

Громко хлопнула дверь – и она испарилась.

Тяжело дыша, я наклонилась и подняла колготки. Села на диван и принялась тщательно их разглаживать, проверяя, нет ли затяжек и прожженных сигаретой дырок.

Сэм сел рядом со мной.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Со стороны я, наверное, кажусь полоумной, – заметила я. – Но это...

– Ты не обязана ничего объяснять.

– Я тогда была совсем другим человеком. Они означали, что... Он подарил... – начала я прерывающимся голосом и осеклась.

Мы молча сидели в притихшей квартире. Я понимала: мне надо хоть что-то сказать, но в голове все смешалось, слова куда-то исчезли, а в горле застрял ком.

Я сняла куртку и протянула Сэму.

– Все хорошо, – наконец выдавила я. – Тебе совершенно не обязательно оставаться.

Я чувствовала на себе его взгляд, но не решалась поднять глаза.

– Ну тогда... Тогда я тебя оставляю.

И прежде чем я успела открыть рот, он исчез.

Глава 14

На этой неделе я опоздала на встречу нашей группы психологической поддержки. Хотя мне еще крупно повезло, что я вообще туда попала. Лили сварила мне в знак примирения кофе, а затем разлила зеленую краску на полу в прихожей, оставила в кухне картонку с мороженым лежать на боку и медленно таять, забрала мои ключи от дома вместе с ключами от машины, потому что куда-то задевала свои, в результате чего я опоздала на работу, и в довершение всего без спросу «одолжила» на вечер мой парик. Я подобрала парик с пола возле ее постели, а когда в ванной примерила его перед зеркалом, у меня возникло такое чувство, будто с моей головой делает нечто невообразимое староанглийская овчарка.

Когда я появилась в церковном зале собраний, все уже собрались в кружок. Наташа охотно подвинулась, чтобы я могла сесть на пластиковый стул возле нее.

– Сегодня мы поговорим о признаках того, что мы, возможно, движемся дальше, – сказал Марк, держа в руках кружку с чаем. – И это вовсе не обязательно должно быть чем-то значительным: сменой круга общения, или полным обновлением гардероба, или чем-то еще. Нет, я говорю о тех мелочах, которые свидетельствуют о том, что вы постепенно справляетесь со своим горем. Вы не поверите, сколько таких признаков каждый из вас оставляет незамеченными – возможно, случайно, а возможно, намеренно, поскольку вы испытываете чувство вины из-за желания двигаться дальше.

– Я посещаю сайт знакомств, – сообщил Фред. – Он называется «С мая по декабрь».

В ответ послышался глухой ропот удивления и одобрения.

– Весьма похвально. – Марк наклонился вперед, обхватив руками колено. – А что ты хочешь в результате получить? Компанию? Помнится, ты как-то говорил, что тебе не хватает человека, с которым можно было бы гулять воскресными вечерами. Возле пруда с утками. Там, где ты когда-то гулял с женой.

– Ой нет! Это для секса по Интернету. – (От неожиданности Марк поперхнулся чаем. Возникла короткая пауза, кто-то протянул ему бумажную салфетку вытереть брюки.) – Секс по Интернету. Ведь этим все занимаются, да? Я уже посещаю три сайта. – Фред поднял руку, загибая пальцы. – «С мая по декабрь» – это для молодых женщин, которым

нравятся зрелые мужчины, «Сладкие папики» – для молодых женщин, которым нравятся зрелые мужчины с деньгами, и... э-э-э... «Горячие жеребцы». – Он задумался. – Ну, это без уточнения.

Все оторопело молчали.

– Как хорошо быть оптимистом! – наконец нарушила тишину Наташа.

– А как насчет тебя, Луиза?

– Хм... – замялась я, а потом подумала: *какого черта!* – Ну, на выходных я ходила на свидание.

Я услышала тихое «ух ты!» и смущенно потупилась. Да уж, вспоминая события той ночи, я начинала густо краснеть.

– Ну и как все прошло?

– Это было... неожиданно.

– Она с кем-то перепихнулась. Нет, она определенно с кем-то перепихнулась, – констатировала Наташа.

– Она вся светится, – заметил Уильям.

– А он делал какие-то телодвижения в твою сторону? – поинтересовался Фред. – Выдавал тебе авансы?

– А ты не вспоминала о Билле?

– Не настолько, чтобы это могло меня остановить... Ну, я просто чувствовала, что хочу сделать что-то такое... – Я пожала плечами, стараясь не смотреть на Джейка. – Я просто хотела почувствовать себя... живой.

Слова «почувствовать себя живой» вызвали явное одобрение у всех без исключения членов нашей группы. Ведь это было именно то, к чему в глубине души стремился каждый из нас. Мы все хотели освободиться от своих горестных оков. Вырваться из подземного мира мертвых, где осталась частичка наших сердец, попавших в ловушку погребальных урн. И я была рада, что впервые могла сообщить хоть что-то хорошее.

Марк одобрительно кивнул:

– По-моему, это весьма здоровый взгляд на вещи.

Сунил в свою очередь сообщил, что он снова начал слушать музыку, а Наташа рассказала, что смогла перенести фотографии мужа из гостиной в спальню, чтобы не переводить на него разговор всякий раз, когда к ней кто-нибудь заходит. Дафна доложила, что перестала украдкой нюхать рубашки своего мужа, которые остались висеть в шкафу.

– Положа руку на сердце, должна признаться, что они вообще больше им не пахнут. Думаю, это просто уже вошло у меня в привычку.

– А ты, Джейк?

Вид у Джейка по-прежнему был не слишком счастливым.

– Похоже, я стал больше тусить.

– А ты попробовал еще раз обсудить с отцом, что ты чувствуешь?

– Нет.

Я старательно избегала взгляда Джейка. Ведь я не знала, насколько он в курсе, и чувствовала себя ужасно беззащитной.

– Думаю, ему кто-то нравится.

– И он что, так и продолжает трахаться?

– Нет, похоже, ему действительно кто-то нравится.

Я почувствовала, что снова заливаюсь краской. Чтобы спрятать лицо, пришлось наклониться, притворившись, будто мне надо срочно вытереть пятно на туфле.

– Джейк, а с чего ты это взял?

– Позавчера он завел о ней разговор за завтраком. Сказал, что решил покончить со случайными знакомствами. Что он кое-кого встретил и хочет попробовать завязать с ней более прочные отношения.

Теперь я уже сидела красная как рак. Не может быть, чтобы никто ничего не заметил!

– Так ты считаешь, он наконец понял, что случайные связи не решение проблемы? Я хочу сказать, что если он любил твою маму так, как ты нам об этом говорил, то, возможно, ему, прежде чем снова влюбиться, нужно было пережить период повышенной сексуальной активности, который обычно характеризуется частой сменой половых партнеров, – заметил Марк.

– Ну, случайных связей у него было больше чем достаточно, – заметил Уильям. – Если верить Джейку, то его отец – парень не промах.

– Джейк? А что ты теперь чувствуешь? – спросил Марк.

– Все очень странно. То есть я, конечно, скупаю по маме, но, по-моему, это хорошо, что он решил двигаться дальше.

Я терялась в догадках, что именно сказал ему Сэм. Интересно, а он упомянул мое имя? Я попыталась представить, как они, сидя на кухне своего маленького вагончика, разговаривают по душам за чаем с тостами. Щеки у меня буквально пылали. И не опережает ли Сэм события? Может, и говорить-то еще особо не о чем? Мне определенно следовало твердо заявить Сэму, что я не считаю наши отношения серьезными. Нет, еще не время. Еще не время, чтобы Джейк обсуждал нас на людях.

– А ты видел эту женщину? – поинтересовалась Наташа. – Тебе она понравилась?

Джейк на секунду опустил голову и потер лицо.

– Угу. Это был тихий ужас. – (Я моментально выпрямилась.) – Он пригласил ее в воскресенье на завтрак, и она оказалась просто

кошмарной. На ней был малюсенький топ, который вообще ничего не прикрывал. И она постоянно меня обнимала, будто мы с ней сто лет знакомы, и слишком громко хохотала, а когда папа пошел в сад, она сделала круглые глаза, склонила голову набок и начала сюсюкать со мной, словно я малый ребенок.

– Ох уж эта мне манера склонять голову набок! – поддакнул Уильям, и зал согласно зашумел. Ведь все знали эту манеру склонять голову набок.

– А когда папа вернулся, она по-дурацки хихикала и постоянно встряхивала волосами, точно подросток какой, хотя ей уже явно тридцатник, если не больше. – Джейк брезгливо поморщился.

– Тридцатник! – воскликнула Дафна, поспешно спрятав глаза. – Подумать только!

– По мне, тогда уж лучше та, которая выпрашивала у меня, что у него на уме. Она, по крайней мере, не прикидывалась моим лучшим другом.

Джейк говорил что-то еще, но я уже не слушала. У меня зазвенело в ушах, заглушая все остальные звуки. Как можно было быть такой идиоткой? Я вспомнила, как Джейк вытаращился на меня, когда Сэм впервые при нем заговорил со мной. Ведь Джейк наверняка хотел меня предупредить, а я оказалась настолько тупой, что проигнорировала это.

Меня бросило в жар, а потом затрясло. Я больше ни секунды не могла оставаться здесь.

– Хм... Я совсем забыла. У меня назначена встреча. – Я судорожно схватила сумочку и поднялась с места. – Простите.

– Луиза, ты в порядке? – забеспокоился Марк.

– Все отлично. Ладно, мне надо бежать. – И, растянув губы в фальшивой улыбке, от которой заболели щеки, я ринулась к двери.

Он был там. Конечно был. Он только что въехал на парковку и сейчас снимал шлем. Я вышла из церковного зала и замерла на верхней ступеньке, лихорадочно прикидывая, как мне пройти к своей машине, не столкнувшись с ним, но поняла, что все мои надежды напрасны. Сперва мой мозг зафиксировал его силуэт, а затем и все нервные окончания пришли в возбуждение. Я испытала странное смятение чувств. Это и прилив удовольствия, и восхищение тем, какой он большой, и воспоминание о его сильных руках на моем теле. А потом – слепая ярость и стук в висках от невыносимого унижения.

– Эй... – начал он, заметив меня.

Его улыбка была непринужденной, а глаза лучились нескрываемым удовольствием. Обольститель хренов!

Я специально замедлила шаг, чтобы он заметил страдальческое выражение на моем лице. Мне было наплевать. Неожиданно я стала похожа на Лили. И мне было наплевать на приличия. Это ведь не я, а он, переспав с одним человеком, тотчас же прыгает в постель к другому.

– Молодец, хорошая работа, чертов засранец! – выплюнула я и кинулась к своей машине, чтобы он не увидел моих слез.

С этого момента, словно по мановению волшебной палочки злой колдуньи, неприятности начали расти как снежный ком. Ричард стал еще въедливее, он постоянно жаловался, что мы мало улыбаемся и нам не хватает «жизнерадостного шарма», в результате чего клиенты уходят от нас в гриль-бар «Воздушные крылья». Погода испортилась, небо затянуло свинцовыми облаками, из-за почти тропических ливней рейсы постоянно задерживались, и аэропорт оказался забит раздраженными пассажирами, ну и в довершение всего, ни раньше ни позже, грузчики объявили забастовку.

– А чего ты ожидала? Меркурий движется с востока на запад, – свирепо сказала Вера, рывкнув на посетителя, попросившего поменьше пенки в капучино.

А дома Лили была мрачнее тучи. Она сидела в гостиной, приклеившись к мобильнику, и ничто не могло поднять ей настроение. С каменным выражением лица, точь-в-точь как у ее отца, она часами смотрела в окно, словно, подобно ему, была загнана в ловушку. Я пыталась объяснить ей, что желто-черные колготки подарил мне Уилл, что дело не в цвете или фасоне, а в том, что они...

– Ну да, ну да. Колготки. Ладно, проехали, – сказала она.

Уже три ночи подряд я практически не сомкнула глаз. А просто лежала, уставившись в потолок, и лелеяла холодную ярость, угнездившуюся в груди и решительно не желавшую меня покидать. Я злилась на Сэма, но еще больше – на себя. Он дважды присылал мне эсэмэски, сводящие с ума фальшивые «??», на которые я даже не потрудилась ответить. Похоже, я совершила классическую ошибку большинства женщин, которые полностью игнорируют то, что мужчина говорит или делает, а прислушиваются исключительно к зову своего сердца, коварно нашептывающему: «Со мной все будет по-другому». Я поцеловала его. Я пошла у него на поводу. И оказалась кругом виновата.

Я пыталась уговорить себя, что еще счастливо отделалась. Твердила себе с ложным пафосом, что лучше уж выяснить правду сейчас, чем через шесть месяцев! Старалась посмотреть на ситуацию глазами Марка:

как хорошо, что я сделала шаг вперед! Ведь неудачный результат тоже результат! По крайней мере, секс был отличным! Но затем дурацкие горячие слезы начинали течь из моих дурацких глаз, и я, размазывая их по щекам, говорила себе: вот что бывает, когда теряешь бдительность и слишком близко подпускаешь к себе кого-то.

Как нас учили на занятиях нашей группы, вакуум – идеальная питательная среда для депрессии. Гораздо лучше что-нибудь делать или хотя бы планировать. А иногда иллюзия счастья может нечаянно вызвать депрессию. Мне опротивело возвращаться домой и каждый вечер заставлять Лили в прострации на диване, а еще больше опротивело делать вид, будто это в порядке вещей, а потому в пятницу вечером я заявила ей, что завтра мы едем знакомиться с миссис Трейнор.

– Но ты же сказала, что она не ответила на твое письмо.

– Может, она его просто не получила. Ну и пусть. Рано или поздно мистер Трейнор сообщит о тебе своей семье, поэтому нам стоит сперва повидаться с миссис Трейнор.

Лили ничего не ответила. Я приняла ее молчание за знак согласия и на этом успокоилась.

В тот вечер я неожиданно для себя стала разбирать одежду, которую Лили так бесцеремонно вытащила из коробки, одежду, которую я не доставала с тех пор, как два года назад уехала из Англии в Париж. Не было никакого смысла все это носить. После смерти Уилла я почувствовала себя совсем другим человеком.

Однако сейчас мне вдруг захотелось сменить джинсы и зеленый прикид ирландской танцовщицы на что-то другое. Я нашла свое некогда нежно любимое темно-синее мини-платье, которое выглядело достаточно сдержанным для официального визита, выгладила его и аккуратно сложила. Я сказала Лили, что мы выезжаем в девять утра, и отправилась спать, размышляя о том, как утомительно жить в одном доме с человеком, который считает ниже своего достоинства смотреть тебе в глаза или нормально отвечать, а не бурчать нечто невнятное.

Через десять минут после того, как я легла в кровать, мне под дверь просунули написанную от руки записку.

Дорогая Луиза!

Прости, что взяла без разрешения твою одежду. И спасибо за все. Признаю, что иногда я просто заноза в заднице.

Прости.

Лили.

Чмоки-чмоки.

Р. С. И все же тебе определенно надо носить эти вещи. Они ГОРАЗДО лучше того барахла, что ты обычно надеваешь.

Я открыла дверь и увидела Лили. Она посмотрела на меня без улыбки, шагнула вперед и крепко обняла, да так, что у меня затрещали ребра. Затем повернулась и, не говоря ни слова, исчезла в гостиной.

Утро выдалось погожим и жизнерадостным, и у нас сразу поднялось настроение. Нам предстояло несколько часов пути до маленькой деревушки в Оксфордшире, местечке с огороженными изгородью садами и пропеченными солнцем каменными стенами горчичного цвета. Всю дорогу я болтала без умолку, в основном чтобы скрыть нервозность перед встречей с миссис Трейнор. Насколько я успела заметить, самым тяжелым в общении с подростками было то, что для них вы словно престарелая чужая тетушка на свадьбе, а потому любое ваше высказывание они воспринимают именно так.

– Скажи, а что ты любишь делать? Когда ты не в школе. – (Лили пожала плечами.) – А у тебя есть цель в жизни? – (Она смерила меня насмешливым взглядом.) – Но у тебя ведь наверняка с возрастом появились какие-то хобби, да?

Она тут же представила мне впечатляющий список своих прежних увлечений: конкур, лакросс, хоккей, фортепьяно (пятая ступень), бег по пересеченной местности, теннис.

– Ничего себе! Тогда почему ты не захотела заниматься хоть чем-то дальше?

Она фыркнула, снова передернула плечами и положила ноги на приборную доску, тем самым показывая, что тема закрыта.

– А вот твой папа любил путешествовать, – заметила я, проехав еще несколько миль.

– Ты это уже говорила.

– По его словам, он побывал практически везде, кроме Северной Кореи. И Диснейленда. Он рассказывал мне о таких местах, о которых я даже не слышала.

– Мои ровесники особо не ищут приключений. Все уже давным-давно открыто. А те, кто путешествует дикарями перед поступлением в универ,

жуткие зануды. Вечно треплются насчет какого-нибудь классного бара, который они нарыли на Пхангане^[14], или улетной наркоты, которой их угощали в дождевых лесах Бирмы.

– Но тебе вовсе не обязательно путешествовать дикарем.

– Да, но если ты видел интерьер хоть одного «Мандарин ориентал»^[15], то считай, что видел их все, – зевнула Лили, а несколько минут спустя заметила, выглянув из окна: – Я когда-то ходила тут в школу. Это была единственная школа, которая мне реально нравилась. У меня там была подруга. Ее звали Холли.

– И что случилось?

– У мамы возникла навязчивая идея, что это неправильная школа. Она сказала, что у школы довольно невысокие показатели или типа того. А это просто была маленькая школа-интернат. Не академическая. И они меня оттуда перевели. А после этого я больше не хотела заводить друзей. Какой смысл, если они меня потом снова переведут?!

– А ты поддерживаешь связь с Холли?

– Да так, не особенно. Мы ведь все равно не можем встречаться.

У меня сохранились смутные воспоминания о женской дружбе в подростковом возрасте, которая была скорее страстью, нежели просто дружбой. И подобная дружба определенно не выдерживает испытания разлукой.

– Итак... что собираешься делать? Если действительно не вернешься в школу.

– Я так далеко не загадываю.

– Но, Лили, тебе придется об этом подумать.

Она закрыла глаза, тем самым давая понять, что я старая зануда и разговор закончен. А затем снова поставила ноги на пол и принялась соскребать пурпурный лак с большого пальца руки.

– Луиза, я и правда не знаю. Быть может, последую твоему вдохновляющему примеру. И займусь чем-нибудь потрясающим. Совсем как ты.

Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы взять себя в руки и ехать дальше. Нервы, сказала я себе. Она сейчас просто вся на нервах. А затем, чтобы позлить Лили, я переключилась на волну «Радио-2», врубила приемник на полную громкость и оставила его орать.

Мы нашли Фор-Акрз-лейн с помощью какого-то местного жителя, выгуливавшего собаку, и остановили машину подальше от «Лисьего

коттеджа», скромного беленького домика с соломенной крышей. Перед домом алые розы обвивали железную арку, а на ухоженных клумбах изысканные бледные цветы боролись за место под солнцем. На подъездной дорожке был припаркован маленький хетчбэк.

– Да, похоже, она не купается в роскоши, – выглянув из окна, заметила Лили.

– Вполне миленький домик.

– Обувная коробка.

Я сидела, прислушиваясь к стуку мотора.

– Послушай, Лили. Прежде чем мы войдем. Не надо слишком многого ждать. Миссис Трейнор – дама немного чопорная. Она прячется за строгими манерами. И говорит вроде как учительница. Одним словом, в отличие от мистера Трейнора, она вряд ли кинется тебя обнимать.

– Мой дедушка – лицемер! – фыркнула Лили. – Он делает вид, будто ты для него самый важный человек на земле, а на самом деле он просто сраный подкаблучник.

– Будь добра, не называй его сраным подкаблучником.

– Я такая, какая есть. И с какой стати мне чего-то там из себя строить? – надулась Лили.

Мы еще немножко помолчали. Я поняла, что ни одна из нас не горит желанием первой подняться на крыльцо.

– Может, попробовать еще раз позвонить ей? – предложила я, вынимая телефон.

В это утро я уже дважды пыталась позвонить миссис Трейнор, но ее телефон был переведен на голосовую почту.

– Только не надо с ходу объяснять, кто я такая, – неожиданно попросила Лили. – Мне просто... Я просто хочу посмотреть, какая она из себя. Прежде чем говорить, что я ее внучка.

– Конечно, – мгновенно оттаяв, согласилась я.

И Лили, уже не слушая меня, выскочила из машины и размашисто зашагала к воротам; ее руки были сжаты в кулаки совсем как у боксера перед выходом на ринг.

Миссис Трейнор стала седой как лунь. Ее волосы, некогда окрашенные в каштановый цвет, теперь были совсем белыми и короткими, что ее жутко старило: она была похожа на человека после тяжелой болезни. И вообще, со времени нашей последней встречи она здорово похудела, а под глазами у нее залегли красновато-коричневые тени. Она растерянно посмотрела на Лили. Судя по ее изумленному взгляду, она вообще не привыкла видеть

у себя посетителей. А потом она заметила меня, и у нее сразу расширились глаза.

– Луиза?

– Здравствуйте, миссис Трейнор. – Я выступила вперед и протянула руку. – Вот проезжали мимо. Не знаю, получили ли вы мое письмо? Ну, я и подумала, что неплохо было бы заехать поздороваться, – начала я неестественно жизнерадостным тоном и осеклась.

Последний раз мы с ней виделись, когда я помогала убирать комнату ее покойного сына, а до этого, когда вместе были свидетелями его последнего вздоха. И я поняла, что мое появление мгновенно оживило в ее памяти оба этих события.

– Мы... просто любовались вашим садом.

– Розы «Дэвид Остин», – подала голос Лили.

Миссис Трейнор посмотрела на нее так, будто только сейчас заметила присутствие незнакомой девочки, и улыбнулась, натянуто и неуверенно:

– Да-да. Именно так. Какие глубокие познания. Это... Ради бога, простите. У меня не слишком часто бывают посетители. Как ты сказала, тебя зовут?

– Это Лили, – объяснила я.

Лили обменялась рукопожатием с миссис Трейнор, не сводя с нее пристального взгляда. Не менее пристального, чем у самой миссис Трейнор. С минуту мы неловко топтались на крыльце, а затем миссис Трейнор, определенно поняв, что у нее нет выбора, повернулась и распахнула дверь:

– Полагаю, вам лучше пройти в дом.

Коттедж оказался совсем крошечным, а потолки настолько низкими, что даже я, проходя из прихожей на кухню, была вынуждена пригнуться. Я ждала, пока миссис Трейнор приготовит чай, а Лили в это время мерила шагами малюсенькую гостиную, лавируя между отполированными до блеска немногочисленными предметами антикварной мебели, которую я запомнила еще в свою бытность в Гранта-хаус, и рассеянно трогая безделушки, а затем возвращая их на место.

– А как... вы поживаете? – Голос миссис Трейнор казался таким бесцветным, словно ее ничуть не интересовал ответ на вопрос.

– Очень хорошо, спасибо.

В кухне воцарилось неловкое молчание.

– Очень симпатичная деревушка.

– Да. Действительно. Я решительно не могла остаться в Стортфолде.

Она налила чай из заварочного чайника, и я волей-неволей вспомнила о Делле, переваливающейся, как утка, по кухне миссис Трейнор.

– А вы тут хоть кого-нибудь знаете?

– Нет, – отрезала она с таким видом, словно это была единственная причина ее переезда в Оксфордшир. – Не могли бы вы захватить молочник? На этом подносе ничего толком не помещается.

А затем были тягостные полчаса вымученного разговора. Миссис Трейнор, некогда обладавшая, как представительница верхушки среднего класса, врожденной способностью владеть ситуацией, явно растратила свой дар вести светскую беседу. Когда я говорила, мне казалось, что она где-то далеко. Она задавала вопрос, а затем через десять минут его повторяла, словно ей не удалось удержать в памяти ответ. И у меня даже промелькнула мысль, а не увлеклась ли она, грешным делом, антидепрессантами. Лили не сводила с миссис Трейнор глаз, лицо девочки было как открытая книга, а я сидела между ними, один сплошной комок нервов, и ждала развязки.

Я трещала без умолку, вещая в пустоту. Рассказывала о своей жуткой работе, о жизни во Франции, о том, что у родителей все прекрасно, спасибо, – одним словом, несла всякую околесицу, лишь бы нарушить это ужасное, тягостное молчание, которое неизбежно возникало в комнате всякий раз, как я затыкалась. Скорбь миссис Трейнор плотным саваном накрыла ее маленький дом, лишая возможности не только говорить, но и дышать. И если горе добавило мистеру Трейнору седых волос и пару лишних морщин, то миссис Трейнор оно поглотило целиком, не оставив и следа от той энергичной, гордой женщины, которую я когда-то знала.

– И что привело вас в наши места? – наконец спросила она.

– Э-э-э... Да так, навещали друзей, – ответила я.

– А откуда вы друг друга знаете?

– Я... Я когда-то была знакома с отцом Лили, – потупилась я.

– Как мило, – заметила миссис Трейнор, и мы с Лили, смущенно улыбнувшись, дружно переглянулись.

Я смотрела на Лили, ожидая, что она мне поможет, но Лили будто оцепенела: смотреть на страдания этой женщины было выше ее сил.

Мы выпили по второй чашке чая и в третий, а возможно и в четвертый, раз похвалили сад миссис Трейнор, и я все время старалась отогнать от себя неприятное чувство, что хозяйка дома терпит наше присутствие из последних сил. Мы были здесь лишними. Хорошее воспитание не позволяло миссис Трейнор показывать свои чувства, но она явно мечтала поскорее остаться в одиночестве. Об этом красноречиво

свидетельствовали ее жесты, вымученные улыбки, безуспешные попытки поддержать разговор. Я не сомневалась: как только мы откланяемся, она съезжится в кресле или поднимется к себе спальню, где свернется клубком на кровати.

А затем я заметила одну странность: полное отсутствие фотографий. Если раньше в Гранта-хаус повсюду стояли детские фото Уилла и Джорджины (на пони, на горнолыжных курортах) и всей их семьи, включая дальних родственников, то в этом крошечном коттедже вообще не было ни одного снимка. Маленькая бронзовая фигурка лошади, акварель с какими-то гиацинтами. И ни одного портрета. Я заерзала на стуле, полагая, что, быть может, упустила что-то из виду. Возможно, фото стоят на подоконнике или на столике в дальнем углу. Но нет, коттедж был абсолютно безликим. Я подумала о собственной квартире и о своих неудачных попытках превратить ее в некое подобие настоящего дома. И внезапно почувствовала себя опустошенной и полностью разбитой.

Уилл, что ты с нами со всеми сделал?

– Луиза, нам, наверное, уже пора. – Лили демонстративно посмотрела на часы. – Ты ведь сама говорила, что не хочешь попасть в пробку.

Я удивленно уставилась на нее:

– Но...

– Ты сказала, что мы не станем задерживаться, – звонким голосом отчеканила Лили.

– О да. Движение здесь очень плотное, – поднялась с места миссис Трейнор.

Я сердито посмотрела на Лили и уже открыла рот, чтобы возразить, но тут зазвонил телефон. Миссис Трейнор вздрогнула, словно этот звук был ей незнаком. Она растерянно посмотрела на нас, явно мучаясь сомнениями, стоит ли брать трубку. А затем, когда не реагировать на звонок уже стало просто неприлично, она извинилась и прошла в другую комнату, чтобы ответить.

– Что ты делаешь? – наехала я на Лили.

– Мне кажется, так нельзя, – с несчастным видом ответила Лили.

– Мы не можем уйти, не сказав ей правды.

– Я не могу. Не сегодня. Это все как-то...

– Да, я согласна, тебе сейчас страшно. Но, Лили, посмотри на нее. Мне кажется, что, если ты скажешь правду, ей действительно станет легче. Ну так что?

У Лили от удивления расширились глаза.

– Какую правду вы хотите мне сказать? – Миссис Трейнор застыла

как каменная у двери в маленькую прихожую. – Что именно вам надо мне сообщить?

Лили посмотрела на меня, потом перевела взгляд на миссис Трейнор. Я почувствовала, как время словно остановилось. Лили проглотила ком в горле и выставила вперед подбородок:

– Что я ваша внучка.

– Моя... кто? – чуть помолчав, спросила миссис Трейнор.

– Я дочь Уилла Трейнора.

Ее слова эхом разнеслись по маленькой комнате. Миссис Трейнор перевела на меня взгляд, будто желая проверить, не разыгрываем ли мы ее.

– Но... этого не может быть.

Лили обиженно попятилась.

– Миссис Трейнор, я понимаю, что это для вас настоящий шок... – начала я.

Но миссис Трейнор меня не слышала. Она свирепо уставилась на Лили:

– Откуда у моего сына могла взяться дочь, о которой я ничего не знала?

– Потому что мама никому не говорила, – прошептала Лили.

– Все это время? Как такое могло оставаться тайной все это время? – Миссис Трейнор повернулась ко мне. – А вы знали об этом?

Я судорожно сглотнула:

– Именно поэтому я вам и написала. Лили сама меня нашла. Ей не терпелось узнать о своей семье. Миссис Трейнор, мы вовсе не желаем причинить вам боль. Просто Лили хотела познакомиться с бабушкой и дедушкой, а с мистером Трейнором получилось не совсем удачно...

– Но Уилл бы обязательно мне сказал, – покачала головой миссис Трейнор. – Я это твердо знаю. Он ведь был моим сыном.

– Если вы мне не верите, я готова сдать кровь на генетический анализ, – скрестив руки на груди, заявила Лили. – Но мне от вас ничего не нужно. Я не собираюсь у вас жить и вообще. У меня есть собственные деньги, если это то, о чем вы думаете.

– В данный момент я ни о чем не... – начала миссис Трейнор.

– И не надо так испуганно на меня смотреть, – перебила ее Лили. – Словно я источник заразы, которую вы случайно подцепили. Нет, я ваша внучка. Чтоб вы знали. Господи!

Миссис Трейнор медленно опустилась на стул, прижав трепещущую руку ко лбу.

– Миссис Трейнор, вам нехорошо?

– Не уверена, что я... – Миссис Трейнор закрыла глаза с таким отрешенным видом, будто целиком и полностью ушла в себя.

– Лили, думаю, нам пора. Миссис Трейнор, я оставлю вам номер своего телефона. Мы вернемся, когда вы успокоитесь и на досуге спокойно все обдумаете.

– Говори за себя. Я не собираюсь сюда возвращаться. Она считает меня лгуньей. Господи! Ну и семейка!

Лили окинула нас презрительным взглядом и ринулась к выходу, по дороге опрокинув попавшейся ей на пути ореховый столик. Я поспешно подняла столик и аккуратно поставила обратно упавшие серебряные коробочки. Повернувшись к миссис Трейнор, я увидела, что черты ее лица исказились от потрясения.

– Простите, миссис Трейнор. Я честно пыталась предупредить вас до нашего приезда.

На улице громко хлопнула дверь машины.

Миссис Трейнор тяжело вздохнула:

– Я не читаю писем неизвестно от кого. Мне приходили письма. Гнусные письма. В которых говорилось, что я... И теперь я на них не отвечаю. Там нет ничего, что я бы хотела услышать. – Она казалась растерянной, и старой, и очень хрупкой.

– Простите. Мне очень жаль. – Я схватила сумочку и бросилась вон.

Когда я села в машину, Лили мрачно сказала:

– Только ничего не говори. Просто помолчи. Договорились?

– Зачем ты это сделала? – Я села за руль, зажав ключи в кулаке. – Зачем надо было все портить?

– Как только она на меня посмотрела, я сразу поняла, что она обо мне думает.

– Она мать, которая так и не оправилась после потери сына. А мы только что нанесли ей новый удар. И ты наехала на нее, как танк. Неужели нельзя было спокойно подождать, пока она не переварит произошедшее? Почему ты всех от себя отталкиваешь?

– А что ты, черт возьми, обо мне знаешь?!

– Знаю достаточно и могу смело утверждать, что ты намеренно разрушаешь отношения с любым, кто с тобой сближается.

– Господи боже мой! Ты что, опять о своих дурацких колготках?! Где уж тебе понять! Ты вообще не разбираешься в человеческих отношениях. Сидишь сиднем в своей убогой квартире, куда никто

не заходит. Твои родители как пить дать считают тебя неудачницей. У тебя кишка тонка даже бросить самую жалкую работу в мире.

– Ты не представляешь, как трудно в наше время найти работу. Так что не надо мне говорить...

– Ты неудачница! И что еще хуже, ты неудачница, которая считает себе вправе учить жить других. А кто дал тебе такое право? Ты сидела у папиной кровати, смотрела, как он умирал, и ничего не попыталась сделать. Ничего! Так что я сильно сомневаюсь, что ты хоть чуть-чуть разбираешься в том, как надо себя вести.

Тишина в машине была такой оглушительной, что у меня, казалось, заложило уши. Я сидела, тупо уставившись на руль. И ждала, когда ко мне вернется способность нормально дышать.

Затем я завела мотор, и мы в гробовом молчании проехали все сто двадцать миль до моего дома.

Глава 15

Следующие несколько дней я практически не видела Лили, что меня вполне устраивало. Но крошки и грязные чашки, которые я находила, возвращаясь с работы домой, говорили о том, что она по-прежнему обретается у меня. Пару раз я чувствовала странные флуктуации в воздухе, словно в мое отсутствие происходило нечто такое, чему я не могла подобрать точного определения. Но все оставалось на своих местах, ничего особо не изменилось, и свои смутные подозрения я отнесла на счет сложности сосуществования в одной квартире двух не ладящих между собой людей. Впервые за все это время я позволила себе признаться, что снова хочу жить в одиночестве.

Я позвонила сестре, и у нее хватило деликатности ни разу – ну разве что один раз – не сказать мне: «Я же тебе говорила!»

– В этом-то и заключается основная проблема родителей, – заявила он, почему-то причислив меня к числу родителей. – По идее, ты должна быть невозмутимой, понимающей, вежливой особой, способной справиться с любой ситуацией. Но иногда, когда Том грубит или я валюсь с ног, мне хочется хлопнуть дверью или дать волю чувствам и обозвать его мелким засранцем.

Что было совсем недалеко от истины, потому что у меня возникали схожие чувства.

А на работе дела шли из рук вон плохо, и, чтобы заставить себя ехать в аэропорт, приходилось распевать по дороге песенки из шоу.

Ну а еще был Сэм.

О котором я вообще не вспоминала.

Я не вспоминала о нем по утрам, глядя в зеркало на свое обнаженное тело. Не вспоминала его руки на своем теле, его пальцы, скользящие по моим багровым шрамам, отчего те, конечно, не делались менее заметными, но зато становились частью нашей общей истории и тем самым чем-то удивительным. Не вспоминала, как одним коротким вечером я потеряла голову и снова почувствовала себя живой. Не вспоминала о нем, когда смотрела на влюбленные пары, что, обнявшись, проверяли билеты на самолет, на котором отправлялись в романтическое путешествие или какое-нибудь экзотическое место подальше отсюда, чтобы заняться необузданным сексом. Не вспоминала о нем по дороге на работу и с работы, когда мимо с воем проезжала «скорая». Что случилось

бессчетное число раз. И я, естественно, не вспоминала о нем, сидя вечером на диване перед экраном телевизора с каким-нибудь тупым шоу, сюжет которого потом я, хоть убей, не смогла бы пересказать, и чувствуя себя самой одинокой порнушницей-пикси на свете.

Позвонил Натан и оставил сообщение с просьбой перезвонить. Я сомневалась, что мне захочется слушать о его потрясающей жизни в Нью-Йорке, и отложила ответный звонок на потом, твердо зная при этом, что вряд ли стану перезванивать. Я получила эсэмэску от Тани, где говорилось, что они вернулись из отпуска на три дня раньше из-за каких-то служебных дел Фрэнсиса. А еще звонил Ричард. Он сообщил, что с понедельника по пятницу мне придется работать в ночную смену. *И, Луиза, пожалуйста, не опаздывайте. Еще раз должен напомнить, что у вас уже было последнее предупреждение.*

И в результате я сделала единственное, что пришло мне в голову, а именно отправилась домой в Стортфолд, врубив музыку на полную громкость, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. В душе я была даже благодарна своим родителям. Сейчас я как никогда остро ощущала пуповину, связывающую меня с родительским домом, где меня всегда ждали семейный уют и воскресный обед на столе.

– Ланч?! – недовольно выпятив челюсть и сложив руки на животе, воскликнул папа. – О нет! Теперь у нас не бывает воскресного ланча. Ланч – это признак патриархального ига. – (Дедушка печально кивнул из своего угла.) – Нет-нет! Никакого ланча. Теперь по воскресеньям мы едим сэндвичи. Или суп. Суп, очевидно, не противоречит идеям феминизма.

Трина, занимавшаяся за обеденным столом, выкатил на него глаза:

– По воскресеньям мама ходит в класс поэзии в Образовательном центре для взрослых. И за это время она вряд ли успела превратиться в Андреа Дворкин^[16].

– Вот видишь, Лу? Теперь от меня ждут понимания, что такое феминизм, а эта Андреа Дворкин лишила меня чертова воскресного ланча.

– Папа, ты слишком драматизируешь.

– Это я-то драматизирую?! Воскресенье – семейный день. И у нас должен быть семейный воскресный ланч.

– Мама отдала семье всю свою жизнь. Почему ты не позволяешь ей уделить хоть какое-то время себе самой?

Папа ткнул в сторону Трины сложенной газетой:

– Твоя работа. Мы с твоей мамочкой были совершенно счастливы, пока ты не начала внушать ей, что это не так. – (Дедушка одобрительно кивнул.) – У нас теперь все пошло кувырком. И я даже телевизор не могу спокойно посмотреть без того, чтобы она не назвала рекламу йогурта сексистской. И это у нее сексистское, и то у нее сексистское. А когда я принес от Эда Палмера домой газету «Сан», чтобы почитать спортивные странички, она швырнула ее в огонь из-за страницы три^[17]. Час от часу не легче. Я теперь вообще не знаю, что она в следующий раз выкинет.

– Всего одно двухчасовое занятие, – не отрываясь от книг, мягко заметила Трина.

– В воскресенье.

– Папа, все в твоих руках. Я серьезно, – вмешалась я в разговор.

– Что? – опустил глаза папа. – Что?

– Твои руки... – продолжила я. – Они же тебе не для красоты даны. – (Папа нахмурился.) – Почему бы тебе самому не приготовить ланч? Сделай маме сюрприз к ее возвращению.

У папы от возмущения глаза полезли на лоб.

– Чтобы я готовил воскресный ланч! Чтобы я?! Луиза, я женат уже почти тридцать лет. И я не буду готовить чертов ланч! Мы так не договаривались! Я на это не подписывался! До чего мы докатимся, если в воскресный день я, нацепив передник, буду чистить картошку?! Разве это справедливо?

– Папа, это современная жизнь.

– Современная жизнь. И ты туда же! – рассердился папа и направился к двери в сад. – Спорим, твоему чертову мистеру Трейнору готовят воскресный ланч. Эта его девица уж точно не феминистка.

– А... Тогда, папа, тебе нужно жить в замке. У кого есть замок, тому феминизм не страшен.

Мы с Триной так и покатались со смеху.

– Я вам вот что скажу. Теперь мне понятно, почему у вас обеих нет парней.

– Ой-ей-ей! Красная карточка! – Мы с Триной дружно подняли вверх правую руку.

Папа в сердцах взмахнул газетой и протопал в сад.

Трина наградила меня лукавой ухмылкой:

– Если честно, я собиралась предложить ему приготовить ланч. Но... теперь?

– Ну, я не знаю. Мне бы не хотелось способствовать укреплению патриархального ига.

– Тогда в паб?

– Отлично. Сейчас отправлю маме эсэмэску.

Как оказалось, моя мама только в пятьдесят шесть начала выползать из своей скорлупы, сперва неуверенно, словно рак-отшельник, но затем, несомненно, с растущим энтузиазмом. Она годами не выходила одна из дому, довольствуясь своими скромными владениями, ограниченными стенами нашего домика с тремя с половиной спальнями. Но после нескольких недель в Лондоне, когда маме пришлось ухаживать за мной в больнице, она вдруг осознала, что способна на большее. Мама стала просматривать феминистские тексты, которые Трина получила в колледже в группе по повышению готовности к гендерно-ролевым стрессам. И в результате под действием алхимии этих двух событий у мамы наступило пробуждение. Она продралась сквозь книги «Второй пол»^[18] и «Я не боюсь летать»^[19], осилила труд «Женщина-евнух», а прочитав «Женскую комнату»^[20], была настолько потрясена явной параллелью со своей жизнью, что четыре дня вообще не подходила к плите, прекратив забастовку только тогда, когда обнаружила дедушкины тайные продовольственные запасы, состоявшие из четырех упаковок черствых пончиков.

– У меня все не выходит из головы слова твоего Уилла, – сказала мама, когда мы уселись за столиком в саду паба, чтобы видеть, как Том скачет, сталкиваясь головами с другими детьми, по надувному замку. – У тебя только одна жизнь. Он ведь тебе так говорил? – На маме была ее обычная синяя блузка с длинным рукавом, но волосы она как-то по-новому затянула назад, что чрезвычайно ее молодило. – Вот и я хочу успеть сделать как можно больше. Например, немного подучиться. И время от времени все же снимать резиновые перчатки.

– Папа пишет крутым кипятком.

– Следи за языком.

– Это все из-за сэндвича. Хотя его никто не заставляет сорок дней тащиться по пустыне Гоби в поисках еды.

– И вообще, это всего-навсего десятидневный курс. Ничего, перебьется, – отрезала мама и, откинувшись на спинку стула, внимательно на нас посмотрела. – Ну разве это не чудесно? По-моему, мы не собирались втроем... пожалуй, с тех пор, когда вы были еще подростками и я брала вас в субботу в походы по магазинам.

– А Трина вечно ныла, что магазины – тоска зеленая.

– Да. Но исключительно потому, что Лу любила благотворительные

заведения, где пахло чужими потными подмышками.

– Приятно видеть, что ты снова носишь любимые вещи, – одобрительно кивнула мама.

И действительно, я надела ярко-желтую футболку в надежде, что она придаст мне более жизнерадостный вид.

Они спросили о Лили, и я ответила, что она вернулась к своей матери, но девочка довольно трудная, и мама с Триной кивнули, переглянувшись, словно именно это и ожидали от меня услышать. Я не стала рассказывать им о миссис Трейнор.

– Вся эта история с Лили довольно странная. И я не слишком высокого мнения о ее матери. Какая нормальная мать доверит своего ребенка чужому человеку?!

– Кстати, мама все верно говорит, – заметила Трина.

– И потом, Лу, эта твоя работа. Мне не нравится, что ты порхаешь за стойкой бара почти что голышом. Чем-то смахивает на... Как называлось то заведение?

– «Хутерс»^[21], – подсказала Трина.

– Никакой это не «Хутерс». Это аэропорт. И мои буфера надежно упакованы.

– Да ее буфера на фиг никому не нужны, – добавила Трина.

– Но разносить напитки в таком костюме – чистой воды сексизм. Если ты именно этим хочешь заниматься, тогда почему бы не устроиться на работу... ну, я не знаю... например, в парижский Диснейленд. В костюме Минни-Маус или Винни Пуха тебе даже не пришлось бы показывать ноги.

– И вообще, через два года тебе стукнет тридцать, – заявила сестра. – Минни, Винни или Нелл Гвинни^[22] – выбирай сама.

– Что ж... – начала я, когда официантка принесла нам цыпленка с чипсами. – Я об этом думаю. И да, ты права. Начиная с сегодняшнего дня постараюсь двигаться дальше. Пожалуй, сосредоточусь на своей карьере.

– Не могла бы ты это повторить? – Сестра принялась нарезать цыпленка мелкими кусочками для Тома.

Шум в саду еще больше усилился.

– Сосредоточусь на своей карьере, – уже громче повторила я.

– Нет. Свои слова о том, что я права. По-моему, последний раз ты говорила это в девяносто седьмом году.

Мы провели в пабе чуть ли не полдня, старательно игнорируя папины все более раздраженные эсэмэски с вопросом о том, куда это мы

запропалились. Мама и мы с Триной наконец-то сидели вместе на равных, как все нормальные люди, вели взрослые разговоры, и нам с сестрой впервые в жизни не давали указаний свыше, что делать или как себя вести. Наоборот, оказалось, что мнение и жизненная позиция каждой из нас интересует остальных, словно мы неожиданно обнаружили, что можем играть совсем другую роль по сравнению с отведенными нам в семье, где одна считалась башковитой, вторая – безалаберной, а третья – домовитой.

Это было очень странное чувство: видеть в маме и сестре не просто родственников, которых не выбирают, а живых людей с их чувствами и переживаниями.

– Мама, – сказала я вскоре после того, как Том, доев цыпленка, снова побежал играть, и за пять минут до того, как он, к нашему стыду, вывел надувной замок из строя до конца дня, – а ты никогда не переживала, что не сделала карьеру?

– Нет, дорогая. Мне нравилось быть мамой. Действительно нравилось. Но за последние два года столько всего случилось. Тут волей-неволей задумаешься. – (Я терпеливо ждала продолжения.) – Я читаю обо всех этих отважных женщинах, которые изменили мир, повлияв на поступки и мысли людей. А потом смотрю на себя и думаю... будет ли кому-нибудь хоть чуть-чуть не все равно, если меня вдруг не станет.

Мама произнесла свою тираду ровным голосом, но я подумала, что сложившаяся ситуация огорчает ее сильнее, чем кажется, но она тщательно это скрывает.

– Мама, нам не все равно, – успокоила ее я.

– Похоже, в этой жизни я вообще ни на что не могла повлиять, да? Вот и я так считаю. Я была всем довольна. Но я тридцать лет делала только одно дело, а теперь книги, которые я читаю, телевизор, газеты – словом, все, все, все говорит мне, что это был мартышкин труд.

Мы с Триной удивленно переглянулись.

– Мама, это вовсе не мартышкин труд. По крайней мере, для нас, – сказала я.

– Спасибо, вы добрые девочки.

– Нет, я серьезно. Ты... – Неожиданно я подумала о Тане Хотон-Миллер. – С тобой мы чувствовали себя в безопасности. И были уверены, что нас любят. Мне нравилось возвращаться домой и знать, что ты там нас ждешь.

Мама накрыла мою руку своей:

– Ничего, я в порядке. И я горжусь вами обеими. Тем, что каждая

из вас ищет свою дорогу в жизни. Правда. Но сейчас мне нужно кое-что определить для себя. И это весьма увлекательное занятие. Честное слово. Я люблю читать. Миссис Дин из библиотеки звонит мне каждый раз, когда появляется что-нибудь такое, что может меня заинтересовать. Теперь у меня на очереди работы американских феминисток новой волны. Кстати, у них есть очень интересные теории. – Мама аккуратно сложила бумажную салфетку. – Но я искренне желаю, чтобы они прекратили наконец друг с другом спорить. Иногда мне так и хочется столкнуть их лбами.

– А... ты по-прежнему не бреешь ноги?

Кажется, я зашла слишком далеко. Мама сразу замкнулась и окинула меня потухшим взглядом.

– Иногда требуется время, чтобы у тебя открылись глаза на явные признаки угнетения. Я сказала вашему отцу и теперь повторяю вам, девочки, что побрею ноги только тогда, когда он пойдет в салон, где цветущая молодая деваха обмажет ему ноги горячим воском, а затем сдерет всю эту красоту.

Солнце, как кусок желтого масла, медленно таяло в небе над Стортфолдом. Я задержалась у родителей дольше, чем собиралась. Наконец я попрощалась со своей семьей, села в машину и поехала в Лондон. Теперь мне казалось, будто я снова обрела твердую почву под ногами. После эмоциональных взлетов и падений прошлой недели было приятно отдохнуть душой в нормальной обстановке. Да и немного отвлечься мне тоже не мешало. Трина, не привыкшая показывать свои слабости, призналась, что, наверное, останется до старости куковать в одиночестве, отмахнувшись при этом от маминых заверений, что она «просто роскошная женщина».

– Но я мать-одиночка, – сказала она. – А что еще хуже, я совершенно не умею флиртовать. Я при всем желании не смогу нормально покетничать с парнем, даже если Луиза будет стоять у него за спиной с плакатом, где написано, что надо говорить. Всех мужчин, с которыми я встречалась в последние два года, пугало наличие у меня ребенка, или же им нужно было от меня одно...

– Ой нет... – начала мама.

– ...бесплатный совет по бухгалтерской отчетности, – закончила Трина.

И, посмотрев на сестру со стороны, я неожиданно ее пожалела. Она была абсолютно права. Как бы то ни было, судьба поднесла мне прямо на блюде полный набор несомненных преимуществ: собственный дом

и какое-никакое, но будущее, свободное от обязательств. Единственное, что меня останавливало, была я сама. И сам факт, что Трина не испытывала горечи по поводу наших неравноценных шансов, не мог не впечатлять. Я даже обняла ее на прощание. Сестра немного опешила, потом, заподозрив какой-то подвох, на всякий случай проверила, нет ли у нее на спине бумажки с надписью типа «Пни меня!», но затем расслабилась и обняла в ответ.

– Приезжай погостить, – сказала я. – Нет, правда. Поживи у меня. Сходим на танцы. Я знаю один хороший клуб. А мама присмотрит за Томом.

Сестра расхохоталась и, когда я завела мотор, захлопнула дверь машины.

– Ну да. Ты танцуешь? Неужто такое возможно?

Я тронулась с места, а она все еще продолжала хохотать.

Шесть дней спустя я вернулась домой после ночной смены – и попала в ночной клуб в собственной квартире. Пока я поднималась по лестнице, вместо привычной тишины до меня доносились отдаленные раскаты хохота и неритмичное буханье музыки. Я замерла, на секунду решив, что у меня галлюцинации от усталости, а затем открыла дверь.

Прямо с порога мне в носшибанул запах травки, настолько сильный, что я инстинктивно задержала дыхание. Я медленно вошла в тускло освещенную гостиную и превратилась в соляной столб, не силах поверить картине, представшей моим глазам. Лили лежала пластом на диване, короткая юбка задрана чуть ли не до пупа, во рту плохо скрученный косячок. На полу рядом с диваном простерлись два молодых человека, словно айсберги в море бутылок, пустых пакетиков из-под чипсов и одноразовых полистироловых стаканчиков. А еще на полу сидели две девочки того же возраста, что и Лили; одна, с туго затянутыми в хвост волосами, смотрела на меня, удивленно подняв брови, словно собираясь спросить, а что это я здесь, собственно, делаю. Из стереосистемы грохотала музыка. Судя по пустым банкам из-под пива и переполненным пепельницам, ночь была долгой.

– Ой! – преувеличенно громко воскликнула Лили. – При-иве-е-ет!

– Что ты такое творишь?!

– Да мы тут зависали неподалеку и типа пропустили последний автобус, вот я и подумала, что мы можем вполне перекантоваться у тебя. Ты ведь не против, а?

Я была настолько ошарашена, что не сразу обрела дар речи.

– Нет! – отрезала я. – На самом деле возражаю.

– Ой-ей-ей! – зашлась в идиотском смехе Лили.

Я осталась стоять на пороге, бросив сумку на пол. Я оглядела царящий в гостиной бардак:

– Все! Вечеринка окончена! Даю вам пять минут, чтобы за собой прибрать. А потом выметайтесь!

– Господи! Я так и знала. Теперь ты начнешь занудствовать! Я так и знала! – Лили с трагическим видом снова откинулась на подушки.

Ее речь была невнятной, движения заторможены под действием... Чего? Наркотиков? Я продолжала ждать. Короткую, но крайне напряженную секунду парни в упор смотрели на меня, явно оценивая, стоит ли им вставать, или можно и дальше сидеть.

Одна из девиц с шумом втянула в себя воздух.

– Четыре минуты, – отчетливо произнесла я. – Все. Время пошло.

Быть может, мой праведный гнев придал мне властности. Быть может, они только с виду были такие храбрые. Но они медленно, один за другим, поднялись на ноги и проскочили мимо меня в сторону входной двери. Парень, замыкавший шествие, уже в дверях демонстративно поднял руку с банкой пива, а затем швырнул банку на пол, в результате чего пиво растеклось по стене и ковру. Я пинком ноги захлопнула за ними дверь и подняла банку. К тому времени, как я добралась до Лили, меня буквально трясло от гнева.

– Что, черт бы тебя побрал, ты себе позволяешь?!

– Блин! Всего лишь несколько друзей, было бы о чем говорить.

– Лили, это не твоя квартира. И ты не имеешь права, когда вздумается, приводить сюда людей...

И тут меня словно осенило. Я вспомнила странное ощущение непорядка, которое у меня появилось после возвращения домой неделю назад.

– Боже мой, ты уже делала такое раньше, да? На прошлой неделе? Ты приводила сюда гостей и свалила перед моим приходом.

Лили неуклюже поднялась на ноги. Одернула юбку и провела рукой по спутанным волосам. Косметика вокруг глаз размазалась, на шее – то ли кровоподтек, то ли засос.

– Господи! Ну почему ты всегда устраиваешь столько шума из-за ерунды? Просто знакомые ребята. Только и делов.

– В моем доме.

– Это трудно назвать домом, разве нет? Никакой мебели, все совершенно безликое. Нет даже картин на стенах. Не квартира...

а гараж. Гараж без машины. На автозаправках и то иногда бывает уютнее.

– Квартира моя. Как хочу, так и живу. И тебя это не касается.

Лили негромко рыгнула и помахала перед ртом ладошкой.

– Фу! Воняет кебабом. – Она прошлепала на кухню, где, распахнув дверцы всех шкафчиков, только в третьем из них нашла стакан. Налила воды и, сделав большой глоток, продолжила: – И у тебя даже нет нормального телика. Уж не знаю, у кого сейчас можно встретить экран восемнадцать дюймов.

Я принялась подбирать с пола банки и запихивать их в первый попавшийся под руку пластиковый мешок.

– Итак, кто это был?

– Без понятия. Просто люди.

– Ты не знаешь?

– Ну, предположим, друзья, – раздраженно передернула плечами Лили. – Люди, с которыми мы клубимся.

– Так вы познакомились в клубе?

– Угу. Клубимся. Брр! Брр-брр! Мне кажется, ты сейчас специально тупишь. Да. Друзья, которых я встретила в клубе. То, что принято у нормальных людей. Понимаешь? Иметь друзей, с которыми можно пойти развлечься.

Она швырнула стакан в тазик для мытья посуды, где он громко треснул, и, наградив меня уничтожающим взглядом, вышла из кухни.

И у меня неожиданно екнуло сердце. Я ринулась в свою комнату, выдвинула верхний ящик комода и принялась судорожно рыться в белье в поисках ювелирной коробочки с бабушкиной цепочкой и обручальным кольцом. Потом остановилась и сделала глубокий вдох, пытаюсь убедить себя, что все дело в моем паническом состоянии и именно поэтому я не вижу коробочку. Конечно она там. Куда ей деться? Я принялась вынимать вещи из ящика, тщательно проверяя каждую из них, а затем швыряя на кровать.

– Они сюда входили?! – крикнула я.

В дверях спальни появилась Лили.

– Ты о чем?

– Твои друзья. Они входили ко мне в спальню? Где мои драгоценности?

– Драгоценности?

– О нет! О нет! – Я начала выдвигать все ящики подряд, вываливая их содержимое на пол. – Где они? О нет! А где моя наличность для экстренных нужд?! – Я повернулась к Лили. – Кто это был? Как их

зовут? – (Лили сразу притихла.) – Лили!

– Я н-не знаю.

– Как это ты не знаешь? Ты же говорила, они твои друзья.

– Просто... знакомые из клуба. Митч. И... Лиз. Нет, не помню.

Я бросилась к входной двери, вихрем промчалась по коридору и кубарем скатилась по лестнице. Но к тому моменту, как я оказалась у парадной двери, на улице уже, естественно, никого не было. И только поздний автобус, сияя огнями, медленно уплывал по темной дороге в сторону Ватерлоо.

С минуту я просто стояла на пороге, пытаюсь отдышаться. Затем закрыла глаза, чтобы сдержать слезы, а когда до меня дошло, что именно я потеряла, бессильно уронила руки. Бабушкины кольцо и тонкая золотая цепочка с кулоном, которые я помнила с детства. И сейчас я уже знала, что больше никогда их не увижу. В нашей семье было совсем мало вещей, передававшихся по наследству, а теперь и этого не осталось. Я медленно повернулась и устало поплелась наверх.

Когда я открыла дверь в квартиру, Лили ждала меня в прихожей.

– Мне очень жаль, – тихо сказала она. – Я не знала, что они могут украсть твои вещи.

– Уходи, Лили, – бросила я.

– Они казались реально милыми. Мне надо было подумать...

– Я отработала сегодня тринадцать часов. А сейчас я хочу понять, что именно пропало, а потом лечь спать. Твоя мама уже вернулась из отпуска. Так что отправляйся-ка ты лучше к себе домой.

– Но я...

– Нет, с меня довольно. – Я медленно выпрямилась и перевела дух. – Знаешь, в чем разница между тобой и твоим отцом? Даже когда ему было совсем плохо, он никогда не вел себя по-свински.

Она посмотрела на меня так, будто я ударила ее, но мне было наплевать.

– Я сыта по горло, Лили. – Я достала из кошелька двадцатифунтовую банкноту и протянула ей. – Вот. Тебе на такси.

Она посмотрела на деньги, потом – на меня и тяжело сглотнула. Провела рукой по волосам и понуро прошла в гостиную.

Сняв куртку, я посмотрелась в зеркало над комодом. Вид у меня был – краше в гроб кладут. Бледная, измученная и разбитая.

– И оставь ключи! – крикнула я.

В квартире стало очень тихо. Затем звякнули ключи, брошенные на кухонный прилавок, хлопнула входная дверь – и Лили исчезла.

Глава 16

Уилл, я все испортила.

Я задумчиво поджала коленки к груди. И попыталась представить, что сказал бы Уилл, если бы увидел меня сейчас, но я больше не слышала его голоса у себя в голове, и от этого мне стало совсем грустно.

Что мне теперь делать?

Я поняла, что больше не могу оставаться в квартире. Мне вдруг показалось, будто она насквозь пропиталась моими проблемами. Поощрительный приз, который я профукала. Хотя разве можно было считать своим домом квартиру, которая досталась тебе несправедливым путем? Пожалуй, стоит ее продать и вложить деньги во что-нибудь другое. Но тогда где мне жить?

Я подумала о своей работе, о рефлексорных спазмах в животе при звуках кельтской свирели даже по телевизору, о Ричарде, с его особым даром заставить меня почувствовать собственную никчемность.

Я подумала о Лили, отметив про себя, как ужасно давит тишина, когда ты знаешь, что в доме, кроме тебя, никого нет и не будет. Интересно, где она сейчас? Но об этом лучше не вспоминать.

Дождь постепенно шел на убыль, ослабевая чуть ли не сконфуженно, словно погода не могла толком понять, что на нее вдруг нашло. Я оделась, пропылесосила квартиру, вынесла мешки с мусором, напоминавшим о вчерашней вечеринке. И отправилась на цветочный рынок, в основном затем, чтобы было чем заняться. *Всегда полезно лишний раз выбраться из дому*, говорил Марк. Я решила окунуться в веселую суету Коламбия-роуд, с ее яркими цветочными лотками и толпами покупателей. Я нацепила на лицо улыбку, не на шутку напугав тем самым Самира, когда покупала у него яблоко («Черт, ты что, обкурилась?»), и нырнула в море цветов.

Я заказала себе кофе в маленькой кофейне, села за столик и принялась наблюдать за бурлящей жизнью рынка сквозь запотевшую витрину, старательно игнорируя тот факт, что я здесь единственный одинокий посетитель. Затем прогулялась по мокрому рынку, вдыхая терпкие, пьянящие ароматы лилий, любуясь бутонами пионов и роз, украшенными стеклянными бусинками дождя, и в результате купила букет георгинов, и при этом меня не покидало ощущение, будто я играю какую-то чужую роль. Я стала фигурой с рекламы: *одинокая городская девушка в погоне*

за лондонской мечтой.

И я пошла домой, бережно держа в руке георгины и по возможности стараясь не хромать, и все это время у меня в голове звучал назойливый голос: *Ой, и кого ты этим хочешь обмануть?*

Унылый вечер тянулся до бесконечности, так же как и часы одиночества. Я закончила с уборкой квартиры, достала сигаретные окурки из унитаза, посмотрела телевизор, постирала униформу. Налила себе ванну с душистой пеной, но уже через пять минут вылезла оттуда, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. Я не могла позвонить сестре или маме, так как знала, что с ними этот номер не пройдет, а потому не имело смысла притворяться счастливой.

В результате я залезла в прикроватную тумбочку и вытащила письмо Уилла, которое получила после его смерти в Париже, куда приехала полная надежд начать новую жизнь. Я бережно разгладила затертые складки бумаги, затем аккуратно, точно драгоценный пергамент, развернула письмо. В свое время, особенно в первый год, я каждый вечер перечитывала послание Уилла, словно пытаюсь представить, что он рядом со мной. Правда, в последнее время я дала себе зарок лишний раз не перечитывать письмо, чтобы оно не утратило своей магической силы, а слова не потеряли смысла. Но сейчас я как никогда остро в них нуждалась.

Компьютерный текст, но для меня такой же дорогой, как если бы он был написан собственной рукой Уилла; эти распечатанные на лазерном принтере строки хранили остаточные следы его энергии.

*Поначалу тебе будет не по себе в изменившемся мире.
Покидать уютное гнездышко всегда непривычно... В тебе
живет голод, Кларк. Бесстрашие. Просто ты похоронила его,
как и большинство людей.*

Просто живи хорошо. Просто живи.

Я в тысячный раз перечитала слова мужчины, который однажды поверил в меня, и зарыдала, уткнув голову в колени.

Телефонный звонок, слишком близко, прямо над ухом, и я мгновенно проснулась. Дрожащей рукой взяла трубку, машинально отметив время. Два часа ночи. И сразу же знакомый рефлекторный страх.

— Лили?

– Что? Лу, это ты? – донесся до меня знакомый густой голос Натана.
– Натан, сейчас два часа ночи.
– Вот черт! Постоянно забываю о разнице во времени. Прости. Ну что, может, перезвонить тебе потом?

Сев на кровати, я устало потерла лицо.

– Нет-нет... Я... очень рада слышать тебя. – Я включила лампу на прикроватной тумбочке. – Как поживаешь?

– Хорошо! Я опять в Нью-Йорке.

– Здорово!

– Ага. Было здорово повидать стариков и все такое, но через пару недель мне уже не терпелось вернуться в Нью-Йорк. Это не город, а эпическая поэма.

Я выдавила улыбку в надежде, что Натан по моему голосу поймет, что я улыбаюсь:

– Натан, это просто здорово. Я очень за тебя рада.

– А ты все еще довольна работой в своем баре?

– Да, вроде все нормально.

– А не хочешь... попробовать что-нибудь другое?

– Ну, ты ведь знаешь, когда дела совсем плохи, то начинаешь себе говорить: «Все могло бы быть гораздо хуже. Я могла бы работать кем-то, кому приходится убирать урны для собачьих какашек». Что ж, прямо сейчас я, скорее, согласилась бы убирать собачьи какашки.

– Тогда у меня есть к тебе предложение.

– Натан, я постоянно получаю от посетителей самые разные предложения. И я всегда отвечаю «нет».

– Ха-ха! Смешно. Тут открывается интересная вакансия. Работа на семью, у которой я живу. И я сразу подумал о тебе.

Жена мистера Гупника, как объяснил Натан, не была типичной женой воротилы с Уолл-стрит. Она не любила «шопинг и все эти ланчи». Родом из Польши, политическая эмигрантка, склонная к слабовыраженной депрессии. Ей очень одиноко, а помощница по дому, по национальности гватемалка, и двух слов связать не может.

Поэтому мистер Гупник хотел бы найти заслуживающего доверия человека, который мог бы составить компанию его жене в течение дня, помогал бы ей с детьми и им обоим во время путешествий.

– Ему нужна для семьи молодая помощница. Надежная и жизнерадостная. И которая не станет трепаться об их личной жизни.

– А он знает о...

– Я при первой встрече рассказал ему об Уилле, но мистер Гупник уже

успел выяснить мою подноготную. И его эта история не остановила. Даже наоборот. Он сказал, его здорово впечатлило, что мы выполняли желания Уилла и никогда не продавали свои истории о нем. – Натан сделал паузу. – Я, кажется, что-то понял. Лу, люди такого уровня больше всего ценят надежность и благоразумие. Нет, конечно, очень важно не быть идиотом и хорошо делать свою работу. И все же главное – это личная преданность.

В моей голове тотчас же закружились в темпе вальса радужные мысли. Я даже поднесла телефон к глазам, но потом снова прижала его к уху.

– Неужели... я все еще сплю?

– Но это далеко не увеселительная прогулка. Много работы, длинный день. Но вот что я тебе, подруга, скажу. Я еще никогда так хорошо не проводил время.

Я нервно взъерошила волосы. Вспомнила о баре с его вечно недовольными посетителями и постоянно цепляющимся ко мне Ричардом. Вспомнила об этой квартире, в стенах которой я задыхалась.

– Ну не знаю. Это... Я имею в виду, все это кажется...

– Лу, это грин-карта. – Натан понизил голос. – Это твое проживание на полном пансионе. Это Нью-Йорк. Послушай. Он человек, решающий вопросы. Работай не жалея сил, и он позаботится о тебе. Он умный, он справедливый. Давай приезжай сюда. Покажи ему, на что ты способна, и перед тобой откроются такие перспективы, о которых ты и не смела мечтать. Я серьезно. Не думай об этом как о работе няней. Думай об этом как о воротах в большой мир.

– Нет, я правда не знаю...

– Что, не хочешь оставлять своего бойфренда?

Я замялась:

– Нет. Но тут столько всего произошло. Я не была... – Ох, всего и не объяснишь. Слишком много для двух часов ночи.

– Я знаю, для тебя это было большим ударом. Да и для всех нас тоже. Но ты должна двигаться дальше.

– Только не вздумай говорить, что Уилл хотел бы именно этого.

– Хорошо. – Натан наверняка про себя произнес то, что я боялась услышать.

Я попыталась собраться с мыслями:

– А мне придется приезжать в Нью-Йорк на интервью?

– Лето они обычно проводят в Хэмптонсе. Поэтому они ищут человека, готового приступить к работе в сентябре. В принципе, у тебя еще шесть недель. Если предложение мистера Гупника тебя заинтересует, он возьмет у тебя интервью по скайпу, разберется с нужными тебе

бумагами – и можно начинать, – сказал Натан и менее уверенно добавил: – Правда, будут и другие претенденты. Слишком уж хорошая вакансия. Но он мне доверяет. Если я замолвлю за кого-нибудь словечко, считай, он почти что принят. Ну что, мне вводить тебя в игру? Да? Значит, да?

Я ответила, толком не успев подумать:

– Угу... да. Да.

– Здорово! Если будут вопросы, отправь мне имейл. А я пришлю тебе фотки.

– Натан?

– Лу, ну все. Надо бежать. Старик меня уже вызывает.

– Спасибо. Спасибо, что вспомнил обо мне.

Натан немного помолчал и сказал:

– Мне ни с кем так не хочется поработать на пару, как с тобой, подруга.

После его звонка мне уже было не уснуть. Я лежала, глядя в темный потолок и гадая, а не приснился ли мне, случайно, разговор с Натаном, а мозг, взбудораженный грандиозностью открывающихся перспектив, если это все же не сон, буквально кипел. В четыре часа я встала, отправила Натану по имейлу кучу вопросов и тотчас же получила ответ.

Семья нормальная. Богатые никогда не бывают нормальными (!), но эти – хорошие люди. Минимум трагедий.

У тебя будет собственная комната с ванной. Кухню мы будем делить с экономкой. Она вполне ничего. Чуть старше нас.

В чужие дела не лезет.

Часы работы регламентированы. Восемь – в худшем случае десять – часов в день. В качестве компенсации получишь отгул. Возможно, тебе захочется выучить польский!

Заснула я уже на рассвете, мне снились манхэттенские дуплексы и оживленные улицы. А когда я проснулась, меня уже ждал имейл.

Дорогая мисс Кларк!

Натан сказал, что вас может заинтересовать предложение поработать у нас дома. Не могли бы мы провести интервью по скайпу в четверг вечером в 20:00 по Гринвичу (15:00 по стандартному восточному времени)?

Искренне ваш,

Леонард М. Гупник.

Добрых двадцать минут я сидела, уставившись на письмо – наглядное свидетельство тому, что мне это все не приснилось. Потом встала, приняла душ, налила себе кружку крепкого кофе и набрала ответ. Не будет никакого вреда, если я соглашусь на интервью, сказала я себе. Все равно при наличии кучи высокопрофессиональных кандидатов из Нью-Йорка эта работа мне не светит. Но попытка не пытка. И помимо всего прочего, очень полезный опыт. По крайней мере, я смогу считать, что не сижу сложа руки, а двигаюсь вперед.

Прежде чем уйти на работу, я осторожно взяла письмо Уилла с прикроватной тумбочки. Прижалась к бумаге губами, затем аккуратно сложила и снова убрала в ящик.

Спасибо тебе, мысленно поблагодарила я Уилла.

На этой неделе наша группа психологической поддержки присутствовала в несколько урезанном составе. Наташа уехала отдыхать, так же как и Джейк. Последнее меня порадовало, но одновременно и чуть-чуть расстроило, чего я решительно не могла понять. Темой нашей сегодняшней встречи было «Если бы я мог повернуть время вспять», поэтому Уильям с Сунилом на радостях битых полтора часа мурлыкали и насвистывали разные вариации песни Шер.

Я слушала, как Фред жалеет, что проводил слишком много времени на работе, а Сунил сетовал на то, что не успел по-настоящему сблизиться со своим братом («Ведь всем кажется, что их родные вечно будут рядом, да? Но неожиданно оглянешься, а их уже нет»), и у меня невольно возник вопрос: стоило ли вообще приходить сюда сегодня?

Пару раз в моей душе затеплилась надежда, что группа способна реально помочь. Однако по большей части мне казалось, что наши встречи – пустая трата времени, когда абсолютно чужие люди за неимением другой компании часами жалуются на жизнь. Наверное, я просто не в том настроении, решила я. Не было ни сострадания, ни ощущения родства душ. Я чувствовала себя усталой и раздраженной, от сидения на неудобном пластиковом стуле жутко разболелось бедро, и я решила, что пользы для моего психического здоровья от этих встреч не больше, чем от просмотра сериала «Жители Ист-Энда» по телику. Плюс печенье действительно оказалось отвратным.

Линн, мать-одиночка, поведала нам, как поссорилась из-за пары спортивных штанов со своей старшей сестрой за два дня до ее смерти.

– Я обвинила ее в том, что она взяла мои штаны, так как она вечно таскала у меня вещи. А она, как обычно, заявила, что я ошибаюсь. – (Марк

терпеливо ждал, а я думала о том, что неплохо было бы принять обезболивающее.) – А потом ее сбил автобус, и все было кончено. Я увидела ее снова уже в морге. И когда я стала рыться в шкафу в поисках темной одежды для похорон, угадайте, что я там нашла?

– Штаны от спортивного костюма, – подал реплику Фред.

– Очень тяжело, когда остаются нерешенные проблемы, – произнес Марк. – Мне кажется, чтобы не травмировать собственную психику, иногда полезнее смотреть на вещи шире.

– Ну да. Можно любить кого-то и в то же время обматерить его, если он взял твои спортивные штаны, – философски заметил Уильям.

Сегодня мне не хотелось говорить. Ведь я пришла сюда исключительно ради того, чтобы не сидеть в одиночестве в угнетающей тишине своей квартиры. Но если так и дальше пойдет, то я вполне могу стать одной из тех неадекватных особ, которые настолько нуждаются в общении, что начинают заговаривать с попутчиками в поезде или по десять минут выбирают какую-нибудь ерунду в ближайшем магазинчике и еще дольше расплачиваются за сделанную покупку. Я настолько углубилась в размышления о том, не является ли символичным то, что я совсем недавно обсуждала с Самиром из уголовного магазина достоинства своего банджа, что пропустила мимо ушей слова Дафны о том, как бы ей хотелось прийти в тот день с работы на час раньше, и не сразу обнаружила, что Дафна сидит рядом со мной, вся в слезах.

– Дафна?

– Простите, ради бога. Это самое «если бы» не выходит у меня из головы. Если бы я не остановилась поболтать с дамой из цветочного киоска. Если бы я не провозилась с дурацким grossбухом и пришла бы с работы пораньше. Если бы я вернулась вовремя, быть может, сумела бы его уговорить не делать того, что он сделал. Быть может, я смогла бы доказать ему, что жизнь – хорошая штука.

Марк передал мне коробку с бумажными салфетками, и я осторожно положила ее Дафне на колени.

– Дафна, а твой муж прежде пытался свести счеты с жизнью?

Она кивнула и громко высморкалась.

– Несколько раз. У него с юных лет отмечались приступы «хандры», как мы это называли. И когда такое случалось, я старалась не оставлять его одного, потому что мне начинало казаться, будто он меня не слышит. И не имело абсолютно никакого значения, что я говорила. Поэтому я часто сказывалась больной и оставалась с ним дома, чтобы хоть чуть-чуть развлечь его. Понимаете? Делала его любимые сэндвичи. Сидела рядом

с ним на диване. Конечно, ничего такого особенного. Но я пыталась показать ему, что я с ним. Наверное, именно поэтому я, в отличие от других девушек, так и не получила повышения на работе. Видите ли, мне постоянно приходилось отпрашиваться.

– Депрессия – крайне тяжелая вещь. И не только для того, кто ею страдает.

– А он принимал лекарства?

– Ох нет. Депрессия у него была... другой природы. Биохимия... тут ни при чем.

– А ты уверена? Я хочу сказать, что депрессия не всегда поддается диагностике.

Минуту-другую Дафна сидела, отрешенно уставившись в пол, а затем резко вскинула голову:

– Он был гомосексуалистом. – Дафна, слегка покрасневшая, смотрела на нас в упор, словно предостерегая от лишних комментариев. Она произнесла это слово отчетливо и по слогам. – Я никому об этом не рассказывала. Но он действительно был гомосексуалистом. Отсюда и его депрессия. Но он был таким хорошим человеком и не хотел причинять мне боль. Поэтому он и не пытался... устраивать свои дела на стороне. Наверное, боялся, что я буду его стыдиться.

– Дафна, а с чего ты взяла, что он был геем?

– Нашла кое-какие вещи. Однажды, когда искала его галстук. Эти самые журналы. Где мужчины занимаются любовью с мужчинами. В нижнем ящике. Вряд ли нормальный мужчина стал бы держать подобные журналы.

Фред слегка напрягся.

– Конечно нет, – сказал он.

– Я никогда не упоминала об этих журналах, – продолжила Дафна. – Просто засунула их обратно туда, где они лежали. С тех пор все сразу встало на место. Он никогда не был особо охоч до секса. Но я считала, что мне повезло. Понимаете? Потому что я тоже не охотница до этого дела. Наверное, виноваты монахини. После их нравоучений только при одной мысли о сексе ты сразу чувствовала себя грязной. Поэтому, выйдя замуж за славного человека, который не пытался чуть что затащить меня в постель, я решила, будто я счастливейшая женщина на свете. Конечно, я не отказалась бы обзавестись ребятишками... Это было бы чудесно. Но... – вздохнула Дафна, – мы никогда особо не говорили о таких вещах. В наши дни это было как-то не принято. А сейчас... я жалею, что мы этого не сделали. Оглядываясь назад, я думаю: какая напрасная трата времени.

– Так ты считаешь, если бы вы тогда поговорили по душам, то что-нибудь изменилось бы?

– Ну, теперь совсем другие времена, разве нет? Сейчас нормально быть гомосексуалистом. Мой знакомый из химчистки гомосексуалист, и он такой милый человек. Да, мне наверняка было бы больно расстаться с мужем, но если он страдал из-за того, что чувствовал себя загнанным в угол, тогда... я бы отпустила его. Непременно. Я никогда не хотела никого загонять в угол. Мне просто хотелось, чтобы он стал немножко счастливее.

Лицо Дафны сморщилось, и я поспешила ее обнять. Волосы у нее пахли лаком и тушеной бараниной.

– Ну будет, будет тебе, старушка. – Фред неловко потрепал Дафну по плечу. – Уверен, он знал, что ты всегда желала ему только добра.

– Фред, ты действительно так думаешь? – Голос Дафны дрожал.

Фред уверенно кивнул:

– Да. И ты совершенно права. Тогда все было иначе. Тебе не в чем себя винить.

– Дафна, это очень мужественно с твоей стороны поделиться с нами своей историей. Спасибо, – сочувственно улыбнулся Марк. – И я искренне восхищаюсь твоей способностью взять себя в руки и двигаться дальше. Иногда, чтобы просто пережить очередной день, нужно приложить нечеловеческие усилия.

Когда я опустила глаза, то обнаружила, что Дафна взяла меня за руку. Ее пухлые пальцы переплелись с моими. Я ответила ей нежным пожатием. И, даже не успев толком подумать, я начала говорить:

– Я тоже сделала нечто такое, что хотела бы изменить. – (И все тотчас же подняли на меня глаза.) – Я познакомилась с дочерью Уилла. Она возникла словно из ниоткуда, и я решила, что это поможет мне примириться с его смертью, но в результате я чувствую себя так, будто...

Все дружно уставились на меня. Фред сделал удивленное лицо.

– Что?!

– А кто такой Уилл? – спросил Фред.

– Ты вроде говорила, что его зовут Билл.

И я даже слегка обмякла на своем жестком стуле.

– Уилл и есть Билл. Просто раньше мне не хотелось произносить его имя вслух.

По залу пробежал тихий ропот.

Дафна хлопала меня по руке:

– Не волнуйся, дорогая. Это ведь просто имя. В предыдущей группе

у нас была женщина, которая вообще все придумала. Она говорила, будто ее ребенок умер от лейкемии. А оказалось, что у нее дома даже золотой рыбки никогда не было.

– Все нормально, Луиза. Ты можешь с нами об этом поговорить.

Марк наградил меня своим особым выразительным взглядом. Я ответила ему сдержанной улыбкой, дав понять, что его посыл принят. И что Уилл не был золотой рыбкой. *Какого черта!* – подумала я. Моя жизнь запутана не больше, чем у других.

И тогда я им все рассказала. Рассказала о появлении Лили и о том, что я рассчитывала найти с ней контакт и способствовать воссоединению семьи, которое бы всех осчастливило, и как меня расстроила собственная наивность.

– У меня такое чувство, будто я подвела Уилла. Всех подвела. В очередной раз, – призналась я. – А теперь Лили ушла, и я не устаю спрашивать себя, что можно было бы сделать по-другому, но, в сущности, просто боюсь посмотреть правде в глаза. Ведь у меня не хватило ни силы духа, ни смелости взять все под контроль и как-то исправить.

– Но твои вещи! Они ведь украли твои драгоценности! – Дафна накрыла мою руку своей мягкой влажной ладошкой. – Ты имела полное право рассердиться.

– То, что у нее не было отца, еще не дает ей права вести себя как последняя сучка, – сказал Сунил.

– Ну, вообще-то, с твоей стороны было уже очень мило пустить ее пожить. Я бы не рискнула, – заметила Дафна.

– Луиза, а как, по-твоему, поступил бы на твоем месте ее отец? – Марк налил себе очередную чашку кофе, и я вдруг пожалела, что у нас нет ничего покрепче.

– Не знаю, – ответила я. – Но у него был дар брать все под свой контроль. И это притом что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он бы нашел способ заставить ее перестать валять дурака. Так или иначе, он сумел бы привести ее в чувство.

– А ты, часом, не идеализируешь его? – засомневался Фред. – На восьмой неделе занятий мы все занимаемся идеализацией. Ведь я тоже делаю из Джилли чуть ли не святую. Правда, Марк? И я забыл, что в душе она вечно вешала свои чулки на кронштейн для занавески, чем доводила меня до бешенства.

– Возможно, отец твоей Лили не смог бы ей ничем помочь. Откуда тебе знать. Возможно, они вообще не переносили бы друг друга.

– Судя по всему, у этой юной леди очень непростой характер, –

произнес Марк. – И мне кажется, ты дала ей столько шансов, сколько смогла. Но, Луиза... иногда двигаться дальше означает в том числе и то, что мы должны себя как-то защищать. И быть может, подсознательно ты это поняла. Если Лили вносит в твою жизнь хаос и негатив, то в данный момент ты, возможно, приняла единственно верное решение.

– О да. – Все члены нашей группы дружно закивали. – Не казни себя. Ты ведь живой человек.

Они были такими милыми и так сочувственно мне улыбались, явно желая меня подбодрить.

И я им почти поверила.

Во вторник я предупредила Веру, что отлучусь на десять минут, туманно намекнув на женские проблемы, и она кивнула, словно желая дать мне понять, что женская жизнь – это одни сплошные проблемы, и пробормотала, что после непременно расскажет мне о своих фибромах. И вот, прихватив с собой ноутбук, я поспешила в женский туалет – единственное место, где Ричард не мог меня достать. Набросила поверх униформы блузку, положила ноутбук возле раковин и подключилась к бесплатному в течение тридцати минут аэропортовскому Интернету, усевшись прямо напротив экрана. Звонок скайпа мистера Гупника раздался ровно в пять часов, когда я только-только успела стащить с головы кудрявый парик ирландской танцовщицы.

И хотя я видела лишь пиксельное изображение лица Леонарда Гупника, я могла смело сказать, что он богат. Великолепно постриженные волосы цвета перца с солью. Даже на моем маленьком экране мистер Гупник выглядел очень властным, и говорил он, не тратя лишних слов. Ну а кроме всего, у него за спиной на стене висели в золоченых рамах картины старых мастеров.

Он не стал спрашивать о моих школьных оценках, квалификации или резюме и почему я стою на фоне сушилки для рук. Он проглядел какие-то бумаги, а затем поинтересовался, в каких я отношениях с Трейнорами.

– В хороших! Не сомневаюсь, они дадут мне рекомендации. В любом случае я с ними вскоре увижусь. Мы отлично ладим, несмотря на прискорбные обстоятельства...

– Окончания вашей службы у них. – У него был низкий голос уверенного в себе человека. – Да, Натан рассказал мне о той ситуации. Оказаться впутанной в такую историю – вещь не слишком приятная.

– Да, вы правы, – замаявшись, ответила я. – Но я горжусь, что была частью жизни Уилла.

Он явно взял себе на заметку мои слова.

– А чем вы занимались после того?

– Хм, немного путешествовала, в основном по Европе, что оказалось... познавательно. Путешествовать всегда хорошо. И открывает перед тобой перспективы. Очевидно. – Я попыталась улыбнуться. – А сейчас я работаю в аэропорту, но реально это не то... – Не успела я закончить фразу, как дверь отворилась и в туалет вошла женщина с чемоданом на колесиках. Я передвинула ноутбук, уповая на то, что мистер Гупник не слышал, как дама прошла в кабинку. – Словом, это не то, чем бы я хотела заниматься на долгосрочной основе.

Умоляю, не надо так громко писать! – мысленно обратилась я к женщине.

Мистер Гупник задал мне несколько вопросов о моих текущих обязанностях и размере зарплаты. Я изо всех сил старалась не замечать звука спускаемой воды и смотрела прямо перед собой, полностью игнорируя вышедшую из кабинки даму.

– А что вы хотите... – начал мистер Гупник, но дама тем временем протиснулась мимо меня к сушилке для рук, которая ужасающе загудела прямо над ухом. Мистер Гупник нахмурился.

– Мистер Гупник, пожалуйста, подождите секундочку. – Накрыв большим пальцем то, что, по моим представлениям, было микрофоном, я крикнула даме: – Им нельзя пользоваться! Он... сломан.

Она повернулась ко мне, стряхивая воду с идеально наманикюренных рук, а затем снова включила сушилку.

– А вот и нет. Где тогда табличка «Не работает»?

– Перегорел. Внезапно. Это очень-очень опасно.

Она подозрительно покосилась на меня, затем – на сушилку для рук и вышла, волоча за собой чемодан. Я подперла дверь стулом, чтобы в туалет не входили посторонние, и снова села перед экраном ноутбука.

– Извините. Просто рабочий момент, и это немножко...

Он снова углубился в изучение бумаг:

– Натан говорил, что с вами недавно произошел несчастный случай.

Я нервно сглотнула:

– Да. Но сейчас мне намного лучше. Я уже практически здорова. Все отлично, за исключением разве что легкой хромоты.

– Что ж, такое случается и с лучшими из нас, – заметил он с тонкой улыбкой, и я улыбнулась в ответ.

Кто-то пытался войти в туалет, и я снова передвинулась, навалившись на дверь всем телом.

– Итак, что же было для вас самым тяжелым? – поинтересовался мистер Гупник.

– Простите?

– В работе на Уилла Трейнора. Похоже, это было испытанием не для слабонервных.

Я замялась. В комнате неожиданно стало очень тихо.

– Отпустить его, – наконец ответила я и почувствовала, что у меня на глаза навернулись слезы.

Леонард Гупник, находящийся за несколько тысяч миль отсюда, наградил меня испытующим взглядом. Я с трудом поборолла желание вытереть глаза.

– Мой секретарь свяжется с вами, мисс Кларк. Спасибо за то, что уделите мне время.

Потом он едва заметно кивнул, его лицо застыло, и картинка исчезла, а я тупо таращилась на темный экран, с горечью осознавая, что в очередной раз провалилась.

Возвращаясь в тот вечер домой, я решила не думать об интервью. Вместо этого я, как мантру, повторяла слова Марка. Затем я мысленно составила список прегрешений Лили: незваные гости, кража, наркотики, гулянки до утра, мои вещи, взятые без спросу, и посмотрела на все это через призму того, о чем мы говорили на собраниях нашей группы. Лили несла хаос и разрушение, она только брала и ничего не давала взамен. И я вовсе не обязана отвечать за нее только потому, что она еще совсем юная и связана с Уиллом кровными узами.

И мне сразу полегчало. Реально полегчало. И я вспомнила, что Марк всегда говорил: дорога из царства скорби никогда не бывает прямой. Будут хорошие дни, будут плохие дни. Сегодня просто был плохой день, изгиб той самой дороги, который надо пройти и постараться не заблудиться.

Я вошла в квартиру, бросила сумку и внезапно почувствовала себя способной получать удовольствие от маленьких радостей жизни. Ладно, сделаю небольшую передышку, а потом свяжусь с Лили и позабочусь о том, чтобы упорядочить ее визиты. А сейчас надо сконцентрироваться на поиске новой работы. Пора и о себе подумать. Пора исцелиться. Но на этом пункте мне пришлось остановиться, поскольку я, к своему беспокойству, поняла, что начинаю мыслить совсем как Таня Хотон-Миллер.

Я бросила взгляд в сторону пожарной лестницы. Первым шагом на пути к исцелению будет подняться на эту дурацкую крышу. Я залезу туда без посторонней помощи, и никаких приступов паники, посижу там

полчаса, подышу свежим воздухом и навсегда покончу со страхами, связанными с этой частью моего дома.

Я сняла свою униформу, надела шорты и – для уверенности – тонкий кашемировый джемпер Уилла, приятно ласкающий кожу; я взяла этот джемпер из дома Уилла после его смерти. Я прошла по коридору и распахнула окно. Всего два коротких пролета железной лестницы – и я там.

– Ничего не случится, – громко произнесла я, сделав глубокий вдох.

Когда я оказалась на лестнице, ноги вдруг сделались до странного ватными, но я твердо сказала себе, что это мне только кажется; просто отголоски прежнего волнения. Если я сейчас преодолею себя, то преодолею и все остальное. И я услышала голос Уилла.

Давай, Кларк. Шаг за шагом.

Крепко ухватившись обеими руками за перила, я начала подниматься на крышу. Вниз я не смотрела. И не позволяла себе думать о том, на какой высоте нахожусь, хотя легкий ветерок нашептывал мне, что в прошлый раз моя авантюра закончилась плохо и что бедро до сих пор болит. А потом я вспомнила о Сэме, и вспыхнувшая ярость сразу придала мне сил. Мне не в чем себя винить. И нет причин переживать. Я не должна быть жертвой, человеком, с которым вечно что-то происходит.

И вот так, уговаривая себя, я на дрожащих ногах преодолела второй пролет лестницы. Затем, испугавшись, что ноги вот-вот мне откажут, я неуклюже перевалилась через низкую стенку и приземлилась на четвереньки. Я была липкой от пота и чувствовала противную слабость. Поэтому так и осталась стоять на четвереньках с закрытыми глазами, пытаюсь осознать тот факт, что я на крыше. Я справилась. А теперь просто посижу немножко, чтобы прийти в норму. Я контролирую ситуацию. Я хозяйка своей судьбы.

И вот я медленно села на пятки, для надежности упершись рукой в стену, и вдохнула полной грудью ночной воздух. Мне понравилось. Ничего подо мной не качалось. Я была в безопасности. Я сделала это! А затем я открыла глаза – и у меня перехватило дыхание.

На крыше царило буйство красок. В горшках с некогда загубленными мною растениями распустились алые и пурпурные цветы, фонтаном ярких брызг переливающиеся через края. Два новых кашпо были окутаны облаком крошечных голубых лепестков, а рядом со скамьей стоял расписной горшок с японским кленом, его листья слегка трепетали на ветру.

В солнечном углу у южной стены, рядом с баком для воды,

в специальных ящиках для рассады крошечные помидорчики черри свешивали красные головки с длинных стеблей, а внизу, на подложке из кудрявых зеленых листьев, лежали томаты другого сорта. Я медленно пошла вперед, вдыхая аромат жасмина, но остановилась и тяжело опустилась на железную скамью, почувствовав под собой старую подушку из моей гостиной.

Не веря своим глазам, я смотрела на оазис спокойствия и красоты, каким-то чудом возникший на моей унылой крыше. Вспомнила, как Лили, отломав засохшую ветку в горшке, на полном серьезе заявила, что так загубить растения – настоящее преступление с моей стороны, а еще как она сразу определила сорт роз в саду миссис Трейнор: «Дэвид Остин». Потом я вспомнила комья грязи непонятного происхождения в своем коридоре.

И в отчаянии закрыла лицо руками.

Глава 17

Я отправила Лили два сообщения. В первом я благодарила ее за то, что она преобразила мою крышу.

Красота неземная. Жаль, что ты мне ничего не сказала.

На следующий день я написала ей, что сожалею о возникших между нами сложностях и готова ответить на все ее вопросы об Уилле, если ей захочется о нем поговорить. Я добавила, что, по-моему, ей не мешало бы навестить мистера Трейнора и поздравить его с рождением ребенка, так как очень важно не терять связи со своей семьей.

Она не ответила, чему я не слишком удивилась.

В следующие два дня я, к своему изумлению, поняла, что меня постоянно тянет подняться на крышу. В порыве раскаяния я полила растения, пытаясь заглушить чувство вины. Я бродила по садику, представляя, как Лили, пока я была на работе, втаскивала по пожарной лестнице мешки с компостом и керамические горшки. Но всякий раз, вспоминая о нашем совместном житье, я снова возвращалась на круги своя. Ну что я могла сделать? Лили, с ее непредсказуемостью и неуправляемостью, была для меня как стихийное бедствие. И я не могла заставить Трейноров оказать ей именно тот прием, которого она от них ждала. Я не могла сделать ее чуть счастливее. А единственного человека, который был способен это сделать, не было в живых.

Неподалеку от моего дома стоял припаркованный мотоцикл. Я закрыла машину и, как всегда совершенно разбитая после очередной смены, захромала через дорогу купить себе молока. На улице моросило, и я низко наклонила голову, спрятав лицо от дождя, а когда подняла наконец глаза и увидела у своего подъезда знакомую униформу, у меня предательски екнуло сердце.

Подойдя к своему подъезду, я стала рыться в сумочке в поисках ключей. Ну почему, почему пальцы от волнения вечно превращаются в сардельки?

– Луиза...

Ключи упорно отказывались обнаруживать свое присутствие. Я еще раз порылась в сумке, отчаянно ругаясь и роняя расческу, обрывки

бумажного платка, мелочь, полученную на сдачу. Похлопала себя по карманам в попытке определить местонахождение ключей.

– Луиза...

А затем сосущее чувство под ложечкой напомнило мне, где я их оставила: в кармане джинсов, которые сняла, переодеваясь на работу. Здорово!

– Ты что, серьезно решила меня игнорировать? Значит, вот так, да?

Я тяжело вздохнула и повернулась к нему, слегка расправив плечи.

– Сэм...

Он тоже выглядел усталым, на подбородке небритая щетина. Должно быть, приехал после дежурства. Хотя мне-то какое дело? И я постаралась на него не смотреть.

– Мы можем поговорить?

– Нам не о чем с тобой говорить.

– Так уж и не о чем?

– Мне все ясно. О'кей? И я вообще не понимаю, зачем ты здесь.

– Я здесь, так как только что закончил дежурство, высадил Донну и решил, что неплохо было бы с тобой повидаться и выяснить, что, черт возьми, происходит! Потому что я, черт возьми, теряюсь в догадках!

– Правда?

– Да, правда.

Мы обменялись сердитыми взглядами. И где были мои глаза? Как я могла не замечать, какой он несносный? Какой противный? И как так вышло, что меня ослепила страсть к мужчине, против которого буквально восстает все мое естество? Я предприняла очередную безнадежную попытку отыскать ключи и с трудом подавила желание хорошенько пнуть дверь.

– Итак... может, все-таки объяснишь, в чем дело? Луиза, я устал, и мне сейчас неохота играть во всякие игры.

– Это тебе-то неохота играть во всякие игры?! – рассмеялась я горьким смехом.

Он закусил губу:

– Ну ладно. Последний вопрос. Последний вопрос, и я ухожу. Я только хочу знать, почему ты не отвечаешь на мои звонки.

Я не верила своим ушам.

– Да потому, что я, быть может, и такая, и сякая, но во всяком случае не полная идиотка. Хотя и вела себя по-идиотски. Ведь я видела сигналы опасности, но предпочла не обращать внимания. Но, вообще-то, я не отвечала на твои звонки, потому что ты хрен моржовый. Понятно?

Наклонившись, чтобы поднять лежавшие на земле вещи, я вдруг почувствовала, как все тело буквально горит огнем, словно мой внутренний терморегулятор внезапно вышел из строя. Я выпрямилась и застегнула сумку.

– О, ты у нас еще тот фрукт! Хорош гусь, нечего сказать. И если бы не унижительность всей этой ситуации, ты наверняка произвел бы на меня впечатление. *Посмотрите на Сэма, хорошего папочку. Он такой заботливый, такой чуткий.* А что на самом деле? Ты так торопишься перетрахать половину Лондона, что даже некогда остановиться и оглянуться. Тебе невдомек, что твой сын чувствует себя несчастным!

– Мой сын?

– Да! Потому что он, видишь ли, нам обо всем рассказывает! Я имею в виду, нам нельзя обсуждать с посторонними, что происходит на наших занятиях. А ведь Джейк еще подросток и в силу этого не станет делиться с тобой своими переживаниями. Джейк страдает не только из-за смерти матери, но в том числе и потому, что ты, пытаясь притупить свое горе, трахаешь все, что шевелится!

Я уже перешла на крик, давась словами и размахивая руками. Самир из углового магазина подошел к витрине и удивленно уставился на меня. И я вдруг поняла, что прохожие вполне могут решить, будто меня насильно увозят в психушку. Правда, сейчас мне было не до того. Ведь другой возможности выложить ему правду в глаза у меня наверняка не будет.

– И да-да, я тоже была настолько глупа, чтобы попасться на твою удочку и стать одной из твоих бесконечных баб! Вот почему я так злюсь на себя. И смело заявляю тебе от своего имени, что ты еще тот хрен моржовый! Вот почему я больше не желаю с тобой разговаривать. Ни сейчас, ни потом!

Сэм растерянно почесал в затылке:

– Мы что, действительно говорим о Джейке?

– Конечно я говорю о Джейке. А разве у тебя есть еще сыновья?

– Джейк не мой сын. – (Я удивленно вытаращилась на Сэма.) – Джейк – сын моей сестры. Покойной сестры, – уточнил он. – Джейк – мой племянник.

У меня ушло несколько секунд на то, чтобы осознать смысл сказанного. Сэм пристально смотрел на меня из-под нахмуренных бровей, словно пытаюсь понять, в чем тут засада.

– Но... Но ты же забираешь его после занятий. И он живет у тебя.

– Я забираю его только по понедельникам, потому что его папа работает посменно. И да, Джейк иногда остается у меня. Но он со мной

не живет.

– Так... Джейк не твой сын?

– У меня вообще нет детей. По крайней мере, насколько я знаю. Хотя вся эта история с Лили волей-неволей заставляет задуматься.

Я вспомнила, как он обнимал Джейка, и мысленно включила их разговоры на обратную перемотку.

– Но... я же видела вас вместе... после собраний нашей группы. А когда мы с тобой разговорились, он сделал большие глаза, словно...

Сэм опустил голову.

– Боже мой! – Я прижала руку ко рту. – Значит, те женщины...

– Они не мои.

Мы так и остались стоять посреди тротуара. Самир, в компании одного из своих кузенов, теперь наблюдал за нами с порога своего магазина. Публика, стоявшая на автобусной остановке неподалеку, тоже с неподдельным интересом следила за нашей разборкой. Сэм кивнул на входную дверь:

– Может, нам стоит зайти внутрь?

– Да. Да. Ой нет! Я не могу, – пролепетала я. – Похоже, я оставила ключи в квартире.

– А запасные ключи?

– Там же.

Сэм обреченно провел рукой по лицу и посмотрел на часы. Он выглядел страшно усталым, выжатым как лимон. Я шагнула в сторону парадного:

– Послушай, езжай домой и отдохни. Мы... завтра поговорим. Прости.

Тем временем дождь уже лил как из ведра, обрушивая на нас стену воды, заглушая шум транспорта, стекая стремительным потоком по сточным канавам и мостовой. Самир с братом поспешно нырнули обратно в магазин.

Сэм вздохнул. Посмотрел на разверзшиеся небеса, потом на меня:

– Ладно, погоди.

Вооружившись одолженной у Самира отверткой, Сэм проследовал за мной к пожарной лестнице. Я с трудом карабкалась по мокрым ступенькам. Сэму пришлось дважды поддерживать меня сзади рукой, и от его прикосновений меня неожиданно бросило в жар. Когда мы наконец добрались до моего этажа, он загнал отвертку под раму окна в коридоре и принялся медленно ее отжимать. И она, слава богу, легко поддалась.

– Вот так-то. – Он поднял раму одной рукой, предлагая мне пролезть

внутри. Затем неодобрительно посмотрел на окно. – Уж больно просто для одинокой девушки, живущей в этом районе.

– Но ты совсем не похож на одинокую девушку, живущую в этом районе.

– Я серьезно.

– Сэм, у меня все нормально.

– Ты не видела того, что видел я. Тебе следует быть осторожнее.

Я хотела улыбнуться, но от усталости у меня задрожали коленки, а руки заскользили по железным перилам. А когда я протискивалась мимо него, то слегка оступилась.

– Ты в порядке?

Я кивнула. Он взял мою руку и, слегка приподняв меня, помог забраться внутрь. Я плюхнулась на ковер под окном и попыталась отдышаться. На меня вдруг накатила смертельная усталость, ведь я толком не спала несколько ночей подряд, а придававшие мне силы злость и адреналин куда-то испарились.

Сэм влез вслед за мной, закрыл за собой окно и, окинув критическим взглядом сломанный замок, загнул под углом гвоздь в раме, чтобы обезопасить меня от непрошенных гостей. Затем, тяжело ступая, подошел ко мне и протянул руку.

– Ну давай поднимайся, – сказал он. – Если будешь так сидеть, то вообще никогда не встанешь.

Я пристально посмотрела на Сэма. Его мокрые волосы прилипли к голове, кожа слегка блестела в полумраке. Когда он помогал мне подняться, я слегка вздрогнула.

– Бедро?

Я кивнула.

Он вздохнул:

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты поговорила со мной.

Его глаза покраснели от усталости. На внутренней стороне левой руки красовались две длинные царапины. Интересно, что с ним приключилось прошлой ночью? Сэм исчез на кухне, и я услышала шум льющейся воды. Он вернулся со стаканом воды и двумя таблетками.

– На самом деле не следовало давать их тебе, но они снимут боль.

Я с благодарностью взяла таблетки, и Сэм наблюдал за тем, как я глотаю их.

– Ты всегда следуешь правилам?

– Когда считаю их разумными. – Сэм забрал у меня стакан. – Ну что, Луиза Кларк, мир? – Я молча кивнула, и он облегченно вздохнул. –

Отлично. Позвоню тебе завтра.

И тогда я, поддавшись внезапному порыву, взяла Сэма за руку. Он ответил мне легким пожатием.

– Не уходи. Уже поздно, – сказала я и, поймав его пристальный взгляд, добавила: – И ездить на мотоцикле под дождем очень опасно.

Я забрала у него отвертку, швырнула ее на пол, и она, тихо звякнув, упала на ковер. Сэм задумчиво почесал в затылке:

– Не уверен, что сегодня я на что-то гожусь.

– Тогда торжественно обещаю не использовать тебя для сексуальных утех. По крайней мере, на этот раз.

Он ответил мне неторопливой, чуть печальной улыбкой, и я вдруг почувствовала, как у меня отлегло от сердца, словно я сбросила с плеч тяжкое бремя, о котором даже и не подозревала.

Никогда не знаешь, что может случиться, когда упадешь с большой высоты.

Сэм переступил через отвертку, и я молча повела его в спальню.

Я лежала в темноте, закинув ногу на спящего рядом мужчину, наслаждалась приятной тяжестью его руки и смотрела на его лицо.

– Остановка сердца со смертельным исходом, дорожно-транспортное происшествие с мотоциклом, подросток-самоубийца, колото-резанные ранения в результате бандитской разборки в районе Пибоди-Истейт. Некоторые дежурства просто...

– Тсс... Спи давай.

Он с трудом стянул с себя униформу, оставшись в футболке и трусах. Затем поцеловал меня, послушно закрыл глаза и моментально провалился в сон, словно упал в черную пропасть. А я лежала и думала, стоит ли приготовить ему поесть или хотя бы убрать квартиру, чтобы, проснувшись, он сразу понял, что у меня все под контролем. Но вместо этого я разделась до нижнего белья и скользнула к нему в постель. Сейчас мне хотелось лишь одного: быть рядом с ним, прижиматься голой грудью к его футболке, чувствовать, как его дыхание смешивается с моим. Я прислушивалась к его посапыванию, удивляясь его способности лежать совершенно неподвижно. Я внимательно изучила форму его носа, цвет щетины, оттенявшей подбородок, изгиб темных ресниц. А потом прокрутила в голове все наши прежние разговоры, но уже в новом свете. Оказывается, он одинокий мужчина, да к тому же любящий дядя, и мне хотелось смеяться над идиотизмом ситуации и собственной глупостью.

Я дважды слегка коснулась лица Сэма, вдохнула аромат его кожи:

первобытный, сексуальный запах мужского пота и чуть-чуть химический – антибактериального мыла, и почувствовала, как его рука рефлекторно сжала мою талию. Затем я повернулась на спину и стала смотреть на огни уличных фонарей, внезапно ощутив, наверное, впервые за все это время, что я больше не чужая в этом городе. И наконец я стала куда-то уплывать, постепенно погружаясь в сон.

Он смотрит на меня широко открытыми глазами. Похоже, не сразу понимает, где он.

– Привет.

Момент пробуждения. Особое дремотное состояние, которое тебя охватывает ранним утром. *Он в моей постели. Его нога рядом с моей.*

На моем лице медленно расплывается улыбка.

– И тебе привет.

– А который час?

Я пытаюсь разглядеть цифры на электронном будильнике:

– Без четверти пять.

Время установлено, и мир не слишком охотно принимает разумные очертания. За окном натриевый свет пронизывает тьму. Громяхают по мостовой такси и ночные автобусы. Но здесь, наверху, есть только он и я в ночи, и тепло постели, и звук его дыхания.

– Представляешь, я даже не помню, как здесь очутился. – Он озирается по сторонам, его лицо белеет в уличном свете, брови нахмурены.

Я наблюдаю, как постепенно оживают воспоминания о вчерашнем дне, как появляется беззвучное мысленное *о да!*

Он поворачивает голову. Его губы буквально в паре дюймов от моего рта. Его дыхание теплое и сладкое.

– Как же я по тебе скучал, Луиза Кларк!

Мне хочется сказать ему. Мне хочется сказать ему, я не знаю, что именно сейчас чувствую. Я хочу его, но меня пугает то, что я хочу его. Я не желаю, чтобы мое счастье полностью зависело от другого человека, не желаю стать игрушкой в руках судьбы. Сейчас эмоции бьют через край, я испытываю и грусть, и эйфорию, и экстаз, и где-то в глубине души мне хочется бежать от него, бежать со всех ног.

Он не сводит с меня глаз, мое лицо для него как открытая книга.

– Немедленно выбрось все мысли из головы. – Он притягивает меня к себе, и я послушно расслабляюсь. Этот мужчина каждый день видит, где проходит грань между жизнью и смертью. Он понимает. – Ты слишком много думаешь.

Его рука скользит по моей щеке. Я поворачиваюсь лицом к нему и прижимаюсь губами к его ладони.

– Просто жить, и все? – шепчу я.

Он кивает, а затем осыпает меня долгими, медленными, сладостными поцелуями, заставляя мое тело выгибаться дугой, и я тону в море желания, вожделения и ненасытной жажды.

Его голос точно тихий рокот у меня в ушах. Он произносит мое имя. Произносит так, словно оно ласкает ему слух.

Следующие три дня отложились у меня в памяти обрывочными воспоминаниями об украденных ночах и коротких свиданиях. Я пропустила групповые занятия на тему идеализации, потому что Сэм объявился у меня, когда я уже собиралась уходить, и в результате все закончилось смешением рук и ног, продолжавшимся до тех пор, пока не зазвонил мой кухонный таймер, сигнализируя Сэму, что надо одеваться и сломя голову мчаться забирать Джейку. Дважды Сэм поджидал меня после окончания смены в баре, и его губы на моей шее и его большие руки на моих бедрах заставляли меня если не полностью забывать об унижительной работе в «Шемроке и кловере», то хотя бы отмахиваться от нее, впрочем, как и от моих промахов за вечер.

Я как могла сопротивлялась Сэму, но у меня ничего не вышло. Я перестала спать, сделалась рассеянной и витала в облаках. Я заработала цистит, но мне было наплевать. На работе я буквально порхала, флиртowała с посетителями и жизнерадостно улыбалась в ответ на замечания Ричарда. Похоже, мое счастье было для нашего менеджера словно серпом по яйцам. Что было видно по его закушенной щеке и по постоянным мелким придирам. На что мне тоже было наплевать.

Я пела в душе и лежала без сна, предаваясь мечтам. Я снова влезла в старую одежду: яркие кардиганы и атласные тапочки. Я словно погрузилась в пену счастья, при этом отдавая себе отчет, что пузырьки рано или поздно лопаются.

– Я сказал Джейку, – сообщил мне Сэм.

У него был получасовой перерыв, и он остановился перекусить возле моего дома, чтобы застать меня до ухода на работу в ночную смену.

– Сказал – что?

Сэм, которого привел в ужас мой холостяцкий режим питания, приготовил сэндвичи с моцареллой, помидорами черри и базиликом со своего огорода, и помидоры взрывались во рту всеми оттенками вкуса.

– Что ты решила, будто я его отец. Он давно так не смеялся.

– Но, надеюсь, ты не поделился с ним информацией о том, что его отец плачет после секса, да?

– Когда-то я знала мужика, который тоже так делал, – подала голос с заднего сиденья Донна. – Причем он реально всхлипывал. Мне даже стало неловко. Я, грешным делом, решила, что сломала ему пенис. – (Я удивленно уставилась на нее.) – Такое тоже бывает. Честное слово! В нашей практике была парочка подобных случаев. Ведь так?

– Истинная правда. Ты не поверишь, каких только посткоитусных травм мы не насмотрелись. – Сэм кивнул на сэндвич в моей застывшей в воздухе руке. – Я тебе непременно расскажу, когда прожужушь.

– Посткоитусные травмы. Здорово! Мало нам других поводов для беспокойства!

Сэм откусил кусок сэндвича и сказал:

– Положись на меня. Я тебя предупрежу.

– Раз уж зашел такой разговор, старина, – начала Донна, предложив нам бутылочку энергетика из своих запасов, – учти, я точно не поеду к тебе на вызов.

Мне нравилось сидеть у них в «скорой». Сэм с Донной выбрали несколько циничный деловой стиль общения, свойственный людям, навидавшимся всяких ужасов и относившимся к этому соответственным образом. Их черный юмор меня забавлял, и рядом с ними мне было на редкость уютно, поскольку на фоне их рассказов моя жизнь со всеми ее завихрениями и странностями казалась удивительно нормальной. Вот что я узнала за время наших коротких совместных ланчей:

– Пожилые люди, мужчины и женщины, старше семидесяти обычно не жалуются ни на свое состояние, ни на оказанную им помощь.

– Эти самые пожилые мужчины и женщины всегда извиняются за «доставленное беспокойство».

– Выражение «пациент ОО» не относится к научной терминологии и означает: «Пациент обоссался и отрубился».

– Беременные женщины крайне редко рожают в карете «скорой помощи». (Что меня чрезвычайно разочаровало.)

– Теперь никто не говорит «водитель „скорой“». Особенно сами водители «скорой».

– Всегда найдется несколько мужиков, которые в ответ на просьбу оценить их боль по десятибалльной шкале называют число одиннадцать.

Но когда Сэм возвращался после дежурства и делился со мной

впечатлениями, все его истории носили несколько мрачный характер. Он рассказывал об одиноких пенсионерах; о страдающих ожирением мужиках, приклеившихся к экрану телевизора, так как избыточный вес не позволял им спуститься и подняться по лестнице; о молодых матерях, не говоривших по-английски и не умевших набрать номер экстренных служб, а потому вынужденных сидеть взаперти в четырех стенах вместе с кучей ребятишек; о людях, страдающих депрессией, о хронических больных и эмоционально зависимых.

Иногда, говорил Сэм, возникает такое чувство, будто это подобно заразному заболеванию, когда приходится смывать с кожи меланхолию вместе с запахом антисептика. А еще были вызовы на самоубийства; после долгих часов отчаяния люди сводили счеты с жизнью под колесами трамвая или в притихших ваннах, где их тела иногда оставались лежать так неделями или месяцами, пока кто-нибудь не унюхивал странный запах или не обращал внимания на переполненный почтовый ящик.

– А тебе когда-нибудь бывает страшно?

Он пришел весь в крови после вызова на огнестрельное ранение. И теперь лежал, заполняя всем своим крупным телом мою маленькую ванну, а вода прямо на глазах розовела, поскольку ему так и не удалось толком отмыться на станции скорой помощи.

– Ты не сможешь работать на этой работе, если будешь бояться, – просто ответил он.

До того как стать парамедиком, Сэм служил в армии; и такая резкая смена профессии не считалась чем-то из ряда вон выходящим.

– Нас ценят, потому что мы люди привычные и всякого навидались. Заметь, эти пьяные отмороженные ребятки пугают меня иногда гораздо больше, чем в свое время талибы.

Я сидела возле него на крышке унитаза, смотрела на это белеющее в розовой воде крупное тело и чувствовала, что мне страшно за Сэма.

– Эй! – окликнул он меня, заметив набежавшую на мое лицо тень, и протянул ко мне руку. – Я и правда в порядке. У меня отличный нюх на неприятности. Хотя моя работа отнюдь не способствует налаживанию личной жизни. Моя последняя подружка так и не смогла привыкнуть. К долгим часам моей работы. Нередко по ночам. И к грязи.

– К розовой воде в ванной.

– Ага. Прости. У нас на станции душ не работает. Конечно, сперва мне следовало заехать домой. – Он бросил на меня такой взгляд, что я сразу поняла, что он и не думал никуда заезжать. Он вытащил затычку из сливного отверстия, затем повернул краны до конца.

– А кем была твоя последняя подружка? – Я постаралась, чтобы голос звучал ровно.

Нет, я вовсе не хотела становиться такой, как все женщины, тем более что он, оказывается, не был таким, как все мужчины.

– Иона. Агент в бюро путешествий. Очаровательная девушка.

– Но ты не был в нее влюблен?

– С чего ты взяла?

– Никто не называет «очаровательной» любимую девушку. Это типа как говорят: «Мы останемся друзьями». Что означает отсутствие сильных чувств.

Мои рассуждения явно позабавили Сэма.

– И что бы я сказал, если бы действительно был влюблен в нее?

– Ты бы принял серьезный вид и заявил: «Карен. Кошмарный ужас», а потом замолчал или сказал бы: «Не хочу говорить об этом».

– Может, ты и права. – Сэм немного подумал и произнес: – Если честно, после смерти сестры я вообще не хотел ничего чувствовать. Последние несколько месяцев, проведенных у постели Эллен, здорово выбили меня из колеи. – И, покосившись на меня, он добавил: – Рак вообще штука очень жестокая. Отец Джейка был просто в кусках. Это часто бывает. Поэтому я и решил, что им я нужнее. Положа руку на сердце, я крепился лишь потому, что хоть кто-то должен был держать себя в руках.

Какое-то время мы сидели молча. У Сэма покраснели глаза. Уж не знаю, то ли от мыла, то ли от тяжелых воспоминаний.

– Ну да ладно. Что уж греха таить, я тогда был не самым хорошим бойфрендом. А кто был твоим парнем?

– Уилл.

– Конечно. И никого после него?

– Никого, о ком мне хотелось бы вспоминать, – невольно вздрогнула я.

– Луиза, всем нам суждено ошибаться. И не стоит корить себя за это.

Его кожа была горячее и мокрой, а пальцы так и норовили выскользнуть из моей ладони. Я выпустила их, когда он начал мыть голову. И осталась сидеть, любуясь игрой плечевых мышц и влажным блеском кожи. Мне нравилась его манера мыть голову. Яростно, обстоятельно, стряхивая лишнюю воду на манер собаки.

– Я прошла интервью для новой работы, – сказала я. – В Нью-Йорке.

– В Нью-Йорке? – Он удивленно поднял брови.

– Но я все равно ее не получу.

– Ужасно. Я всегда искал предлог свалить в Нью-Йорк. – Он ушел с головой под воду, на поверхности остался только растянутый в улыбке

рот. – Но ты ведь сохранишь свой прикид пикси, да?

И я сразу поняла, что тучи рассеялись. И сама не знаю почему, может, чтобы застать его врасплох, я, одетая, залезла в ванну и поцеловала его в смеющиеся губы, страшно довольная тем, что в этом мире, где так легко упасть, есть хоть что-то надежное.

Наконец я все же заставила себя привести квартиру в божеский вид. В выходной день я купила кресло, кофейный столик и маленький эстамп в раме, который повесила над телевизором. И благодаря этим вещам квартира больше не казалась такой нежилой. А еще я купила новое постельное белье и две подушки, повесила свои винтажные шмотки в шкаф, и теперь там, где некогда лежали дешевые джинсы и одиноко висело слишком короткое платье из люрекса, царило буйство красок и фасонов. Одним словом, мне удалось превратить мою безликую квартиру если не в настоящий дом, то в некое его подобие.

В эту субботу у нас у обоих был выходной, который мы, не сговариваясь, решили провести вместе. Восемнадцать спокойных часов, когда ему не надо слушать вой сирены, а мне – звуки кельтской свирели и жалобы по поводу жареного арахиса. Как я уже успела заметить, в обществе Сэма время бежало вдвое быстрее, чем тогда, когда я куковала в одиночестве. Я придумала миллион занятий для нас двоих, но тут же забраковала половину из них, сочтя их чересчур романтическими. Если честно, то меня терзали сомнения, не слишком ли опрометчиво с моей стороны проводить с ним так много времени.

Я послала Лили эсэмэску.

Лили, пожалуйста, свяжись со мной. Я знаю, ты злишься на меня, но хотя бы позвони. Твой сад выглядит чудесно! Мне нужно, чтобы ты научила меня за ним ухаживать. И что делать с помидорами, плети уже совсем длинные. Может, сходим на танцы? Целую.

Я нажала кнопку «Отправить» и осталась сидеть, глядя на экран телефона, но тут позвонили в дверь.

– Привет! – Сэм заполнил собой весь дверной проем. В одной руке у него был ящик с инструментами, в другой – пакет с продуктами.

– Господи боже мой! – ахнула я. – Ты ожившая мечта любой женщины.

– Полки, – сказал он. – Тебе нужны полки.

– О беби! Говори, говори...

– И домашняя еда.

– Вот именно! Докладываю, что я только что закончила.

Он бросил инструменты в коридоре и поцеловал меня, а когда мы наконец расплели объятия, прошел на кухню.

– Думаю, неплохо было бы сходить в кино. Самый большой плюс посменной работы – возможность ходить на дневные сеансы.

Я проверила свой телефон.

– Только ничего кровавого. Я уже немножко устала от крови.

Он бросил на меня лукавый взгляд:

– Что? Не любишь такое? Или это идет вразрез с твоими планами сходить на «Зомби: пожиратели плоти»? А?

Я нахмурилась и бессильно уронила руки вдоль тела.

– Никак не могу связаться с Лили.

– Но ты вроде говорила, что она вернулась домой?

– Вернулась. Но она не отвечает на мои звонки. Похоже, она на меня до сих пор обижается.

– Ее друзья тебя обокрали. По-моему, это ты имеешь полное право на нее обижаться.

Сэм начал вынимать из пакета продукты: салат-латук, помидоры, авокадо, яйца, травы – и аккуратно складывать в мой пустой холодильник. Увидев, что я набираю текст очередного сообщения, он сказал:

– Да ладно тебе! Она могла уронить свой мобильник, оставить его в клубе или исчерпать лимит. Ты же знаешь подростков. Иногда просто необходимо дать им время, чтобы они сами все поняли.

Я взяла его за руку и закрыла дверцу холодильника.

– Мне надо тебе кое-что показать. – (У него тотчас же загорелись глаза.) – Да нет, я о другом, плохой мальчишка. Это мы отложим на потом.

Сэм стоял на крыше и рассматривал цветы.

– И ты не догадывалась?

– У меня и мысли такой не было.

Он опустил на железную скамью. Я присела рядом, и мы принялись созерцать маленький садик.

– Я чувствую себя просто ужасно, – сказала я. – По большому счету я обвинила ее в том, что она разрушает все, к чему прикасается. А она тем временем создавала для меня такую красоту.

Сэм пощупал листья томатов и встал, решительно покачав головой:

– Ну хорошо. Тогда мы съездим к ней и поговорим.

– Правда?

– Угу. Но сперва ланч. Затем кино. Ну и потом заявимся к ней домой.

И тогда ей будет точно некуда деваться. – Он поднес мою руку к губам. – Эй, расслабься. Все хорошо. Это говорит о том, что она еще не совсем пропащая.

– Как тебе удастся быть таким оптимистом? – прищурилась я.

– Просто не люблю, когда ты грустная.

Я не могла сказать ему, что с ним я никогда не бываю грустной. Я не могла сказать ему, что он делает меня такой счастливой, что даже страшно. Я подумала о том, как приятно, что в холодильнике лежит принесенная им еда, и о том, как я жду его эсэмэски и поэтому постоянно проверяю телефон, как я рисовала в своем воображении его обнаженное тело, когда на работе было затишье, после чего, чтобы скрыть предательскую красноту, приходилось в спешном порядке переключаться на непробитые щеки или мастику для пола. *Не гони лошадей*, сказал мне внутренний голос. *Ты подошла слишком близко.*

– У тебя очаровательная улыбка, Луиза Кларк, – нежно посмотрел на меня Сэм. – Это одна из многих вещей, за которые я тебя люблю.

Я ответила ему долгим взглядом. *Тот самый мужчина*, подумала я, сложив руки на коленях.

– Ладно, – весело сказала я. – Пошли смотреть кино.

Кинотеатр оказался практически пустым. Мы сели бок о бок на заднем ряду на сиденье с отломанными подлокотниками. Сэм кормил меня попкорном из картонного ведерка размером с мусорное ведро, а я старалась не думать о приятной тяжести его руки на своем голом колене, потому что когда я это делала, то сразу теряла нить сюжета.

Показывали американскую комедию о двух совершенно не похожих друг на друга копах, которых по ошибке приняли за преступников. Не то чтобы очень смешно, но я все равно смеялась. Сэм сунул мне в рот здоровущий ком соленого попкорна, потом еще один, и я, недолго думая, прихватила его пальцы зубами. Он посмотрел на меня и медленно покачал головой.

– Никто не увидит, – проглотив попкорн, прошептала я.

Он удивленно поднял брови:

– Я уже слишком стар для подобных забав.

Но когда я заставила его повернуться лицом ко мне и начала целовать в темноте, он уронил попкорн и принялся гладить меня по спине.

И тут зазвонил мой телефон. Сидевшие перед нами в количестве двух человек зрители возмущенно зашикали.

– Вы, двое, простите, пожалуйста! – С учетом того, что в зале нас

всего было четверо, я сочла своим долгом адресовать свои извинения к ним лично.

Я слезла с коленей Сэма и посмотрела на экран. Номер был незнакомым.

– Луиза? – услышала я и только потом поняла, кто это.

– Минуточку. – Состроив Сэму забавную рожицу, я вышла в фойе. – Извините, миссис Трейнор. Мне пришлось... Вы меня слышите? Алло?

Фойе словно вымерло; в огороженных шнурами зонах очереди не было, за прилавком автомат для замороженных напитков апатично перемешивал цветные кубики льда.

– Ох, слава богу! Луиза, я хотела бы поговорить с Лили.

И я буквально застыла с прижатым к уху телефоном.

– Простите?

– Я постоянно вспоминаю нашу встречу. И жалею, что все так обернулось. Мое поведение, вероятно, показалось... – Она замаялась. – Как вы считаете, она может согласиться встретиться со мной?

– Миссис Трейнор...

– Мне бы хотелось ей все объяснить. Последний год или около того я была немного не в себе. Сидела на таблетках, от которых становилась слегка заторможенной. И я так растерялась, увидев вас на пороге своего дома, и, если честно, поначалу просто не поверила во всю эту историю. Она казалась такой неправдоподобной. Но я... я поговорила со Стивеном, и он все подтвердил, и вот я сижу здесь целыми днями, пытаюсь осмыслить произошедшее, и думаю... У Уилла была дочь. У меня есть внучка. Я постоянно твержу эти слова. Иногда мне кажется, что мне все приснилось.

Выслушав ее непривычно путаную речь, я сказала:

– Я вас хорошо понимаю. У меня тоже возникло такое чувство.

– Знаете, она не выходит у меня из головы. Мне очень-очень хочется принять ее должным образом. Как вам кажется, она согласится еще раз со мной встретиться?

– Миссис Трейнор, она больше у меня не живет. Но да. Конечно, я ее об этом спрошу, – растерянно взъерошив волосы, ответила я.

Оставшуюся часть киносеанса я просидела как на иголках. В конце концов Сэм, должно быть поняв, что я просто смотрю на движущуюся картинку на экране, предложил мне уйти. Мы остановились возле его припаркованного мотоцикла, и я передала ему разговор с миссис Трейнор.

– Вот видишь? – обрадовался он, словно я сделала что-то

героическое. – Ладно, поехали в Сент-Джонс-Вуд.

Сэм остался ждать меня на улице, а я подошла к дому и постучала в дверь, решительно выставив вперед подбородок. Нет, на сей раз я не позволю Тане Хотон-Миллер меня запугать. Я оглянулась на Сэма, и тот ободряюще кивнул.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Таня, в шоколадного цвета льняном платье и греческих сандалиях. Она оглядела меня с ног до головы, совсем как в нашу первую встречу, словно устраивая своеобразную проверку моему гардеробу. (Что слегка действовало на нервы, поскольку на мне был мой любимый клетчатый сарафан из хлопка.) На губах Тани буквально на долю секунды появилась слабая улыбка и тут же исчезла.

– Луиза.

– Простите, миссис Хотон-Миллер, что нагрянула к вам без предупреждения.

– Что-то случилось?

Я растерянно заморгала:

– Ну, на самом деле да. – Я убрала упавшие на лицо волосы. – Мне звонила миссис Трейнор, мать Уилла. Простите за беспокойство, но она жаждет встретиться с Лили, а Лили почему-то не берет трубку. Так что не могли бы вы попросить Лили мне позвонить? – (Таня бросила на меня странный взгляд из-под идеально выщипанных бровей.) – А нельзя ли прямо сейчас позвать ее на пару слов?

В разговоре возникла длинная пауза.

– А с чего вы взяли, что это я должна ее спрашивать?

Я сделала глубокий вдох и начала говорить, осторожно подбирая слова:

– Понимаю, вы не любите семью Трейнор, но сейчас, как мне кажется, это в интересах Лили. Не знаю, рассказывала ли вам Лили, но ее первая встреча с миссис Трейнор прошла не слишком гладко, и, насколько мне известно, миссис Трейнор очень хочет использовать второй шанс.

– Луиза, Лили может делать все, что пожелает. Я только не понимаю, почему вы меня впутываете в эту историю.

Я изо всех сил старалась не сорваться:

– Э-э-э... Может, потому, что вы ее мать?

– С которой она так и не удосужилась связаться. От нее уже больше недели ни слуху ни духу.

Я оцепенела. Холодный ужас сковал мои внутренности.

– Повторите, что вы сказали?

– Лили. Не удосужилась. Со мной связаться. Я надеялась, что после нашего возвращения она все-таки придет поздороваться, но нет, это ниже ее достоинства. Думает только о себе. Впрочем, как всегда. – Вытянув руку, Таня принялась изучать свои безупречные ногти.

– Миссис Хотон-Миллер, я думала, Лили с вами.

– Что?

– Лили. Вернулась домой. Когда вы приехали из отпуска. Она покинула мою квартиру... десять дней назад.

Глава 18

Мы стояли посреди безупречной кухни Тани Хотон-Миллер, я смотрела на ее сверкающую кофемашину со ста восьмью кнопками, которая стоила, возможно, больше, чем мой автомобиль, и в сотый раз рассказывала о событиях той злополучной ночи:

– Было около половины двенадцатого. Я дала ей двадцатку на такси и попросила оставить ключи. И естественно, решила, что она вернулась домой. – Меня подташнивало. Я прошлась вдоль барной стойки и обратно, лихорадочно пытаюсь понять, что к чему. – Да, я понимаю, мне следовало проверить. Но она обычно приходила и уходила, когда ей заблагорассудится. И мы с ней... Одним словом, отношения у нас были не то чтобы очень.

Сэм стоял возле двери, задумчиво потирая лоб.

– Значит, ни одна из вас о ней ничего не слышала, так?

– Ну, я четыре или пять раз посылала ей сообщения, – сказала я. – И решила, что она по-прежнему на меня злится.

Таня даже не предложила нам кофе. Она прошла к лестнице и посмотрела наверх, затем бросила взгляд на часы, словно ожидая, когда мы уйдем. Меньше всего она была похожа на мать, буквально минуту назад узнавшую, что ее ребенок пропал. Я слышала, как наверху монотонно гудит пылесос.

– Миссис Хотон-Миллер, может, кто-нибудь еще в доме хоть что-то о ней знает? Кстати, а нельзя ли проверить по вашему телефону, читала ли она мои сообщения?

– Я вам говорила, – повернулась ко мне Таня, – я вам говорила, какая она. Но вы меня не слушали.

– Что ж, полагаю, мы... – начал Сэм.

Таня остановила его взмахом руки:

– И это уже не в первый раз. Нет! Она и раньше пропадала на несколько дней, хотя, по идее, должна была быть в пансионе. Конечно, они тоже виноваты. Они были обязаны следить за ней денно и ночью. Но нам позвонили только тогда, когда она исчезла на сорок восемь часов, и в тот раз мы подключили полицию. Одна из девочек в ее дортуаре определенно ее покрывала. И это выше моего понимания, почему они никогда не знают, кто присутствует и кто отсутствует, особенно если учесть сумасшедшую плату за обучение. Фрэнсис даже был готов вчинить им иск.

Чтобы расхлебать эту кашу, ему пришлось пропустить ежегодный совет директоров. Крайне неприятно.

Наверху что-то рухнуло, а потом послышался чей-то плач.

– Лена! Ради всего святого, отведите их в парк! – крикнула Таня с порога кухни. – Вы ведь знаете, что она напивается. Балуется наркотиками. Она украла мои бриллиантовые серьги «Marrin and Webb». Она, естественно, не созналась, но это точно она. А они стоили целое состояние. И я понятия не имею, что она с ними сделала. И еще цифровую камеру. – (Я вспомнила о своих пропавших драгоценностях, и у меня внутри все перевернулось.) – Да-да. Всего этого можно было ожидать. Я вас предупреждала. А теперь прошу меня извинить. Мне действительно надо пойти разобраться с мальчиками. У них сегодня тяжелый день.

– Но, надеюсь, вы вызовете полицию, да? Ведь ей всего шестнадцать, а она отсутствует почти десять дней.

– Вряд ли полицию это заинтересует. Они уже неоднократно с ней сталкивались. – Таня подняла вверх тонкий палец. – Исключена из двух школ за прогулы. Получила предупреждение за хранение наркотика класса А. За пьянство и нарушение общественного порядка. За магазинные кражи. Как это говорят? На мою дочь имеется настоящее полицейское досье. Она постоянный источник неприятностей. И хочу сказать со всей откровенностью, что даже если полиция действительно ее найдет и привезет домой, то она, если ей вдруг вожжа под хвост попадет, все равно смоемся отсюда.

Мне вдруг стало трудно дышать, словно ребра стянули проволокой. Куда могла пойти Лили? И связано ли это с тем парнем, поджидавшим ее у моего дома? Или с теми ребятами из клуба, что тусовались с ней в ту пьяную ночь? И как я могла быть такой беспечной?

– Но давайте хотя бы попробуем вызвать полицию. Она ведь совсем юная.

– Нет! Я не хочу вмешивать сюда полицию. У Фрэнсиса сейчас очень трудное время на работе. Он пытается сохранить свое место в совете директоров. И если всплывет, что его имя упоминается в контексте полицейского расследования, это конец.

Сэм стиснул зубы:

– Миссис Хотон-Миллер, ваша дочь в группе риска. Я уверен, что самое время задействовать кого-нибудь еще.

– Если вы их вызовете, я повторю им слово в слово то, что только что говорила вам.

– Миссис Хотон-Миллер...

– Сколько раз вы ее видели, мистер Филдинг? – Таня прислонилась спиной к кухонной плите. – Вы что, знаете ее лучше, чем я? И это, наверное, вы ночь напролет не смыкали глаз, ожидая ее возвращения домой? Это вы потеряли сон? Объяснялись по поводу ее поведения с учителями и полицейскими? Извинялись перед продавцами за украденные вещи? Покрывали долги по ее кредитной карточке?

– Трудные подростки чаще других попадают в беду.

– Моя дочь – талантливый манипулятор. Она наверняка с кем-нибудь из своих друзей. Как всегда. И я могу гарантировать, что через день-два Лили непременно объявится здесь, пьяная в хлам, посреди ночи, или постучится в дверь Луизы выклянчить денег, и тогда вы еще горько пожалеете, что она нашлась. Но, так или иначе, кто-то из нас впустит ее в дом, и она будет просить прощения, и каяться, и лить крокодиловы слезы, а уже через несколько дней она притащит домой свою кодлу и что-нибудь украдет. И так до бесконечности. – Таня тряхнула головой, откинув назад золотистые волосы, и вызывающе поглядела на Сэма. – Мистер Филдинг, я была вынуждена обратиться к психологу, чтобы побороть хаос, который Лили внесла в мою жизнь. А мне и так крайне нелегко справляться с ее братьями и их... поведенческими проблемами. Но психотерапия помогает вам понять одну очень важную вещь: в какой-то момент надо в первую очередь позаботиться о себе. Лили уже достаточно взрослая, чтобы самой принимать решения...

– Она еще ребенок, – возразила я.

– О да, все верно. Ребенок, которого вы посреди ночи выгнали из своего дома на улицу. – Таня Хотон-Миллер выдержала мой взгляд с непоколебимым спокойствием человека, уверенного в собственной правоте. – Нельзя делить все только на черное и белое. Как бы нам этого ни хотелось.

– Но вы, похоже, ничуть не обеспокоены? – Я гневно сверкнула на Таню глазами.

Но Таня Хотон-Миллер даже бровью не повела:

– Если честно, то нет. Мне не привыкать.

Я попыталась что-то сказать, но она меня опередила:

– Луиза, у вас явно комплекс спасительницы, не так ли? Но моя дочь не нуждается в том, чтобы ее спасали. А если и так, то меня не может не смущать ваша биография.

Я задохнулась от возмущения, и Сэм поспешно обнял меня за плечи. У меня уже вертелся на языке убийственный ответ, но Таня Хотон-Миллер успела повернуться ко мне спиной.

– Ладно, – подтолкнул меня к двери Сэм. – Пойдем отсюда.

Несколько часов мы катались по Вест-Энду, периодически сбрасывая скорость, чтобы всмотреться в лица шумных, нетвердо стоящих на ногах девиц и бездомных, кучкующихся под темными опорами моста. Мы заглядывали в ночные клубы, расспрашивая, не видел ли кто девочку с фотографии на моем мобильнике. Потом зашли в тот клуб, куда Лили водила меня танцевать, а потом в парочку других – по словам Сэма, печально известных как место тусовок малолетних любителей выпить. Мы проезжали мимо автобусных остановок, дешевых забегаловок с фастфудом, но чем дольше длились наши поиски, тем яснее я понимала, что отыскать Лили на суетливых улицах Центрального Лондона – дохлый номер. Она могла быть где угодно. Мне везде мерещилось ее лицо. Я снова отправила ей сообщение, а потом еще одно, где написала, что она срочно мне нужна и мы ищем ее, а когда мы добрались до моей квартиры, Сэм обзвонил несколько больниц проверить, не поступала ли к ним такая пациентка.

Наконец мы устроились на диване, поклевали какой-то еды, попили чая и остались сидеть в гнетущем молчании.

– Я чувствую себя самым ужасным родителем на свете. А ведь я ей даже не мать.

Сэм наклонился поближе ко мне:

– Ты не можешь себя винить.

– Нет, могу. Разве нормальный человек способен выгнать на ночь глядя шестнадцатилетнего ребенка на улицу, не проверив, куда он пойдет?! – Я закрыла глаза. – Нет, я серьезно. Она может быть где угодно. Ведь ее привычка убегать еще не означает, будто с ней ничего не случилось. Так? С ней может случиться то, что бывает с малолетними бродяжками, которые бесследно исчезают, а потом их истлевшие кости находит собака в ближайшем лесу.

– Луиза!

– Я проявила слабость. Не захотела ее понять. И не подумала о том, что она, в сущности, еще ребенок. Была ребенком. Господи, если с ней что-нибудь случится, я себе в жизни этого не прощу! А там, на улице, какой-то несчастный человек сейчас выгуливает собаку и понятия не имеет, что вот-вот увидит такое, что может разрушить его жизнь...

– Луиза! – Сэм положил руку мне на колено. – Прекрати! Кончай свое рондо. Да, Таня Миллер была порядком раздражена, но тем не менее, возможно, она права, и Лили или покатится по наклонной плоскости,

или позвонит в твою дверь в три часа утра, и мы с тобой почувствуем себя круглыми дураками и обо всем забудем, но только до тех пор, пока все не повторится сначала.

– Но почему она не отвечает на звонки? Ведь она все-таки должна понимать, что я волнуюсь.

– Может, она потому и не отвечает на звонки. – Сэм посмотрел на меня исподлобья. – Подростки любят драматизировать. Вполне возможно, ей даже приятно заставить тебя подергаться. Послушай, сегодня мы уже сделали все, что могли. И... мне пора идти. У меня раннее дежурство.

Он положил тарелки в раковину и прислонился к кухонному шкафу.

Я обратила на него грустный взгляд:

– Прости. Не самое веселое начало для прочных отношений.

– Так ты считаешь, что нас с тобой связывают определенные отношения?

– Ну, я не совсем то имела в виду, – покраснела я.

– Да ладно тебе. Я шучу. – Он привлек меня к себе. – Я оценил твои усилия убедить меня, что я нужен тебе исключительно для секса.

От него так хорошо пахло. И даже запах анестетика ничуть не мешал. Сэм поцеловал меня в макушку, и когда я услышала, как за ним тихо закрылась дверь, то уже, наверное, в сотый раз задалась вопросом: где же все-таки Лили?

После его ухода я забралась на крышу. Я сидела в темноте, вдыхая аромат жасмина, который Лили посадила вокруг бака для воды, и осторожно провела рукой по крошечным лиловым головкам аубреции, свешивающейся через край керамических горшков. Я вглядывалась в сонные улицы и неожиданно поняла, что ноги вдруг перестали дрожать. Я снова отправила сообщение Лили, а затем стала готовиться к отходу ко сну, каждой клеточкой ощущая давящую тишину квартиры.

В тысячный раз я проверила телефон, потом, на всякий случай, имейл. Ничего. Хотя нет. Письмо от Натана.

Мои поздравления! Старик Гупник сегодня утром сказал мне, что собирается предложить тебе работу! До встречи в Нью-Йорке, подруга!

Глава 19

Лили

Питер снова ждет. Она смотрит из окна и видит его возле машины. Он машет ей рукой и говорит:

– Ты мне должна.

Лили открывает окно и бросает взгляд в сторону магазинчика напротив, где Самир выставляет на улице возле дверей ящик со свежими апельсинами.

– Отвяжись от меня, Питер.

Он делает недовольное лицо:

– Ты ведь понимаешь, что тебя ждет...

– Я рассчиталась с тобой сполна. Просто оставь меня в покое, хорошо?

– Лили, очень опрометчиво с твоей стороны... – Он выразительно поднимает брови.

Он продолжает ждать, и Лили становится не по себе. Ведь уже через полчаса должна вернуться Луиза. Питер, который постоянно околачивается возле дома, наверняка в курсе. Но вот он садится в машину и выруливает на главную дорогу, не удосужившись включить поворотник.

Питер высовывает из окна автомобиля руку с зажатым в ней телефоном. Сообщение.

Лили, очень опрометчиво.

Раскрути бутылочку. На первый взгляд вполне невинная игра. Она и еще четыре девочки из пансиона получили разрешение съездить в Лондон. Они украли губную помаду в «Бутс», купили суперкороткие юбочки в «Топ шоп» и бесплатно прошли в ночной клуб, потому что были молоденькими и миленькими, а охранники на входе обычно не задают лишних вопросов, если вас пятеро и вы молоденькие и миленькие, а там внутри, уже нагрузившись ромом и кока-колой, познакомились с Питером и его друзьями.

В результате в два часа ночи они оказались в чьей-то квартире на Мэрилебон-роуд. Она толком не помнила, как туда попала. Они, усевшись в кружок, курили и выпивали. Она отвечала «да» на все, что ей предлагали. Песня Рианны из стереосистемы. Синее кресло-мешок, пахнувшее освежителем воздуха. Николь блевала в ванной, идиотка. Лили

потеряла счет времени; 2:30, 3:17, 4:00... Затем кто-то предложил поиграть в «Правду или риск».

Бутылочка раскрутилась, задев пепельницу, окурки и пепел оказались на ковре. Признание незнакомой девочки: в прошлом году на каникулах, пока ее бабушка спала рядом на двуспальной кровати, она занималась сексом по телефону со своим бывшим парнем. Вся компания дружно ахнула в приступе притворного ужаса. Лили рассмеялась.

– Нет-нет, – сказал кто-то.

Питер не сводил с нее глаз. Сперва ей это даже польстило. Он был самым симпатичным парнем из всех. Скорее, мужчиной. Когда он смотрел на нее, она отвечала ему смелым взглядом. Она вовсе не собиралась уподобляться другим девчонкам.

– Крути!

Она передернула плечами, когда бутылочка указала на нее.

– Риск, – сказала она. – Риск – благородное дело.

– Лили никогда не говорит «нет», – заявила Джемайма.

Оглядываясь назад, Лили вспомнила, что при этих словах Джемайма вроде бы многозначительно посмотрела на Питера.

– Ну ладно. Ты ведь в курсе, что это значит.

– Да неужели?

– Ой, это невозможно! – драматически всплеснула руками Пиппа.

– Ну тогда выбирай правду.

– Не-а. Ненавижу говорить правду. – Подумаешь! Она знала, что парни стущуются. И поэтому даже глазом не моргнула. – Ну и где? Здесь?

– Боже мой, Лили!

– Крути бутылочку! – приказал один из парней.

Она не видела причин, чтобы нервничать. Она была слегка под кайфом, к тому же ей нравилось сохранять невозмутимость, в то время как остальные девчонки квохчут, точно курицы, верещат и вообще ведут себя по-идиотски. Они такие фальшивые. Девчонки, которые могли рвать противника на хоккейной площадке, рассуждать о политике и о своей будущей карьере в области юриспруденции и морской биологии, в присутствии мальчиков прямо на глазах глупели, суетились и вели себя по-девчоночьи, непрерывно взбивали волосы и подкрашивали губы, словно добровольно лишали себя индивидуальности.

– Питер...

– Господи! Питер, дружище! Это ты.

Парни громко улюлюкают, чтобы скрыть свое разочарование, а возможно, и облегчение, что сия чаша их миновала. Питер, медленно

поднимающийся на ноги, его узкие кошачьи глаза смотрят на нее поверх головы остальных. Судя по манере говорить, парень крутой. В отличие от других.

– Здесь?

Она передернула плечами:

– Мне без разницы.

– Тогда в соседней комнате. – Он показал на дверь спальни.

Осторожно переступив через вытянутые ноги подруг, под пьяные крики и свист она направилась вслед за ним в спальню. Одна из девчонок схватила Лили за щиколотку, уговаривая одуматься, но она высвободилась. Она шла под прицелом чужих взглядов, слегка бравируя своей лихостью. *Риск. Риск – благородное дело.*

Питер закрыл за собой дверь, и Лили осмотрелась по сторонам. Постель была смята, узорчатое одеяло выглядело так, словно его не стирали годами, и от него пованивало затхлостью. В углу лежала кипа грязного белья, возле кровати виднелась переполненная пепельница. В комнате царила тишина, голоса за дверью на время стихли.

Она вздернула подбородок. Откинула назад волосы и спросила:

– Ты действительно этого хочешь?

Он улыбнулся ленивой, насмешливой улыбкой:

– Я не сомневался, что в последний момент ты пойдешь на попятную.

– С чего ты взял, что я пошла на попятную?

Но ей ужасно не хотелось этого делать. Его лицо уже не казалось ей таким красивым. Она видела лишь холодный блеск глаз да жестокий изгиб губ. Он демонстративно взялся за молнию на джинсах.

С минуту они стояли молча.

– Не хочешь, не надо. Мы просто выйдем отсюда и скажем, что ты сдрейфила.

– Я не говорила, что отказываюсь.

– Тогда я не понимаю, о чем речь.

Она вдруг перестала соображать. Голова начала тихо гудеть.

Лили уже успела сто раз пожалеть, что вообще сюда пришла.

Он театрально зевнул:

– Лили, ты меня утомляешь.

Яростный стук в дверь. Голос Джемаймы:

– Лили, ты вовсе не обязана это делать. Давай. Мы можем прямо сейчас пойти домой.

Он смотрел на нее в упор.

– Лили, ты вовсе не обязана это делать, – передразнил он Джемайму.

Лили стояла молча, судорожно соображая. Ну что уж такого страшного может случиться – в худшем случае две минуты? Две минуты, вычеркнутые из жизни. Нет, она не струсит. Она ему еще покажет. Она им всем еще покажет.

Он непринужденно держит в руке бутылку виски «Джек Дэниелс». Она берет бутылку, открывает и отхлебывает, не сводя с него глаз. Затем возвращает бутылку и тянется к поясу его джинсов.

Фото на память, а то не поверят.

Она слышит мальчишеский улюлюкающий голос сквозь шум в ушах, сквозь боль в затылке, поскольку он крепко схватил ее за волосы. Но все, поезд ушел. Похоже, точно ушел.

Она поднимает голову и слышит щелчок камеры мобильного телефона.

Пара сережек. Пятьдесят фунтов наличными. Сотня фунтов. Его аппетиты растут. Он отправляет ей сообщения.

Интересно, а что будет, если я размещу это в «Фейсбуке»?

Когда она видит фотографию, ей хочется плакать. Он посылает ей фото снова и снова: ее лицо, налитые кровью глаза с размазанной вокруг тушью. Эта штука у нее во рту. Когда Луиза дома, приходится прятать телефон под диванную подушку. Телефон стал радиоактивной, токсичной вещью, которую следует держать под рукой.

Интересно, а что подумают твои друзья?

После этого случая девочки перестали с ней разговаривать. Они были в курсе произошедшего, поскольку, когда Лили присоединилась к остальным гостям, Питер продемонстрировал фотографию всей честной компании. Он еще долго без особой надобности нарочито поправлял молнию на джинсах. Она сделала вид, будто ей наплевать. Девочки уставились на фото, потом – в ужасе на нее и поспешно отвернулись, и по их глазам она сразу поняла, что их рассказы о минетах и сексе с таинственными партнерами не более чем вымысел. Они были насквозь фальшивыми. И врал обо всем.

Никто не считал ее храброй. Никто не восхищался тем, что она не струсилась. Она была просто Лили, потаскуха, девица с членом во рту.

И при одной мысли об этом кишки буквально завязывались узлом. Она хлебнула еще виски и мысленно послала всех к черту.

Встречаемся в «Макдоналдсе» на Тоттенхэм-Корт-роуд.

Мама сменила замки от входной двери. Лили больше не могла брать деньги из маминого кошелька. И они заблокировали доступ к сберегательному счету.

У меня больше ничего нет.

Ты что, совсем за дурака меня держишь, маленькая богатенькая девочка?

Маме никогда особо не нравились те серьги «Mappin and Webb». Лили надеялась, что та даже не заметит их пропажи. Конечно, мама сделала умильное лицо, когда Тупой Урод Фрэнсис преподнес ей в подарок серьги, но после она пробурчала, что не понимает, зачем было покупать ей бриллианты в форме сердца, когда все знают, как это безвкусно, да и вообще, ей гораздо больше идут серьги в виде подвесок.

Питер посмотрел на переливающиеся камни так, словно Лили предложила ему мелочь, что обычно дают на сдачу, и небрежно сунул серьги в карман. Он ел бигмак, и у него остался майонез в уголке рта. Всякий раз, как она видела Питера, ее начинало тошнить.

– Может, пойдем встретимся с моими друзьями?

– Нет.

– А как насчет того, чтобы выпить?

Она покачала головой:

– Ну все. Это последнее. Серьги стоят несколько тысяч.

Он скорчил недовольную рожу:

– Следующий раз принесешь наличку. Реальную наличку. Лили, я знаю, где ты живешь. И знаю, что у тебя она есть.

Ей казалось, что она никогда не избавится от него. Он слал ей эсэмэски в неурочное время, лишая ее сна. И ту фотку, снова и снова. Негатив фотографии уже въелся в сетчатку глаза. Она бросила школу. Начала напиваться с первыми встречными и шляться по клубам, причем поначалу без особого желания. Все, что угодно, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями и не слышать звуковой сигнал телефона. Она переехала туда, где он, по идее, не должен был ее найти, но он все-таки нашел ее и часами сидел в машине рядом с домом Луизы, посылая тем

самым молчаливое сообщение. Лили даже начала подумывать о том, чтобы сказать Луизе. Но что могла сделать Луиза? Ведь Луиза сама по себе была воронкой несчастий. Поэтому Лили открывала и тут же закрывала рот, когда Луиза начинала планировать встречу с бабушкой или интересоваться, что Лили ела на завтрак. Что ж, делать нечего, придется как-то справляться самой.

Иногда Лили лежала без сна и гадала, что было бы, если бы папа остался жив. Она могла легко нарисовать себе его образ. Папа бы наверняка схватил Питера за шкуру и велел даже близко не подходить к его маленькой девочке. А затем папа бы обнял ее и сказал, что все будет хорошо, что она в безопасности.

Но только вряд ли папа стал бы все это делать. Потому что он был озлобленным квадриплегилом, которому даже не хотелось жить. Увидев те фотки, он бы наверняка содрогнулся и сказал, что она ему больше не дочь.

Но она не могла его за это винить. Скорее всего, она поступила бы точно так же.

Когда в последний раз она ничего не принесла Питеру, он принялся орать на нее прямо посреди Карнаби-стрит, обзывая ее *никудашной, шлюхой, тупой маленькой потаскушкой*. Он тогда остановил свою машину рядом с ней, а она уже выпила два двойных виски, так как боялась с ним встречаться, а когда он принялся на нее кричать и говорить, что она все врет, горько заплакала:

– Луиза меня вышвырнула. Мама меня вышвырнула. У меня ничего нет!

Мимо, отводя глаза, торопливо проходили люди. Никто не остановился. Никто ничего не сказал, поскольку в том, что парень орет на пьяную девицу в Сохо в пятницу вечером, не было ничего необычного. Питер выругался и решительно повернулся к ней спиной, словно и впрямь собирался уйти, но она знала, что об этом можно было только мечтать. А затем большая черная машина затормозила прямо посреди проезжей части и резко развернулась, ослепив их белыми огнями. С тихим жужжанием опустилось стекло со стороны водителя.

– Лили?

Она узнала его только через пару секунд. Мистер Гарсайд. Он был как-то связан по бизнесу с ее отчимом. Его начальник? Партнер? Он перевел взгляд с нее на Питера:

– У тебя все в порядке?

Она покосилась на Питера и осторожно кивнула.

Мистер Гарсайд ей не поверил. Она сразу поняла. Он припарковался

у тротуара, перед машиной Питера, и направился к ней, весь из себя такой представительный, в темном костюме. Его окружала аура власти и непрошибаемой уверенности. Лили вдруг вспомнила, как мама однажды говорила, будто у него есть собственный вертолет.

– Лили, как насчет того, чтобы подбросить тебя домой?

Питер посмотрел на нее и приподнял руку, в которой держал телефон, буквально на дюйм. Чтобы она знала.

И тогда она открыла рот, и все, что она много дней держала в себе, вырвалось наружу.

– У него в телефоне моя нехорошая фотография, и он угрожает показать ее моим знакомым, и он требует денег, а у меня ничего не осталось. Я отдала ему все, что могла, и у меня действительно ничего не осталось. Помогите мне, пожалуйста!

У Питера глаза полезли на лоб. Такого он явно не ожидал. Но Лили это не волновало. Она была на грани отчаяния и очень устала, ей больше не хотелось нести этот груз в одиночку.

Мистер Гарсайд окинул Питера пристальным взглядом. Питер выпрямился и напряг плечи, словно прикидывая, как бы побыстрее свалить отсюда.

– Это правда? – спросил мистер Гарсайд.

– Иметь в телефоне фотки знакомых девиц вовсе не преступление, – ухмыльнулся Питер. Жалкая бравада.

– И я это прекрасно знаю. Но вымогать таким образом деньги – самое настоящее преступление. – Мистер Гарсайд говорил спокойным тоном, не повышая голоса, словно обсуждать непристойные фотографии посреди толпы на улице было для него в порядке вещей. Он сунул руку во внутренний карман. – Итак, сколько надо заплатить, чтобы ты исчез?

– Что?

– Твой телефон. Сколько ты за него хочешь?

У Лили перехватило дыхание. Она растерянно переводила взгляд с одного на другого. Питер недоуменно уставился на мистера Гарсайда.

– Я предлагаю заплатить наличными за твой телефон. При условии, что существует единственная копия фотографии. Так?

– Мой телефон не продается.

– Тогда, молодой человек, должен предупредить тебя, что я собираюсь обратиться в полицию и установить твою личность по данным о регистрации твоего автомобиля. А у меня очень много друзей в полиции. Весьма... высокопоставленных друзей. – Он улыбался, но его улыбка совсем не походила на улыбку.

А из ресторана напротив со смехом высыпала веселая компания. Питер посмотрел на Лили, затем на мистера Гарсайда. И упрямо выставил вперед подбородок:

– Пять штук.

Мистер Гарсайд, который снова полез во внутренний карман, улыбнулся и покачал головой:

– Я так не думаю. – Он вытащил бумажник и отсчитал пачку банкнот. – По-моему, этого более чем достаточно. Похоже, ты уже сполна получил свое вознаграждение. А теперь телефон, пожалуйста.

Питера будто загипнотизировали. После секундного колебания он вручил мистеру Гарсайду телефон. Вот так просто. Проверив, на месте ли сим-карта, мистер Гарсайд сунул телефон в карман и открыл для Лили дверь автомобиля.

– Лили, полагаю, тебе пора отсюда уезжать.

Она послушно залезла внутрь и услышала глухой щелчок закрывшейся двери. И вот они уже рванули с места, оставив оцепеневшего Питера позади. Похоже, Питер, как и Лили, так и не смог до конца поверить, что это не сон. Лили уставилась в зеркало заднего вида, наблюдая за тем, как фигура Питера становится все меньше и меньше.

– Ты в порядке? – не глядя на нее, поинтересовался мистер Гарсайд.

– И это... все?

Покосившись на Лили, мистер Гарсайд снова посмотрел на дорогу:

– Полагаю, что да.

Она не могла поверить. Она не могла поверить, что опасность, нависавшая над ней столько недель, могла быть устранена вот так просто. Она повернулась к нему, внезапно почувствовав беспокойство:

– Я вас очень прошу, только не говорите маме с Фрэнсисом.

Он слегка нахмурился, задумавшись:

– Ну, если ты так хочешь...

Она облегченно вздохнула. И тихо сказала:

– Спасибо большое.

Он погладил ее по коленке:

– Опасный парень. Лили, ты бы все-таки как-то поаккуратнее выбирала себе друзей.

И, не дав ей опомниться, снова положил руку на рычаг переключения передач.

Он даже глазом не моргнул, когда она сказала ему, что ей некуда идти.

Он привез ее в отель в районе Бейсуотер и спокойно переговорил с администратором, который вручил ей ключ от номера. У нее словно камень с души свалился, когда мистер Гарсайд не стал предлагать ей остановиться у него дома. Ей не хотелось никому ничего объяснять.

– Я заеду за тобой завтра, когда ты протрезвеешь, – произнес он, пряча бумажник в карман пиджака.

Она с трудом дотащилась до номера 311, не раздеваясь, повалилась на кровать и проспала четырнадцать часов подряд.

Он позвонил сказать, что встретится с ней за завтраком. Она приняла душ, достала из рюкзака какие-то шмотки и даже прошлась по ним утюгом, чтобы выглядеть чуть-чуть более презентабельно. Правда, гладить она не умела; такую работу всегда выполняла Лена.

Когда она спустилась в ресторан, мистер Гарсайд уже сидел за столиком с недопитой чашкой кофе и читал газету. Он выглядел старше, чем она думала: редкие волосы на макушке, дрябловатая шея. В последний раз она видела его на корпоративном мероприятии на скачках, где Фрэнсис перебрал со спиртным и ее мама злобно шипела на него всякий раз, когда рядом никого не было, что не ускользнуло от внимания мистера Гарсайда, который выразительно посмотрел на Лили, словно желая сказать: «Ох уж мне эти родители!»

Она села напротив него, и он сразу опустил газету:

– М-да. Ну и как мы сегодня себя чувствуем?

Ей было страшно неловко, словно прошлой ночью она вела себя слишком уж театрально. Устроила много шума из ничего.

– Намного лучше, спасибо.

– Хорошо спала?

– Очень хорошо, спасибо.

С минуту он пристально разглядывал ее, сдвинув на нос очки.

– Надо же, как официально!

Она улыбнулась. Она понятия не имела, что ей делать. Слишком уж странно было оказаться наедине с коллегой отчима. Официантка предложила ей кофе, и Лили не стала отказываться. Она покосилась на стойку со шведским столом для завтрака. Интересно, а за это надо платить? Мистер Гарсайд, похоже, догадался, что ей не по себе.

– Пожалуй, тебе не мешало бы немного подкрепиться. Не волнуйся. Все оплачено.

И снова уткнулся в газету.

Лили мучил вопрос, расскажет ли он родителям. А еще – что он сделал

с телефоном Питера. Ей хотелось верить, что мистер Гарсайд остановил свою большую черную машину на набережной Темзы, открыл окно и швырнул телефон в темные бурные воды. Ее самым большим желанием было никогда больше не видеть то самое фото. Она поднялась и взяла со стойки круассан и фрукты. Она вдруг почувствовала, что просто умирает с голоду.

Пока она ела, он читал газету. И ей стало любопытно, как они выглядят со стороны. Наверное, как самые обычные папа с дочкой. Интересно, а у него есть дети?

– А вам разве не надо быть на службе?

Он улыбнулся, официантка налила ему еще кофе.

– Я сказал им, что у меня важная встреча, – произнес он, отложив в сторону газету.

Она смущенно поерзала на стуле:

– Мне надо найти какую-нибудь работу.

– Работу... Ну-с, и какую именно?

– Не знаю. Я типа завалила экзамены.

– А что думают по этому поводу твои родители?

– Они не... Я не могу... В данный момент они мной не слишком довольны. Я живу у подруги.

– А ты не можешь туда вернуться?

– Не сейчас. Моя подруга тоже в данный момент мной не слишком довольна.

– Ох, Лили, – вздохнул он.

Мистер Гарсайд уставился в окно, явно что-то прикидывая в уме, затем бросил взгляд на свои шикарные часы. Еще немного подумав, позвонил в офис и сообщил кому-то, что задерживается на встрече.

Она ждала, что будет дальше.

– Ты закончила? – Он положил газету в портфель и поднялся с места. – Тогда пойдем и составим план.

Она не ожидала, что он зайдет к ней в номер, ей было неловко за царивший там бардак: мокрые полотенца на полу, отстойная дневная передача на экране орущего телика. Она поспешно убрала кое-что в ванную, остальное засунула в рюкзак. Он притворился, будто ничего не заметил. Просто стоял, устремив рассеянный взгляд в окно, а когда она наконец села на стул, повернулся к ней с таким видом, словно только сейчас разглядел интерьер номера.

– Очень недурственный отель, – сказал он. – Я обычно останавливался

здесь, когда у меня не было сил возвращаться в Винчестер.

– Это там, где вы живете?

– Это там, где живет моя жена. Да. Мои дети уже давным-давно выросли.

Он поставил портфель на пол и присел на краешек кровати.

Лили поспешно вскочила и взяла с прикроватного столика блокнот для гостей отеля, на случай если придется что-то записывать. Звякнул ее мобильник, она взглянула на экран.

Лили, позвони мне. Просто позвони. Целую, Луиза.

Поспешно сунув телефон в задний карман, Лили снова села и приготовилась писать.

– Ну и что вы думаете насчет того, что я вам сказала?

– Я думаю, Лили, что ты оказалась в весьма щекотливой ситуации. Откровенно говоря, ты еще слишком молода, чтобы работать. Сомневаюсь, что кто-нибудь захочет тебя нанять.

– Но я хороший работник. Добросовестный. Я могу ухаживать за садом.

– Ухаживать за садом! Отлично, возможно, тебе удастся устроиться садовницей. Но позволит ли подобная работа прокормиться – это уже другой вопрос. У тебя имеются рекомендации? Ты когда-нибудь работала на каникулах?

– Нет. Родители всегда выдавали мне достаточно денег на карманные расходы.

– Мм... – Он побарабанил рукой по колену. – Насколько я понимаю, у тебя непростые отношения с отцом, да?

– Фрэнсис мне не родной отец.

– Я в курсе. И мне также известно, что несколько недель назад ты ушла из дома. Крайне прискорбная ситуация. Крайне прискорбная. Тебе, должно быть, очень одиноко.

У нее внезапно запершило в горле, и на секунду ей показалось, будто мистер Гарсайд полез в карман пиджака за носовым платком, но это оказался не платок, а телефон. Телефон Питера. Мистер Гарсайд постучал по нему раз, потом еще раз, экран загорелся, она увидела свое фото. И сердце сразу словно остановилось.

Он щелкнул по телефону, увеличив изображение. Ее щеки залились краской. Он смотрел на фотографию, казалось, целую вечность.

– А ты действительно была очень плохой девочкой, ведь так?

Лили непроизвольно сжала рукой край покрывала. С пылающим лицом она подняла голову и посмотрела на мистера Гарсайда. Он не сводил глаз с фотографии.

– Очень плохой девочкой. – Наконец он перевел на нее масляный взгляд, его голос звучал вкрадчиво. – Пожалуй, в первую очередь нам следует определиться с тем, как ты будешь рассчитываться со мной за телефон и номер в отеле.

– Но... – начала она. – Вы не говорили...

– Ой, да ладно тебе, Лили! Такая прожженная девица, как ты, не может не знать, что в нашей жизни ничего не дается даром. – Он снова посмотрел на изображение на экране. – Похоже, тебе это не впервой... Ты определенно мастер своего дела. – (Лили почувствовала, как завтрак подкатил к горлу.) – Видишь ли, я могу быть тебе очень полезен. Приютить тебя, пока ты не встанешь на ноги, помочь сделать шаг вверх по карьерной лестнице. А взамен попрошу не так уж и много. Quid pro quo^[23] – ты ведь знаешь это выражение? Вас в школе наверняка учили латыни, да?

Она резко поднялась с места, потянувшись за рюкзаком. Но мистер Гарсайд схватил ее за руку. И медленно убрал телефон в карман.

– Лили, давай не будем горячиться. Мы же не хотим, чтобы эту маленькую фотографию увидели твои родители, да? Одному Богу известно, что они могут о тебе подумать. – Он небрежно похлопал по покрывалу рядом с собой. – На твоем месте я бы хорошенько обдумал следующий шаг. Ну вот. Почему бы нам не...

Лили резко вскинула руку, освободившись от его липких пальцев. Она распахнула дверь номера, выскочила наружу и, размахивая рюкзаком, стремглав помчалась по коридору.

В Лондоне даже в предрассветные часы всюду кипит жизнь. Она видела автомобили, нетерпеливо поджимающие на дороге ночные автобусы, такси, петляющие в потоке транспорта, мужчин в деловых костюмах, возвращающихся домой или продолжающих сидеть, не обращая внимания на молчаливых уборщиков, в кабинетах ярко освещенных офисных высоток. Она шла с опущенной головой, волоча за собой рюкзак, иногда забегая перекусить в ночные заведения быстрого питания, где низко надвигала на лоб капюшон и делала вид, будто читает газету, поскольку знала, что всегда найдутся желающие сесть за ее столик и завязать разговор. *Брось, крошка, я только пытаюсь быть дружелюбным.*

И все это время она прокручивала в голове утренние события. Что не так в ее поведении? Что за флюиды от нее исходят? И что в ней есть

такого особенного, отчего все принимают ее за шлюху? Мистер Гарсайд назвал ее прожженной девицей, от этих несправедливых слов нестерпимо хотелось плакать. Она словно съежилась, одержимая ненавистью к нему. Одержимая ненавистью к себе.

Воспользовавшись своей ученической карточкой, она ездила на поездах метро до тех пор, пока атмосфера подземки не сделалась слишком пьяной и лихорадочно нездоровой. Тогда она решила, что наверху будет чуть-чуть безопаснее. Остальное время она шла пешком – по мерцающей неоновыми огнями Пикадилли, вдоль покрытой свинцовой пылью Мэрилебон-роуд, мимо вибрирующих ночных баров Камдена, – широким шагом, с целеустремленным видом, несколько замедляя ход только тогда, когда ноги начинали болеть от безжалостных лондонских тротуаров.

Когда она окончательно выбилась из сил, пришлось попросить об одолжении. Она переночевала у своей подруги Нины, но Нина задавала слишком много вопросов, и было совершенно невыносимо слышать, как та весело болтает внизу с родителями, в то время как Лили, самая одинокая девочка на всем белом свете, в это время отмокает в ванне, чтобы избавиться от въевшейся в волосы грязи. Лили ушла сразу после завтрака, хотя Нинина мама, обратив на нее участливый материнский взор, любезно предложила остаться еще на одну ночь. Две ночи она провела на диване у девушки, с которой в свое время познакомилась в клубе, но та делила квартиру с тремя мужчинами, и Лили не могла позволить себе расслабиться и нормально заснуть, а потому сидела, полностью одетая, обняв себя за коленки, и до зари смотрела телевизор с выключенным звуком. Еще одну ночь она провела в хостеле Армии спасения, слушая, как за перегородкой переругиваются две девицы, и крепко сжимая под одеялом рюкзак. В хостеле сказали, что можно принять душ, но ей не хотелось оставлять рюкзак без присмотра в шкафчике. Она поела бесплатного супа и ушла. Но в основном она просто бродила, тратя при этом последние деньги на дешевый кофе и макмаффины с яйцом. Она утомилась и оголодала настолько, что ей стало трудно соображать и быстро реагировать, когда мужчины из подворотни отпускали в ее адрес скабрзные словечки, а персонал кафе просил не засиживаться за чашкой чая: типа хорошего понемножку, юная леди, посидели и будет.

И все это время она ломала голову над тем, что говорят ее родители и что скажет им мистер Гарсайд насчет той фотографии. Она буквально видела потрясенное лицо матери и то, как Фрэнсис медленно качает головой, словно ничего другого от Лили и не мог ожидать.

Она была такой идиоткой.

Ей следовало украсть телефон.

Ей следовало раздавить его ногой.

А заодно и мистера Гарсайда.

Ей не следовало идти на дурацкую квартиру того парня, и вести себя как форменная дура, и ломать свою дурацкую жизнь. На этом самом месте она обычно начинала плакать, и натягивать капюшон как можно ниже на лоб, и...

Глава 20

– Она – что? – В молчании миссис Трейнор слышалось недоверие и, возможно (хотя, наверное, в последнее время я стала слишком мнительной), осуждение, поскольку я в очередной раз не смогла сохранить то, что ей дорого. – А вы пробовали звонить?

– Она не отвечает на звонки.

– И она даже не пыталась связаться с родителями?

Я закрыла глаза. Я до смерти боялась этого разговора.

– Она проделывала такое и раньше. Миссис Хотон-Миллер уверена, что Лили объявится с минуту на минуту.

Миссис Трейнор переварила полученную информацию:

– Но вы – нет.

– Миссис Трейнор, тут явно что-то не так. Конечно, я не ее мать, и все же... – начала я и внезапно осеклась. – Но, так или иначе, нельзя сидеть сложа руки. Поэтому я собираюсь еще раз прочесать улицы, чтобы найти ее. Я только хотела поставить вас в известность о том, что происходит.

Она молчала не меньше минуты. А когда начала говорить, ее голос звучал сдержанно, но в нем слышалась непривычная решительность:

– Луиза, вас не затруднит, прежде чем вы уйдете, дать мне номер телефона миссис Хотон-Миллер?

Я позвонила сказать, что заболела, мимоходом отметив, что холодное «понимаю» Ричарда Персиваля прозвучало куда более зловеще, чем его обычные бурные возражения. Я распечатала фотографии: фото Лили из «Фейсбука» и наше селфи, которое она сделала, когда мы возвращались из клуба. Все утро я колесила по центру Лондона. Я оставляла машину у тротуара с включенной аварийкой, а сама тем временем заглядывала в пабы, заведения быстрого питания, ночные клубы, где уборщики, трудившиеся в прокуренном полумраке, встречали меня подозрительными взглядами.

– Вы, случайно, не видели эту девочку?

– А кто ею интересуется?

– Так вы ее видели?

– Вы что, из полиции? Мне не нужны неприятности.

Некоторые даже находили извращенное удовольствие в том, чтобы

надо мной поиздеваться. *Ой, та самая девочка! Каштановые волосы? Ну да, как бишь ее звали?.. Не-а. Никогда такую не видел.* Похоже, ее вообще никто никогда не видел. И чем дольше продолжались мои поиски, тем более безнадежной начинала казаться моя затея. Где, как не в Лондоне, легче всего раствориться? Кишащая людьми столица. Здесь можно войти в миллион дверей или смешаться с бесконечной толпой. Я задирала голову, глядя на высотные дома, и думала, что, быть может, именно сейчас она лежит в своей пижаме на чьем-то диване. Лили с легкостью заводила знакомства и не стеснялась просить одолжения, так что сейчас она могла быть с кем угодно.

И все же.

Я сама толком не понимала, что мною движет. Возможно, холодная ярость при мысли о халатном отношении Тани Хотон-Миллер к своим родительским обязанностям, возможно, чувство вины, что я не сумела сделать того, что, к моему крайнему неудовольствию, решительно не желала делать Таня Хотон-Миллер. Возможно, причина была в том, что я на собственной шкуре испытала, насколько уязвимой может быть юная девушка.

Однако, скорее всего, мною двигала любовь к Уиллу. Итак, я шла пешком, и ехала на машине, и задавала вопросы, и вела с ним бесконечный мысленный диалог, а мое бедро тем временем начинало болеть, и я, сидя в машине, давала себе передышку, и жевала черствые сэндвичи, и поглощала бесчисленные шоколадки, и пригоршнями глотала болеутоляющие, чтобы хватило сил идти дальше.

Уилл, куда она могла деться?

Что бы ты сделал на моем месте?

И как всегда: Прости. Я тебя подвела.

Я отправила Сэму сообщение.

Есть новости?

Сейчас, когда мои мысли были постоянно обращены к Уиллу, я не решалась напрямую разговаривать с Сэмом, считая себя в некотором роде предательницей. Хотя и сама толком не знала, кого именно в конце концов предаю.

Нет. Я обзвонил все службы экстренной медицинской помощи Лондона. А что слышно у тебя?

Немного устала.
Бедро?
Ничего такого, чего нельзя было бы исправить парочкой таблеток «Нурофена».
Заехать к тебе после дежурства?
Думаю, мне стоит продолжить поиски.
Только не ходи туда, куда я и сам не стал бы соваться. Чмоки.
Очень смешно. Чмоки-чмоки-чмоки.

– А ты искала в больницах?

Это звонила из колледжа моя сестра; у нее был пятнадцатиминутный перерыв между лекцией на тему «Изменения в политике пополнения доходных статей бюджета» и лекцией «НДС: европейская перспектива».

– Сэм говорит, что в больницы при медицинских институтах никто с такой фамилией не поступал. Он задействовал на ее поиски кучу людей. – Во время разговора я постоянно оглядывалась, словно надеясь в глубине души, что Лили вот-вот выйдет из толпы мне навстречу.

– Как долго ты ее уже ищешь?

– Несколько дней. – Я не стала сообщать Трине, что мне даже некогда толком поспать. – Ну, я... э-э-э... отпросилась с работы.

– Так я и знала! Я знала, что из-за нее ты влипнешь в неприятности. А начальник тебя спокойно отпустил? Кстати, что слышно насчет твоей новой работы? Той, что в Нью-Йорке. Ты прошла интервью? Только, ради бога, не вздумай сказать, что забыла.

Я не сразу сообразила, о чем это она говорит.

– Ах, ты об этом. Да. Меня взяли.

– Тебя – что?

– Натан сказал, что они вроде одобрили мою кандидатуру.

Вестминстер уже наводнили туристы, которые толклись возле стоек с безвкусным барахлом, украшенным английским государственным флагом. Все мобильники и дорогие камеры были нацелены на окутанный маревом Вестминстерский дворец. Увидев идущего ко мне дорожного инспектора, я, грешным делом, подумала, что ненароком нарушила какой-то антитеррористический закон, запрещающий здесь парковаться, и поспешно показала рукой, что уже уезжаю.

Пауза в разговоре с сестрой затянулась. Наконец Трина нарушила молчание:

– Погоди-ка... Ты же не хочешь сказать, что ты...

– Трин, мне сейчас не до этого. Лили пропала. И я должна ее найти.

– Луиза? Послушай меня. Ты должна согласиться на эту работу.

– Что?

– Такой шанс выпадает только раз в жизни. Лично я отдала бы все на свете за возможность получить гарантированную работу в Нью-Йорке... И жилье. А ты еще имеешь наглость заявлять, что тебе сейчас не до этого!

– Все не так просто.

Дорожный инспектор направлялся определенно ко мне.

– Господи боже мой! В том-то и дело. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать. Каждый раз, как у тебя появляется возможность двигаться дальше, ты даешь задний ход и отказываешься от своего будущего. Словно... словно на самом деле тебе вообще ничего не нужно.

– Трин, Лили пропала.

– Шестнадцатилетняя девица, которую ты едва знаешь, с полным набором родителей, а также бабушек и дедушек, свалила на пару дней, что, кстати, уже делала неоднократно и что очень типично для подростков. А ты уже готова из-за какой-то сикильдявки профукать самый грандиозный шанс, который тебе когда либо выпадал? Блин! Признайся, тебе просто неохота никуда ехать. Ведь так?

– На что, черт возьми, ты намекаешь?

– А на то, что тебе гораздо проще держаться за свою тупую работу и при этом постоянно ныть. Тебе гораздо проще сидеть на попе ровно, и ничем не рисковать, и думать, будто от тебя, бедняжки, ровным счетом ничего не зависит.

– Но я не могу вот так взять и все бросить, не выяснив, что с Лили.

– Лу, ты в ответе за свою судьбу. И тем не менее тебя постоянно выбивают из колеи события, которые ты не в состоянии контролировать. Так в чем, собственно, дело? В чувстве вины? Ты что, до сих пор считаешь себя перед Уиллом в долгу? Ты что, наложила на себя епитимью? И теперь готова пожертвовать собственной жизнью, поскольку не смогла спасти его?

– Ты не понимаешь...

– Нет. Я все отлично понимаю. Я понимаю тебя лучше, чем ты сама. Ты не несешь ответственности за его дочь. Ты меня слышишь? Ее дела тебя никаким боком не касаются. И если ты не поедешь в Нью-Йорк, о чем мне вообще трудно говорить, потому что ужасно хочется тебя убить, я перестану с тобой разговаривать. Навсегда.

Дорожный инспектор подошел к моему окну. Я опустила стекло, всем своим видом показывая, что у меня важный разговор с сестрой и я бы рада уехать, но мне не остановить поток ее слов, так что дико извиняюсь. Он постучал по наручным часам, и я заискивающе кивнула.

– Вот так-то, Лу. Подумай об этом. Лили не твоя дочь.

Разговор окончен. И я осталась сидеть, тупо глядя на экран телефона. Затем поблагодарила дорожного инспектора и закрыла окно. А в голове внезапно всплыла фраза: *Он единственный папа, которого я действительно помню.*

Я завернула за угол, подъехала к автозаправке и принялась рыться в завалившемся в машине потрепанном телефонном справочнике, пытаясь вспомнить название улицы, которое упоминала Лили. Паймор, Пайкраст, Пайкрофт. Потом нашла на карте Сент-Джонс-Вуд. Интересно, а сколько оттуда идти пешком до этой улицы? Минут пятнадцать? Похоже, именно то, что нужно.

Тогда я проверила фамилии рядом с номерами домов на Пайкрофт-роуд. Есть! Номер пятьдесят шесть. От волнения у меня скрутило живот. Я вставила ключ в замок зажигания и выехала на проезжую часть.

И хотя расстояние между резиденцией матери Лили и жилищем ее бывшего отчима составляло не больше мили, улицы, на которых находились их дома, отличались друг от друга, как день и ночь. Если Сент-Джонс-Вуд – это шикарные особняки, оштукатуренные или из красного кирпича, стройные ряды тиса и большие блестящие машины на подъездных дорожках, то Пайкрофт-роуд, где жил Мартин Стил, представляла собой запущенный уголок двухэтажного Лондона, где растущие цены на объекты недвижимости абсолютно не коррелировали с внешним видом последних.

Я медленно проехала мимо автомобилей под навесом перевернутого мусорного бака и наконец нашла место для парковки возле небольшого дома с террасой в викторианском стиле, точные копии которого можно было встретить в любом районе Лондона. Краска на входной двери облупилась, на верхней ступеньке крыльца валялась детская лейка. Боже, сделай так, чтобы Лили оказалась здесь, мысленно взмолилась я. Целая и невредимая.

Я вышла из машины и поднялась на крыльцо.

Из-за двери доносились звуки фортепьяно – аккорд, повторяющийся снова и снова, – приглушенные голоса. Поколебавшись, я неуверенно нажала на кнопку звонка, и музыка внезапно смолкла.

Шаги по коридору – и дверь распахнулась. На пороге возник небритый мужчина лет сорока, в клетчатой фланелевой рубашке и джинсах.

– Да?

– Простите, я хотела узнать... Лили, случайно, не у вас?

– Лили?

Я улыбнулась и протянула ему руку:

– Вы Мартин Стил, да?

Мужчина окинул меня пристальным взглядом и, замявшись, ответил:

– Возможно. Но с кем имею честь разговаривать?

– Я друг Лили. Я... пытаюсь с ней связаться. Вот я и подумала, что она может быть у вас. Или что вы, вероятно, знаете, где ее искать.

Он нахмурился:

– Лили? Лили Миллер?

– Ну да.

Мартин Стил задумчиво потер подбородок и, оглянувшись на дом, сказал:

– Не могли бы вы минуточку подождать?

Он исчез за дверью, чтобы дать указания кому-то, сидевшему за фортепьяно. Когда Мартин снова вышел на крыльцо, его подопечный заиграл гаммы сперва робко, но потом все более выразительно.

Прикрыв за собой дверь, Мартин Стил слегка наклонил голову, словно пытаясь осмыслить мой вопрос:

– Я прошу прощения. Вы меня слегка озадачили. Вы друг Лили Миллер, да? Но почему вы ищете ее у меня?

– Потому что Лили говорила, что время от времени заходит к вам в гости. Вы ведь... были ее отчимом?

– Неофициально, конечно, но в каком-то смысле да. Однако это дела давно минувших дней.

– И вы музыкант? Водили ее в детский сад? Но вы ведь поддерживаете с ней отношения, да? Она утверждала, будто вы были очень дружны. Что вызывало явное неудовольствие ее матери.

– Мисс... э-э-э... – прищурился Мартин.

– Кларк. Луиза Кларк.

– Мисс Кларк. Луиза. В последний раз я видел Лили Миллер, когда ей было пять лет. Таня решила, что для всех нас будет лучше сразу прекратить любые контакты.

Я изумленно вытаращила глаза:

– Так вы утверждаете, что она у вас не появлялась?

Он на секунду задумался.

– Да, однажды она приходила, несколько лет назад. Но это было не самое удачное время для визита. У нас недавно родился ребенок, и я пытался начать преподавательскую деятельность, да и вообще, положила руку на сердце, я толком и не понял, чего, собственно, она от меня хотела.

– Значит, с тех пор вы не виделись и не разговаривали, да?

– Если не считать той короткой встречи, то да. Как она поживает? У нее что, неприятности?

А из дома до нас доносились звуки фортепьяно: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до. До, си, ля, соль, фа, ми, ре, до. Вверх и вниз.

Я помахала ему рукой, пятясь вниз по лестнице:

– Нет. Все прекрасно. Извините за беспокойство.

На следующий вечер я опять колесила по Лондону, напроочь проигнорировав звонки от сестры и имейл от Ричарда Персиваля с пометками: «Срочно» и «Лично». Я каталась до тех пор, пока от напряжения не покраснели глаза и я не поняла, что езжу по закодированному кругу и что у меня закончились деньги на бензин.

Домой я вернулась уже за полночь, твердо обещав себе, что попью чая, дам полчаса отдохнуть глазам, возьму банковскую карту – и снова в путь. Я сняла туфли, приготовила себе тост, но еда не полезла в горло. Тогда я проглотила еще две таблетки обезболивающего и прилегла на диван, пытаюсь навести порядок в голове. Может, я что-то упускаю? Ведь должен же быть ключ к решению проблемы. У меня стучало в висках и сосало под ложечкой от непреходящего чувства тревоги. Какие улицы я забыла проверить? А что, если она уже покинула Лондон?

Пожалуй, пора обратиться в полицию. Другого выхода нет. Пусть меня считают идиоткой и паникершей, но я не вправе рисковать безопасностью Лили. Я откинулась на подушки и на пять минут закрыла глаза.

Три часа спустя меня разбудил телефонный звонок. Я моментально выпрямилась, плохо понимая, на каком я свете. Взглянув на загоревшийся экран, я прижала телефон к уху:

– Алло?

– Мы нашли ее.

– Что?

– Это Сэм. Мы нашли Лили. Ты можешь приехать?

В вечерней суматохе после разгромного проигрыша футбольной команды Англии, что сопровождалась пьяными драками с последующими телесными повреждениями, никто не заметил худенькую девочку в толстовке с надвинутым на лоб капюшоном, которая спала в уголке, растянувшись на двух стульях. И только когда медсестра, отвечающая за очередность медицинской помощи, стала лично проверять пациентов, кто-то растолкал девочку, и та неохотно призналась, что оказалась здесь,

поскольку тут тепло, сухо и безопасно.

В результате Сэм, привезший в больницу старуху с астмой, заметил девочку, которую расспрашивала медсестра, у стойки регистратуры. И, проинструктировав медперсонал не отпускать беглянку, бросился звонить мне. Обо всем этом он доложил мне, когда я ворвалась в отделение экстренной медицинской помощи. Толпа в приемной начала потихоньку рассасываться, детишек с высокой температурой уже поместили вместе с родителями в боксы, а пьянчуг отправили по домам проспаться. В приемном отделении остались только жертвы ДТП и пациенты с колото-резаными ранами.

– Они дали ей чая. Вид у нее совершенно измученный. Похоже, она радуется возможности просто спокойно отсидеться, – сказал Сэм и, заметив, как я встрепелась, добавил: – Расслабься. Они ее не отпустят.

Я трусцой бежала по коридору. Сэм старался не отставать. И вот передо мной Лили собственной персоной, словно ставшая меньше ростом, с волосами, заплетенными в спутанную косичку, с пластиковой чашкой в худеньких ручках. Рядом с ней сидела сестра, просматривавшая папки с историями болезни. Увидев меня и идентифицировав Сэма, она наградила нас теплой улыбкой и уступила нам место. Ногти Лили, как я успела заметить, были черными от въевшийся грязи.

– Лили? – Я поймала взгляд ее темных измученных глаз. – Что... что случилось? – (Она со страхом посмотрела на меня, потом на Сэма.) – Мы тебя везде искали. Мы были... Боже мой, Лили! Где ты пропадала?

– Прости, – шепнула она.

Я покачала головой, пытаюсь дать ей понять, что больше на нее не сержусь. Что это все не важно. И все остальное тоже не важно. Главное, что она цела и невредима.

Я протянула к ней руки. Она заглянула мне в глаза, сделала шаг навстречу и прижалась к моей груди. Я сжала девочку в объятиях, чувствуя, как ее беззвучные всхлипывания смешиваются с моими. Все, что мне сейчас оставалось делать, – это благодарить Бога и, обращаясь к Небесам, мысленно повторять: *Уилл. Уилл, мы нашли ее.*

Глава 21

В ту первую ночь я уложила Лили в свою постель, и она проспала беспробудным сном восемнадцать часов. Проснувшись, чтобы поесть супа и помыться, она отключилась еще на восемь часов. Я легла на диване, заперев входную дверь, мучимая страхами, что она снова исчезнет, если я выйду на улицу или сделаю сколь-нибудь резкие движения. Сэм заезжал к нам дважды, до и после дежурства. Он принес молоко, проверил, как там Лили, после чего мы немного пошептались в прихожей.

Я позвонила Тане Хотон-Миллер сообщить, что ее дочь благополучно нашлась.

– А я ведь вам говорила. Но вы меня не хотели слушать, – торжествующе произнесла она, и я выключила телефон, не дав ей или, быть может, себе сказать лишнее.

Я позвонила миссис Трейнор и услышала судорожный, протяжный вздох облегчения. Она даже на время потеряла дар речи.

– Спасибо, – наконец проговорила она сдавленным голосом. – Когда я смогу приехать с ней повидаться?

И я наконец-то открыла имейл от Ричарда Персиваля, который сообщал мне следующее:

Поскольку вам уже было сделано три официальных предупреждения, то, учитывая ваше безответственное отношение к работе и неспособность соблюдать оговоренные контрактом требования, администрация бара «Шемрок и кловер» (аэропорт) приняла решение незамедлительно прервать с вами все трудовые отношения.

Он также просил меня как можно скорее вернуть униформу (включая парик), так как в противном случае с меня будет взыскана полная стоимость искомой униформы.

Я открыла имейл от Натана.

Где, черт возьми, тебя носит? Ты видела мой последний имейл?

Подумав о предложении мистера Гупника, я со вздохом закрыла компьютер.

На третий день, проснувшись на диване, я обнаружила, что Лили

исчезла. У меня оборвалось сердце, но тут я увидела, что окно в коридоре открыто. Поднявшись по пожарной лестнице, я обнаружила, что Лили сидит на крыше и смотрит на город. На ней были пижамные штаны, которые я постирала, и мешковатый джемпер Уилла.

- Привет, – приблизившись к Лили, сказала я.
- У тебя есть еда в холодильнике, – заметила она.
- Сэм со «скорой».
- И ты полила цветы.
- Это тоже его заслуга.

Она кивнула, словно ничего другого и не ожидала услышать. Я опустилась на скамью, и какое-то время мы просто сидели в уютной тишине, вдыхая аромат лаванды, высунувшей из тугих зеленых почек лиловые головки. Все растения в моем маленьком садике на крыше теперь цвели пышным цветом. Лепестки и трепещущие листья оживляли серый асфальт.

- Прости, что оккупировала твою постель.
- Тебе она была нужнее.
- Ты развесила свою одежду. – Лили сидела, поджав ноги, волосы она аккуратно заправила за уши, но лицо ее оставалось бледным. – Самую красивую.
- Ну, полагаю, это ты навела меня на мысль, что не стоит прятать ее в коробках.

Лили покосилась на меня и грустно улыбнулась, и от этой ее улыбки у меня защемило сердце.

День обещал быть жарким, даже уличные звуки были как будто приглушены ласковым солнцем. Тепло уже проникало в окна, делая прозрачный воздух белесым. Где-то внизу протарахтел мусоровоз, прокладываящий дорогу под аккомпанемент гудков и мужских голосов, вдоль тротуара.

– Лили, что происходит? – осторожно спросила я, не желая играть роль обличительницы. – Конечно, я понимаю, что не имею права задавать тебе вопросы. Ведь я не член твоей семьи и вообще посторонний тебе человек, но я прекрасно вижу, что происходит нечто очень плохое, и я чувствую... одним словом, я чувствую, что между нами установилась некая связь, поэтому ты вполне можешь поделиться со мной тем, что у тебя наболело. – (Лили сидела потупившись и упрямо молчала.) – Я не собираюсь тебя судить. И не собираюсь никому передавать содержание нашего разговора. Я только... Просто ты должна знать, что иногда полезно снять камень с души. Тебе сразу станет легче. Обещаю. Мало-помалу твои печали

пройдут, как дурной сон.

– И кто так считает?

– Я. Лили, мне ты можешь рассказать все. Ничего не скрывая. Правда. Она мельком посмотрела на меня и тотчас же отвернулась.

– Тебе этого не понять, – проронила она.

И тогда до меня вдруг дошло.

Улица внизу как-то странно притихла, хотя, быть может, это я внезапно оглохла, сохранив способность слышать лишь в пределах разделявших нас нескольких дюймов.

– Я хочу рассказать тебе свою историю, – начала я. – Только один человек на земле был в курсе, поскольку долгие годы я не решалась ни с кем поделиться. Но, признавшись ему, я взглянула на мир вокруг, в том числе и на себя, другими глазами. И давай договоримся так. Ты в своем праве, не хочешь откровенничать – не надо. Но я тебе доверяю и открою свою тайну. Надеюсь, мой опыт тебе поможет.

Я ждала, что Лили начнет возражать, или сделает круглые глаза, или скажет, что ей это по барабану, но она лишь обняла себя за колени и стала внимательно слушать. Она слушала мой рассказ о девочке-подростке, которая одним прекрасным летним вечером чуть-чуть перестаралась с алкоголем в том месте, где, по ее мнению, было вполне безопасно, и пила она не одна, а в компании подруг и воспитанных милых мальчиков из приличных семей, и атмосфера вокруг царила праздничная, непринужденная и чуть-чуть сумасбродная, правда до тех пор, пока после очередной рюмки девочка не обнаружила, что подруги куда-то испарились, смех сделался громче и развязнее, а объектом шуток стала уже она сама. И я рассказала Лили, не вдаваясь в подробности, чем закончился тот вечер, как сестра, ни слова ни говоря, отвела девочку домой, босую, потому что туфли она потеряла, с кровоподтеками в интимных местах и с зияющей дырой на месте воспоминаний о тех страшных часах; но воспоминания оказались слишком живучи, они терзали ее, нависали над ней черной тенью, неустанно напоминая ей о том, что она сама своим глупым, легкомысленным, безответственным поведением накликала неприятности на собственную голову. И даже потом, спустя много лет, события того злополучного лета накладывали отпечаток на любой ее поступок и, что самое главное, на ее самооценку. Вот потому-то, закончила я, так важно, чтобы нашелся человек, способный сказать совсем простые слова: *Нет. Это не твоя вина. Ты действительно ни в чем не виновата.*

Я замолчала, однако Лили продолжала испытующе на меня смотреть. И по выражению ее лица невозможно было догадаться, что она обо всем

этом думает.

– Лили, я не знаю, что с тобой произошло или происходит сейчас, – осторожно продолжила я. – И твоя история наверняка не имеет ничего общего с тем, что я тебе рассказала. Просто ты должна понять: нет ничего такого, пусть даже самого плохого, чем бы ты не могла со мной поделиться. И клянусь, я в любом случае не выставлю тебя за дверь. Никогда. – Она по-прежнему упрямо молчала. Тогда я, не желая ее смущать, встала и задумчиво посмотрела вдаль. – Знаешь, твой папа как-то сказал мне очень важные слова, которые я никогда не забуду: «Некоторые ошибки... просто имеют больше последствий, чем другие. Но та ночь не должна определять, кто вы».

– Мой папа. – Лили приподняла голову.

Я кивнула:

– Ладно, не хочешь говорить, не надо. Но в любом случае ты должна помнить, что твой папа был абсолютно прав. И последние недели, пусть месяцы, не должны повлиять на твою жизнь. Да, я не слишком хорошо тебя знаю, но я не слепая и вижу, какая ты яркая, забавная, добрая, умная. И если сумеешь переступить через прошлое, тебя ждет блестящее будущее.

– С чего ты взяла?

– Ты похожа на него. Ты даже надела его джемпер, – тихо добавила я.

Она подняла руку и задумчиво потерлась щекой о мягкую шерсть.

Я снова опустилась на скамью, мысленно задав себе вопрос: не слишком ли далеко я зашла, заговорив об Уилле?

Но затем Лили сделала глубокий вдох и тихим, каким-то чужим, невыразительным голосом выложила мне все. Рассказала о парне, и о том мужчине, и о фото на мобильном телефоне, и о том, как она бледной тенью бродила в неоновом свете по улицам ночного города. Она говорила и плакала, ежась от воспоминаний, ее лицо сморщилось, словно у пятилетнего ребенка, и тогда я придвинулась к ней и, пока она облегчала передо мной душу, гладила ее по волосам, и выплеснувшиеся наружу слова вдруг полились бурным потоком, прерываемым лишь икотой и всхлипываниями. А когда Лили подошла к описанию последнего дня, она вцепилась в меня обеими руками, утопая в этом своем джемпере не по размеру. И она действительно тонула. Тонула в море страхов, вины и раскаяния.

– Прости, – всхлипнула она. – Мне очень жаль.

– Тебе не за что просить прощения, – ответила я. – И не о чем сожалеть.

В тот вечер пришел Сэм. Он был очень веселым и милым, с Лили вел себя непринужденно, а когда она сказала, что ей не хочется выходить на улицу, он приготовил нам пасту со сливками, беконом и грибами, а после ужина мы смотрели комедию о семье, которая заблудилась в джунглях, такая вот странная аллюзия с нашей собственной семьей. Я улыбалась, и хохотала, и заваривала чай, но внутри у меня все бурлило и клокотало от злости, которую я с трудом сдерживала.

И как только Лили легла спать, я поманила Сэма за собой на пожарную лестницу. Мы залезли на крышу, где нас точно никто не мог услышать, и, усадив Сэма на кованую скамью, я выложила ему все, что несколько часов назад рассказала мне Лили.

– Сэм, она боится, что это никогда не кончится. Ведь телефон остался у него.

Еще никогда в жизни я не была в такой ярости. Весь вечер, глядя невидящими глазами на экран телевизора, я прокручивала события последних недель, которые теперь представляли передо мной в новом свете. Я вспоминала, как тот парень вечно околачивался у подъезда, как Лили прятала от меня телефон под диванную подушку, как вздрагивала при каждом новом сообщении. Я вспоминала ее сбивчивый рассказ о том, какое облегчение она испытала, решив, что худшее позади, и об охватившем ее ужасе, когда она поняла, что попала из огня да в полымя. У меня не укладывалось в голове, как у взрослого человека могло хватить совести воспользоваться отчаянным положением совсем юной девушки.

Сэм предложил мне присесть рядом с ним, но мне было не усидеть на одном месте. Сжав кулаки и вытянув шею, я мерила шагами террасу. Мне хотелось рвать и метать. Я готова была убить мистера Гарсайда. Заметив мое возбужденное состояние, Сэм поднялся и принялся разминать мои плечи, чтобы по мере возможности привести меня в чувство.

– Мне реально хочется его убить.

– Это можно легко организовать.

Я оглянулась на Сэма проверить, шутит он или нет. Похоже, все-таки шутит, к моему величайшему сожалению.

Тем временем на крыше стало довольно прохладно, ветер усилился, и я пожалела, что не надела куртку.

– Может, нам стоит обратиться в полицию? Это ведь самый настоящий шантаж, разве нет?

– Он будет все отрицать. А спрятать телефон для него плевое дело. И если ее мать говорила правду насчет мистера Гарсайда, то никто

не поверит обвинениям Лили в адрес так называемого столпа общества. Таким, как он, всегда удастся выкрутиться.

– Но тогда как нам забрать у него телефон? Фотографию необходимо стереть. А иначе Лили не сможет двигаться дальше. – Я дрожала как осиновый лист. Сэм снял куртку и набросил мне на плечи. Куртка еще хранила тепло его тела. – Мы не можем просто так заявиться к нему в офис. Ее родители непременно об этом узнают. А что, если отправить ему имейл? Написать – возвращай, старая сволочь, телефон, а не то хуже будет.

– Он вряд ли признается. И наверняка даже не ответит на имейл, чтобы не оставлять доказательств.

– Ох, похоже, дело дрянь! – простонала я. – Значит, ей придется научиться как-то с этим жить. Возможно, нам удастся ей объяснить, что он не меньше ее заинтересован в том, чтобы замять эту историю. Да? Возможно, он просто избавится от телефона.

– И ты думаешь, она так легко забудет?

– Нет. – Я устало потерла глаза. – Нет, я этого не переживу. Неужели этому говнюку все сойдет с рук?! Хитрый, подлый старый хрен с лимузином...

На меня внезапно накатило отчаяние. Если честно, я уже видела, что нас ждет дальше. Лили, ошетилившись, будет стараться избавиться от нависшей над ней тени прошлого. И от телефона с роковой фотографией зависело буквально все. Ее настоящее и ее будущее.

Думай! – приказала я себе. *Подумай, как поступил бы Уилл.* Он бы ни за что не позволил этому гаду выйти сухим из воды. Значит, мне следует выстраивать стратегию так, как это сделал бы Уилл. Я рассеянно следила за потоком транспорта, ползущего мимо моего дома. И подумала о большой черной машине мистера Гарсайда, курсирующей по улочкам Сохо. Подумала об этом негодяе, который легко шагал по жизни в уверенности, что его никогда не прижмут к стенке.

– Сэм, – нарушила я молчание, – скажи, а существует такое лекарство, от которого может остановиться сердце?

Мой вопрос на время повис в воздухе.

– Ради бога, признайся, что ты пошутила, – опомнившись, произнес Сэм.

– Нет. Послушай. У меня идея.

Сперва она ничего не сказала.

– Ты будешь в безопасности, – заверила я Лили. – И никто ничего не узнает.

К счастью, она не стала задавать вопрос, который я задавала себе вновь и вновь с тех пор, как озвучила Сэму свой план. *А с чего ты взяла, что это сработает?*

- Солнышко, я все отлично продумал, – кивнул Сэм.
- И никто, кроме вас, не знает...
- Никто ничего не знает. Только то, что он тебя домогался.
- А у вас потом не будет неприятностей?
- Обо мне не беспокойся.

Нервно потеребив рукав, она прошептала:

- И вы не оставите меня с ним наедине?
- Ни на секунду.

Она задумчиво пожевала губу. Затем перевела взгляд с Сэма на меня. И похоже, у нее созрело решение.

- Ладно. Давайте сделаем это.

Я купила дешевый мобильник, заплатив за него наличными, позвонила на работу отчиму Лили и узнала от его секретарши номер мобильного телефона мистера Гарсайда под предлогом, что мы с ним якобы договорились пропустить по стаканчику. В тот же вечер, еще до прихода Сэма, я послала Гарсайду сообщение.

Мистер Гарсайд, простите меня за то, что я вас тогда ударила. Я просто психанула. И теперь хочу все уладить. Л.

Он тянул с ответом целых полчаса. Наверное, хотел, чтобы Лили помучилась.

Лили, с какой стати я должен с тобой разговаривать? Ты повела себя по-хамски, и это после всего, что я для тебя сделал.

- Хрен моржовый, – пробормотал присоединившийся ко мне Сэм.

Я знаю. Извините. Но мне реально нужна ваша помощь.

Лили, это не улица с односторонним движением.

Понимаю. Просто вы застали меня врасплох. Мне нужно было время подумать. Давайте встретимся. Я дам вам то, что вы хотите, но сперва вы должны вернуть мне телефон.

Лили, ты не в том положении, чтобы диктовать мне условия.

Сэм посмотрел на меня, наши глаза встретились, и я начала печатать

ответ.

Даже если... я буду очень плохой девочкой?

Пауза.

Вот теперь ты меня действительно заинтриговала.

Мы с Сэмом переглянулись.

– Меня сейчас стошнит, – сказала я, продолжив печатать.

Тогда завтра вечером. Я пришлю вам адрес, если буду точно знать, что моей подруги не будет дома.

Когда мы поняли, что ответа можно не ждать, Сэм убрал телефон в карман и обнял меня.

Весь следующий день я места себе не находила от волнения, а Лили была как на иголках. Мы практически не притронулись к завтраку, и я разрешила Лили курить в квартире и, если честно, с трудом справилась с искушением попросить у нее сигаретку. Потом мы посмотрели какой-то фильм, кое-как прибрались в доме, и уже к семи тридцати, когда пришел Сэм, у меня так разболелась голова, что я не могла говорить.

– Ты послал адрес? – спросила я Сэма.

– Ага.

– Покажи.

В сообщении были только адрес моей квартиры и подпись в виде буквы «Л».

На что Гарсайд ответил:

У меня встреча в городе, и я буду там сразу после восьми.

– Ты в порядке? – спросил меня Сэм.

У меня скрутило живот. Стало трудно дышать.

– Я боюсь, что у тебя будут из-за нас неприятности. А что, если ты засветишься? Ты потеряешь работу.

Сэм покачал головой:

– Ничего не случится.

– Эх, зря я втянула тебя в эту авантюру! Ты был таким добрым, а я отплатила тебе черной неблагодарностью, подставив под удар.

– Все будет хорошо. Расслабься и дыши глубже. – Сэм беспечно улыбнулся, но взгляд у него был напряженным.

И тут в комнату вошла Лили. Она облачилась в черную футболку, джинсовые шорты, черные колготки и ярко покрасилась. Она выглядела убийственно красивой и при этом очень юной.

– Ты как, ничего? – спросил ее Сэм.

Она кивнула. Ее лицо, обычно чуть смуглое, совсем как у Уилла, было непривычно бледным. А глаза казались огромными.

– Все пройдет на ура. Уверен, это займет не больше пяти минут. И Лу не отойдет от тебя ни на шаг. Хорошо? – Голос Сэма звучал спокойно и ободряюще.

Мы чуть ли не десять раз все отрепетировали. Мне хотелось, чтобы текст буквально отскакивал у Лили от зубов.

– Я знаю, что делаю.

– Отлично, – сказал Сэм, сцепив руки. – Без четверти восемь. Пятиминутная готовность.

Он оказался пунктуален, надо отдать ему должное. В 20:01 зазвонил домофон. Лили судорожно вздохнула, а когда я сжала ее руку, сказала в переговорное устройство:

– Да-да. Она ушла. Поднимайтесь.

Похоже, он не догадался, что она приготовила ему ловушку.

Лили впустила его внутрь. Я наблюдала за ней из-за приоткрытой двери спальни и видела, как дрожит ее рука, поворачивающая ключ в замке. Гарсайд пригладил волосы и оглядел прихожую. На нем был хороший серый костюм и дорогая рубашка. Сунув во внутренний нагрудный карман ключи от машины, он просканировал квартиру бусинками глаз. Я непроизвольно стиснула зубы. Какой нормальный мужчина станет помогать девочке, которая годится ему во внучки? Ведь он старше ее по меньшей мере на сорок лет. И вообще, как у него хватает совести шантажировать ребенка своего коллеги?

Он был напряжен и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Я припарковал машину за домом? С ней ничего не случится?

– Думаю, нет, – шумно сглотнула Лили.

– Так ты думаешь? – Он попятился в сторону открытой входной двери.

Он явно относился к той породе мужчин, что считают, будто машина является неотъемлемой частью его самого. – А как насчет твоей подруги? Или кто там еще хозяин этой квартиры. Они точно не вернутся?

Я затаила дыхание. И почувствовала на пояснице твердую руку

стоявшего за спиной Сэма.

– Ой нет! Все будет в порядке. – Лили неожиданно обезоруживающе улыбнулась. – Она еще долго не вернется. Входите, не стесняйтесь, мистер Гарсайд. Вы что-нибудь выпьете?

Он посмотрел на нее так, будто впервые видел.

– Как официально! – Он сделал шаг вперед и закрыл за собой дверь. – У тебя есть скотч?

– Сейчас посмотрю. Проходите в гостиную.

Лили направилась в сторону кухни, Гарсайд, снимая на ходу пиджак, – за ней. Когда они наконец оказались в гостиной, Сэм вышел из спальни, протопал в своих тяжелых ботинках по коридору и запер входную дверь, положив звякнувшие ключи в карман.

Гарсайд ошарашенно повернулся и увидел у себя за спиной Сэма, а рядом с ним – Донну. Картина маслом. Два парамедика в одинаковой униформе застыли как вкопанные перед дверью. Он посмотрел на них, потом на Лили и явно смешался, пытаясь понять, что происходит.

– Здравствуйте, мистер Гарсайд, – выйдя из спальни, сказала я. – Полагаю, у вас есть нечто, что следует вернуть моему другу.

У Гарсайда на лбу мгновенно выступила испарина. В мгновение ока он стал мокрым как мышь. Я даже не думала, что такое возможно. Он принялся искать глазами Лили, но она спряталась за мою спину.

Тем временем к нам присоединился Сэм. Мистер Гарсайд едва доставал ему до плеча.

– Телефон, пожалуйста.

– Вы не имеете права мне угрожать.

– Мы вам не угрожаем. – Я чувствовала, как сильно бьется сердце. – Мы только хотим получить назад телефон.

– Вы заблокировали мне выход, что я расцениваю как угрозу.

– Вы ошибаетесь, сэр, – вмешался в разговор Сэм. – Если бы мы вам действительно угрожали, то не преминули бы сообщить, что мы с моей коллегой можем связать вас прямо здесь и сделать вам инъекцию дихипранола, который замедляет сердцебиение и приводит к полной остановке сердца. Вот это было бы реальной угрозой, тем более что никто не станет допрашивать бригаду парамедиков, пытавшихся вас спасти. А дихипранол – именно то редкое лекарство, которое не оставляет следов в крови.

Донна, скрестив на груди руки, грустно покачала головой:

– Как это печально, что в наше время бизнесмены в расцвете лет мрут точно мухи.

– И все потому, что у них целый букет заболеваний. Они слишком много пьют, слишком вкусно едят и слишком мало занимаются спортом.

– Но я уверена, этот господин совсем не такой.

– Никогда не говори «никогда». Кто знает, что может случиться? – (Мистер Гарсайд сразу стал словно меньше ростом.) – И не вздумайте запугивать Лили. Мы знаем, где вы живете, мистер Гарсайд. Любой парамедик при необходимости хоть сейчас получит данную информацию. Вы даже не представляете, что бывает, если разозлить парамедика.

– Но это возмутительно! – смертельно побледнев, взвыл мистер Гарсайд.

– Ага. Совершенно с вами согласна. – Я протянула руку. – Телефон, пожалуйста.

Гарсайд, озираясь, как загнанный зверь, наконец сунул руку в карман и протянул мне мобильник, который я поспешно отдала Лили.

– Лили, проверь, пожалуйста. – Я отвернулась, чтобы пощадить ее чувства. – Удали фото. Просто удали.

Когда я оглянулась, Лили стояла с мобильником в руках, экран был пуст. Потом она слабо кивнула, и Сэм знаком приказал передать ему мобильник. Сэм бросил телефон на пол, наступил на него ногой и принялся топтать с такой яростью, что затрясся пол. И всякий раз, как тяжелый башмак Сэма опускался на то, что осталось от мобильного Питера, я непроизвольно вздрагивала, впрочем так же, как и мистер Гарсайд.

Наконец Сэм остановился и поднял с пола сим-карту, закатившуюся под радиатор. Изучив сим-карту, он помахал ею перед носом у мистера Гарсайда:

– Это единственная копия?

Гарсайд кивнул. Воротник его рубашки потемнел от пота.

– Конечно единственная, – заметила Донна. – Ведь не может же ответственный член нашего общества допустить, чтобы подобная пакость впоследствии где-то всплыла, да? Представляю себе, что скажет семья мистера Гарсайда, если его грязный маленький секрет вдруг откроется.

Рот мистера Гарсайда превратился в узкую полоску.

– Вы получили, что хотели. А теперь позвольте мне уйти.

– Нет. У меня тоже есть что сказать. – Мой голос дрожал от едва сдерживаемой ярости. – Ты гнусный, жалкий маленький человечиска, и если я...

Губы мистера Гарсайда изогнулись в кривой усмешке. Похоже, он не привык терпеть оскорбления от женщин.

– Ой, кто бы говорил! Ты, нелепая, маленькая...

В глазах Сэма вдруг появился нехороший блеск, и он рванул вперед. Я резко вскинула руку, чтобы его остановить, а другую сжала в кулак. Что было дальше, я помню с трудом. Помню только резкую боль в костяшках пальцев, когда мой кулак вошел в контакт с лицом мистера Гарсайда. Он пошатнулся и стукнулся спиной о дверь, я же с трудом устояла на ногах, явно не рассчитав силы удара. Он выпрямился, и я с удивлением увидела, что из носа у него течет кровь.

– Выпустите меня, – прошипел он. – Сию же минуту.

Бросив на меня изумленный взгляд, Сэм пошел открывать дверь. Донна посторонилась пропустить мистера Гарсайда и словно невзначай спросила:

– Может, хотите, чтобы вам перед уходом оказали первую медицинскую помощь? Как насчет пластыря?

Гарсайд подошел к двери нарочито размеренным шагом, но, оказавшись за порогом, явно перешел на бег. Мы слушали, как его дорожные туфли ритмично шлепают по коридору, и ждали, когда он уберется. Наконец Сэм нарушил молчание:

– Отличный удар, Кассиус^[24]. Дай осмотрю твою руку.

Но у меня не было сил говорить. Я стояла, сложившись пополам, и вполголоса чертыхалась.

– Небось не ожидала, что будет так больно? – погладила меня по спине Донна и, повернувшись к Лили, добавила: – Расслабься, милочка. Что бы этот старикашка там ни говорил, наплюй. Он ушел.

– И больше не вернется, – вставил Сэм.

– Он, бедолага, похоже, со страху наложил в штаны, – рассмеялась Донна. – Наверное, и сейчас бежит так, что только пятки сверкают. Забудь о нем, дорогая. – Она порывисто обняла Лили и, отдав мне обломки телефона, которые я благополучно отправила в мусорное ведро, сказала: – Ну ладно. Я обещала перед дежурством заскочить к папе. До скорого. – Она помахала нам рукой, жизнерадостно протопала по коридору и исчезла.

Сэм принялся рыться в своей медицинской сумке-укладке в поисках перевязочного материала, а мы с Лили прошли в гостиную, где Лили сразу рухнула на диван.

– Ты выступила просто блестяще, – заметила я.

– Ну, ты тоже не подкачала. Было круто, – ухмыльнулась Лили.

Я посмотрела на кровоточащие костяшки пальцев, а когда подняла голову, то увидела, что Лили лукаво улыбается:

– Вот такого он явно не ожидал.

– Признаться, я тоже. Я, наверное, впервые в жизни подняла руку

на человека. – Тут я сделала строгое лицо. – Хотя я вовсе не требую, чтобы ты считала меня моральным авторитетом.

– Лу, я никогда и не пыталась брать с тебя пример. – Она неохотно улыбнулась, увидев, что в комнату вошел Сэм со стерильным бинтом и ножницами.

– Ты в порядке, Лили? – поинтересовался Сэм и, получив утвердительный ответ, продолжил: – Отлично. Тогда давайте перейдем к чему-нибудь более увлекательному. Кто любит пасту карбонара?

Когда Лили вышла из комнаты, Сэм тяжело вздохнул и задумчиво уставился в потолок, словно пытаясь собраться с мыслями.

– Что? – спросила я.

– Слава богу, что ты ударила его первой. Честно говоря, я испугался, что еще немного – и я убью его.

И вот, когда Лили уже легла спать, я присоединилась к Сэму на кухне. Впервые за долгое время в моем доме воцарились мир и покой.

– Ей уже стало намного легче. Я хочу сказать, что она, конечно, брюзжала по поводу новой зубной пасты и оставила полотенца на полу, но для Лили это уже определенный прогресс.

Сэм кивнул и освободил раковину. Я любила, когда он суетился на кухне. Мне захотелось подойти и обнять его за талию. Но я ограничилась тем, что сказала:

– Спасибо тебе. Спасибо за все.

Сэм повернулся, вытирая руки посудным полотенцем:

– Ты тоже оказалась на высоте, моя маленькая драчуня.

Он притянул меня к себе, и мы поцеловались. В его поцелуях было нечто сладостное; для такого брутального мужчины они были удивительно нежными. На секунду я забыла обо всем. Но...

– Ну что еще? – отстранившись, спросил Сэм.

– Ты решишь, что я ненормальная.

– Что может быть более ненормальным, чем сегодняшний вечер?

– Я все думаю об этом твоём дихипраноле. Сколько его надо, чтобы реально убить человека? И ты что, всегда имеешь его при себе? Просто все это... как-то... жутко рискованно.

– Расслабься. Не стоит так волноваться.

– Тебе легко говорить. А что, если найдется человек, который тебя действительно ненавидит? Он может подлить лекарство в твою еду. А вдруг им завладеют террористы? Я хочу сказать, а какая доза считается летальной?

– Лу, такого лекарства нет.

– Что?

– Я все придумал. Лекарства под названием «дихипранол» не существует в природе. Это плод моей фантазии, – ухмыльнулся Сэм. – Но как ни странно, у меня еще никогда не было более эффективного средства.

Глава 22

На занятия нашей группы психологической поддержки я явилась последней. Машина опять не завелась, и пришлось ждать автобус. Ко времени моего прихода жестянку с печеньем уже закрыли, и это было сигналом, что пора переходить к делу.

– Сегодня мы будем говорить о вере в будущее, – сказал Марк, и я, пробормотав извинения, поспешно села. – Кстати, в нашем распоряжении только один час из-за экстренного слета скаутов. Так что, друзья, прошу меня извинить.

Марк наградил каждого из нас своим особым выразительным взглядом. Он был помешан на своих особых выразительных взглядах. Иногда он так долго сверлил меня глазами, что мне начинало казаться, будто у меня из носа торчит козявка. Марк потупился, словно собираясь с мыслями, хотя, возможно, он просто читал начало своей домашней заготовки.

– Когда теряешь любимого человека, очень трудно строить планы на будущее. Иногда людям начинает казаться, будто они потеряли веру в будущее, иногда они становятся слишком суеверными.

– Мне казалось, что я вот-вот умру, – пожаловалась Наташа.

– Ты уже умерла, – буркнул Уильям.

– Уильям, ты мешаешь нам работать, – одернул его Марк.

– Нет, честно, первые восемнадцать месяцев после смерти Олафа я думала, что у меня рак. Я, наверное, не меньше десяти раз ходила к доктору в полной уверенности, что он выявит у меня онкологию. Опухоль мозга, рак поджелудочной железы, рак матки, даже рак мизинца.

– Рака мизинца не бывает, – не выдержал Уильям.

– А ты откуда знаешь?! – обиделась Наташа. – Ты, конечно, у нас самый умный, но иногда не вредно и помолчать. Понятно? Нас уже задолбало, что мы говорим «стрижено», а ты говоришь «брито». Да, я действительно думала, что у меня рак мизинца. Мой терапевт послал меня на анализы, и выяснилось, что никакого рака у меня нет. Конечно, скорее всего, это был просто иррациональный страх, но, так или иначе, ты не имеешь права подвергать сомнению любые мои слова, потому что, как бы много ты о себе ни мнил, ты не можешь все знать. Понятно?

В зале воцарилось неловкое молчание.

– Не в этом дело, – произнес Уильям. – Просто я работаю

на онкологическом отделении.

– И все же, – не сдавалась Наташа, – ты уже всех достал. Ты самый настоящий подстрекатель. Заноза в заднице.

– Что есть, то есть, – согласился Уильям.

Наташа мрачно уставилась в пол. Возможно, как и все остальные. Я точно не знала, поскольку не решалась поднять глаза. Наташа на секунду закрыла лицо руками, а затем посмотрела на Уильяма:

– Уильям, беру свои слова назад. Извини. Это, наверное, все месячные. Зря я на тебя напустилась.

– И тем не менее рака мизинца не существует, – с упорством пьяного повторил Уильям.

– Итак... – начал Марк, не обращая внимания на Наташу, которая продолжала вполголоса чертыхаться. – Итак, мне хотелось бы знать, есть ли среди вас хоть кто-нибудь, кто может строить планы по крайней мере на пять лет вперед. Где вы себя видите? И чем, по-вашему, будете заниматься? И способны ли вы представлять себе свое будущее?

– Я был бы счастлив, если бы мое старое сердце все еще тикало, – признался Фред.

– Неужели секс по Интернету – такая нагрузка для сердца? – удивился Сунил.

– Ты об этом?! – воскликнул Фред. – Это была просто глупая трата денег. Я впустую потратил две недели на первый сайт, переписываясь по электронной почте с женщиной из Лиссабона, настоящей красоткой, и когда я наконец предложил ей встретиться и позаниматься старым добрым сексом, она попыталась впарить мне кондоминиум во Флориде. А затем один парень, называвший себя Полированным Адонисом, прислал мне имейл, в котором предупредил, что она вовсе не женщина, а одноногий пуэрториканец по имени Рамирес.

– Фред, а как насчет остальных сайтов?

– Единственная женщина, которая согласилась со мной встретиться, была похожа на мою двоюродную бабушку Элси, прятавшую ключи в панталонах. Словом, она была очень милой и вообще, но такой старой, что мне даже захотелось проверить, где она прячет ключи.

– Не сдавайся, Фред, – сказал Марк. – Скорее всего, ты просто не там ищешь.

– Ключи? Ох нет. Я их вешаю возле двери.

Дафна призналась, что хотела бы уехать за границу через несколько лет:

– Здесь всегда так холодно. Вредно для моих суставов.

Линн сказала, что рассчитывает наконец получить степень магистра философии. После чего мы все сделали вид, будто не в курсе, что она работает то ли в супермаркете, то ли в комиссионке.

– Ну, ты у нас прямо Кант, – заметил Уильям.

Никто не засмеялся, и Уильям, поняв, что реакции благодарной публики ждать не приходится, откинулся на спинку стула. Из всей нашей группы, пожалуй, только я одна и слышала, как Наташа бормочет «ха-ха!», точь-в-точь Нельсон из «Симпсонов».

Сунил поначалу категорически отказывался говорить, но в результате признался, что через пять лет хотел бы снова жениться.

– Похоже, за последние два года я полностью утратил вкус к жизни. Из-за того, что случилось, я вроде как стал бояться подпускать к себе других женщин. То есть я хочу сказать: какой смысл с кем-то сблизиться, если ты все равно потом ее потеряешь? Но на днях я думал о том, чего, собственно, жду от жизни, и понял, что снова хочу влюбиться. Потому что надо двигаться дальше, ведь так? Потому что надо вроде как смотреть в будущее.

Это была самая длинная речь, которую на моей памяти Сунил когда-либо произносил.

– Очень позитивный взгляд на жизнь, Сунил, – похвалил его Марк. – Спасибо за откровенность.

Потом Джейк сказал, что хочет поступить в колледж и выучиться на аниматора, а я рассеянно подумала: интересно, а что станет с его отцом? По-прежнему будет оплакивать покойную жену? Или обретет наконец счастье с ее улучшенной версией? По-моему, скорее всего, последнее. Затем я вспомнила о Сэме, и у меня невольно возник вопрос: не поторопилась ли я вступать с ним в серьезные отношения? Хотя, с другой стороны, именно эти отношения помогли нам с Лили выбраться из крупной передраги. Я постоянно размышляла на эту тему, но сейчас вдруг отчетливо поняла: если Сэм меня вдруг спросит, я не сумею точно сказать, кем мы, в принципе, друг для друга являемся. Мне постоянно казалось, что совместные поиски Лили послужили своего рода катализатором, ускорившим химическую реакцию между нами. Ведь если не считать общих воспоминаний о моем падении с крыши, что, собственно говоря, нас с ним связывает?

Пару дней назад я зашла за Сэмом на станцию скорой помощи, и меня остановила Донна, забиравшая из машины свои вещи.

«Только не вздумай его продинамить, – сказала Донна, и мне показалось, что я ослышалась. Донна рассеянно посмотрела,

как разгружают машину „скорой помощи“, затем задумчиво потерла нос. – Он очень даже ничего. Для такого здоровенного парня. И ты ему нравишься. Реально нравишься. Он только о тебе и говорит. Хотя, вообще-то, он парень неразговорчивый. Но не вздумай передавать ему мои слова. Я просто... Ну, в общем, он нормальный. Я просто хотела, чтобы ты знала». Она выразительно подняла брови и кивнула, словно в подтверждение собственных мыслей.

– Эй, я только что заметила, – прервала мои размышления Дафна. – А ведь на тебе сегодня нет твоего танцевального наряда. – (Наша группа сразу оживилась.) – Тебя что, повысили?

– О нет. Меня уволили.

– А где ты сейчас работаешь?

– Нигде. Пока.

– Но твой прикид...

На мне было маленькое черное платье с белым воротничком.

– Ах это. Просто платье.

– Я думал, ты работаешь в тематическом баре. Где одеваются секретаршами. Или, возможно, французскими горничными, – заметил Фред.

– Фред, у тебя только одно на уме.

– Вы не понимаете. В моем возрасте фраза «куй железо, пока горячо» приобретает особую актуальность. У меня, может, вообще больше никогда не встанет. Ну, может, эрекций двадцать еще и осталось, но не больше.

– Ну, хорош ныть. Ведь среди нас есть кое-кто, кому вообще не довелось встретить мужика с настоящей эрекцией, – не выдержала Дафна.

Мы замолчали, чтобы дать Фреду и Дафне вволю похихикать.

– А как насчет твоего будущего? Похоже, в твоей жизни большие перемены, – обратился ко мне Марк.

– Ну... на самом деле мне предложили другую работу.

– Да неужели?

Я услышала сдержанные аплодисменты и невольно покраснела.

– Если честно, я решила отказаться. Но у меня все отлично. Сам факт приглашения на работу уже создает ощущение движения вперед.

– А что это была за работа? – заинтересовался Уильям.

– Да так, кое-что в Нью-Йорке.

Все дружно уставились на меня.

– Ты получила предложение из Нью-Йорка?!

– Да.

– Оплачиваемой работы?!

– Да. Плюс жилье, – тихо сказала я.

– И тебе больше не придется носить это жуткое блестящее зеленое платье?!

– Не уверена, что неудачный прикид – это серьезная причина для эмиграции. – Я весело рассмеялась, но, когда меня никто не поддержал, добавила: – Ой, ну дался вам этот Нью-Йорк!

У Линн даже слегка отвисла челюсть.

– «Нью-Йорк, Нью-Йорк»^[25], да?

– Но вы ведь всего не знаете. Я не могу уехать прямо сейчас. Мне еще надо разобраться с Лили.

– С дочерью твоего бывшего работодателя? – нахмурился Джейк.

– Он был для меня больше, чем просто работодатель. Но да.

– Луиза, а у нее что, нет собственной семьи? – участливо спросила Дафна.

– Есть, но все очень запутанно.

Члены нашей группы удивленно переглянулись.

И тут Марк, положив блокнот на колени, решил окончательно добить меня сакраментальным вопросом:

– Луиза, скажи, как ты думаешь, ты хоть что-нибудь вынесла из наших занятий?

Я получила посылку из Нью-Йорка: пачку документов, с иммиграционными и медицинскими формами, к которой был прикреплен лист кремовой почтовой бумаги с официальным приглашением мистера Леонарда М. Гупника на работу в его семье. Запершись в ванной, я прочла письмо, потом перечитала его еще раз, перевела зарплату в фунты, грустно вздохнула и дала себе обещание не проверять адрес мистера Гупника в «Гугле».

После того как я набрала адрес в «Гугле», мне с трудом удалось преодолеть острое желание лечь на пол в позе эмбриона. Но я взяла себя в руки, выпрямилась, спустила воду в унитазе (на случай, если у Лили возникнут вопросы, почему я застряла в ванной), отнесла бумаги в спальню и засунула в выдвижной ящик кровати, твердо обещав себе о них забыть.

В тот вечер Лили постучалась ко мне незадолго до полуночи.

Можно мне остаться у тебя? Мне совсем не хочется возвращаться к маме.

Конечно, живи у меня сколько хочешь.

Она легла с другого края кровати, свернувшись калачиком. Когда она

заснула, я накрыла ее одеялом.

Дочь Уилла нуждалась во мне. Все было просто как дважды два. И что бы там ни говорила моя сестра, я была ему должна. И только так я могла доказать, что я все же не совсем никчемная. И могу что-то для него сделать.

А конверт из Нью-Йорка свидетельствовал о том, что я к тому же способна получить достойную работу. И это уже прогресс. У меня появились друзья и даже кто-то вроде бойфренда. И это тоже прогресс.

Я не отвечала на звонки Натана и удаляла его голосовые сообщения. Еще день-два – и я все ему объясню. Что ж, это еще, конечно, не настоящий план, но, по крайней мере, руководство к действию.

Сэм собирался прийти во вторник. В семь он отправил сообщение, что задержится. Еще одно – в четверть девятого, где писал, что не знает, когда появится. Весь день я была как на иголках, борясь с приступами уныния из-за отсутствия работы, с тревогами по поводу оплаты счетов и тяжелыми мыслями на тему, каково это – целый день сидеть взаперти в квартире с человеком, которому некуда идти и которого я, в свою очередь, не хотела оставлять в одиночестве. В половине десятого зазвонил домофон. Это был Сэм, все еще в униформе. Я впустила его в дом и вышла ему навстречу в коридор. Наконец Сэм появился на лестничной площадке и, понурившись, направился ко мне. Его лицо было землистым от усталости, от него исходила какая-то странная, тревожная энергия.

– А я уж думала, ты никогда не придешь. Что случилось? Ты в порядке?

– Меня вызывали на дисциплинарную комиссию.

– Что?!

– Другая бригада заметила нашу «скорую» возле твоего дома в тот день, когда мы встречались с Гарсайдом. И доложила начальству. И я не смог толком объяснить, почему мы отклонились от запланированного маршрута.

– Ну и чем все закончилось?

– Я наврал, будто кто-то там выбежал нам навстречу и попросил о помощи. А в результате оказалось, что все это розыгрыш. Слава богу, Донна меня прикрыла. Но они не слишком довольны.

– Надеюсь, все не так страшно, да?

– К тому же медсестра из регистратуры отделения экстренной медицинской помощи, как оказалось, спросила Лили, откуда та меня знает. И Лили ответила, что я однажды подвозил ее домой от ночного клуба.

Я в ужасе прижала руку ко рту:

– И что все это может значить?

– Пока меня поддерживает профсоюз. Но если они нароют какой-нибудь компромат, меня уволят. Или еще хуже. – У него на лбу залегла глубокая морщина, которой я раньше не замечала.

– Сэм, это все из-за нас. Прости.

– Откуда ей было знать, – покачал головой Сэм.

Я собиралась сделать шаг навстречу, обнять Сэма, уткнуться ему в грудь. Но что-то меня удержало: неожиданное, непрощеное воспоминание об Уилле, отворачивающемся в сторону, несчастном и замкнувшемся в своей скорлупе. Я замялась и на секунду позже, чем следовало, дотронулась до руки Сэма. Он опустил глаза, нахмурился, у меня вдруг возникло неприятное чувство, будто он прочел мои мысли.

– Но ты в любой момент можешь все бросить и заняться разведением цыплят. Достроить дом. – Я слышала, как неестественно звучит мой голос. – Ведь у тебя столько возможностей! У такого человека, как ты. Ты можешь заняться чем угодно.

Мы продолжали неловко топтаться в коридоре.

– Ладно, я, пожалуй, пойду. Ой! – Он протянул мне пакет. – Кто-то оставил у двери. Сомневаюсь, что в вестибюле твоего дома он пролежит слишком долго.

– Может, все же зайдешь? Ну пожалуйста. – Я взяла из рук Сэма пакет, чувствуя, что в очередной раз оказалась не на высоте. – Позволь угостить тебя своей ужасной стряпней. Ну давай же.

– Нет, я лучше пойду домой.

И, не дав мне открыть рот, он резко повернулся и пошел обратно по коридору.

Я следила из окна за тем, как он, ссутулившись, идет к мотоциклу, и на меня вдруг опустилась тень воспоминаний. *Не подходи слишком близко. А потом я вспомнила слова Марка в заключение последнего занятия. Вы скорбите, и ваш встревоженный мозг просто реагирует на выброс кортизола*^[26]. *Поэтому ваш страх подпустить к себе кого-то слишком близко вполне естествен.* Иногда мне казалось, что у меня в голове, в каждом полушарии, поселилось по мультяшному советнику, которые постоянно спорят друг с другом.

Лили я нашла в гостиной перед телевизором.

– Это был Сэм со «скорой»? – спросила она.

– Угу.

Она снова повернулась к экрану телевизора, но тут ее внимание привлек пакет.

– А это что такое?

– Оставили внизу. Адресовано тебе.

Она подозрительно уставилась на пакет, словно ожидая очередного неприятного сюрприза. Затем разорвала обертку и извлекла альбом для фотографий в кожаном переплете, где на обложке значилось: «Для Лили (Трейнор)».

Лили медленно открыла альбом; на первой странице, под папиросной бумагой, была черно-белая фотография младенца. Внизу – сделанная от руки надпись:

Твой отец весил 9 фунтов 2 унции. Я негодовала, что он такой большой, поскольку мне обещали чудесного маленького ребеночка! Он был капризным младенцем и не давал мне ни минуты покоя. Но когда он улыбался... Ох! Старушки специально переходили через дорогу, чтобы ущипнуть его за щечку (он этого, естественно, терпеть не мог).

Я села рядом с Лили. Она перелистнула две страницы, и я снова увидела Уилла. В ярко-синей форме ученика частной школы и бейсболке, он сердито смотрел в объектив камеры. Надпись внизу гласила:

Уилл так ненавидел свою школьную бейсболку, что спрятал ее в собачьей корзинке. Вторую утопил в пруду. На третий раз отцу пришлось пригрозить лишить его карманных денег, но Уилл все компенсировал, торгуя открытками с фотографиями футболистов. Даже в школе его не смогли заставить носить форменную бейсболку. Насколько я помню, Уилла до тринадцати лет каждую неделю оставляли за это после уроков.

Лили провела пальцем по лицу на фото:

– В детстве я была похожа на него.

– Ну, он как-никак твой папа.

Она слабо улыбнулась и перевернула страницу.

– Посмотри! Посмотри, какое фото!

На следующем снимке он широко улыбался в объектив. Такая же фотография с горнолыжного курорта стояла у него в спальне, когда мы познакомились. Я бросила взгляд на его красивое лицо, и меня захлестнуло

привычной волной печали. Но тут Лили неожиданно расхохоталась:

– Посмотри! Нет, ты только посмотри на эти!

На одной – Уилл, с заляпанным грязью лицом, после игры в регби, на другой – одетый в костюм дьявола, прыгает со стога сена. Пранкер. Улыбающийся и очень человечный. Я вспомнила текст, напечатанный на листе бумаги, который Марк вручил мне, когда я пропустила встречу, посвященную идеализации: *Очень важно не делать из усопших святых. Невозможно идти вперед, находясь в тени святого.*

Как жаль, что ты не видела своего папу до несчастного случая! Он был ужасно амбициозным и профессиональным, да, но я хорошо помню и те моменты, когда он со смехом падал со стула, или танцевал с собакой, или возвращался домой весь в синяках после очередного дурацкого приключения. Однажды он ткнул сестре прямо в лицо бисквит с шерри и взбитыми сливками (фото справа) только потому, что она утверждала, будто он не посмеет, и мне хотелось на него рассердиться, поскольку я убила на готовку уйму времени, но на Уилла невозможно было долго сердиться.

Да, действительно невозможно. Лили посмотрела все фотографии, снабженные комментариями миссис Трейнор. И этот новый Уилл не был похож на ту торжественную фотографию в газетном некрологе, рассказывающем грустную историю судебных слушаний. Нет, перед нами был мужчина, а его образ – трехмерным и очень живым. Но всякий раз, как я бросала взгляд на очередную фотографию, у меня в горле вставал комок, который я с трудом сглатывала.

Неожиданно из альбома выскользнула открытка. Я подняла ее с пола. Короткое послание из двух строчек.

– Она хочет приехать с тобой повидаться. – (Лили не отрывала глаз от альбома.) – Ну, что скажешь, Лили? Ты готова?

Лили, казалось, меня не слышала.

– Я так не думаю, – наконец проронила она. – То есть это, конечно, очень мило, но...

Настроение сразу испортилось. Она закрыла альбом, аккуратно отложила его в сторону и снова повернулась к телевизору. А несколько минут спустя, ни слова не говоря, притулилась ко мне и положила голову мне на плечо.

Вечером, когда Лили пошла спать, я отправила Натану имейл.

Прости. Но я не могу принять предложение. Это длинная история. У меня сейчас живет дочь Уилла, и очень много чего происходит, и я не могу подхватиться и вот так ее бросить. Попробую все коротенько объяснить...

Письмо я закончила словами:

Спасибо, что думаешь обо мне.

Потом я отправила имейл мистеру Гупнику, в котором, поблагодарив его за предложение, сообщила, что в связи с изменившимися обстоятельствами, к сожалению, не могу принять его предложение. Мне хотелось написать больше, но внутренности словно кто-то связал узлом, выкачав остатки сил из кончиков пальцев.

Я подождала ответа примерно час или около того, но тщетно. Когда я вернулась в пустую гостиную выключить свет, альбома там уже не было.

Глава 23

– Ну-ну... Кого я вижу? Неужели работницу года?

Я положила пластиковый пакет с униформой и париком на барную стойку. Время завтрака, все столики в «Шемроке и клевере» были заняты. Какой-то упитанный бизнесмен лет сорока, чья поникшая голова и зажатый в пухлых ладонях стакан явно говорили о том, что он начал закладывать за воротник уже с утра, поднял на меня пустые глаза. Вера сердито подметала пол в дальнем конце бара, отодвигая столы и ноги сидевших посетителей с таким сосредоточенным видом, будто гонялась за мышью.

На мне была синяя рубашка наподобие мужской, поскольку я решила, что мужской стиль одежды придаст мне уверенности, и я машинально отметила, что рубашка Ричарда точно такого же оттенка.

– Ричард, мне бы хотелось поговорить с вами насчет того, что произошло на прошлой неделе.

Аэропорт оказался наполовину заполнен пассажирами, уезжающими на Банковские каникулы^[27], то есть было меньше, чем обычно, деловых костюмов и море плачущих малышей. Новый баннер за кассой обещал «Отличный старт для вашего путешествия! Кофе, круассан и алкогольный напиток!». Ричард расхаживал по бару. Сосредоточенно сдвинув брови, он ставил на поднос чашки со свежим кофе и выкладывал завернутые в пластик батончики гранолы.

– Можете не трудиться. Униформа чистая?

Он потянулся за моим пакетом и вытащил зеленое платье. Придирчиво изучил платье в люминесцентном свете, скорчив такую гримасу, будто его заранее натаскали на поиск мерзких пятен. Странно, что он еще не обнюхал его.

– Естественно, чистая.

– Форма должна быть в таком виде, чтобы ее мог надеть новый работник.

– Она побывала в стирке не далее как вчера, – огрызнулась я.

Внезапно я обнаружила, что в зале звучит обновленная версия кельтских народных мелодий. Меньше арфы, больший акцент на флейту.

– Хорошо. Нам надо подписать кое-какие бумаги. Пойду принесу их из кабинета. Подпишите прямо здесь. Ну и на этом, пожалуй, все.

– А нельзя ли закончить с делами в более... укромном месте?

Ричард Персиваль даже не удосужился на меня посмотреть.

– Боюсь, это невозможно. Я очень занят. У меня еще масса дел и только один помощник на сегодняшний день. – Он энергично протиснулся мимо меня, громко считая вслух оставшиеся пакетики с жареными креветками, висевшими над чистыми стаканами. – Шесть... семь... Вера, не могла бы ты обслужить вон того джентльмена?

– Да, но я вот о чем хотела с вами поговорить. Я хотела узнать, а нельзя ли...

– Восемь... девять... Парик.

– Что?

– Где парик?

– Ой, я и забыла. Вот. – Я залезла в сумку и извлекла парик.

Накануне, прежде чем положить парик в специальный мешок, я тщательно его расчесала. И теперь он лежал, похожий на сбитое машиной палевое животное, в ожидании следующей жертвы, у которой, как и у меня, будет мучительно зудеть от него голова.

– Вы его выстирали?

– Стирать парик?!

– Да. Ведь это очень негигиенично – надевать после кого-то нестираный парик.

– Ваш парик сделан из более дешевого синтетического волокна, чем волосы уцененной Барби. И я справедливо решила, что в стиральной машине он просто-напросто разъедется.

– Если парик в недостаточно хорошем состоянии, мне придется взыскать с вас деньги на приобретение нового.

Я вытаращила на него глаза:

– Вы что, собираетесь взять с меня деньги за парик?!

Он потряс им в воздухе, затем сунул обратно в мешок:

– Двадцать восемь фунтов сорок пенсов. Естественно, я дам вам чек.

– Боже мой! Вы реально собираетесь взять с меня деньги за парик, – рассмеялась я.

Я стояла посреди многолюдного аэропорта, где взлетали и садились самолеты, и думала о том, во что превратила мою жизнь работа на этого человека. Затем я вытаскала из кармана кошелек:

– Отлично. Двадцать восемь фунтов сорок пенсов, говорите? Я вам вот что скажу: я округлю сумму до тридцати, включу административные расходы.

– Вам не обязательно...

Я отсчитала тридцать банкнот и шлепнула их перед ним на барную стойку:

– Знаете что, Ричард? Я люблю работать. Если бы вы умели видеть дальше своего носа и не заикливаться на своих треклятых целях, то непременно заметили бы, что я именно из тех, кто старается все делать на совесть. Я работала, не жалея сил. Носила вашу жуткую униформу, хотя из-за нее у меня наэлектризовывались волосы и надо мной смеялись детишки на улице. Я выполняла все ваши поручения, включая уборку мужского туалета, что явно не предусмотрено моим контрактом и что, согласно трудовому законодательству, подразумевает, по крайней мере, предоставление костюма химической защиты. Я трудилась сверхурочно, пока вы искали бармена и отпускали всех соискателей, входивших в эту дверь, и я распродала ваш залежавшийся жареный арахис, хотя от него воняло так, будто кто-то испортил воздух. Но я не автомат. Я живой человек, и у меня есть своя жизнь, и я имею временные обязательства, а потому иногда не могу быть таким уж идеальным работником. Я пришла к вам сегодня попроситься обратно на работу, если честно, умолять вас, чтобы меня взяли обратно, поскольку у меня по-прежнему имеются некоторые обязательства и мне нужна работа. Не просто нужна, а нужна позарез. Но сейчас я поняла, что от вас мне ничего не надо. Уж лучше трудиться задарма, чем провести хотя бы еще один день в этом разъедающем душу убогом баре с его кельтской свирелью. Ричард, большое вам человеческое спасибо. Благодаря вам я впервые за долгое время приняла правильное решение. – Я положила кошелек в сумку, туда же запихнула парик и собралась было уходить. Но, поняв, что еще не все сказала, снова повернулась к нему. – И можете засунуть эту вашу работу себе в то самое место, куда вам следует засунуть и ваш поганый арахис. Ой, и что вы делаете с волосами? Зачем столько геля и такая прилизанная макушка? Просто кошмарный ужас какой-то! Вы похожи на Экшн-Мена^[28].

Подвыпивший бизнесмен выпрямился и наградил меня сдержанными аплодисментами. Ричард машинально потрогал волосы. Я посмотрела на бизнесмена, затем перевела взгляд на Ричарда:

– Ладно, последние слова беру обратно. Это было низко.

И я ушла.

Я шагала по терминалу, тщетно пытаюсь унять сердцебиение, и тут мне вслед неожиданно раздалось:

– Луиза! Луиза!

За мной трусой бежал Ричард. Я попыталась демонстративно игнорировать его призывы, но, к несчастью, дорогу мне преградил парфюмерный магазин.

– Ну что еще? – спросила я. – Неужели я не заметила крошку

от арахиса?

Ричард явно запыхался. Он остановился и задумчиво посмотрел на витрину с духами, словно собираясь с мыслями. Затем повернулся ко мне:

– Вы совершенно правы. Понятно? Вы совершенно правы. – (Я уставилась на него круглыми глазами.) – «Шемрок и кловер». Жуткое место. Согласен, я не самый хороший начальник. Но единственное, что я могу сказать в свое оправдание, так это то, что даже если я и мучу вас дурацкими указаниями, мне приходится еще хуже, поскольку головной офис держит меня за яйца, с каждым разом сжимая их все сильнее. Жена ненавидит меня за то, что я вечно торчу на работе. Поставщики ненавидят меня за то, что из-за давления держателей акций я каждую неделю уменьшаю их маржу. Региональный менеджер недоволен падением продаж, и, если я, как фокусник, не достану улучшенные показатели из рукава, меня сошлют в наше отделение в Северном Уэльсе, обслуживающее пассажирские паромы. Но тогда жена меня точно бросит. И я не стану ее за это осуждать. И вообще, я ненавижу управлять людьми. Навыки общения у меня не лучше, чем у фонарного столба, поэтому я не могу ни с кем сдружиться. Вера до сих пор работает лишь потому, что она толстокожая, как носорог, и, насколько я подозреваю, метит на мое место. Короче, я прошу прощения. И с удовольствием приму вас обратно, так как, что бы я там раньше ни говорил, вы чертовски хорошо работали. И посетители вас любили. – Он вздохнул и, окинув взглядом снующие туда-сюда толпы пассажиров, добавил: – Но вот вам мой совет. Луиза, постарайтесь выбраться отсюда как можно быстрее. Вы привлекательная, умная, работающая женщина и наверняка сможете найти себе место получше, чем это. Если бы не ипотека, которую я с трудом выплачиваю, ребенок на подходе и кредит за чертову «хонду-цивик», отчего я чувствую себя столетним старцем, то, можете мне поверить, я бы сбежал отсюда быстрее, чем взлетают вот эти самолеты. – Он протянул мне расчетный лист и коричневый конверт. – Вот ваши отпускные. А теперь идите. Я серьезно, Луиза. Уносите отсюда ноги.

Я посмотрела на конверт. Нас медленно обтекал поток пассажиров; безразличные к происходившему за их спиной, они то и дело отходили к витринам магазинов проверить наличие паспорта или достать что-нибудь из ручной клади. И неожиданно я со всей неотвратимостью поняла, что сейчас будет.

– Ричард! Конечно, спасибо за добрые слова, но... не могли бы вы все-таки позволить мне вернуться? Пусть даже на время. Мне действительно

очень нужна работа.

Ричард посмотрел на меня так, будто не верил своим ушам. Затем тяжело вздохнул:

– Если вы задержитесь на пару месяцев, вы меня здорово выручите. Я действительно в отчаянном положении. На самом деле, если вы приступите прямо сейчас, я смогу съездить к оптовикам за новыми подставками под пивные кружки.

Мы словно поменялись местами, закружившись в вальсе обоюдного разочарования.

– Мне надо позвонить домой, – сказала я.

– И кстати. Вот возьмите. – Он протянул мне пластиковый пакет с униформой. – Полагаю, вам это понадобится.

Мы с Ричардом вроде как вернулись на круги своя. Правда, теперь он относился ко мне чуть более уважительно, то есть просил убирать мужской туалет только тогда, когда не было Ноа, нашей новой уборщицы, и не комментировал мои слишком продолжительные, на его взгляд, беседы с посетителями, хотя и делал при этом страдальческое лицо. А я, в свою очередь, старалась быть жизнерадостной, пунктуальной и не забывать сплавлять по мере возможности залежавшийся товар. Поскольку, как ни странно, чувствовала себя в ответе за его яйца.

А однажды он отвел меня в сторонку и сказал, что, конечно, не хочет опережать события, но в головном офисе рассматривают возможность повысить кого-нибудь из персонала до помощника менеджера, и если все пойдет по плану, он намерен выдвинуть мою кандидатуру. («Вера, естественно, отпадает, я не могу так рисковать. Она нальет мне в чай жидкость для мытья пола, лишь бы получить мое место».) Я поблагодарила Ричарда, изо всех сил постаравшись выглядеть довольной.

Тем временем Лили попросилась на работу к Самиру, в его лавку, и он обещал взять ее на испытательный срок, то есть на полдня, если она согласится потрудиться бесплатно. В семь тридцать я приготовила ей кофе и проследила, чтобы к восьми утра она успела одеться и выйти из дому. Когда я вернулась домой, она уже успела получить работу с жалованьем 2,73 фунта в час, что, как я выяснила, было той суммой, меньше которой Самир по закону не имел права платить. Лили в основном занималась тем, что, пока Самир с кузеном смотрели футбол по Интернету, переставляла ящики в подсобке и прищипандоривала допотопным этикет-пистолетом ценники на банки. Она возвращалась домой грязная, усталая, но,

как ни странно, довольная.

– Самир говорит, что, если я продержусь хотя бы месяц, он посадит меня за кассу.

Поскольку я отработала свою смену, во вторник вечером мы смогли отправиться к родителям Лили в Сент-Джонс-Вуд. Я осталась ждать в машине, а Лили пошла в дом взять свои вещи и репродукцию с картины Кандинского, которая, по словам Лили, должна была хорошо смотреться в моей квартире. Лили появилась двадцать минут спустя, с сердитым, замкнутым лицом. Вслед за ней на крыльцо вышла Таня. Сложив на груди руки, она молча смотрела, как Лили швыряет в багажник туго набитый вещевой мешок и, уже более бережно, укладывает картину. Лили села на переднее сиденье и уставилась злыми глазами на пустую дорогу. Когда Таня закрыла за собой дверь, мне показалось, что Лили вытирает слезы.

Я вставила ключ в замок зажигания.

– Когда я вырасту, – сказала Лили дрожащим голосом, – то постараюсь ни в чем не походить на свою мать.

И мы молча поехали домой.

Как насчет того, чтобы вечером сходить в кино? Хочется убежать от действительности.

Не уверена, что могу оставить Лили.

Возьми ее с собой.

Пожалуй, не стоит. Прости, Сэм. Целую.

В тот вечер я нашла Лили на пожарной лестнице. Она подняла голову на звук открывающегося окна и помахала мне сигаретой:

– Я решила, что, поскольку ты не куришь, нехорошо курить в твоей квартире.

Тогда я распахнула окно, осторожно забралась на лестницу и села рядом с ней на железную ступеньку. Машины на парковке под нами плавилась на августовской жаре, в неподвижном воздухе стоял запах гудрона. Из автомобиля с открытым верхом раздавался тяжелый рок. Металлические ступеньки еще хранили летнее тепло, и я, закрыв глаза, откинувшись назад.

– Мне казалось, это сработает, – сказала Лили, и я, насторожившись, сразу открыла глаза. – Мне казалось, если я смогу заставить Питера исчезнуть, то все мои проблемы разрешаться. Мне казалось, если я найду своего папу, то смогу хоть за что-нибудь уцепиться. Но вот Питера нет, Гарсайда нет, я знаю, кто мой папа, и у меня есть ты. Но все почему-то

не так, как я ожидала.

Я собралась было сказать ей, чтобы не глупила. Сказать, что за короткое время она многого достигла, получила свою первую в жизни работу, да и вообще, перед ней открыты все двери. Но все это прозвучало бы слишком банально и назидательно.

В конце улице компания офисных работников сгрудилась за круглым металлическим столиком у задней двери паба. Чуть позже улицу наводняют хипстеры и случайные люди из Сити. Они будут гудеть всю ночь, расплескивая на тротуар алкоголь и мешая своими воплями спать.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала я. – Если честно, я до сих пор не пришла в норму после смерти твоего папы. У меня такое чувство, будто я до сих пор не могу найти мотивации. Я по-прежнему на дерьмовой работе. По-прежнему живу в этой квартире, которая, похоже, никогда не станет для меня настоящим домом. Я была на волосок от смерти, но это не сделало меня мудрее, не научило быть благодарной судьбе или типа того. На занятиях группы психологической поддержки я встречаюсь с людьми, которые точно так же увязли в прошлом. Я все понимаю, но ничего не делаю, чтобы изменить жизнь к лучшему.

– Зато ты помогла мне, – немного подумав, сказала Лили.

– Пожалуй, это единственное полезное дело, которое я сделала.

– И у тебя есть парень.

– Он не мой парень.

– Нет, твой, Луиза.

Мы смотрели, как машины ползут в сторону Сити. Лили сделала последнюю затяжку и затушила окурок о металлическую ступеньку.

– А вот это следующий пункт моей повестки дня, – заметила я.

У Лили хватило совести сделать виноватое лицо.

– Я все знаю. Я брошу. Обещаю.

Солнце начало потихоньку клониться к закату, окрашивая оранжевым цветом свинцово-серое вечернее небо над Сити.

– Понимаешь, Лили, возможно, некоторые вещи требуют больше времени, чем другие. Но я уверена, рано или поздно у нас все получится.

Она взяла меня под руку и положила мне голову на плечо. Мы смотрели, как осторожно заходит солнце, как постепенно удлиняются тени, и я вдруг подумала о небесной линии Нью-Йорка, а еще о том, что ни один человек не может быть полностью свободным. Возможно, вся наша пресловутая свобода – физическая и духовная – всегда достигается за счет кого-то или чего-то другого.

Солнце скрылось за горизонтом, и оранжевое небо начало потихоньку

чернеть. Когда мы поднялись, Лили одернула юбку и посмотрела на зажатую в руке пачку. Вытащила из нее оставшиеся сигареты, разломала их пополам и швырнула вниз, совсем как конфетти из табака и белой бумаги. Затем лукаво посмотрела на меня и торжественно подняла руку:

– Все. Официально объявляю это место зоной, свободной от курения.

– Вот так просто?

– А почему бы и нет? Ты ведь сама говорила, что путь вперед может занять больше времени, чем мы думали. И это мой первый шаг. А какой твой?

– О боже! Быть может, мне удастся уговорить Ричарда позволить не надевать этот проклятый нейлоновый парик.

– Отличный первый шаг. Наконец-то меня не будет бить током от дверных ручек в твоей квартире, – заразительно улыбнулась Лили.

Я поспешно забрала пустую пачку, чтобы Лили больше не замусоривала парковку, и посторонилась, дав Лили возможность первой пролезть в окно. Но она неожиданно остановилась, словно ей в голову вдруг пришла умная мысль, и повернулась ко мне:

– Знаешь, чтобы сохранить с ним связь, тебе вовсе не обязательно быть грустной. – (Я изумленно смотрела на Лили.) – Я о своем папе. Так, просто в голову пришло. – Она пожала плечами и влезла в окно.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что Лили уже ушла на работу. В записке она написала, что в обеденный перерыв занесет домой хлеб, так как у нас его вообще нет. Я выпила кофе, позавтракала, натянула спортивные штаны, чтобы пойти прогуляться (Марк: «Физические упражнения укрепляют не только ваше тело, но и ваш дух!»), и тут кто-то позвонил мне на мобильник. Номер был незнакомым.

– Алло? – От удивления я на минуту потеряла дар речи. – Ма?

– Выгляни в окно!

Я подошла к окну гостиной. На тротуаре стояла мама и энергично махала мне рукой.

– Что... что ты здесь делаешь? А где папа?

– Он дома.

– Что-нибудь с дедушкой? Дедушка хорошо себя чувствует?

– Он себя чувствует прекрасно.

– Но ты никогда не ездила в Лондон одна. Ты ведь даже заправить машину без папы не могла.

– Ну, за это время я успела здорово измениться. Разве нет? Можно мне подняться? Я боюсь, что израсходую все минуты на своем новом телефоне.

Я впустила ее в дом и совершила экстренный обход гостиной, чтобы убрать оставшуюся с вечера грязную посуду, и к тому моменту, как мама подошла к двери квартиры, я уже стояла на пороге с раскинутыми для объятий руками.

На маме была ее парадная куртка, сумка висела на плече («Грабителям так будет сложнее ее отнять»), волосы мягкими волнами обрамляли лицо. Мама буквально сияла, ее губы были аккуратно покрашены кораллово-розовой помадой, в руках она сжимала домашний телефонный справочник, датированный 1983 годом.

– Поверить не могу, что ты рискнула приехать одна.

– Разве это не чудесно? У меня даже слегка кружится голова. Я сказала одному молодому человеку в подземке, что впервые за тридцать лет еду в метро без сопровождающих, и он отодвинулся от меня как от прокаженной. Я так смеялась, что едва не описалась. Может, поставишь чайник? – Она села, сняла куртку и осмотрела стены гостиной. – Ну что ж... Серый – это даже интересно.

– Цвет выбирала Лили. – На секунду мне показалось, что меня разыгрывают и в квартиру вот-вот со смехом ворвется папа и скажет, какая я все-таки лопоухая, если купилась на их розыгрыш и поверила, будто Джози может хоть куда-то отправиться одна. Я налила маме чая. – Ничего не понимаю. Почему ты приехала без папы?

– Ой, чай замечательный. Ты всегда умела заваривать чай, – похвалила меня мама и поставила кружку на стол, предусмотрительно подложив под нее книжку в бумажной обложке. – Ну, я сегодня проснулась и вспомнила о делах, которые мне предстоит переделать. Постирать, помыть окна, выходящие во двор, поменять дедушке постельное белье, купить зубную пасту. И внезапно подумала: нет, я не стану тратить чудесный субботний день на то, что делала целых тридцать лет. Я устраю себе маленькое приключение.

– Приключение.

– Вот я и подумала, что мы могли бы сходить на шоу.

– На шоу.

– Да, на шоу. Луиза, чего ты все повторяешь как попугай? Миссис Казинс из страховой компании сказала, что на Лестер-сквер есть киоск, где можно дешево купить билеты на дневные спектакли. Вот я и подумала, почему бы тебе не сходить со мной?

– А как насчет Трины?

– Бог с тобой, она слишком занята, – отмахнулась мама. – Ну, что скажешь? Рискнем?

– Мне надо предупредить Лили.

– Тогда иди и скажи ей. А я допью чай, ты приведешь в порядок волосы – и вперед! Представляешь, я купила проездной на один день! И могу с утра до вечера кататься в метро.

Мы приобрели за полцены билеты на «Билли Эллиота»^[29]. Выбор был невелик: или это, или какая-то русская драма, но мама сказала, что с тех пор, как кто-то угостил ее холодным свекольником со словами, будто в России только так его и едят, русские вызывают у нее смех.

Весь спектакль она сидела как завороченная, периодически пихая меня в бок, а в антракте сказала:

– Луиза, я была свидетелем настоящей шахтерской забастовки. Малообеспеченным семьям тогда пришлось очень несладко. Маргарет Тэтчер! Ты ее помнишь? Ужасная женщина! Правда, у нее всегда были красивые сумочки.

Когда бедный Билли взмыл в воздух, очевидно за счет потенциальной энергии своих амбиций, мама тихонько всплакнула, вытирая глаза свежевывстиранным белым носовым платком.

А я смотрела на его учительницу танцев миссис Уилкинсон, у которой не хватило амбиций вырваться за пределы провинциального городка, и пыталась делать вид, будто не нахожу сходства с собственной судьбой. Нет, как-никак я была женщиной с работой, с неким подобием бойфренда и, более того, посетившей субботним днем театр в Вест-Энде. Я мысленно перебрала все три пункта, словно подводя итог своим маленьким победам в борьбе с неопознанным противником.

Мы вышли на дневной свет с легким головокружением и эмоционально опустошенные.

– Ну ладно, – сказала мама, крепко зажав сумочку под мышкой (вот она, сила привычки). – Чай в отеле. Давай. Устоим себе маленький праздник.

В шикарные отели нам попасть не удалось, но мы нашли неподалеку от Хеймаркет вполне себе симпатичный отельчик, выбор чая в котором устроил маму. По ее просьбе нам дали столик в центре, и мама с удовольствием отпускала замечания по поводу входящих в зал гостей, комментируя их манеру одеваться, особенно тех, кто «приехал из-за рубежа», и осуждая посетителей, пришедших по недомыслию с маленькими детьми или похожими на крыс собачонками.

– Нет, ты только посмотри! – то и дело восклицала она, когда в зале становилось тихо. – Разве это не чудесно?

Мы заказали чай «Английский завтрак» (Мама: «Это нормальный чай, да? И никаких этих странных ароматизаторов?») и «Послеобеденный чай», ели крошечные сэндвичи с обрезанной корочкой, маленькие ячменные лепешки, которые даже рядом не стояли с мамиными, и пирожные в золотой фольге. Мама битых полчаса говорила о «Билли Эллиоте», о том, что нам не мешало бы по крайней мере раз в месяц предпринимать подобные вылазки и что папе наверняка здесь понравилось бы.

– Кстати, а как там папа?

– Ой, у него все прекрасно. Ты же знаешь своего отца.

Я собралась было задать сакраментальный вопрос, но не решилась. Подняв глаза, я встретила мамин испытующий взгляд.

– Да, Луиза. Я так и не побрила ноги. И да, папа действительно не слишком доволен. Но в жизни есть вещи и поважнее.

– А что он сказал по поводу твоей сегодняшней поездки?

Она фыркнула, для приличия сделав вид, что закашлялась.

– Он не поверил, что я решусь. Я сообщила ему об этом сегодня утром за чаем, а он начал хохотать, и, если честно, я так разозлилась, что молча оделась и ушла.

От изумления у меня глаза полезли на лоб.

– Ты что, ничего ему не сказала?!

– Но я ведь поставила его в известность. А теперь он целый день шлет сообщения на мой телефон. Идиот! – Она покосилась на экран и поспешно спрятала мобильник в карман.

Я сидела и смотрела, как она деликатно подцепляет вилкой и кладет на тарелку очередную лепешку, а потом, закрыв глаза от удовольствия, откусывает кусочек.

– Лепешки восхитительные.

– Мама, ты же не собираешься разводиться, да? – судорожно сглотнула я.

Она сразу открыла глаза:

– Разводиться?! Луиза, я добрая католичка. А католички не разводятся. Они просто заставляют своих мужей страдать до скончания века.

Я заплатила по счету, и мы удалились в дамский туалет – похожую на пещеру комнату с красновато-коричневым мрамором на стенах, дорогими цветами и молчаливой служительницей возле раковин. Мама дважды вымыла руки, очень тщательно, затем понюхала выстроившиеся над раковиной бутылочки с лосьонами, делая соответствующее выражение лица, если лосьон ей нравился.

– Конечно, мне не следует так говорить с учетом моих феминистских взглядов, но я действительно мечтаю о том, чтобы хотя бы одна из моих девочек нашла себе хорошего мужчину.

– Я кое-кого встретила, – неожиданно для себя призналась я.

Она повернулась ко мне, с бутылочкой лосьона в руках.

– Не может быть!

– Он парамедик.

– Потрясающе. Парамедик! Это ничуть не хуже водопроводчика!

И почти так же полезно. Так когда мы его увидим?

– Когда вы его увидите? – замаялась я. – Не уверена, что это...

– Что – это?

– Ну, я хочу сказать, мы еще слишком мало знакомы. Не уверена, что он именно тот...

Мама отвинтила колпачок тюбика губной помады и уставилась в зеркало:

– Значит, ты хочешь сказать, что он у тебя только для секса, да?

– Мама! – Я покосилась на служительницу.

– Ну тогда объясни, в чем дело.

– Я пока не уверена, что готова к серьезным отношениям.

– Почему? Разве в твоей жизни хоть что-нибудь происходит?

Видишь ли, яичники не та вещь, которую можно сохранить в морозилке.

– А почему не приехала Трина? – поспешила я сменить тему.

– Не смогла найти, на кого оставить Тома.

– А ты вроде говорила, будто она очень занята.

Мама поймала мое отражение в зеркале. Плотнo сжала губы и положила помаду обратно в сумку.

– Луиза, похоже, она сейчас на тебя здорово сердита. – Мама посмотрела на меня так, словно просветила рентгеном. – Неужели вы поссорились?

– Не понимаю, почему она считает себя вправе меня судить. – В моем голосе слышались угрюмые подростковые нотки.

Мама пригвоздила меня к месту суровым взглядом.

И я все ей рассказала. Я села на мраморную столешницу, мама нашла себе кресло, и я рассказала ей о предложении работы в Нью-Йорке и почему от нее отказалась, о том, как мы потеряли и снова нашли Лили, и что Лили наконец начала меняться в лучшую сторону.

– Я договорилась о новой встрече с миссис Трейнор. Мы медленно, но верно движемся вперед. Но Трина вообще ничего не хочет слушать, хотя, если бы нечто подобное случилось с Томом, она первая сказала бы,

что я не имею права его бросать.

Мама смотрела на меня круглыми глазами:

– Господи Иисусе! Ты рехнулась?

– Что?

– Работа в Нью-Йорке со всеми делами, а ты хочешь навечно застрять в этом ужасном месте в аэропорту! Нет, вы слышали? – Мама повернулась к служительнице. – Поверить не могу, что это моя родная дочь! Господь свидетель, я не понимаю, что случилось с ее мозгами.

Служительница медленно покачала головой:

– Да уж, ничего хорошего.

– Мама! Я сделала так, как лучше.

– Для кого?

– Для Лили!

– Неужели ты считаешь, что, кроме тебя, некому помочь этой девочке встать на ноги? Ну а ты хотя бы попробовала поговорить с тем парнем в Нью-Йорке и попросить у него пару недель отсрочки?

– С таким человеком, как он, не торгуются.

– Откуда ты знаешь? Под лежащий камень вода не течет. Разве не так? – (Служительница снова медленно кивнула.) – Боже правый, когда я об этом думаю... – Мама взяла из рук служительницы бумажное полотенце и принялась яростно вытирать шею. – Послушай меня, Луиза. У меня уже есть одна талантливая дочь, которая застряла дома, расплачиваясь за одну-единственную ошибку молодости. Ты знаешь, как я безумно люблю Тома, но иногда, как подумаю, чего могла бы добиться Трина, родись Том чуть-чуть позже, мне хочется рвать и метать. Да я и сама увязла в болоте бытовых проблем, ухаживая за папой и дедушкой. Но я-то ладно. Я сейчас ищу свой собственный путь. Но ты не должна ограничивать свои устремления только этим, слышишь меня? Только не билетами за полцены и ароматным чаем с пирожными. Ты должна быть там! Тебе единственной из всей нашей семьи реально выпал чертовски хороший шанс! И мне больно слышать, что ты его профукала ради какой-то девчонки, которую едва знаешь!

– Мама, я приняла единственно верное решение.

– Очень может быть. А может, просто решила плыть по течению.

– Под лежащий камень вода не течет, – подала реплику служительница.

– Вот именно! Слушай, что тебе умные люди говорят. Тебе надо срочно вернуться и узнать у этого американского джентльмена, нельзя ли приехать чуть позже... И не смотри на меня так, Луиза! Похоже, я с тобой слишком миндальничала. Не подталкивала вперед, когда следовало.

Завязывай с этой своей тупой работой и начинай жить.

– Мама, места в Нью-Йорке больше нет.

– Это еще бабушка надвое сказала. А ты его спрашивала?

Я покачала головой.

Мама, тяжело дыша, поправила шарфик. Потом достала из кошелька две монеты по одному фунту и вручила их служительнице:

– Ну-с, должна вам сказать, что вы потрудились на славу! Пол такой чистый, что с него можно есть. И пахнет тут просто роскошно.

Служительница ответила маме теплой улыбкой и подняла палец, словно на нее неожиданно снизошло озарение. Она выглянула в коридор и подошла к своему шкафчику, быстро открыв его висевшим на связке ключом. Вынула кусок цветочного мыла и вложила маме в руку.

Мама принялась и вздохнула:

– Просто райский запах. Прямо-таки кусочек рая.

– Это вам.

– Мне?

Женщина сжала мамину ладонь, в которой та держала мыло.

– Ну, вы просто сама доброта. А можно узнать, как вас зовут?

– Мария.

– Мария, а я Джози. И когда я в следующий раз буду в Лондоне, то непременно зайду в ваш туалет. Ты меня понимаешь, Луиза? Никогда не знаешь, что тебя ждет за следующим поворотом. Разве это не настоящее приключение? И я получила роскошный кусок мыла от моей чудесной новой подруги Марии.

Они обменялись горячими рукопожатиями, словно старые друзья накануне разлуки, и мы покинули отель.

Я не могла ей сказать. Не могла ей сказать, что мысль о работе в Нью-Йорке, как наваждение, преследует меня с утра до вечера. Что бы я там ни говорила, в глубине души я отлично понимала, что до самой смерти буду жалеть об упущенном шансе переехать в Нью-Йорк. И как бы ни успокаивала себя тем, что у меня впереди еще целая жизнь, воспоминания о Нью-Йорке, словно о дешевой сумочке, на которую я когда-то пожалела денег, будут вечно терзать меня.

Итак, посадив маму на поезд домой, где ее ждал мой кипевший от возмущения папа, и приготовив Лили салат из продуктов, оставшихся в холодильнике еще со времен Сэма, я проверила свою электронную почту и обнаружила послание от Натана.

Не могу сказать, что полностью с тобой согласен, но я понимаю, почему ты все это делаешь. Думаю, Уилл гордился бы тобой. Ты хороший человек, Кларк. Целую.

Глава 24

Еще не успев обзавестись собственными детьми, я уже узнала несколько важных вещей о том, каково это – быть родителем. Что бы ты ни сделал, ты все равно будешь не прав. Если ты будешь жестоким, или авторитарным, или небрежным, то непременно ранишь неокрепшую душу своего подопечного. Если ты будешь любящим, внимательным и станешь хвалить своего подопечного даже за самые незначительные достижения – скажем, если ему удалось утром не проспать или воздержаться от курения в течение дня, – это все равно выйдет тебе боком. Я выяснила, что если ты являешься родителем *de facto*, то все вышесказанное остается в силе, но при этом у тебя нет тех властных полномочий, которыми ты, по идее, должен быть наделен, поскольку кормишь и обслуживаешь своего подопечного.

И вот, вооруженная этой новой мудростью, я погрузила Лили в машину и сообщила ей, что мы едем на ланч. Возможно, моя затея провалится, сказала я себе, но, по крайней мере, у меня будет союзник, способный помочь справиться с потенциальными осложнениями.

– Мы едем не той дорогой. Твои папа и мама живут в другой стороне.

– Я знаю.

– Тогда куда мы направляемся?

– Я же тебе уже говорила. На ланч.

Она долго гипнотизировала меня взглядом, но, поняв, что со мной этот номер не пройдет, уставилась в окно со словами:

– Господи, иногда ты бываешь просто невыносима!

Через полчаса мы подъехали к отелю «Корона и подвязка», зданию из красного кирпича, расположенному в парковой зоне, в двадцати минутах езды от Оксфорда. Я решила, что нейтральная территория – это оптимальный вариант. Лили вылезла из машины, демонстративно шваркнув дверью, с целью дать мне понять, что я реально ее достала.

Оставив без внимания ее выходку, я подкрасила губы и вошла в ресторан. Лили нехотя поплелась за мной.

Миссис Трейнор уже сидела за столом. Увидев ее, Лили в отчаянии простонала:

– Ну вот, снова здорово! Зачем начинать все сначала?

– Потому что все рано или поздно меняется, – подтолкнув ее вперед, сказала я.

– Лили, – встала с места миссис Трейнор.

Миссис Трейнор явно успела побывать у парикмахера, ее волосы были элегантно пострижены и уложены. Она даже решилась на легкий макияж и теперь напоминала себя прежнюю: элегантно одетую даму, хорошо понимающую, что внешность человека играет если не главную, то весьма существенную роль.

– Здравствуйте, миссис Трейнор.

– Привет, – промямлила Лили.

Она не стала протягивать миссис Трейнор руку и поспешно села рядом со мной.

Миссис Трейнор это заметила, но только сдержанно улыбнулась и, подзвав официанта, снова заняла свое место.

– Этот ресторан был у твоего папы в числе любимых, – заметила она, положив на колени салфетку. – В тех редких случаях, когда мне удавалось выманить его из Лондона, мы обычно встречались именно здесь. Тут отменная еда. Ресторану присвоена звезда Мишлена.

Я посмотрела меню: кнели из тюрбо^[30] с франжипаном из мидий и лангустов, копченая утиная грудка с тосканской капустой и кускусом. Оставалось только надеяться, что, как приглашающая сторона, платить будет миссис Трейнор.

– Звучит очень уж претенциозно, – не отрывая глаз от меню, заметила Лили.

Я покосилась на миссис Трейнор.

– Уилл всегда именно так и говорил. Но кухня очень хорошая. Лично я, наверное, возьму перепелку.

– Тогда я закажу сибас, – сказала Лили, закрыв меню в кожаном переплете.

Я во все глаза смотрела на список блюд. Все до одного названия были мне незнакомы. Что подразумевается под брюквой? Что такое равиоли из костного мозга и морского укропа?

– Вы готовы сделать заказ? – Рядом со мной возник официант.

Я подождала, пока миссис Трейнор с Лили озвучат выбранные ими блюда. И внезапно обнаружила слово, которое помнила еще по Парижу.

– А мне, если можно, *joues de boeuf confites*^[31].

– С картофельными клецками и спаржей? Хорошо, мадам.

Говядина, подумала я. С говядиной я уж точно справлюсь.

В ожидании закусок мы говорили о совершенно незначимых вещах. Я рассказала миссис Трейнор, что по-прежнему работаю в аэропорту,

но ожидаю повышения, постаравшись представить это как осознанный выбор, а не крик о помощи. А еще о том, что Лили нашла работу. Услышав, чем занимается Лили, миссис Трейнор не ужаснулась, чего я в глубине души опасалась, а просто кивнула:

– По-моему, очень разумно. Грязные руки в начале карьеры еще никому не повредили.

– Но работа не слишком перспективная, – не стала кривить душой Лили. – В лучшем случае меня потом посадят за кассу.

– Разносить газеты тоже радости мало. Однако твой папа занимался этим последние два года до окончания школы. Такие вещи прививают трудовую этику.

– И консервированные сосиски будут всегда пользоваться спросом, – заметила я.

– Да неужели? – Миссис Трейнор была явно шокирована.

Мы смотрели, как за соседним столиком устраиваются новые посетители: двое мужчин усаживали на стул охающую пожилую женщину.

– Мы получили ваш фотоальбом, – сказала я.

– Правда? Я как раз думала, получили вы его или нет. Тебе... тебе понравилось?

Лили бросила на нее острый взгляд:

– Очень мило с вашей стороны, спасибо.

Миссис Трейнор осторожно пригубила стакан с водой.

– Я хотела показать тебе другого Уилла. Мне казалось, что после того, как он умер, со стороны его жизнь видится очень однобоко. И еще я хотела показать, что он был больше чем просто калека в инвалидном кресле. Больше чем несчастный человек, выбравший такой способ ухода из жизни.

За столом повисло тягостное молчание.

– Очень мило с вашей стороны, спасибо, – повторила Лили.

Нам подали еду, и Лили снова замолчала. Официанты топтались у нас за спиной, услужливо доливая стаканы с водой, когда ее уровень понижался хотя бы на сантиметр. Нам принесли хлебную тарелку, потом унесли и через пять минут снова принесли. Ресторан постепенно заполнялся людьми, похожими на миссис Трейнор: хорошо одетыми, с грамотной речью, – людьми, для которых кнели из тюрбо были обычным ланчем, а не языковой засадой. Миссис Трейнор поинтересовалась, как поживают мои родители, и очень тепло отозвалась о моем папе:

– Он отлично поработал в замке.

– Должно быть, вам иногда хочется вернуться туда, – заметила я и внутренне сжалась, поняв, что сболтнула лишнего.

Но миссис Трейнор только опустила глаза, разглядывая скатерть перед собой.

– Да, это так, – через силу улыбнулась она и снова отпила воды.

Мы принялись за закуски (копченый лосось для Лили, салат для нас с миссис Трейнор), продолжая беседовать в том же духе, периодически замолкая и снова осторожно продвигаясь вперед. Примерно так неопытный автомобилист учится вести машину. Я даже с облегчением вздохнула, когда нам принесли основное блюдо. Но радость моя была недолгой. То, что лежало на моей тарелке, – круглые мокрые кусочки в густом коричневом соусе – даже отдаленно не походило на говядину.

– Простите, – обратилась я к официанту, – но я, кажется, заказывала говядину?

Он задержал на мне удивленный взгляд:

– А это и есть говядина, мадам. – (Мы дружно уставились на мою тарелку.) – *Joues de boeuf*. Говяжьи щечки.

– Говяжьи щечки?

Мы снова посмотрели на мою тарелку, и мой желудок вдруг словно подпрыгнул.

– Ну да, конечно, – сказала я. – Я... Да. Говяжьи щечки. Спасибо.

Говяжьи щечки. Я постеснялась спросить, с какого конца они отрублены. Поскольку сама толком не знала, что для меня хуже. Улыбнувшись миссис Трейнор, я принялась ковырять клецки.

Мы ели почти в полном молчании. Мы с миссис Трейнор, похоже, исчерпали все темы для разговоров. Лили была не слишком многословна, лишь изредка она отпускала какую-нибудь колкость, словно проверяя долготерпение бабушки. Она гоняла кусочки рыбы по тарелке, словно недовольный подросток, вынужденный есть изысканную еду в компании двух взрослых. Я же подцепляла вилкой крохотные кусочки, стараясь не слушать настойчиво жужжащий в голове голос: *Ты ешь щечки! Настоящие щечки!*

Наконец мы заказали кофе. Когда официант удалился, миссис Трейнор убрала с коленей салфетку и положила ее на стол:

– Все. Мое терпение лопнуло. – (Лили, восторженно уставившись, перевела взгляд с меня на миссис Трейнор.) – Еда замечательная, и было очень приятно узнать, как вам работается, но так мы далеко не уедем. Да?

И у меня сразу промелькнула мысль, что Лили ее все-таки достала и теперь она собирается уходить. Более того, я заметила нескрываемое удивление на лице Лили, которая наверняка подумала о том же. Но миссис Трейнор повела себя совершенно неожиданно. Отодвинув свою чашку,

она наклонилась к нам поближе:

– Лили, я приехала сюда отнюдь не для того, чтобы поразить твое воображение изысканным ланчем. Я приехала попросить прощения. Мне трудно объяснить, в каком я была состоянии, когда вы у меня появились, но в том, что наша первая встреча прошла не слишком гладко, естественно, нет твоей вины, и сейчас мне хочется извиниться за то, что твое знакомство с родственниками со стороны отца... оказалось столь неудачным.

Тем временем официант принес кофе, но миссис Трейнор, не поворачиваясь, остановила его взмахом руки:

– Не могли бы вы оставить нас на две минуты.

Официант неуклюже попятился с подносом в руках. Я замерла. Миссис Трейнор перевела дыхание. Она была как натянутая струна, голос звучал взволнованно.

– Лили, я потеряла сына, твоего папу, но, положив руку на сердце, я потеряла его еще раньше. Его смерть положила конец всему, на чем строилась моя жизнь: моей роли матери, моей семье, моей карьере, даже моей вере. Если честно, у меня вдруг возникло такое чувство, будто я проваливаюсь в черную дыру. Но, обнаружив, что у Уилла есть дочь, а значит, у меня есть внучка, я вдруг обрела надежду на будущее. – Она нервно сглотнула. – Я не собираюсь говорить, что ты вернула мне частицу Уилла, поскольку это было бы нечестно по отношению к тебе. Ведь ты, как я успела понять, на редкость цельная девушка. И в твоём лице я неожиданно для себя нашла человека, о котором я снова могу заботиться. Лили, я надеюсь, что ты дашь мне еще один шанс. Потому что мне очень хочется – нет, черт побери, я об этом просто мечтаю! – чтобы мы стали проводить вместе время. Луиза утверждает, что у тебя сильный характер. Что ж, тебе еще придется поближе узнать нашу семью. Само собой, мы с тобой непременно столкнемся лбами, как это было с твоим отцом. Но, в сущности, если нам ничто не мешает, ты должна знать главное. – Она сжала руку Лили. – Я просто счастлива, что мы познакомились. Сам факт твоего существования изменил мое мироощущение. В следующем месяце моя дочь, твоя тетя Джорджина, специально прилетает из Австралии, чтобы познакомиться с тобой. Более того, она просит, чтобы мы с тобой приехали погостить к ней в Сидней. У меня в сумке лежит ее письмо, адресованное тебе. – Голос миссис Трейнор дрогнул. – Я понимаю, мы не сумеем заменить тебе отца, и я понимаю, что я не... ну, я по-прежнему пытаюсь выкарабкаться. Но... как ты думаешь... возможно... ты все-таки найдешь в своем сердце уголок

для не самой простой бабушки? – (Лили смотрела на нее во все глаза.) – Возможно, все-таки... рискнешь и попытаешься попробовать? – На этой фразе ее голос вконец сломался.

За столом воцарилось томительное молчание. У меня бешено застучало в висках. Лили посмотрела на меня, а потом, спустя целую вечность, – на миссис Трейнор.

– Так вы хотите... Вы хотите, чтобы я приехала к вам и пожила у вас, да?

– Если тебе так будет угодно. Да, я этого очень хочу.

– А когда?

– А когда ты сможешь?

Я привыкла видеть Камиллу Трейнор исключительно собранной и подтянутой, но сейчас ее лицо странно сморщилось. Она неуверенно положила руку на стол и потянулась к Лили, и та после секундного колебания накрыла ее своей ладонью. Их пальцы сплелись на белоснежном полотне, словно выжившие жертвы кораблекрушения, а официант тем временем стоял как столб с подносом в руках, не зная, можно ли подавать кофе.

– Я привезу ее завтра днем.

Мы стояли на парковке, Лили топталась возле машины миссис Трейнор. Лили успела умять два пудинга: свой, с жидким шоколадом, и мой (к этому времени я напрочь потеряла аппетит) – и теперь придиричиво разглядывала пояс джинсов.

– Вы уверены? – Я сама толком не знала, к кому из них в данный момент обращаюсь. Ведь я прекрасно понимала, насколько непрочно их *entente cordiale*^[32] и как легко может нарушиться установившееся между ними хрупкое равновесие.

– У нас все будет хорошо.

– Завтра я не работаю, – подала голос Лили. – По воскресеньям Самира подменяет его кузен.

Мне было непривычно вот так расставаться с Лили, хотя та сияла от счастья. Очень хотелось сказать: «Не курить и не ругаться», а возможно: «Может, как-нибудь в другой раз?» – но Лили помахала рукой и решительно села на пассажирское сиденье «фольксвагена-гольф» миссис Трейнор, даже не оглянувшись.

Ну вот, дело сделано. У меня снова развязаны руки.

Миссис Трейнор открыла дверь машины.

– Миссис Трейнор? Можно у вас кое о чем спросить?

Она остановилась:

– Зовите меня просто Камилла. Почему бы нам не отбросить формальности?

– Камилла. А вы говорили с матерью Лили?

– Ах да. Говорила. – Она наклонилась, чтобы вырвать из цветочного бордюра сорняк. – Я сказала ей, что надеюсь в будущем проводить с Лили как можно больше времени. И я полностью отдаю себе отчет, что в свете тех трагических обстоятельств меня трудно считать образцовой матерью, но, если уж быть до конца откровенной, тут мы обе далеки от идеала, а потому ей надлежит хоть раз в жизни подумать прежде всего о счастье своего ребенка, а не о своем собственном.

У меня отвисла челюсть. Я даже на миг потеряла дар речи.

– «Надлежит» – отличное слово, – опомнившись, сказала я.

– Очень емкое, да? – Миссис Трейнор выпрямилась, и в ее глазах появился озорной блеск. – Вот так-то. Уж кого-кого, а Тани Хотон-Миллер я боюсь меньше всего. Надеюсь, мы хорошо поладим. Лили и я.

При этих словах я собралась было попрощаться и вернуться к своей машине, но миссис Трейнор положила руку мне на плечо:

– Луиза, спасибо вам за все.

– Я не сделала ничего такого...

– Нет, сделали. Я прекрасно понимаю, мне есть за что вас благодарить. И надеюсь, когда-нибудь смогу отплатить вам добром за добро.

– Ой, даже не думайте об этом! У меня все отлично.

Она заглянула мне в глаза и сдержанно улыбнулась. Ее помада, как я успела заметить, была безупречной.

– Ну, тогда я позвоню вам завтра, перед тем как везти Лили домой.

И, зажав сумочку под мышкой, миссис Трейнор решительно направилась к своей машине, где ее ждала Лили.

Я проводила глазами «гольф» и позвонила Сэму.

Канюк лениво парил в лазурном небе над полем, раскинув в дрожащей синеве огромные крылья. Я предложила Сэму помочь с кирпичной кладкой, но в результате мы осилили только один ряд (я подносила кирпичи). Жара оказалась настолько удушающей, что Сэм предложил сделать перекур и глотнуть холодненького пивка. Мы легли на траву и потом уже не смогли подняться. Я рассказала ему историю с говяжьими щечками, и он смеялся до слез, тщетно пытаясь сделать серьезное лицо, когда я возмущенно объясняла, что если бы они назвали блюдо как-нибудь по-другому, то все было бы нормально, а так это все равно что сказать, будто

ты будешь есть куриную гузку или типа того. Я лежала рядом с ним, прислушиваясь к пению птиц и тихому шепоту трав, смотрела, как персиковое солнце потихоньку заходит за горизонт, и думала, когда удавалось отогнать гложущие меня сомнения насчет лексикона Лили, и в частности ее любимого слова «задолбала», что жизнь – хорошая штука.

– В такие моменты я иногда задаю себе вопрос: а зачем, собственно, напрягаться и строить дом? – сказал Сэм. – Если можно просто лежать в поле.

– Хорошая мысль. – Я лениво жевала травинку. – Правда, в январе ледяной душ с небес тебя быстро отрезвит.

Я приехала к Сэму прямо из ресторана. Внезапный отъезд Лили выбил меня из колеи, и мне не хотелось оставаться одной в пустой квартире. Подъехав к полю Сэма, я заглушила мотор и осталась сидеть, наблюдая за тем, как он шлепает цемент на кирпич и кладет сверху следующий, вытирая пот со лба выцветшей футболкой. Это зрелище подействовало на меня столь умиротворяюще, что нервное напряжение, в котором я пребывала весь день, стало постепенно проходить. И к счастью, Сэм не стал напоминать о пробежавшей между нами черной кошке, за что хотелось сказать ему отдельное спасибо.

На небе вдруг появилось одинокое облако. Сэм прижался ко мне ногой, она была вдвое больше моей.

– Интересно, а миссис Ти рискнула достать фотографии? Ну, ты понимаешь, для Лили.

– Фотографии?

– Фото в рамках. Я тебе говорила. В тот раз, когда мы с Лили к ней нагрянули, я не увидела у нее ни одной фотокарточки Уилла. А когда она прислала фотоальбом, я здорово удивилась, поскольку решила, что она все уничтожила. – (Сэм задумчиво молчал.) – Все это, конечно, очень странно. Хотя, с другой стороны, у меня тоже нет фотокарточек Уилла. Возможно, должно пройти какое-то время, прежде чем ты сможешь найти в себе силы позволить ему смотреть на тебя с фотографии. Сколько тебе потребовалось, чтобы снова поставить карточку сестры у кровати?

– Я не убирал ее фото. Мне нравилось, что она рядом, такая... похожая на себя. Она всегда резала правду-матку в глаза. Типичная старшая сестра. И теперь, когда мне кажется, будто все так плохо, что хуже не бывает, я смотрю на фото и слышу ее голос: «Сэм, дуралей, только не вздумай опускать руки». – Он повернулся ко мне лицом. – И знаешь, Джейку тоже полезно видеть ее портрет. Так ему легче о ней говорить.

– Тогда, быть может, я тоже поставлю у себя карточку Уилла. Лили

будет приятно иметь дома фото ее папы.

Куры гуляли на свободе; неподалеку от нас две вляпавшиеся в грязь несушки отчаянно чистили перья, поднимая маленькие облачка пыли. Оказывается, у каждой домашней птицы был свой характер. В хозяйстве Сэма была властная рыжая несушка, еще одна, очень ласковая, с пестрым гребешком, и, наконец, бентамка, которую каждый вечер приходилось извлекать из кустов и загонять в курятник.

– Как думаешь, может, отправить ей эсэмэску? Узнать, как дела.

– Кому?

– Лили.

– Оставь их в покое. У них все будет хорошо.

– Конечно, ты прав. Просто все так странно. Глядя на нее в ресторане, я поняла, что даже не подозревала, как она похожа на Уилла. Полагаю, миссис Трейнор... Камилла... это тоже заметила. Она моргала всякий раз, как Лили демонстрировала свои манеры, словно Лили чем-то напоминала ей сына. А когда Лили вдруг приподняла одну бровь, мы с Камиллой просто обалдели. Лили вдруг стала точной копией Уилла.

– Так чем ты хочешь заняться сегодня вечером?

– Ой... Мне все равно. Чем хочешь. – Я сладко потянулась, чувствуя, как трава щекочет шею. – Хотя я бы осталась вот так лежать. А если ты вдруг захочешь лечь сверху, то подобная инициатива будет только приветствоваться.

Я ожидала, что он рассмеется, но, кажется, напрасно.

– Тогда... может... поговорим о нас? – без улыбки сказал Сэм.

– О нас?

Он прикусил зубами травинку:

– Угу. Я... вот тут подумал... В общем, мне хотелось бы знать, что, по-твоему, между нами происходит.

– Ой, тоже мне, бином Ньютона!

– Лу, я только пытаюсь убедиться, что между нами нет недопонимания. – Он расщепил травинку и взял следующую.

– Думаю, у нас все хорошо, – ответила я. – На сей раз я не собираюсь тебя обвинять в пренебрежении своими отцовскими обязанностями. Или возбужать по поводу несуществующих подружек.

– Но ты продолжаешь держать меня на расстоянии вытянутой руки, – мягко заметил он, и мне показалось, будто меня ударили под дых.

Я приподнялась на локте, чтобы заглянуть ему в глаза:

– Я здесь. Разве нет? И ты первый, кому я звоню в конце рабочего дня. Мы встречаемся при каждой удобной возможности. И меня вряд ли можно

обвинить в том, что я «держу тебя на расстоянии вытянутой руки».

– Угу. Мы встречаемся, занимаемся сексом, ужинаем вместе.

– А мне почему-то казалось, что каждый мужчина мечтает именно о таких отношениях.

– Лу, я не каждый мужчина.

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Хорошего настроения как не бывало. Я почувствовала себя загнанной в угол.

– И не надо так на меня смотреть, – вздохнул он. – Я вовсе не принуждаю тебя выходить за меня замуж. Я просто хочу сказать... что первый раз в жизни встречаю женщину, которая решительно отказывается говорить о совместном будущем. – Прикрыв глаза рукой, он прищурился на солнце. – Похоже, ты не рассматриваешь наши отношения как долгосрочные. Что ж, отлично. И все же мне хотелось бы услышать твое мнение. Ведь после смерти Эллен я отчетливо понял, что жизнь очень коротка. И я не хочу...

– Не хочешь чего?

– Впустую тратить время на тупиковую ситуацию.

– Значит, впустую тратить время?!

– Ну, может, я неправильно выбрал слова. Вообще-то, я не силен в этих делах. – Сэм тоже сел.

– Но почему, почему ты придаешь нашим отношениям такое значение? Мы весело проводим время. Почему нельзя оставить все как есть и... ну, я не знаю... посмотреть, что получится?

– Потому что я живой человек. Понятно? И очень трудно иметь дело с кем-то, кто до сих пор влюблен в привидение, а тебя использует исключительно для секса. Господь всемогущий, поверить не могу, что я сказал это вслух!

Когда я наконец обрела способность говорить, то не узнала своего голоса:

– Я вовсе не влюблена в привидение.

На этот раз он даже не посмотрел в мою сторону. А просто устало потер лицо:

– Тогда отпусти его, Лу.

Он тяжело поднялся на ноги и направился к своему вагончику, оставив меня тупо смотреть ему вслед.

На следующий вечер вернулась Лили, слегка загоревшая. Она вошла в квартиру, прошла через кухню, где я разгружала посудомойку, размышляя над тем, стоит ли позвонить Сэму, и плюхнулась на диван. Положила ноги

на кофейный столик, взяла пульт и включила телевизор.

– Ну как все прошло? – спросила я через минуту.

– Нормально.

Я ждала, что она уменьшит звук и пробормочет сквозь зубы: «Эта семейка просто какой-то кошмар». Но она только переключила телевизор на другой канал.

– А чем вы занимались?

– Да так, ничем особенным. Немного поболтали. В основном возились в саду. – Она задумчиво положила подбородок на спинку дивана. – Эй, Лу! А у тебя не осталось тех хлопьев с орехами? Я буквально умираю с голоду.

Глава 25

Мы разговариваем?

Конечно. Что ты хочешь сказать?

Иногда я смотрю на жизнь окружающих меня людей, и у меня невольно возникает вопрос: неужели мы обречены оставлять за собой следы разрушения? И жизнь тебе портят не только папа с мамой, мистер Ларкин^[33]. У меня вдруг словно спала пелена с глаз. Оглядевшись вокруг, я неожиданно осознала, что практически каждый человек несет на себе жестокий отпечаток любви. Любви, которую мы потеряли, которую у нас отняли и которую кто-то другой унес с собой в могилу.

Теперь я поняла, что Уилл сделал это с каждым из нас. Естественно, не специально, но, отказавшись жить дальше, все-таки сделал.

Я любила человека, который открыл для меня мир и все же любил меня недостаточно, чтобы остаться в этом мире. И вот теперь мне было страшно полюбить человека, способного полюбить меня, в случае если... В случае чего? Я упорно прокручивала это в голове, когда Лили ушла в свою комнату, где ее ждал мерцающий экран цифровых игрушек.

Сэм так и не позвонил. И я его не винила. Да и что, в сущности, я могла ему сказать? Если честно, я не хотела обсуждать, кем он для меня является, поскольку сама точно не знала.

И не то чтобы мне не нравилось быть с ним. Более того, иногда мне казалось, будто в его обществе я даже слегка глупею. Мой смех становился немного дурацким, впрочем так же, как и шутки, но зато в постели я демонстрировала неожиданные, даже для себя самой, чудеса. В его присутствии я сразу преображалась. С ним я была такой, какой мне всегда хотелось быть. Совсем другим человеком. И все же...

И все же.

Связать себя с Сэмом означало подвергнуться потенциальной угрозе новой утраты. Если верить статистическим данным, такие отношения, как правило, ничем хорошим не кончаются, а с учетом состояния моей психики в течение последних двух лет шансы доказать, что статистика иногда ошибается, были крайне невелики. Мы могли ходить вокруг да около, могли на короткие моменты забыть обо всем, но любовь была для меня эквивалентом боли. И новых душевных травм. Моих, но что еще хуже, его.

А у кого хватит сил такое выдержать?

Я снова начала мучиться бессонницей. Поэтому я не услышала будильника и, несмотря на то что гнала машину на предельной скорости, опоздала на дедушкин день рождения. Чтобы достойно отпраздновать дедушкино восьмидесятилетие, папа извлек складной шатер, который в свое время приобрел для крестин Томаса, и теперь замшелые клапаны шатра беспрестанно хлопали на ветру в дальнем углу нашего скромного садика, куда через открытую по такому случаю заднюю калитку тянулась процессия соседей с пирожными и добрыми пожеланиями. А сам виновник торжества сидел в центре, на пластиковом садовом стуле, кивая людям, которых перестал узнавать, и бросая тоскливые взгляды на свежий номер «Рейсинг пост» с результатами скачек.

– Кстати, о твоём повышении... – Трина разливала чай из огромного чайника и раздавала чашки. – В чем оно заключается?

– Ну, я получила более громкий титул. Теперь я снимаю кассу в конце смены и имею в своем распоряжении связку ключей.

«Луиза, это очень большая ответственность, – заявил Ричард Персиваль, вручая мне ключи с таким важным видом, будто это был Святой Грааль. – Старайтесь пользоваться ими разумно». Прямо так и сказал. *Старайтесь пользоваться ими разумно.* Меня буквально подмывало спросить: а что еще можно делать с помощью пары ключей от бара? Колоть ими орехи?

– А деньги? – Трина протянула мне чашку.

– Дополнительный фунт в час.

– Мм... – Похоже, сумма не произвела на нее должного впечатления.

– И мне больше не придется носить униформу.

Она окинула критическим взглядом мой комбинезон а-ля «Ангелы Чарли», который я надела в честь знаменательного события.

– Ну, полагаю это уже кое-что, – бросила она и пошла провожать миссис Ласлоу к блюду с сэндвичами.

А что еще я могла сказать? Это была работа. И даже что-то вроде восхождения по карьерной лестнице. Я не стала говорить сестре, какая это крестная мука – работать там, где тебе приходится постоянно смотреть, как самолеты, точно огромные птицы, взмывают со взлетной полосы в небо. Я не стала говорить сестре, что, надевая каждый божий день эту зеленую рубашку поло, я особенно остро чувствовала, что именно потеряла.

– Мама сказала, у тебя появился парень.

– Ну, он не совсем мой парень.

– Это она тоже сказала. Тогда кто он для тебя? Или вы просто тупо трахаетесь время от времени?

– Нет, мы хорошие друзья.

– Значит, он сволочь.

– Он не сволочь. Он славный.

– Но засранец.

– Он замечательный. А вообще, это тебя не касается. И кстати, он очень умный...

– Значит, он женат.

– Он не женат. Боже мой, Трина! Может, все-таки позволишь мне объяснить? Он мне нравится, но пока я не уверена, что готова к серьезным отношениям.

– Потому что у тебя под дверью выстроилась целая очередь из красивых, трудоустроенных, сексуальных, одиноких мужиков, да? – (Я сердито сверкнула на нее глазами.) – Ну, ты ведь и сама знаешь про дареного коня.

– Когда ты узнаешь результаты экзаменов?

– Не увиливай. – Она вздохнула и открыла новую коробку молока. – Через пару недель.

– Тогда что не так? Ты наверняка получишь высший балл. Впрочем, кто бы сомневался.

– Да какая, в сущности, разница?! Я застряла! – (Я недоуменно нахмурилась.) – В Сторфолде вообще нет работы. Снять квартиру в Лондоне мне не по карману, тем более что в первую очередь придется подумать о школе для Тома. А на зарплату топ-менеджера поначалу рассчитывать явно не приходится, даже если ты блестяще окончил вуз.

Она налила очередную чашку чая. Я хотела возразить, сказать, что не стоит так драматизировать, но кому, как не мне, было не знать о напряженной ситуации на рынке труда.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Полагаю, покамест останусь здесь. Возможно, буду ездить на работу в город. Надеюсь, мамин благоприобретенный феминизм не помешает ей забирать Тома из школы. – Трина улыбнулась, но ее улыбка больше походила на гримасу.

Боже правый, я еще никогда не видела сестру в таком состоянии! Ведь даже если на душе у нее было совсем хреново, она, как робот, упорно шла вперед, доказывая, что уныние – это грех и только труд поможет справиться с депрессией. А пока я отчаянно пыталась найти нужные слова,

за праздничным столом начало происходить нечто странное. Папа с мамой стояли, склонившись над шоколадным тортом, и откровенно ссорились. Они препирались вполголоса, чтобы не услышали гости, но, похоже, оба успели войти в раж.

– Ма? Па? Все в порядке? – Я подошла к ним.

Папа показал на стол:

– Это не домашний торт.

– Что?

– Торт. Он готовый. Ты только посмотри на него.

Я посмотрела. Большой, щедро покрытый глазурью, шоколадный торт, украшенный свечами и шоколадными кружочками.

Мама раздраженно покачала головой:

– Мне надо было написать эссе.

– Эссе! Ты же не в школе! И ты всегда сама пекла торт для дедушки.

– Это прекрасный торт. Купленный в «Уэйтроуз». Дедуле все равно, домашний он там или нет.

– Нет, не все равно. Он твой отец. Дедушка, тебе ведь не все равно, да?

Дедушка переводил взгляд с одного на другого и едва заметно качал головой. Разговоры вокруг нас внезапно смолкли. Соседи принялись нервно переглядываться. Ведь Бернард и Джози Кларк никогда не ссорились.

– Дедушка молчит, потому что не хочет тебя обидеть, – хмыкнул папа.

– Бернард, но если его чувства не задеты, то почему это так задевает твои? Торт, он и в Африке торт. Я ведь не забыла о дедушкином дне рождения.

– Ну, просто хочу, чтобы семья была у тебя на первом месте. Джози, неужели я так уж много прошу? Всего-навсего домашний торт!

– Вот она я! А вот торт со свечками. Вот чертовы сэндвичи. Я же не на Багамах отдыхала! – Мама с размаху плюхнула стопку тарелок на импровизированный стол и воинственно сложила на груди руки. Папа собрался было еще что-то сказать, но мама предостерегающе подняла палец. – Послушай меня, Бернард. Ты считаешь себя примерным семьянином. Ну и какой вклад ты внес в сегодняшнее скромное торжество?

– О-хо-хо... – Трина придвинулась ко мне поближе.

– Ты, что ли, покупал дедушке новую пижаму? А? Ты, что ли, ее заворачивал? Нет. Ведь ты даже, черт возьми, не знаешь его размера! Ты даже, черт возьми, не знаешь размера собственных штанов! ПОТОМУ ЧТО ИХ ПОКУПАЮ ТЕБЕ Я! Ты, что ли, вставал в семь часов, чтобы купить хлеба для сэндвичей, потому что кое-кто вернулся вчера вечером

из паба и решил сделать себе тосты, оставив как последний дурак остальной хлеб черстветь? Нет. Ты сидел на попе ровно и читал спортивную страничку. Ты неделями пилишь меня за то, что я, по-твоему, имею наглость тратить на себя двадцать процентов своего времени, пытаюсь хоть что-то успеть, пока не кончился мой бранный путь, при этом продолжая обстирывать тебя и присматривать за дедушкой. А ты еще имеешь наглость ругать меня за какой-то сраный готовый торт, якобы свидетельствующий о моем пренебрежении обязанностями жены и неуважении! Можешь засунуть его себе в!.. – взревела мама. – Вот тебе кухня, вот тебе мой чертов миксер, флаг тебе в руки – готовь сам свой чертов торт!

С этими словами мама подбросила тарелку с тортом вверх, так что тот шлепнулся прямо к папиным ногам, кремом вниз, вытерла руки о передник и решительно зашагала в сторону дома.

Она остановилась на патио, сдернула через голову передник и кинула его на землю:

– Да, кстати, Трина! Советую тебе показать твоему папочке, где лежат кулинарные книги. Ведь он живет здесь всего двадцать восемь лет. Откуда ему, бедняжке, знать?!

На этом, собственно, праздник и закончился. Соседи начали расходиться, тихонько переговариваясь, горячо благодаря нас за чудесный вечер и бросая быстрые взгляды в сторону кухни. Похоже, у них, впрочем так же, как и у меня, возникло ощущение, будто их кинули.

– Это копилось неделями, – когда мы убрали со стола, пробормотала Трина. – Он обижается, что на него не обращают внимания. А она не понимает, почему он не хочет предоставить ей возможность для личного роста.

Я бросила взгляд в сторону папы, угрюмо подбиравшего с травы пустые банки из-под пива и салфетки. Вид у него был совершенно убитый. А потом я вспомнила маму в том лондонском отеле, открывшую для себя новую жизнь и сиявшую от счастья.

– Но они же такие старые! И все эти разборки, по идее, должны были быть для них пройденным этапом! Ты же не думаешь, что... – Я заметила, что сестра скептически подняла брови.

– Конечно нет, – сказала Трина, но ее голос звучал как-то не слишком уверенно.

Я помогла Трине прибраться на кухне и минут десять поиграла

с Томом в «Супер Марио». Мама сидела у себя в комнате, наверное работала над эссе, а бабушка с легким сердцем удалился искать утешения в программе Четвертого канала о скачках. Я решила, что папа снова отправился в паб, но, остановившись в дверях, обнаружила его на переднем сиденье рабочего минивэна.

Я постучала в окно, и папа даже подскочил от неожиданности. Тогда я открыла дверь и села рядом с ним. Я думала, что он слушает новости спорта, но радио молчало.

– Спорим, ты считаешь меня старым дураком, – тяжело вздохнул папа.

– Папа, ты не старый дурак. – Я пихнула его локтем в бок. – По крайней мере, не старый.

Мы молча смотрели, как мальчишки носятся вверх-вниз по дороге, дружно вздрагивая, когда самый мелкий из них лихо подпрыгивал на ухабах или выезжал прямо на середину дороги.

– Я ведь только хочу, чтобы ничего не менялось. Неужели я прошу слишком много?

– Папа, все течет, все изменяется.

– Я ужасно... Я ужасно скучаю по своей жене, – уныло произнес он.

– Папа, а может, тебе стоит расслабиться и тихо радоваться, что у твоей жены до сих пор сохранился интерес к жизни? Мама в экстазе. Она сейчас смотрит на все новыми глазами. Тебе надо только оставить ей немного личного пространства. – (Папа сидел, скорбно поджав губы.) – Папа, она по-прежнему твоя жена. И она любит тебя.

Папа нехотя повернулся ко мне:

– А что, если она решит, будто я отстал от жизни? А что, если эти новые идеи вскружат ей голову и она... – Он нервно сглотнул. – А что, если она бросит меня?

Я сжала его руку. А потом крепко обняла:

– Ты этого не допустишь.

И пока я ехала обратно в Лондон, у меня всю дорогу перед глазами стояла его вымученная улыбка.

Лили появилась, когда я уже собиралась уходить на собрание нашей группы психологической поддержки. Она снова гостила у Камиллы и вошла в дом, как это частенько бывало, с черными от садовых работ ногтями. Они сделали для соседки новый цветочный бордюр, и та осталась настолько довольна, жизнерадостно сообщила Лили, что заплатила целых тридцать фунтов.

– На самом деле она дала еще бутылку вина, но вино я оставила

бабуле. – (Ага, Лили уже называет Камиллу бабулей.) – А прошлым вечером я говорила с Джорджиной по скайпу. То есть у нее там уже утро, потому что это Австралия, но было очень мило. Она обещала послать мне по электронной почте фото их с папой в детстве. Джорджина говорит, что я страшно на него похожа. А она очень красивая. У нее есть собака по кличке Джейкоб, и та всегда воет, когда Джорджина играет на фортепьяно.

Лили весело щебетала, а я тем временем поставила перед ней миску салата, выложив на стол сыр и хлеб. Честно говоря, я сомневалась, стоит ли ей говорить, что звонил Стивен Трейнор, уже четвертый раз за несколько недель, в надежде уговорить Лили приехать в гости и познакомиться с его ребеночком.

«Мы одна семья. А Делла после родов относится теперь ко всему гораздо спокойнее». Что ж, очень может быть, но, пожалуй, следует отложить этот разговор на потом. Я протянула руку за ключами.

– Кстати, – сказала Лили, – пока ты еще не ушла. Я возвращаюсь в школу.

– Что?

– Я буду ходить в школу рядом с бабушкиным домом. Ты что, забыла? Я тебе когда-то об этой школе рассказывала. Ну, о той, что мне реально нравилась. Школа-интернат. Шестой класс. А по выходным я буду жить у бабушки.

Я чуть было не подавилась салатным листом:

– О-о...

– Прости. Я действительно хотела тебе сказать. Но все случилось так неожиданно. Я говорила бабуле об этой школе, а бабуля взяла да и позвонила в школу, и они ответили, что будут рады принять меня обратно. Представляешь, моя подруга Холли все еще там! Мы пообщались в «Фейсбуке», и она ждет не дождется, когда я вернусь. Словом, я ей, естественно, ни о чем не рассказывала и, скорее всего, не буду рассказывать, но пообщаться с ней было реально мило. Ведь она знала меня еще до того, как все пошло наперекосяк. Она просто... нормальная. Понимаешь?

Я слушала ее оживленную болтовню и боролась с неприятным чувством, будто мною попользовались и выкинули, точно ненужную вещь.

– И когда ты уедешь?

– Ну, мне надо быть в школе к началу учебного года в сентябре. Бабуля считает, что чем раньше я к ней перееду, тем лучше. Возможно, уже на следующей неделе.

– На следующей неделе? – Я буквально задохнулась. – А что... что

по этому поводу говорит твоя мама?

– Она просто рада, что я возвращаюсь в школу, тем более что бабуля за все платит. Мама, естественно, рассказала о моих подвигах в последней школе и о том, что я завалила экзамены, да и вообще, бабуля, по-моему, ей не слишком понравилась, но потом мама согласилась, что все складывается на редкость удачно. «Если это действительно сделает тебя счастливой, Лили. И я очень надеюсь, что ты не будешь обращаться со своей бабушкой так же, как и со всеми остальными», – передразнила Таню Лили. – А когда она это сказала, я поймала бабушкин взгляд. Бабушка едва заметно приподняла бровь, но я-то отлично видела, что она по этому поводу думает. А я тебе говорила, что бабушка покрасила волосы? В каштановый цвет. Теперь она выглядит вполне неплохо. И совсем не похожа на раковую больную.

– Лили!

– Ничего страшного. Когда я так сказала, бабушка ужасно смеялась. – Лили задумчиво улыбнулась. – Типа это вполне в духе моего папы.

– Ну, – опомнившись, пробормотала я, – похоже, у тебя дела пошли на лад.

Она бросила на меня быстрый взгляд:

– Не говори так.

– Извини. Просто... я буду по тебе скучать.

Лили ответила мне сияющей улыбкой:

– Что за глупости?! Тебе не придется по мне скучать, потому что я приеду к тебе на каникулах или когда буду в городе. Ведь если постоянно торчать в Оксфордшире, где одно старичье, то недолго и рехнуться. Правда, я все равно довольна. Она... она заменила мне семью. И я себя чувствую нормально. Я боялась, что мне будет фигово, но ничего, все путем. Эй, Лу! – пылко обняла меня Лили. – Расслабься, ты навсегда останешься моим лучшим другом. Ты ведь мне почти как сестра, которой у меня никогда не было. – (Я обняла ее в ответ, выдавив жалкую улыбку.) – Да и вообще, тебе надо заняться личной жизнью. – Она разжала руки, вынула изо рта жвачку, скатала и аккуратно завернула в бумажку. – Хотя слушать, как ты трахаешься за стенкой со своим горячим парнем со «скорой», было реально круто.

Лили уезжает.

Куда уезжает?

Жить у бабушки. И я чувствую себя очень странно. Она так счастлива. Прости, я не хотела постоянно говорить о том, что как-то

связано с Уиллом, но, кроме тебя, мне не с кем поделиться.

Лили упаковала вещи, жизнерадостно ликвидируя следы своего присутствия в гостевой спальне, за исключением Кандинского на стене, раскладушки, кипы глянцевого журнала и пустого баллончика из-под дезодоранта. Я отвезла весело болтавшую Лили на вокзал, стараясь не показывать своей нервозности. Камилла Трейнор должна была встретить ее на станции в Оксфордшире.

– Тебе непременно надо к нам приехать. У меня там просто классная комната. А у фермера по соседству есть лошадь, на которой он разрешил мне кататься. Ой, и там отличный паб! – Поднявшись на цыпочки, она посмотрела на электронное табло с расписанием поездов. – Блин, мой поезд! Ну ладно. Где одиннадцатая платформа?

Лили, с рюкзаком на плече, принялась проталкиваться вперед, ее ноги в черных колготках издали казались особенно длинными.

Неожиданно она обернулась, нашла мое лицо в людском водовороте и помахала мне рукой. Лили улыбалась во весь рот, волосы разметались от быстрой ходьбы.

– Эй, Лу! – крикнула она. – Я вот что забыла тебе сказать. Двигаться дальше не значит предать память о моем папе. Зуб даю, он сказал бы тебе то же самое.

И она исчезла в толпе.

Ее улыбка была совсем как у него.

Лу, она никогда не была твоей.

Знаю. Просто с ней у меня появилась цель в жизни.

Только один человек способен помочь тебе определить цель в жизни.

С минуту я вникала в смысл этих последних слов.

Мы можем встретиться? Ну пожалуйста!

У меня сегодня дежурство.

Приезжай ко мне после.

Возможно, в конце недели. Я позвоню.

Вот это «возможно» решило все. Было в нем нечто окончательное, словно медленно закрывающаяся дверь. Вокруг сновали пассажиры, а я стояла, тупо уставившись на экран телефона, и у меня в голове вдруг что-то щелкнуло. Выбор был, в сущности, невелик. Либо идти домой, чтобы

всласть оплакать очередную потерю. Либо насладиться неожиданной свободой. На меня словно снизошло озарение: единственный способ не быть брошенной – начать двигаться дальше.

Я вернулась домой, сварила себе кофе и вперилась в серую стену. Затем достала ноутбук.

Дорогой мистер Гупник!

Меня зовут Луиза Кларк. Месяц назад вы были настолько любезны, что предложили мне работу, от которой мне пришлось отказаться. Я отдаю себе отчет, что в данный момент место наверняка уже занято, но если я не скажу вам правду, то буду сожалеть об этом до конца своих дней.

Я действительно очень хотела получить эту работу. И если бы ребенок моего бывшего работодателя не попал в беду, то полетела бы к вам быстрее ветра. Нет, я отнюдь не собираюсь обвинять ее в том, что мне пришлось принять такое решение, поскольку для меня большая честь – помочь ей разобраться с возникшими проблемами. Однако я хочу вам сказать, что, если в будущем вам снова кто-нибудь понадобится, быть может, вы обо мне все-таки вспомните.

Я знаю, вы деловой человек, а потому не буду отнимать ваше драгоценное время. Я просто хотела, чтобы вы знали.

С наилучшими пожеланиями,
Луиза Кларк.

Что ж, я не была уверена в том, что делаю, но, по крайней мере, я хоть что-то делала. Я нажала на «Отправить», и это совсем незначительное действие неожиданно придало мне новый импульс. Я рысцой пробежала в ванную комнату, на ходу стягивая с себя одежду и путаясь в штанинах. Мне не терпелось поскорее залезть под горячий душ. Я принялась намыливать голову, одновременно строя планы на будущее. Отправляюсь на станцию скорой помощи, найду Сэма и...

И тут позвонили в дверь. Я выругалась и схватила полотенце.

– Я сыта по горло, – сказала мама.

До меня не сразу дошло, что на пороге действительно стоит мама с набитой сумкой в руках. Я завернулась в полотенце, вода капала с волос на ковер.

– Сыта чем?

Она вошла в квартиру, закрыв за собой входную дверь.

– Твоим отцом. Зудит и зудит, что бы я ни делала. Считает меня чуть ли не шлюхой какой-то, потому что я хочу немного свободного времени лично для себя. И я сказала ему прямо в глаза, что мне надо

от него отдохнуть и я еду к тебе.

– Отдохнуть?

– Луиза, ты даже не представляешь. Он вечно ворчит, вечно не в духе, а я ведь тоже не каменная. Все вокруг изменяется. А почему я не могу?

У меня было такое чувство, будто я неожиданно влезла в разговор, который длился уже чуть ли не час. Возможно, в баре. И даже не час, а много-много часов.

– Когда я начала изучать основы феминистского сознания, мне казалось, будто они несколько преувеличивают. Утверждая, будто кругом сплошной патриархат и все мужчины контролируют женщин. Буквально на подсознательном уровне. Ну, оказывается, это даже не вся правда, а только половина. Твой отец вообще не видит во мне свободной личности. Ему важно лишь то, что я выставляю на стол и вытворяю в постели.

– Э-э-э...

– Ой, похоже, я слегка переборщила.

– Есть немного.

– Тогда давай обсудим все за чашечкой чая. – Мама решительно прошла на кухню. – Ну, теперь совсем другое дело. Стало гораздо лучше. Хотя этот серый цвет меня все же смущает. Он тебя бледнит. А где у тебя чайные пакетики?

Мама сидела на диване, и, пока остывал ее чай, я слушала длинный перечень ее разочарований, стараясь не думать о времени. Сэм придет на работу через полчаса. Дорога до станции скорой помощи займет у меня не меньше двадцати минут. Но затем мамин голос трагически взмыл вверх, а ее руки взметнулись к ушам, и я поняла, что уже никто никуда не едет.

– Ты можешь себе представить, как это утомительно, когда тебе вечно твердят, будто ты не способен измениться? Никогда в жизни? Потому что никому это не нужно? Ты можешь себе представить, как это ужасно – застрять в болоте обыденности и топтаться на месте?

Я энергично кивнула. Уж кто-кто, а я это прекрасно представляла.

– Уверена, папа не нарочно. И он вовсе не собирался загонять тебя в угол... Но послушай, я...

– Я даже предложила ему поступить в вечернюю школу. Подучиться тому, что ему нравится. Ну, ты понимаешь, починкой антиквариата, или рисованием с натуры, или чем-то еще. Кстати, я отнюдь не против голых натурщиц! Я надеялась, что мы сможем духовно расти вместе! Что такая жена, как я, которая даже не против голых натурщиц, если это

во имя культуры... Но он только и делает, что твердит: «А что я там забыл?» У меня такое чувство, будто у него чертова менопауза. Ну а этот его вечный скулеж по поводу моих небритых ног! Боже ты мой! Он такой лицемер. Луиза, а ты никогда не обращала внимания на его волосы в носу?

– Н-нет.

– Уж можешь мне поверить. Он вполне может вытирать ими свою тарелку. Ты не поверишь, все последние пятнадцать лет мне приходилось просить парикмахера их подстричь. Словно он малый ребенок. Но разве я возражала? Да никогда! Ведь он такой, какой есть. Просто человек. Волосы в носу и все остальное! Но если мои чертовы ноги не такие гладкие, как попка у младенца, он начинает вести себя так, будто я какой-то чертов Чубакка!^[34]

На часах уже без десяти шесть. Сэм выезжает на дежурство в половине седьмого. Я тяжело вздохнула и еще плотнее завернулась в полотенце.

– Итак... Хм... Ты ко мне надолго?

– Ну, пока не знаю. – Мама глотнула чая. – Дедушке теперь приносят ланч социальные работники, поэтому у меня нет необходимости постоянно быть дома. Может, задержусь у тебя на несколько дней. Мы ведь с тобой тогда замечательно провели время. Разве нет? Почему бы нам завтра не навестить Марию из женского туалета? Правда, чудесная идея?

– Чудесная.

– Хорошо. Тогда, пожалуй, пойду постелю постель. Где у тебя вторая кровать?

Но только мы поднялись с места, как снова загудел домофон. Я открыла дверь, полагая, что это разносчик пиццы ошибся адресом, но на пороге нарисовались Трина с Томом, а за ними, сунув руки в карманы штанов, совсем как непослушный подросток, маячил папа.

Даже не взглянув на меня, Трина решительно прошла в квартиру:

– Мама, это просто смешно! Ты не можешь взять и убежать от папы. Сколько тебе лет? Четырнадцать?

– Трина, я вовсе не убегаю. Я только хочу освободить для себя немного жизненного пространства.

– Тогда мы останемся здесь, пока вы двое не разберетесь между собой. Лу, ты в курсе, что он теперь ночует в своем минивэне?

– Что?! Ты мне не говорила, – повернулась я к маме.

Она воинственно вздернула подбородок:

– У меня не было такой возможности. Со всей этой твоей болтовней. – (Папа с мамой упорно отказывались смотреть друг на друга.) – Но прямо

сейчас мне нечего сказать вашему отцу.

– Присядьте! – бросила Трина. – Оба! – Родители, обменявшись сердитыми взглядами, неохотно поплелись к дивану. Затем Трина повернулась ко мне. – Прекрасно. Давай приготовим чай. А потом все тихо-мирно обсудим в семейном кругу.

– Отличная идея! – Вот он, мой долгожданный шанс. – Молоко в холодильнике. Чай тут. Будьте как дома. А мне надо кое-куда сбегать на полчаса. – И, не дав им опомниться, я поспешно натянула джинсы, схватила ключи от машины и выскочила из квартиры.

Не успела я свернуть на парковку перед станцией скорой помощи, как тотчас же увидела Сэма. Он шел к машине, перекинув через плечо сумку-укладку. У меня неожиданно екнуло сердце. Я соскучилась по изгибам его мощного тела, мягким линиям его лица. Заметив меня, он даже споткнулся от неожиданности. Похоже, я застала его врасплох. Он резко повернулся к машине «скорой помощи» и открыл задние двери.

Я торопливо подошла к нему:

– Мы можем поговорить?

Он легко поднял кислородный баллон, словно это был баллончик с лаком для волос, и осторожно поставил в специальный держатель.

– Обязательно. Только в другое время. Мне уже пора выезжать.

– Это очень срочно. – (Но Сэм как ни в чем не бывало наклонился, чтобы взять упаковку марлевых салфеток.) – Послушай, я просто хотела объяснить. Я о том, о чем мы говорили. Ты мне действительно нравишься. Просто... просто я очень боюсь.

– Мы все боимся, Лу.

– Ты вообще ничего не боишься.

– Ага! Еще как боюсь! Только не того, что лежит на поверхности.

Он устался на свои ботинки. И тут к нему подбежала Донна:

– Черт! Нам пора выезжать.

Я решительно запрыгнула в «скорую»:

– Тогда я еду с вами. А обратно вернусь на такси.

– Нет, нет и нет!

– Да ладно тебе! Ну пожалуйста!

– По-твоему, у меня мало проблем с дисциплинарной комиссией, да?

– Срочный вызов. Нам надо быть на месте через восемь минут. Ножевые ранения. Молодой мужчина. – Донна швырнула укладку в машину.

– Луиза, нам пора.

Я его теряла. Это чувствовалось по тону его голоса, по ускользающему взгляду. И я вылезла из «скорой», проклиная себя за медлительность. Но тут Донна крепко схватила меня за локоть, потянув за собой к переднему сиденью.

– Оставь, ради бога! – отмахнулась она от протестов Сэма. – Ты всю неделю ходил, как больной медведь. Так что советую вам обоим поскорее выяснить отношения. Мы высадим ее по дороге.

Сэм неохотно открыл пассажирскую дверь, покосившись на окошко диспетчера:

– Из Донны вышел бы отличный консультант по личностным отношениям. – В его голосе проскользнули горькие нотки. – Конечно, если бы нас действительно связывали определенные отношения...

Второго приглашения мне явно не понадобилось, и я поспешно забралась на переднее сиденье. Сэм сел за руль и посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но затем передумал. Донна принялась разбирать медикаменты. Сэм завел мотор и включил мигалку.

– А куда мы направляемся?

– Лично мы с Донной направляемся в Кингсбери. С сиреной и мигалкой на все про все уйдет не больше семи минут. А ты направляешься на центральную улицу в двух минутах езды оттуда.

– Итак, в моем распоряжении пять минут?

– И длинная прогулка назад.

– Ладно. – И тут я неожиданно поняла, что не знаю, о чем дальше говорить.

Глава 26

– Ну, тут вот такое дело... – Из-за воя сирены мне приходилось кричать.

Сэм включил поворотник и выехал на проезжую часть.

– Дон, ну что у нас там? – бросив взгляд на бортовой компьютер, поинтересовался Сэм.

– Возможно, ножевое ранение. Два сообщения. Молодой парень упал в пролет лестницы.

– Может, я все-таки выбрала не самое удачное время для разговора?

– Зависит от того, что ты хочешь сказать.

– Не то чтобы я не хотела серьезных отношений, – начала я, – но я совершенно запуталась.

– Тут ты не одинока. Мы все запутались, – заметила Донна. – Каждый мужик, с которым я пробую встречаться, начинает свидание с того, что у него проблемы с доверием. – Она покосилась на Сэма. – Ой, я дико извиняюсь. Не обращай на меня внимания.

Сэм смотрел прямо перед собой:

– Ты то обзываешь меня засранцем, потому что тебе примстилось, будто я сплю с другими женщинами, то держишь меня на расстоянии вытянутой руки, потому что не можешь забыть другого. Это слишком...

– Уилла больше нет. Я знаю. Но в отличие от тебя, Сэм, я не могу броситься в омут с головой. И прямо сейчас я с трудом выкарабкиваюсь из долгой... Ну, я не знаю... Я была буквально в кусках.

– Я в курсе, что ты была в кусках. Ведь именно мне пришлось тогда подбирать эти куски.

– Ну и помимо всего прочего, ты мне очень нравишься. Нравишься настолько, что, если вдруг у нас с тобой ничего не получится, я снова окажусь в той же заднице. А я не уверена, что у меня хватит сил еще раз из нее вылезти.

– Интересно, и как такое возможно?

– Ты можешь меня бросить. Можешь передумать. Ты ведь у нас видный парень. А что, если какая-нибудь другая женщина свалится с крыши прямо к твоим ногам и тебе это понравится? Ты можешь заболеть. Можешь упасть с мотоцикла.

– Готовность две минуты, – сказала Донна, взглянув на навигатор. – Но я не слушаю, честное слово.

– Это можно сказать буквально о каждом. Ну и что с того? Так и будем сидеть и ждать у моря погоды из боязни, а вдруг что случится? Это разве жизнь?! – Сэм так резко свернул налево, что мне пришлось схватиться за поручень.

– У меня по-прежнему пустота в душе. Понятно? – сказала я. – Мне хочется, чтобы она исчезла. Ужасно хочется. Но у меня по-прежнему пустота в душе.

– Господи, Лу! Да у нас у всех так! Думаешь, когда я смотрел, как умирает моя сестра, я не боялся, что у меня разорвется сердце?! Причем не только из-за нее, но и из-за ее сына! Думаешь, я совсем бесчувственный?! Но на все есть только один ответ, и я имею право так говорить, потому что я вижу это каждый день. Ты просто живешь. И продолжаешь жить, не думая о шишках, которые продолжаешь набивать.

– Ой, умеешь ты красиво излагать! – кивнула Донна.

– Сэм, я пытаюсь. Изо всех сил. Ты даже не представляешь, как далеко я продвинулась.

Ну вот мы и приехали. Впереди мелькнул указатель «Кингсбери». Мы проехали под гигантской аркой, мимо автомобильной стоянки, оказавшись наконец в темном дворе. Сэм остановил «скорую» и вполголоса выругался:

– Проклятье! Я ведь должен был тебя высадить.

– Не хотелось вас перебивать, – сказала Донна.

– Ладно, посижу здесь, пока не вернетесь. – Я зябко скрестила руки на груди.

– Нет смысла. – Сэм спрыгнул на землю, схватив свою сумку-укладку. – Если ты рассчитываешь, что я сейчас перекувырнусь, лишь бы уговорить тебя остаться со мной, то даже не надейся. Вот дерьмо! Чертовых указателей вообще нет. Он может быть где угодно.

Я бросила взгляд на отталкивающие здания из красного кирпича. В этих домах было не меньше двадцати лестничных пролетов, и осматривать их было бы желательно в сопровождении полицейской охраны.

Донна натянула на себя куртку:

– Последний раз, когда я здесь была – сердечный приступ, – мы только с четвертой попытки нашли нужный дом, и ворота оказались заперты на замок. Пришлось искать сторожа с ключами, и только потом наша мобильная бригада смогла попасть внутрь. И к тому времени, как мы нашли нужную квартиру, пациент уже благополучно скончался.

– А в прошлом месяце здесь две банды устроили перестрелку.

– Может, вызвать полицейское подкрепление? – спросила Донна.

– Нет времени.

Хотя на часах не было и восьми вечера, кругом стояла мертвая тишина. Еще несколько лет назад в этом пригородном районе детишки катались на велосипедах, покуривали втихаря, а по вечерам играли в прятки. Теперь же на окнах красовались фигурные металлические решетки, а двери еще затемно запирались на все замки. Половина уличных фонарей не горела, а оставшиеся тускло мигали, словно опасаясь светить в полную силу.

Сэм с Донной тихо переговаривались, стоя у «скорой». Донна открыла пассажирскую дверь и протянула мне светоотражающую куртку:

– Ладно. Надевай и пойдем с нами. Он боится оставлять тебя здесь одну.

– Тогда почему он сам...

– Вы оба меня уже просто достали! Господи помилуй! Я сейчас пойду этим путем, а ты следуй за ним. Идет? – (Я уставилась на Донну.) – После разберетесь. – И она, с переносной рацией в руках, размашистым шагом пошла прочь.

Сэм шел по забетонированному проходу между домами, потом свернул в другой; я старалась не отставать.

– Савернейк-хаус, – бормотал он. – Ну и откуда, черт возьми, мне знать, где тут Савернейк-хаус?! – (Рация зашипела.) – Диспетчер, дайте нам ориентировку. Здесь нет ни номеров, ни названий домов, и мы без понятия, где пациент.

– Простите, – раздался виноватый голос диспетчера. – Наша карта не дает названий домов.

– Может, мне пойти туда? – ткнула я пальцем куда-то вперед. – Тогда мы проверим сразу три прохода. У меня с собой телефон.

Мы остановились на площадке под лестницей, где воняло мочой и прогорклым запахом коробок из-под еды навывнос. Тротуар перед домом прятался в тени, и только невнятное бормотание телевизора за зашторенным окном говорило о том, что в этих крохотных квартирках теплится жизнь. Я ожидала услышать отдаленный шум голосов, некую вибрацию воздуха, способную привести нас к раненому. Но кругом было тихо, как на кладбище.

– Нет, не смей никуда отходить. Договорились?

И я поняла, что мое присутствие его здорово нервирует. Я даже начала было подумывать о том, чтобы вернуться к машине, но не решилась идти одна в темноте.

Сэм остановился в конце прохода между домами. Повернулся, покачал головой, сжав губы. Из рации донесся голос Донны:

– Здесь ничего.

А затем мы слышали крик.

– Туда! – сказала я и пошла на звук.

На другом краю тускло освещенной площади мы увидели скрюченную фигуру; тело, лежавшее на земле в натриевом свете.

– Ну вот мы и пришли, – сказал Сэм, и мы бросились бежать.

В его работе скорость – самое главное, однажды сказал мне Сэм. Именно этому в первую очередь обучают парамедиков, ведь в борьбе за чью-то жизнь счет идет на секунды. Если у пациента кровотечение, инсульт или инфаркт, эти критические секунды могут спасти ему жизнь. Мы бежали по бетонным дорожкам, по грязной вонючей лестнице, а затем по вытоптанной траве к распростертому телу.

Донна уже была там.

– Девушка. – Сэм бросил укладку на землю. – Но они ведь точно говорили, что это мужчина.

Пока Донна осматривала лежавшую на земле девушку, Сэм позвонил диспетчеру.

– Ага. Молодой мужчина, лет двадцати, судя по внешности афрокариб, – ответил диспетчер.

Сэм выключил рацию:

– Они, наверное, ослышались. Иногда это какой-то чертов «испорченный телефон»^[35].

Ей было лет шестнадцать, волосы аккуратно заплетены в косу, похоже, лежит здесь совсем недавно. Лицо ее казалось удивительно умиротворенным. Неужели я выглядела так же, когда он меня нашел?

– Дорогая, ты нас слышишь?

Девушка не двигалась. Сэм проверил ее зрачки, пульс, дыхательные пути. Дыхание не нарушено, явных повреждений не наблюдалось. Но реакция полностью отсутствовала. Сэм еще раз осмотрел девушку и задумчиво огляделся кругом. Обвел глазами окна близлежащих домов. Они смотрели недружелюбно и безучастно. Затем Сэм подозвал нас с Донной к себе и тихо сказал:

– Послушайте, я собираюсь провести тест на падение руки. А вы бегите к машине и заводите мотор. Если это то, о чем я думаю, надо поскорее уносить отсюда ноги.

– Засада, чтобы завладеть наркотиками? – пробормотала Донна, озираясь кругом.

– Возможно. Или передел сфер влияния. Мы должны были бы получить уточнение местоположения. Не удивлюсь, если Энди Гибсон^[36] именно здесь проводил свои съемки.

– А что значит тест на падение руки? – Я изо всех сил старалась, чтобы мой голос не дрожал.

– Я собираюсь поднять ее руку, а потом резко опустить прямо на лицо. Если она симулирует, то непременно отодвинет руку, чтобы не поранить лицо. Симулянты всегда так делают. Рефлекторно. Но если за нами наблюдают, они не должны догадаться, что мы их раскусили. Луиза, притворись, будто идешь за дополнительным медицинским оборудованием. Хорошо? А я проведу тест, когда получу сообщение, что вы уже в «скорой». Если рядом с машиной кто-то есть, разворачивайтесь и возвращайтесь ко мне. Донна держи сумку-укладку покрепче. Ты пойдешь следующей. Если они увидят, что вы уходите вместе, то сразу все поймут.

Он протянул мне ключи от «скорой». Я взяла его сумку-укладку, словно свою, и быстрым шагом направилась к машине. Внезапно я почувствовала себя под прицелом чужих глаз, наблюдающих за мной из темноты, и у меня застучало в висках. Но я постаралась придать лицу безразличное выражение, а походке – уверенность.

Возвращение в звенящей тишине по пустынному проходу оказалось мучительно долгим. И, оказавшись наконец возле «скорой», я вздохнула с облегчением. Полезла в карман за ключами, открыла дверь и собралась было залезть внутрь, но внезапно услышала слабый голос из темноты: «Мисс». Я оглянулась. Никого. Но потом снова: «Мисс».

Из-за бетонной колонны показался молодой парень, за ним – еще один, в низко надвинутом на глаза капюшоне. С колотящимся сердцем я попятилась к машине.

– Я просто возвратилась за медикаментами. – Я старалась, чтобы мой голос не дрожал. – Здесь нет наркотиков. Уходите. О’кей?

– Мисс, он за мусорными контейнерами. Они не хотели, чтобы вы ему помогли. У него сильное кровотечение, мисс. Поэтому та девица и притворяется. Чтобы отвлечь вас. И заставить уехать.

– Что? О чем вы говорите?

– Он за баками. Вы должны помочь ему, мисс.

– Что? А где эти баки?

Но парень вдруг принялся пугливо озираться и, не дав мне возможности хоть что-то спросить, внезапно исчез.

Я огляделась по сторонам, пытаюсь понять, о чем он говорит. И вдруг увидела возле гаражей выступающий край ярко-зеленого пластикового

мусорного контейнера. Я прошла по темному коридору нижнего этажа каких-то развалин (площадь, где остался Сэм, исчезла из моего поля зрения) и неожиданно увидела вход на огороженную площадку для мусорных баков, а за одним из баков на земле чьи-то ноги в окровавленных брюках. Верхняя часть туловища раненого была скрыта за контейнером, и мне пришлось присесть на корточки рядом. Парень со стоном повернул голову.

– Привет! Ты меня слышишь?

– Они до меня добрались. – Парень был весь в крови. – Они до меня добрались...

Тогда я вытащила телефон и позвонила Сэму:

– Я за мусорными баками, справа от тебя. Беги сюда! Скорее!

Сэм с минуту растерянно озибался по сторонам и только потом обнаружил меня. Тем временем к нему подошли двое пожилых людей. Похоже, не перевелись еще на нашей земле добрые самаритяне. Я видела, как они озабоченно о чем-то расспрашивают Сэма. Он осторожно накрыл симулянтку одеялом и, оставив пожилую пару присматривать за ней, решительно направился к машине «скорой помощи». Донны рядом не было.

Я открыла сумку-укладку, которую дал мне Сэм, вытащила марлевую салфетку и наложила парню на раненую ногу, но кровь упорно не желала останавливаться.

– Ладно. Сейчас прибудет подмога. Потерпи немного, и тебя заберет «скорая». – Это было похоже на реплику из плохого фильма, но я не знала, что еще говорить. *Ну давай же, Сэм!*

– Заберите меня отсюда, – пробормотал парень.

Я положила свою руку на его ладонь, пытаюсь его успокоить. *Ну давай же, Сэм! Чего же ты медлишь?!* Неожиданно я услышала, как протестующе взвыл мотор «скорой», и вот машина уже мчалась в мою сторону, виляя между гаражами. «Скорая» остановилась, и выскочившая оттуда Донна принялась открывать задние двери.

– Помоги затащить его внутрь! Мы сваливаем!

Времени доставать каталку уже не было. Сверху донеслись какие-то крики и громкие звуки шагов множества пар ног. Закинув руки парня себе на плечи, мы принялись поспешно запихивать его в салон «скорой». Донна захлопнула задние двери, а я начала лихорадочно запирать остальные. Теперь я их видела, банду парней, бегущих к нам по коридору верхнего этажа полуразрушенного здания, в руках – что? Стволы? Ножи? У меня затряслись поджилки, ноги стали ватными. Я выглянула в окно. Сэм шел

по открытой местности, задрал голову. Значит, он в курсе.

Донна заметила опасность раньше Сэма. Направленный прямо на него ствол в руках одного из бандитов. Она громко чертыхнулась, дала задний ход, обогнув гараж, и выехала прямо на поросший травой участок, по которому шел Сэм. Его зеленая униформа была отлично видна в боковое зеркало.

– Сэм! – Я высунулась из окна.

Он скользнул по мне взглядом и снова поднял глаза на бегущих к нам парней.

– Оставьте «скорую» в покое! – заорал он, пытаясь перекрыть рев двигателя. – А ну, все назад! Мы просто делаем свою работу.

– Не сейчас, Сэм. Не сейчас, – едва слышно прошептала Донна.

Неумолимые, словно набегающая на берег приливная волна, парни из банды бежали вперед, явно собираясь спуститься вниз. И вот один ловко перемахнул через низкую стенку, разом преодолев несколько лестничных пролетов. Мне до дрожи в коленках хотелось поскорее убраться отсюда.

А Сэм тем временем продолжал идти навстречу опасности, подняв руки ладонями вверх:

– Парни, оставьте «скорую» в покое, о'кей? Мы здесь, чтобы помочь.

Его голос звучал спокойно и уверенно, в нем не чувствовалось даже намек на страх. Хотя лично меня колотило как в лихорадке. Парни уже не бежали, а перешли на размеренный шаг. И я даже мысленно поблагодарила Всевышнего. Раненый тихо стонал у нас за спиной.

– Слава богу! – оглядевшись по сторонам, сказала Донна. – Давай двигай сюда, Сэм! Быстрее! И тогда мы сможем...

Вжик!

Звук прорезал воздух, заполнив собой пустое пространство, и я вдруг почувствовала, как он отдается у меня в голове. А затем снова...

Вжик!

Я взвизгнула.

– Какого хрена... – начала Донна.

– Черт! Надо срочно убираться отсюда! – закричал раненый парень.

Я оглянулась, взглядом призывая Сэма сесть в машину. Ну давай же! Давай! Но Сэм исчез. Нет, не исчез. Что-то странное лежало на земле. Светоотражающая куртка. Зеленое пятно на сером бетоне.

И все остановилось.

Нет, подумала я. Нет!

«Скорая» резко затормозила. Донна выскочила наружу, я – следом за ней. Сэм лежал неподвижно, а кругом была кровь, огромная лужа крови,

расползающаяся вокруг его тела. Там, на площади, двое стариков поспешили спрятаться за толстыми дверьми своей квартиры, а девушка, еще секунду назад неподвижно распростертая на траве, бросилась наутек, как заправская спортсменка. А парни тем временем плотной стеной надвигались на нас. И я почувствовала во рту металлический вкус.

– Лу! Хватай его!

Мы с трудом оттащили Сэма к машине. Его тело вдруг налилось свинцовой тяжестью, словно сопротивляясь нашим усилиям. Тяжело дыша от натуги, я тянула его за воротник, потом – ухватив под мышки. Его лицо было белым как мел, под закрытыми глазами залегли огромные черные тени, словно от хронического недосыпания. Его кровь капала мне на кожу. Господи, какая же она горячая! Донна уже из машины пыталась затащить Сэма внутрь. Тяжело дыша, всхлипывая от отчаяния, я тянула его за руки и за ноги.

– Помогите же мне! – кричала я так, будто рядом был кто-то, способный помочь. – Помогите же мне!

Ну вот и все, он в машине, нога согнута под странным углом. Слава богу, задние двери закрыты.

Вжик!

Что-то ударилось о крышу автомобиля. Я взвизгнула и пригнулась. В голове неожиданно промелькнуло: *Неужели это конец? Неужели я умру вот так? Ведь на мне старые джинсы, а в нескольких милях отсюда родители и сестра наверняка продолжают скандалить из-за какого-то дурацкого торта на день рождения?* Раненый парень на каталке закричал в испуге. «Скорая» рванула вперед, резко вильнув вправо, ведь слева к ней уже подбирались бандиты. Я увидела чью-то вскинутую руку и, как мне показалось, услышала выстрел. И опять инстинктивно пригнулась.

– Твою мать! – выругалась Донна, снова сделав крутой вираж.

Я подняла голову. Вроде бы пронесло. Донна резко свернула налево, затем – направо и завернула за угол практически на двух колесах. Зеркало заднего вида чиркнуло по припаркованной машине. Кто-то из бандитов бросился наперерез «скорой», но Донна снова вильнула в сторону. И я услышала удар кулаком по кузову. Но вот мы выехали на шоссе, и бандиты наконец отстали.

– Слава богу!

Донна включила мигалку и связалась с больницей, но у меня так сильно стучало в ушах, что я не слышала ни слова. Я бережно поддерживала голову Сэма, его лицо было серым, в тонкой пленке пота, глаза словно остекленели. Он был каким-то странно притихшим.

– Что мне делать? – крикнула я Донне. – Что мне делать?

Автомобиль с ревом проехал по развязке с круговым движением, и Донна на секунду повернулась ко мне:

– Найди рану. Что ты видишь?

– Похоже, живот. Там дыра. Две дыры. И страшно много крови. Господи боже мой, как много крови!

Руки вдруг сделались красными и липкими. Стало трудно дышать. Кажется, еще немного – и я упаду в обморок.

– Луиза, мне очень нужно, чтобы ты сохраняла спокойствие, о'кей? Он дышит? Пульс есть?

Я проверила пульс, и у меня словно камень с души свалился.

– Есть.

– Я сейчас не могу остановиться. Мы еще недостаточно оторвались. Попробуй приподнять ему ноги, о'кей? Колени должны быть как можно выше, чтобы уменьшить кровоток. А теперь расстегни ему рубашку. Да рви прямо так! Надо добраться до раны. Ты можешь ее описать?

Его крепкий, гладкий, мускулистый живот, к которому я любила прижиматься, теперь представлял собой сплошное кровавое месиво. У меня невольно вырвался стон:

– О боже...

– Луиза, только без паники! Ты меня слышишь? Мы уже почти приехали. Ты должна зажать рану. Не дрейфь, ты справишься. Возьми из медицинской укладки марлевую салфетку. Большую. Что угодно, лишь бы остановить кровотечение. О'кей?

Донна снова сосредоточилась на дороге, так как по ошибке свернула на улицу с односторонним движением. Парень на каталке, погруженный в пучину боли, едва слышно чертыхался. Идущие впереди машины послушно уступали нам дорогу, волнами разбегаясь к обочине. Вот она, магическая сила сирены!

– Пострадал парамедик. Повторяю, пострадал парамедик. Пулевое ранение в брюшную полость! – орала Донна в рацию. – Расчетное время прибытия три минуты. Нам потребуется каталка с реанимационным набором.

Дрожащими руками я вскрыла упаковку марлевых салфеток, разорвала на груди рубашку Сэма, цепляясь за поручень на крутых виражах. Неужели это тот самый мужчина, который еще пятнадцать минут назад ссорился со мной по дороге на вызов? И неужели такой сильный человек может угасать прямо на глазах?

– Сэм? Ты меня слышишь?

Опустившись на колени, я склонилась над Сэмом, мои джинсы покраснели от крови. Сэм лежал с закрытыми глазами, а когда открывал их, то устремлял взгляд в неведомую мне даль. Я приблизила к нему лицо и на секунду увидела в его глазах искру узнавания.

Я взяла его за руку, совсем как он в свое время, когда я упала с крыши, казалось целую вечность назад.

– У тебя все будет хорошо, ты меня слышишь? У тебя все будет хорошо.

Ничего.

– Сэм? Сэм, посмотри на меня.

Ничего.

Я снова оказываюсь в той комнате в Швейцарии, Уилл отворачивается от меня. Я его теряю.

– Нет. Даже не думай, – прижавшись щекой к его щеке, прошептала я ему на ухо. – Сэм, ты остаешься со мной, слышишь? – Я положила руку на окровавленную марлевую салфетку и прижалась к Сэму всем телом, вздрагивая всякий раз, когда «скорая» подпрыгивала на ухабах. Услышала тихий всхлип и только потом поняла, что он исходит из моей собственной груди. Потом бережно сжала обеими руками голову Сэма и повернула к себе его лицо. – Не оставляй меня! Ты меня слышишь? Сэм? Сэм! Сэм! – Мне еще никогда в жизни не было так страшно. Этот застывший взгляд, эта теплая кровь. Приливная волна. Дверь закрывается, закрывается... – Сэм!

«Скорая» остановилась.

Донна перелезла назад. Разорвала стерильный пластиковый мешок с ампулами, перевязочным материалом, шприцем и сделала Сэму инъекцию в руку. Затем дрожащими руками поставила ему капельницу, а на лицо надела кислородную маску. Я услышала какое-то монотонное пиканье. И меня затрясло как в лихорадке.

– Сиди тут! – скомандовала мне Донна, когда я попыталась отползти в сторону, чтобы не путаться под ногами. – Продолжай надавливать на рану. Это... очень хорошо. Ты отлично справляешься. – Она склонилась над Сэмом. – Ну давай же, приятель! Ну давай же, Сэм! Вот мы и приехали. – Она продолжила колдовать над медицинским оборудованием, все движения ее проворных рук были точно выверены. – У тебя все будет хорошо, дружище. Только держись, о'кей?

Монитор мерцал зеленым и красным. И снова это монотонное пиканье.

Затем двери распахнулись, салон озарился неоновым светом, я увидела

зеленые униформы, белые куртки. Столпившиеся у «скорой» paramедики вытащили стонущего и матерящегося парня, затем – Сэма, осторожно оторвав его от меня. Пол «скорой» был залит кровью, и, попытавшись встать, я поскользнулась, уперлась в стенку рукой, и рука вдруг стала красной.

Голоса начали потихоньку стихать. Я мельком увидела лицо Донны, оно было белым как мел от волнения. Кто-то отрывисто бросил: «Везите прямо в операционную!» И я застыла между распахнутыми дверями «скорой», провожая глазами paramедиков, которые, громко стуча ботинками по гудрону, уносили от меня Сэма. Двери больницы открылись и поглотили его, а когда снова закрылись, я осталась одна-одинешенька на больничной парковке.

Глава 27

Часы ожидания в больнице всегда тянутся мучительно долго и кажутся бесконечными. Хотя, когда я в свое время привозила Уилла на контрольный осмотр, время бежало незаметно. Я читала журналы, проверяла сообщения на телефоне, спускалась вниз выпить крепкого и неоправданно дорогого кофе в больничном кафе, волновалась по поводу оплаты парковки. Мысленно стенала, конечно, но по большому счету не задумывалась, сколько времени занимало посещение больницы.

Теперь я как каменная сидела на жестком пластиковом стуле и, потеряв счет времени, тупо смотрела в стенку. Я ни о чем не думала. Ничего не чувствовала. Просто существовала. Вот я, вот пластиковый стул, вот линолеум, скрипящий под окровавленными кроссовками.

И единственной постоянной величиной оставались холодные люминесцентные лампы над головой. Они освещали путь медсестрам, торопливо проходившим мимо, не обращая на меня внимания. Правда, одна из них оказалась настолько любезной, что провела меня в туалет, чтобы я смогла отмыть руки, но кровь Сэма въелась в кожу вокруг ногтей, кутикулы цвета ржавчины были словно немым свидетельством недавней жестокости. Частицы Сэма во мне. Там, где им вовсе не место.

А когда я закрывала глаза, я слышала голоса, *вжик* пули, царапнувшей по крыше «скорой», эхо от выстрела, вой сирены. Я видела его лицо и то, как на секунду он посмотрел на меня: в его взгляде не было тревоги, разве что некая озадаченность тем, что он лежит на полу, не в силах пошевелиться.

И у меня перед глазами стояли его раны. Нет, не аккуратные маленькие дырочки, как пулевые ранения в кино, но пульсирующая живая плоть, исторгающая кровь, словно замышляя полностью обескровить его.

Я сидела неподвижно на этом пластиковом стуле, так как не знала, что еще делать. Где-то в конце коридора находились операционные. И в одной из них был он. Живой или мертвый. Возможно, его уже отвезли на каталке в дальнюю палату и теперь его поздравляют вздохнувшие с облегчением коллеги, а возможно, кто-то набрасывает на его лицо зеленое покрывало...

Я закрыла лицо руками и прислушалась к своему дыханию. Вдох – выдох. Вдох – выдох. Мое тело пропиталось незнакомыми запахами крови и антисептиков, а еще кислым запахом нутряного страха. Время от времени

у меня тряслись руки: то ли от переутомления, то ли от низкого уровня сахара в крови, но было даже страшно подумать о том, чтобы сходить куда-нибудь перекусить. Было даже страшно подумать о том, чтобы сдвинуться с места.

Я получила эсэмэску от сестры.

Ты где? Мы идем за пиццей. Они снова разговаривают, но ты нужна мне здесь в качестве ООН.

Я не ответила. Я не знала, что ей сказать.

Он опять завел свою шарманку по поводу ее волосатых ног. Пожалуйста, приезжай. Дело пахнет керосином. Она вот-вот запустит в него шариком из теста.

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить, каково это было неделю назад лежать на траве рядом с Сэмом. Я вспоминала его длинные ноги, уютный запах его рубашки, глухой рокот его голоса, ласковое солнце на своем лице. И довольное выражение его лица, когда ему удавалось сорвать с моих губ поцелуй. А еще я вспоминала его манеру ходить чуть-чуть наклонившись вперед, хотя я еще никогда не встречала мужчину, столь твердо стоящего на ногах.

Услышав писк, я вытащила телефон. Очередное сообщение от сестры.

Ты где? Мама начинает волноваться.

Я проверила время: 22 часа 48 минут. Невозможно было поверить, что я тот самый человек, который как ни в чем не бывало утром проснулся, а потом отвез Лили на вокзал. Я откинулась на спинку стула и, недолго думая, начала печатать.

Я в городской больнице. Произошел несчастный случай.
Я в порядке. Вернусь, когда все прояснится...
Когда все прояснится...

Мои пальцы зависли на клавиатуре. Я моргнула и нажала кнопку «Отправить».

А затем закрыла глаза и начала молиться.

Меня вернул к действительности скрип открывающихся дверей. Мама

стремительно шагала по коридору, раскинув мне навстречу руки.

– Что, черт возьми, с тобой приключилось? – Следом за мамой шла Трина, она волокла за руку Тома, одетого в тонкую куртку поверх пижамы. – Мама отказалась ехать сюда без папы, а я тоже не желаю оставаться в стороне.

Том сонно посмотрел на меня, помахав липкой ладошкой.

– Мы понятия не имеем, что с тобой произошло! – Мама, взглядевшись в мое лицо, присела рядом. – Почему ты не хочешь нам объяснить?

– Да-да, объясни, что происходит!

– Сэма подстрелили.

– Подстрелили? Этого твоего парамедика?

– Из огнестрельного оружия? – уточнила Трина.

И вот тут-то мама обратила внимание на мои джинсы. Она ошеломленно уставилась на бурые пятна на штанинах и в отчаянии повернулась к папе.

– Я была с ним.

Мама в ужасе зажала рот рукой:

– Ты в порядке?! – И, увидев, что я, по крайней мере физически, цела и невредима, спросила: – А он... Что с ним?

Мои родственники стояли, окаменев от шока, и я вдруг почувствовала облегчение. Как все-таки хорошо, что они рядом!

– Не знаю, – прошептала я, и тогда папа порывисто обнял меня.

И я наконец разрыдалась.

Мы, я и моя семья, сидели на жестких пластиковых стульях, наверное, целую вечность. Или около того. Том заснул на коленях у Трины, прижав к щеке свою потрепанную плюшевую кошку, его личико казалось особенно бледным в безжалостном люминесцентном свете. Я сидела между папой и мамой; время от времени кто-то из них гладил меня по лицу и говорил, что все будет хорошо. Я прислонилась к папиному плечу и дала волю беззвучным слезам, а мама молча вытирала их своим наглаженным носовым платком. Время от времени она все же вставала с места, чтобы раздобыть чего-нибудь попить.

– Еще год назад она бы ни за что на такое не решилась, – то ли недовольно, то ли восхищенно заметил папа, когда мама в первый раз отправилась на разведку.

Мы практически не разговаривали. Да и о чем, собственно, сейчас можно было говорить? А я мысленно повторяла, как мантру: *Пусть он поправится. Пусть он поправится. Пусть он поправится.*

Вот что делает с людьми несчастье: оно убирает все наносное, белый шум, разные там *что, если и должна ли я*. Мне нужен был Сэм. Я поняла это с пронзительной ясностью. Я хотела чувствовать на себе его руки, слышать, как он говорит, сидеть рядом с ним в его «скорой». Хотела, чтобы он готовил для меня салат из овощей, выращенных на его огороде, хотела чувствовать под своей рукой его голую грудь, равномерно поднимающуюся и опускающуюся во сне. Ну почему, почему я в свое время не сумела ему это сказать?! Почему потратила столько времени на дурацкие переливания из пустого в порожнее.

А потом, как раз в тот момент, когда в конце коридора показалась мама с четырьмя стаканчиками чая на картонной подставке, двери операционной распахнулись, оттуда вышла Донна, по-прежнему в испачканной кровью униформе, и устало провела рукой по волосам. Лицо ее было мрачным, глаза покраснели от усталости. Она подошла поближе, и мне показалось, что еще немного – и я потеряю сознание. Наши глаза встретились.

– Крепкий, как пара старых башмаков, наш приятель, – устало улыбнулась Донна. Я непроизвольно всхлипнула, и она дотронулась до моей руки. – Лу, ты сегодня держалась молодцом. – И добавила с тяжелым, прерывистым вздохом: – Просто молодцом.

Ночь он провел в интенсивной терапии, а утром его перевели в палату с усиленным уходом. Донна позвонила родителям Сэма и сказала, что заедет покормить его живность, но сперва немного передохнет. Вскоре после полуночи мы с ней зашли на него посмотреть. Он крепко спал, его пепельно-серое лицо было почти полностью скрыто кислородной маской. Я хотела подойти поближе, но не решилась из-за всех этих проводов, трубок и датчиков.

– С ним действительно все будет хорошо?

Донна кивнула. Возле него дежурила медсестра, деловито проверявшая пульс и капельницу.

– Нам крупно повезло, что это был пистолет старого образца. Теперь ребятки сплошь и рядом пользуются полуавтоматическими. Вот тогда точно кранты. – Донна потерла глаза. – Скорее всего, об этом расскажут в новостях, если, конечно, больше ничего не случится. Представляешь, другой бригаде прошлой ночью пришлось заниматься убийством матери и ребенка на Афина-роуд, так что наши новости, возможно, теперь и не новости вовсе.

С трудом оторвав взгляд от Сэма, я повернулась к Донне:

– А ты и дальше будешь?

– Ты о чем?

– Работать парамедиком.

Она сделала удивленное лицо, словно не совсем поняла вопрос:

– Конечно. Это же моя профессия. – Донна похлопала меня по плечу и повернулась к выходу из палаты. – Лу, иди поспи хоть немножко. У него в крови сейчас не меньше восьмидесяти семи процентов фентанила.

Родители, ждавшие меня в коридоре, не стали ни о чем спрашивать. Я слабо кивнула. Папа взял меня за руку, а мама потрепала по спине.

– Поехали домой, милая, – сказала она. – Тебе надо переодеться.

У начальника, которому ты несколько месяцев назад сообщила, что не можешь выйти на работу, так как упала с пятого этажа, и которого теперь просишь поменяться с тобой сменой, поскольку у твоего, а может, и не твоего бойфренда две огнестрельные раны в животе, как оказалось, припасены специально для тебя особые, очень специфические интонации:

– Ты... Он был... Что?

– У него два огнестрельных ранения. Его уже перевели из интенсивной терапии, но мне хочется быть рядом, когда он очнется. Вот я и подумала, не могли бы вы поменяться со мной сменами?

В разговоре повисла длинная пауза.

– Хорошо... Э-э-э... Ну ладно. – После короткой заминки Ричард спросил: – А его что, реально подстрелили? Из реального ствола?

– Если хотите, можете приехать и лично проверить его раны. – Мой голос звучал до смешного спокойно.

Затем мы обсудили парочку рабочих вопросов: неотложные звонки и визит из головного офиса, и прежде, чем я отключила телефон, Ричард немного помолчал и спросил: – Луиза, скажите, ваша жизнь всегда такая?

И я вспомнила, какой я была всего два с половиной года назад, свою жизнь, измеряемую количеством шагов между кафе и родительским домом, унылую повинность наблюдать по вторникам за пробежками Патрика или не менее унылые ужины с родителями. Я бросила взгляд на мешок для мусора, где лежали мои заляпанные кровью кроссовки:

– Возможно. Правда, хочется верить, что это только этап такой.

После завтрака родители отправились домой. Мама категорически не желала уезжать, но я заверила ее, что я в полном порядке и вообще не знаю, где буду ближайшие несколько дней, а потому ей нет никакого смысла меня ждать. Более того, пришлось ей напомнить, что когда в последний раз дедушку оставили одного больше чем на сутки, он выбрал

себе в качестве рациона питания малиновый джем и сгущенное молоко.

– Похоже, ты действительно в порядке, – утвердительным тоном произнесла мама, хотя я прекрасно понимала, что в ее словах содержится вопрос.

– Мама, у меня все хорошо.

Она грустно покачала головой и пошла за сумкой.

– Ну, не знаю, не знаю, Луиза. Ты просто какая-то воронка неприятностей.

В ответ я расхохоталась, тем самым явно ошарашив маму. Возможно, я еще не оправилась от шока. Но скорее всего, просто поняла, что больше вообще ничего не боюсь.

Я приняла душ, стараясь не смотреть на струящуюся по ногам розовую воду, помыла голову, купила наименее уродский букет, какой сумела найти у Самира, и к десяти утра отправилась в больницу. Встретившая меня медсестра сообщила, что несколько часов назад приехали родители Сэма. Правда, в данный момент они отправились с Джейком и его отцом за вещами Сэма в его дом на колесах.

– Когда они только появились, он еще плохо соображал, но сейчас потихоньку приходит в себя. После операций всегда так. Просто одни отходят от наркоза быстрее других.

У двери палаты я замедлила шаг. Теперь я видела его через стекло: глаза закрыты, как и прошлой ночью, рука с прикрепленными к ней датчиками безжизненно лежит вдоль тела. Щетина на подбородке, мертвенно-бледное лицо, и все же теперь Сэм уже больше походил на себя прежнего.

– А вы уверены, что мне можно к нему пройти?

– Вы ведь Луиза, да? Он о вас спрашивал. – Медсестра улыбнулась, наморщив нос. – Дайте нам знать, если он вам надоест. Он очень милый.

Я медленно отворила дверь, и он открыл глаза, повернув ко мне голову. Он смотрел на меня так, будто хотел запечатлеть мой образ, и у меня внутри вдруг лопнула какая-то струна, сменившись невыразимым облегчением.

– Я смотрю, некоторым не дают покоя мои лавры. Они готовы пойти на все, чтобы получить побольше шрамов. – Я осторожно закрыла за собой дверь.

– Угу. Ну. – Его голос больше походил на карканье. – Похоже, я выбыл из игры. – Он устало улыбнулся.

Я стояла, неловко переминаясь с ноги на ногу. Я ненавидела больницы.

И сделала бы что угодно, лишь бы больше никогда сюда не попадать.

– Иди сюда.

Положив цветы на стол, я подошла к Сэму. Он слабо пошевелил рукой, сделав знак, чтобы я села на кровать рядом с ним. Я послушно села, но потом, поняв, что это как-то неправильно – смотреть на него сверху вниз, осторожно прилегла рядом, стараясь не перепутать многочисленные трубки и провода. Я положила голову ему на плечо и вдруг почувствовала до боли знакомую приятную тяжесть его головы. Слегка приподняв руку, он прижал меня к себе. Мы лежали в уютной тишине, а за дверью медсестры шаркали ногами в мягких тапочках и тихо переговаривались.

– Я думала, ты умер, – прошептала я.

– Как видишь, нет. Потому что одна потрясающая женщина, которой явно было не место в машине «скорой помощи», сумела уменьшить кровопотерю.

– Она еще та штучка.

– Полностью с тобой согласен.

Я закрыла глаза, чувствуя щекой тепло его кожи, вдыхая запах антисептиков, исходящих от его тела. Я ни о чем не думала. Просто наслаждалась моментом, непередаваемым удовольствием лежать рядом с ним, чувствовать это большое, мощное тело. Потом я наклонила голову и поцеловала его в предплечье с внутренней стороны и почувствовала, как он ласково взъерошил мне волосы.

– Ты меня пугаешь, Сэм со «скорой».

Он молчал. Я буквально слышала его мысли, миллион самых разных мыслей, которые он предпочел не озвучивать.

– Я рад, что ты здесь, – наконец произнес он.

Мы снова замолчали, и я осталась лежать рядом, но когда появившаяся в палате медсестра, обнаружив столь вопиющее нарушение больничных правил, недовольно нахмурилась, мне пришлось все-таки встать с кровати и выполнить ее приказ сходить позавтракать, чтобы дать ей возможность провести необходимые медицинские процедуры. Я поцеловала Сэма чуть-чуть застенчиво, а когда пригладила ему волосы, уголки его глаз слегка приподнялись, и я, к своему облегчению, поняла, что он по-прежнему ко мне неравнодушен.

– Вернусь после работы, – сказала я.

– Ну, тогда у тебя есть шанс столкнуться с моими родителями. – Его слова звучали как предупреждение.

– Вот и отлично. Постараюсь не надевать майку с надписью «К черту полицию!».

Он рассмеялся и тут же скривился от боли.

Пока его обрабатывали медсестры, я развила бурную деятельность, характерную для всех родственников лежащих больных: достала из упаковки фрукты и принесла журналы, которые он точно не будет читать. Но вот, кажется, и все, пора уходить. И когда я уже была практически на пороге, Сэм неожиданно произнес:

– Я тебя слышал. – (Моя рука застыла на дверной ручке.) – Прошлой ночью. Когда истекал кровью. Я тебя слышал.

Наши взгляды встретились. И в этот момент все сразу изменилось. Я поняла, что мне реально удалось сделать. Поняла, что могу быть для кого-то якорем, помогающим удержаться на этой земле. Поняла, что достойна любви. И тогда я вернулась, бережно приподняла его голову и страстно поцеловала, заливая горячими слезами его лицо. Он притянул меня к себе, ответив на мой поцелуй. Я прижалась к нему щекой, то ли плача, то ли смеясь. Я напрочь забыла о присутствии медсестер, не видела ничего вокруг, кроме лежащего передо мной мужчины. А потом наконец вышла из палаты и спустилась вниз, вытирая мокрое лицо и не обращая внимания на любопытные взгляды проходивших мимо людей.

День казался чудесным, даже при этом люминесцентном свете. За окном пели птицы, светило солнце, люди жили своей обычной жизнью: становились лучше и постепенно старели. Я выпила кофе, съела переслащенный маффин, ничего вкуснее я еще никогда не пробовала. Затем я отправила эсэмэски родителям, Трине и, наконец, Ричарду, сообщив ему, что скоро приеду. Затем я написала Лили.

Если тебе это интересно, то сообщаю, что Сэм в больнице. Его подстрелили, но он поправится. Думаю, Сэму будет приятно, если ты пошлешь ему открытку. Или просто эсэмэску, если тебе уж очень лениво.

Ответ пришел буквально через секунду. Я улыбнулась. Интересно, и как это подросткам удастся так быстро набирать сообщения? Ведь все остальное они делают страшно медленно.

Боже мой! Я только что рассказала об этом другим девчонкам, и теперь я самая крутая в школе. Ну а если серьезно, поцелуй его за меня. Если дашь его координаты, я пошлю ему после школы открытку. Ой, и я дико извиняюсь, что тогда вышла к нему в одних трусах. Я не специально. Я точно не извращенка какая. Надеюсь, вы, ребята, реально счастливы. Чмоки-чмоки.

Я не стала торопиться с ответом. Я посмотрела на больничный кафетерий, на шаркающих ногами пациентов, на яркий день за окном, и мои пальцы сами набрали ответ.

Лично я да.

Глава 28

Когда я приехала на собрание нашей группы, Джейк ждал меня у крыльца. Небо было затянуто фиолетовыми грозовыми облаками, шел проливной дождь, затопивший сточные канавы и успевший за те десять секунд, что я бежала от парковки, промочить меня буквально до нитки.

– А ты разве не собираешься внутрь? На улице просто ужас какой-то...

Джейк сделал шаг вперед и, когда я подошла к двери, неуклюже обнял меня.

– Ой! – Я подняла руки вверх, чтобы ненароком его не замочить.

– Донна рассказала нам, что ты сделала. Я просто... Это самое... Хотел сказать спасибо, – отпустив меня, пробормотал Джейк.

Его взгляд был напряженным, под глазами залегли тени, и я поняла, что последние сутки ему тоже дались нелегко. Ведь Джейк недавно потерял мать, а теперь еще любимый дядя...

– Он крепкий орешек, – сказала я.

– Настоящий тефлоновый человек, черт возьми! – ухмыльнулся Джейк, и мы, как истинные британцы, не привыкшие демонстрировать свои чувства, смущенно рассмеялись.

На собрании Джейк, неожиданно многословно, рассказал о своей девушке, решительно неспособной понять его, Джейка, тонкой душевной организации.

– Она не понимает, почему утром мне иногда просто хочется лежать в кровати, накрывшись с головой одеялом. Или почему я начинаю паниковать, когда что-то случается с теми, кого я люблю. Поскольку лично с ней никогда не происходило ничего плохого. Вообще никогда. Даже ее ручной кролик до сих пор жив, а ему ни много ни мало девять лет.

– Мне кажется, людям надоедает смотреть на чужое горе, – заметила Наташа. – Словно на скорбь тебе отпущено определенное количество времени, ну, может, полгода, а потом твое уныние всех уже начинает слегка раздражать. Они считают, что долго горевать – значит потакать своим слабостям.

– В самую точку! – По залу собраний пробежал одобрителный шепот.

– Иногда мне кажется, что было бы куда проще продолжать носить траур, – сказала Дафна. – Тогда все знали бы, что вы до сих пор скорбите.

– Это было бы вроде знака «Осторожно!», – подала голос Линн. –

А через год можно было бы сменить черный цвет на какой-нибудь другой. Например, на темно-лиловый.

– И закончить жизнерадостным желтеньким. Если снова будете счастливы, – ухмыльнулась Наташа.

– Ой нет! Желтый мне категорически не идет, – сдержанно улыбнулась Дафна. – Что ж, придется до скончания века оставаться несчастной.

Я сидела в сыром церковном зале для собраний и слушала разговоры членов нашей группы, делавших неуверенные шаги на пути преодоления крошечных эмоциональных препятствий. Фред вступил в лигу боулинга и теперь с удовольствием пользовался возможностью общаться по вторникам с другими людьми, причем не только для того, чтобы поговорить о покойной жене. Сунил разрешил матери познакомить его с дальней родственницей, живущей в пригороде Лондона.

– Конечно, знакомиться путем сватовства – это как покупать кота в мешке, но, если честно, я перепробовал кучу других способов, и все безуспешно. Но я уговариваю себя, что она моя мать и вряд ли станет подсовывать мне кого ни попадя.

– По-моему, отличная идея, – заметила Дафна. – Моя мама оценила Алана гораздо раньше меня. И оказалась совершенно права.

Теперь я смотрела на своих товарищей по несчастью словно со стороны. Смеялась их шуткам, сопереживала историям о непрошенных слезах или трагических заблуждениях. И вот, сидя на неудобном пластиковом стуле и попивая плохой растворимый кофе, я вдруг поняла, что нахожусь теперь по другую сторону баррикад. На другом берегу. И больше не участвую в их общей борьбе. Не то чтобы я перестала оплакивать Уилла, или любить его, или скучать по нему. Нет, просто я перестала жить прошлым и начала жить настоящим. И вот теперь, оказавшись среди людей, которых знала и которым доверяла, я вдруг с облегчением поняла: мне здесь больше нечего делать, ведь мое место рядом с мужчиной на больничной койке. Он наверняка уже нетерпеливо поглядывает на часы и гадает, куда это я запропастилась.

– Луиза, а ты, случайно, не хочешь с нами поделиться? – вопросительно поднял брови Марк.

– У меня все хорошо, – покачала я головой.

Марк улыбнулся, должно быть что-то поняв для себя по моему тону:

– Ну что ж, отличная новость.

– Да. И вообще, думаю, мне больше не стоит сюда приходить. Я... в порядке.

– Я сразу заметила, что ты какая-то не такая, – подозрительно

посмотрела на меня Наташа.

– Это все регулярная половая жизнь, – заявил Фред. – Не сомневаюсь, я гораздо быстрее справился бы с потерей Джули, если бы мог вдоволь потрахаться.

Наташа с Уильямом как-то странно переглянулись.

– Но в дальнейшем я собираюсь продолжить занятия, если вы, конечно, не возражаете, – обратилась я к Марку и, повернувшись к остальным, добавила: – Вы все... словом, вы все для меня стали друзьями. И пусть групповая психотерапия мне, возможно, уже без надобности, но я хочу в этом точно удостовериться. Да и вообще, приятно будет лишний раз повидаться.

Джейк едва заметно ухмыльнулся.

– Почему бы нам на радостях не сплясать? – предложила Наташа.

– Ты можешь посещать занятия сколько захочешь, – сказал Марк. – Мы здесь затем и собрались.

Мои друзья. Очень разношерстная компания. Но в жизни именно так и бывает.

Паста в виде ушек, слегка недоваренная, кедровые орешки, помидоры со своего огорода, оливки, тунец и пармезан. Я собралась приготовить салат с пастой по рецепту, продиктованному по телефону Лили, которую, в свою очередь, проинструктировала бабушка.

– Самая подходящая еда для больного, – услышала я голос Камиллы. – Хорошо переваривается, если ему приходится в основном лежать.

– На твоём месте я бы купила ему что-нибудь на вынос. Бедняга и так настрадался, – пробормотала Лили и, хихикнув, добавила: – Хотя, помоему, в лежачем положении он тебе нравится даже больше.

И вот я шла по больничному коридору с пластиковым контейнером с домашней едой в руках. Ужин я приготовила накануне вечером и теперь с гордостью несла контейнер перед собой, словно орден почёта, в тайной надежде, что меня остановят и спросят, что там у меня такое. *Да, мой парень восстанавливается после операции. И я каждый день приношу ему еду. Разные вкусняшки, которые могут ему понравиться. Вы не поверите, но помидоры я вырастила сама.*

Раны Сэма начали потихоньку заживать, внутренние повреждения зарубцовываться. Сэм теперь постоянно порывался встать, ворчал по поводу необходимости лежать в кровати и беспокоился о своих животных, несмотря на то что мы с Донной и Джейком четко распределили между собой обязанности по уходу за его живностью.

От двух до трех недель, считали специалисты. Если он будет выполнять все предписания. С учетом характера его ранений ему еще крупно повезло. Я не раз и не два становилась свидетельницей того, как все эти медицинские светила невнятно бормотали: «На сантиметр ближе и...» Но я старалась не слушать и напевала про себя «ля-ля-ля, ля-ля-ля».

Я вошла в коридор перед его палатой, обработала руки антибактериальной пеной и бедром открыла дверь.

– Добрый вечер, – поздоровалась очкастая медсестра. – Что-то вы припозднились!

– Ходила на собрание.

– Вы разминувшись с его мамой. Она принесла ему вкуснейший домашний бифштекс и мясной пирог с пивом. Аромат потрясающий. Пахнет на всю палату. У нас у всех уже просто слюнки текут.

– О... – Я спрятала за спину контейнер. – Как мило.

– Любо-дорого посмотреть, как он кушает. Консультант придет через полчаса.

Я уже собралась было убрать коробку с салатом в сумку, но тут зазвонил мой мобильник. Продолжая бороться с молнией на сумке, я нажала на кнопку.

– Луиза?

– Да?

– Это Леонард Гупник.

Поначалу мне показалось, что я ослышалась. Я попыталась что-то сказать, потом застыла, тупо озираясь по сторонам, словно ожидая увидеть где-то рядом мистера Гупника.

– Мистер Гупник...

– Я получил ваш имейл.

– Понятно. – Я положила контейнер на стул.

– Интересное чтение. Меня тогда очень удивило, что вы отклонили мое предложение. Впрочем, так же, как и Натана. Нам казалось, эта работа идеально вам подходила.

– Я вам все честно написала. Мистер Гупник, я действительно просто мечтала у вас работать, но я... Ну... Кое-что случилось.

– Ну и как, у этой девочки все обошлось?

– У Лили. Да. Она теперь в школе. И вполне счастлива. Она живет в семье. В новой семье. Просто у нее был трудный период... адаптации.

– Вы отнеслись к этому очень серьезно.

– Просто я не способна бросить человека в беде.

В разговоре возникла мучительная пауза. Я вышла в коридор

и уставилась в окно на больничную парковку, наблюдая за тем, как огромный внедорожник отчаянно лавировал, пытаясь занять слишком тесное для него пространство. Туда – сюда, туда – сюда. Нет, напрасно старается.

– Тут вот какое дело, Луиза. У нас не складываются отношения с новой служащей. Ей у нас плохо. Уж не знаю почему, но ей и моей жене не слишком комфортно вместе. Поэтому в конце месяца она нас покидает. По обоюдному согласию. И у меня опять встает все та же проблема. – (Я слушала с замиранием сердца.) – И я хотел бы снова предложить вам это место. Но я терпеть не могу необязательности, особенно когда дело касается моих близких. Поэтому и пытаюсь получить ясное представление о том, что вы на самом деле хотите.

– Я действительно очень хотела работать у вас. Но я... – И тут мне на плечо легла чья-то рука. Я резко повернулась. Возле меня, тяжело опираясь о стену, стоял Сэм. – Я... э-э-э...

– Вы что, уже нашли себе другое место?

– Я получила повышение.

– И вас устраивает ваша нынешняя работа?

Сэм внимательно следил за выражением моего лица.

– Н-не совсем. Но...

– Конечно, вы должны как следует все взвесить. Хорошо. Я понимаю, мой звонок застал вас врасплох. Но, возвращаясь к вашему письму, я все же хочу предложить вам работу, если вы действительно в ней искренне заинтересованы. Условия те же. Хотелось бы, чтобы вы приступили как можно скорее. Но только при одном условии: вы абсолютно уверены, что реально этого желаете. Даю вам сорок восемь часов на размышления.

– Да-да, мистер Гупник. Большое вам спасибо. Спасибо, что позвонили.

И он отключился. Я оглянулась на Сэма. На нем был больничный халат поверх слишком короткой больничной распашонки. Секунду-другую мы молча смотрели друг на друга.

– Зачем ты встал? Тебе надо лежать в постели.

– Я увидел тебя через стекло в двери.

– Классная распашонка. Легкий сквознячок – и эти медсестры будут судачить о тебе до самого Рождества.

– Это звонил тот парень из Нью-Йорка, да?

Я вдруг почувствовала себя странно опустошенной. Сунув телефон в карман, я потянулась за своим контейнером.

– Мне снова предложили ту работу. – Я видела, что Сэм смотрит куда-

то мимо меня. – Но все так... Я с таким трудом сумела тебя вернуть. И поэтому собираюсь сказать «нет». Как думаешь, а ты сможешь осилить немного пасты после того легендарного пирога? Конечно, я понимаю, что ты уже вполне сыт, но мне так редко удается приготовить более-менее съедобное блюдо.

– Нет.

– Получилось совсем неплохо. Ты хотя бы попробуй.

– Речь не о пасте. Я о твоей работе. – Он взъерошил волосы и задумчиво посмотрел вдаль. – Лу, ты должна согласиться. Ты понимаешь это не хуже меня. Ты должна принять его предложение.

– Однажды я уже пыталась уехать из дома, но в результате только еще больше запуталась.

– Потому что тогда было еще не время. Ты просто пыталась убежать от действительности. А сейчас совсем другое дело.

Я уставилась на Сэма во все глаза. Я ненавидела себя за то, что в глубине души хотела сделать. И ненавидела его за то, что он все про меня понимал. Мы молча стояли в больничном коридоре. И тут я заметила, что Сэм бледнеет прямо на глазах.

– Тебе срочно нужно лечь.

Сэм не стал сопротивляться. Я взяла его под руку и проводила в палату. Морщась от боли, он осторожно опустился на подушки. Подождав, когда к нему вернется нормальный цвет лица, я прилегла рядом и сжала его ладонь:

– У меня такое чувство, будто мы наконец выяснили отношения. Я и ты. – Я положила голову ему на плечо, и у меня сжало горло.

– Так и есть.

– Сэм, мне не нужен никто, кроме тебя.

– Брр! Кто бы сомневался!

– Но даже серьезные отношения не выдерживают испытания разлукой.

– Так, значит, у нас с тобой все-таки серьезные отношения? – Я, естественно, бурно запротестовала, а он улыбнулся. – Да ладно тебе, я шучу. Что ж, иногда это действительно так. Однако, как мне кажется, далеко не всегда. Я считаю, все зависит от обоюдного желания сторон. – Он обнял меня за шею и притянул к себе. И я только сейчас поняла, что плачу. Он осторожно вытер мне слезы большим пальцем. – Лу, я не знаю, что может случиться. Этого никто не может знать. Можно однажды утром выйти из дому и случайно попасть под мотоцикл, и вся твоя жизнь пойдет под откос. Можно заступить на самое рядовое дежурство – и получить пулю в грудь от подростка, который считает себя

крутым пацаном.

– Можно упасть с верхнего этажа высотного здания.

– Да, можно. А можно пойти навестить в больнице парня в короткой ночной рубашке и получить приглашение на работу своей мечты. Такова жизнь. Мы не знаем, что нас ждет за ближайшим поворотом. Вот потому-то мы и не должны упускать свой шанс. И по-моему, жизнь дает тебе сейчас именно такую возможность схватить удачу за хвост.

Я крепко зажмурилась, решительно не желая слушать его и отказываясь признавать, что в его словах есть доля правды. Я вытерла мокрые глаза тыльной стороной руки. Он протянул мне бумажный платок стереть черные разводы туши.

– У тебя глаза совсем как у панды. Но тебе идет.

– Мне кажется, я в тебя чуть-чуть влюблена.

– Спорим, ты говоришь это всем мужикам, что лежат в интенсивной терапии.

Тогда я повернулась и поцеловала его. Открыв глаза, я обнаружила, что он внимательно смотрит на меня.

– Что ж, я готов рискнуть, если и ты согласна, – сказал он.

Я с трудом проглотила ком в горле:

– Сэм, я не уверена.

– Не уверена в чем?

– Жизнь коротка, да? И мы оба это понимаем. А что, если ты и есть мой шанс? А что, если только ты способен сделать меня счастливой?

Глава 29

Когда люди говорят, что осень их любимое время года, то они наверняка имеют в виду дни вроде сегодняшнего: утренняя дымка, сменяющаяся пронзительно ярким светом; в углах груды принесенных ветром листьев; успокаивающий запах прелой травы. Некоторые утверждают, что в городе невозможно заметить смену времен года, поскольку бесконечные серые здания и особый микроклимат из-за автомобильных выхлопов стирают погодные различия; ты выскакиваешь из сухого помещения на промозглую, сырую улицу, и наоборот. Но на крыше смена сезонов чувствовалась особенно остро. И дело было не только в бескрайнем небе над головой, но и в посаженной Лили рассаде, которая все лето обеспечивала меня сочными красными помидорами, и в ампельной землянике, благодаря которой можно было полакомиться сладкими ягодами. Цветы покрывались бутонами, распускались и желтели, свежая зелень раннего лета сменялась засохшими стеблями и кружевом голых ветвей. И здесь, наверху, в слабом дыхании ветра уже чувствовалось приближение зимы. Где-то высоко в небе летит самолет, оставляя за собой длинный белый след, а на улице продолжают гореть включенные с вечера фонари.

Тем временем на крыше появилась мама, вырядившаяся в слаксы. Страхнув со штанин капельки влаги, она окинула довольным взглядом собравшихся гостей:

– Луиза, твой садик на крыше – это что-то. Здесь столько места! Ты можешь запросто принять хоть сто человек. – Мама достала из пакета несколько бутылок шампанского и осторожно поставила их. – Я вот что тебе скажу! По-моему, ты очень храбрая девочка, если тебе хватило мужества снова сюда подняться.

– А я до сих пор ума не приложу, как ты умудрилась отсюда наверхнуться, – заметила моя сестра, наполняя бокалы. – Только ты способна свалиться вниз с такой широкой площадки.

– Моя дорогая, ты что, забыла? Она ведь тогда была пьяная в стельку. – Мама снова повернулась к пожарной лестнице. – Луиза, откуда у тебя столько шампанского? На вид оно жутко дорогое.

– Начальник подарил.

Пару дней назад мы с ним подсчитывали выручку и мило болтали. В последнее время мы с ним постоянно болтали, особенно после того,

как у него появился ребенок. Кстати, я получила подробную информацию о том, как у его жены отходили воды, о чем сама миссис Персиваль наверняка предпочла бы умолчать. Так вот, я рассказала ему о своих планах, и он вдруг куда-то исчез. Я, грешным делом, решила, что это очередное свидетельство его придурковатости, однако уже пару минут спустя он вернулся с коробкой, в которой было полдюжины бутылок шампанского. «Вот. Скидка шестьдесят процентов. Забрал все остатки. – Он протянул мне коробку и пожал плечами. – Почти халява. Так что берите. Не стесняйтесь. Вы заслужили».

Когда я осыпала его словами благодарности, он смущенно пробормотал, что шампанское не высшего качества, да и вообще, эту марку сняли с производства, но уши у него покраснели от удовольствия.

– Ты хотя бы для приличия сделала вид, будто радуешься, что я осталась в живых. – Я протянула Трине поднос с бокалами.

– Ой, я уже сто лет назад переросла тот период, когда хотела быть единственным ребенком в семье. Ну, может, не сто, но года два – это точно.

Появившаяся с упаковкой салфеток в руках мама спросила трагическим шепотом:

– Как думаешь, такие сойдут?

– А почему нет?

– Мы же будем принимать самих Трейноров, ведь так? Они наверняка не пользуются бумажными салфетками. А исключительно льняными. С вышитым гербом или вроде того.

– Мам, мы будем принимать их на крыше бывшего офисного здания в Восточном Лондоне. Вряд ли они ожидают увидеть здесь серебряный сервиз.

– Кстати, – сказала Трина, – я привезла запасное пуховое одеяло Тома и подушку. Наверное, уже стоит потихоньку начать перетаскивать к тебе свое барахлишко. Мне поручено осмотреть завтра детский клуб.

– Какое счастье, что вы, девочки, сумели обо всем договориться! Трина, если хочешь, я могу присмотреть за Томом. Только дай знать!

Мы толклись вокруг стола, расставляя бокалы и бумажные тарелки, а когда мама отправилась за очередной партией неподобающих салфеток, я шепотом спросила:

– Трин, неужели папа действительно не придет? – Увидев кислую физиономию сестры, я постаралась не выдать своего разочарования. – Все по-прежнему, да?

– Надеюсь, что, когда меня не будет, им волей-неволей придется общаться. А так они кружат вокруг друг друга, точно боксеры на ринге,

но разговаривают исключительно со мной или с Томом. Что жутко бесит. Мама делает вид, будто ей наплевать, что он к нам не выходит, но я-то знаю, что это не так.

– Если честно, я надеялась, что он придет.

После того инцидента со стрельбой я видела маму дважды. Она записалась на курс современной английской поэзии в образовательном центре для взрослых и теперь помешалась на поисках символов. Каждый опавший листок символизировал распад и старение, а каждая птица в небе – надежды и мечты. Мы были с ней на поэтических чтениях в культурном центре на южном берегу Темзы, где мама сидела как замороженная, лишь дважды нарушив гробовую тишину восторженными аплодисментами, а еще ходили в кино, после чего посетили женский туалет дорогого отеля. Там они с ее новой подругой Марией угощались сэндвичами, расположившись на раскладных стульях в гардеробе. И оба раза, когда мы оставались наедине, мама становилась непривычно нервной. «Ведь правда мы чудесно проводим время?» – постоянно спрашивала она, словно призывая меня с ней поспорить. А затем она подозрительно замолкала или, наоборот, начинала бурно возмущаться грабительской ценой сэндвичей в Лондоне.

Трина развернула скамью и взбила принесенные из квартиры подушки.

– Если честно, я волнуюсь за дедушку. Ему не нравится вся эта напряженная обстановка. Теперь он меняет носки по четыре раза в день, а еще сломал две кнопки на пульте от телевизора, потому что слишком сильно на них нажимал.

– Черт, ну и дела! И кто теперь о нем позаботится?

Моя сестра в ужасе уставилась на меня.

– Не смотри на меня так! – воскликнули мы обе в унисон.

Наш разговор прервало появление первых гостей – Линн и Сунила из моей группы психологической поддержки, – с порога осыпавших меня восторгами по поводу захватывающего вида на город.

Лили прибыла точно в назначенное время. Повиснув у меня на шее, она весело прощепетала:

– Мне нравится твоё платье! Ты выглядишь грандиозно.

Она уже успела немного подзагореть, даже крохотные волоски у нее на руках стали совсем белыми. По случаю сегодняшней вечеринки на ней было бледно-голубое платье и сандалии «гладиаторы». Она огляделась по сторонам, не скрывая удовольствия снова оказаться в своем садике. Камилла, появившаяся вслед за Лили, одернула жакет и подошла к нам

с выражением сдержанного упрека на лице:

– Лили, могла бы и подождать бабушку.

– А зачем? Ты же не старуха какая-то.

Мы с Камиллой переглянулись, и я, поддавшись внезапному порыву, поцеловала ее в щеку. От нее пахло как в дорогом универмаге, а волосы были безупречно уложены.

– Очень мило с вашей стороны, что вы пришли.

– Ой, ты даже ухаживала за моими растениями! – Лили все тщательно проинспектировала. – А я-то думала, что ты их угробила. Ой, смотри! Мне нравится. Это новые? – Она показала на два горшка, купленные мной накануне на цветочном базаре, чтобы украсить крышу в честь праздника. Я не хотела покупать срезанные цветы: они напоминали о смерти.

– Это герань, – сказала Камилла. – На зиму ее следует убирать с крыши.

– Она может накрыть их спанбондом. Эти горшки из необожженной глины слишком тяжелые, чтобы тащить их вниз.

– Нет, так они все равно не выживут, – объяснила Камилла. – Слишком открытое место.

– Честно говоря, – вмешалась я в разговор, – здесь скоро будет жить Том. И мы не уверены, что его безопасно пускать на крышу, особенно учитывая то, что произошло со мной. Поэтому мы решили закрыть пожарный выход. Если хотите, можете потом забрать цветы...

– Нет, – после секундного размышления заявила Лили. – Оставим все так. Мне будет приятно вспоминать о том, как тут все было.

Она помогла мне установить стол, а попутно немного рассказала о школе – все отлично, но приходится напрягаться – и о своей маме, которая, похоже, строит глазки испанскому архитектору по имени Фелипе, купившему в Сент-Джонс-Вуд дом по соседству.

– Мне даже немного жалко этого Тупого Урода Фрэнсиса. Он даже не подозревает, какая его ждет засада.

– А ты сама-то в порядке? – спросила я.

– У меня все о'кей. Жизнь прекрасна. – Лили сунула в рот чипсы. – Бабуля все же заставила меня посмотреть на этого ребеночка. Я разве тебе не говорила? – Заметив мой изумленный взгляд, Лили продолжила: – Знаю. Но она сказала, что кто-то из нас все-таки должен вести себя как взрослый человек. И поехала со мной. Повела себя реально круто. Я, конечно, не должна была этого знать, но она по этому случаю даже купила себе шикарный шерстяной жакет. Похоже, для поездки к дедушке ей потребовалась тяжелая артиллерия. – Лили покосилась на Камиллу, которая

болтала с Сэмом возле накрытого стола. – Если честно, мне вроде как стало жаль дедушку. Когда он думал, что никто его не видит, он постоянно смотрел на нее, и глаза у него были такие грустные. Похоже, он страшно переживает, что все так обернулась.

– Ну и как все прошло?

– Ну, младенец как младенец. Я имею в виду, что они все на одно лицо, разве нет? Хотя должна сказать, все было чинно-благородно. Типа «Как дела в школе, Лили? Может, назначишь день и приедешь к нам погостить? А ты, случайно, не хочешь поддержать на руках свою тетю?» Хотя, если вдуматься, это вообще звучит дико.

– А ты собираешься их еще раз навестить?

– Возможно. Они вроде нормальные. – (Я бросила взгляд на Джорджину, которая вполне любезно разговаривала со своим отцом. Тот смеялся, возможно, чуть-чуть громче, чем следовало бы. Да и вообще, с момента появления здесь Джорджины он буквально не отходил от нее ни на шаг.) – Он звонит мне дважды в неделю поговорить о моих делах, а Делла постоянно капает мне на мозги насчет того, что «она хочет, чтобы у меня с ее доченькой выстроились нормальные взаимоотношения», как будто младенец на что-то способен, кроме как есть, плакать и пачкать пеленки.

Я рассмеялась.

– Ну а что такого? – удивилась Лили.

– Да нет, ничего, – ответила я. – Просто ужасно приятно тебя снова видеть.

– Ой! Кстати, я тебе кое-что купила. – Лили вытащила из сумки маленькую коробочку и вручила мне. – Я нашла это в жутком антикварном салоне, куда затащила меня бабуля, и вспомнила о тебе.

Я осторожно открыла коробочку. На темно-синем бархате лежал браслет в стиле ар-деко, из продолговатых гагатových и янтарных бусин. Я достала браслет и сжала его в руке.

– Он, конечно, немного стремный, да? Но он напомнил мне о...

– Тех колготках.

– Да, колготках. Это типа в знак благодарности. Ну... сама понимаешь... за все хорошее. Ты единственная из всех, кого я знаю, кому может понравиться такая вещь. Хотя, вообще-то, он мне тоже понравился. Так что беру свои слова назад. Он идет к твоему платью.

Я вытянула руку, и Лили надела браслет мне на запястье. Я осторожно покрутила его:

– Очень красиво.

Она задумчиво ковыряла носком туфли бетонное покрытие:

– Ну, за мной вроде как должок. Ювелирное украшение.

– Ты мне ничего не должна.

Я посмотрела на Лили, такую уверенную в себе, с глазами точь-в-точь как у Уилла, и подумала о том, что она, сама того не подозревая, очень многое мне дала. А затем она весьма чувствительно стукнула меня по руке:

– Верно. Давай без этих розовых соплей. А не то у меня сейчас тушь потечет. Нам лучше спуститься вниз и принести оставшуюся еду. Кстати, а почему это в моей спальне появился постер с трансформерами? А еще с Кэти Перри?^[37] На черта тебе там жильцы?

Прибывшие члены нашей группы психологической поддержки, кто с дрожью в коленках, кто со смехом, поднялись по железной лестнице. Дафна, появившись на крыше с Фредом под ручку, театрально вздохнула, Уильям невозмутимо преодолел последнюю ступеньку, а шедшая за ним Наташа выразительно округлила глаза. И все как один пришли в бешеный восторг при виде парящих в воздухе гелиевых шариков. Марк поцеловал мне руку со словами, что, если ему не изменяет память, такое происходит впервые за все время его руководства подобными группами. Наташа и Уильям, как я успела с удивлением заметить, явно предпочитали общество друг друга обществу других гостей.

Мы поставили еду на наш импровизированный стол, Джейк, выполнявший роль бармена, разливал шампанское, страшно гордясь возложенной на него миссией. Поначалу они с Лили делали вид, будто не замечают друг друга, – типичное поведение для всех подростков, оказавшихся в центре внимания взрослых, которые с интересом наблюдают за тем, что из этого выйдет. И когда Лили, соизволив наконец подойти к Джейку, церемонно протянула ему руку, тот в ответ лениво улыбнулся.

– С одной стороны, мне хочется, чтобы они подружились, но с другой – это жутко меня пугает, – прошептал мне на ухо Сэм.

Я сунула руку в задний карман его джинсов:

– Она счастлива.

– Роскошная девица. И кстати, он только что порвал со своей подружкой.

– А что плохого в том, чтобы жить полной жизнью, мистер? – (В ответ он только глухо простонал.) – Расслабься. Ему ничто не угрожает. Ее до конца года упрятали в школу в Оксфордшире.

– С вами двумя разве расслабишься? – Он поцеловал меня, и я позволила себе забыться на это сладостное мгновение. – Кстати,

мне нравится твое платье.

– Как по-твоему, не слишком легкомысленное? – Я расправила складки полосатой юбки.

В этой части Лондона было полно магазинов винтажной одежды. И всю предыдущую субботу я провела, перебирая допотопные шелка и перья.

– Люблю легкомысленные наряды. Хотя твой прикид сексуальной пикси мне нравился гораздо больше, – сказал он, пропуская вперед мою маму, появившуюся с очередной упаковкой бумажных салфеток в руках.

– Ну как поживаешь, Сэм? Я смотрю, ты уже почти поправился.

Мама дважды навещала Сэма в больнице. Всерьез озаботившись участием бедолаг, вынужденных сидеть на больничной еде, она принесла Сэму домашние колбаски и сэндвичи с яйцом и майонезом.

– Вашими молитвами. Спасибо.

– Только смотри не перенапрягись. Никаких тяжестей. Мы с девочками отлично справимся.

– По-моему, пора начинать, – заметила я.

Бросив взгляд на часы, мама обвела глазами террасу:

– Может, еще пять минут подождем? Чтобы все успели запастись напитками.

На ее улыбку – напряженную и слишком широкую – было больно смотреть.

Заметив, что мама вся как натянутая струна, Сэм взял ее под руку:

– Джози, а как там у нас с нарезанными салатами? Я, кажется, забыл принести снизу заправку.

– А где сама хозяйка?

Толпа гостей возле стола заволновалась. Услышав знакомый раскатистый голос, мы все втрое дружно обернулись.

– Боже мой, неужто я действительно попал по адресу или это Том просто решил меня разыграть?

– Берnard! – Мама уронила салфетки.

Мы увидели папино взмокшее от напряжения лицо. Он преодолел последние ступеньки и восторженно присвистнул, когда его глазам открылась панорама города.

– Луиза, с чего это тебе взбрело в голову затеять чертову вечеринку на такой верхотуре? Господи, предупреждать же надо!

– Берnard!

– Джози, мы не в церкви! И у меня важное сообщение.

Мама растерянно озиралась по сторонам:

– Бернард, сейчас не самое подходящее время...

– И мое сообщение – вот какое!

Папа нагнулся и с преувеличенной осторожностью закатал штанины. Сперва левую, затем правую. И я увидела его бледные голые икры в мелких пятнах. Ошарашенные гости притихли, уставившись на папу. Он вытянул вперед ногу:

– Гладкая, как попка у младенца. Ну давай, Джози, потрогай! – (Мама нерешительно подошла к нему и, наклонившись, провела пальцем по папиной ноге.) – Ты говорила, что будешь воспринимать меня всерьез только тогда, когда я сделаю эпиляцию воском. Ну вот, пожалуйста! Я сделал это.

Мама смотрела на него круглыми глазами:

– Ты сделал эпиляцию ног?!

– Да, как видишь. И если бы я хоть на секунду представлял, какие муки тебе приходилось терпеть, моя дорогая, то держал бы свой рот на замке! К чему себя так истязать? И какой дурак все это придумал?

– Бернард...

– Пусть слушают, мне плевать. Джози, я прошел через ад. Но я готов повторить это снова и снова, лишь бы нам вернуться на прежние рельсы. Я скучаю по тебе. Ужасно! И мне плевать, если ты возьмешь еще хоть сотню всяких там курсов – по истории феминизма, восточным практикам, макраме для собак, – я все стерплю, лишь бы мы снова были вместе. И чтобы доказать тебе серьезность своих намерений, я записался на интимную эпиляцию мошонки... и что там еще?

– Промежности, – мрачно бросила моя сестра.

– Боже мой! – Мама прижала руку ко рту.

Стоявший рядом Сэм тихо трясся от смеха.

– Сейчас же останови их, – прошептал он. – А не то у меня лопнут швы.

– Я готов на все. И будь я проклят, пусть меня общиплют, словно чертова цыпленка, если это поможет убедить тебя, как много ты для меня значишь!

– Боже правый, Бернард!

– Джози, я не шучу. Я реально дошел до ручки.

– До чего все-таки наша семья не романтическая! – пробурчала Трина.

– А что такое интимная эпиляция? – заинтересовался Том.

– Ох, как же я по тебе соскучилась, старый дуралей! – Мама обняла папу за шею и поцеловала.

Облегчение, написанное у него на лице, казалось, было почти

осязаемым. Он уткнулся головой ей в плечо, а затем, взяв ее руки в свои, принялся осыпать жаркими поцелуями волосы, ухо, щеки.

– Супер! – сказал Томас.

– Значит, мне не придется делать...

Мама ласково погладила его по щеке:

– Первое, что мы сделаем, вернувшись домой, – позвоним в салон и все отменим.

И папа сразу расслабился.

– Ну... – начала я, когда страсти немного улеглись и даже Камилла Трейнор, судя по ее побледневшему лицу, успела понять, не без помощи Лили, на что был готов пойти папа во имя любви. – А теперь давайте проверим, у всех ли налиты бокалы... и, пожалуй, начнем.

После папиных излияний в любви, суеты по поводу необходимости срочно сменить взрывоопасный подгузник младенцу дедушки Трейнора и не слишком приятного открытия, что Том бросал сэндвичи с яйцом на балкон мистера Энтони Гардинера (прямо на его новехонький дизайнерский шезлонг), потребовалось еще минут двадцать, чтобы гости уgomонились. И пока желающие произнести тост прочищали горло, вперед выступил Марк, который оказался гораздо выше, чем мне казалось, ведь я видела его исключительно в сидячем положении.

– Добро пожаловать, друзья. Во-первых, я хотел бы поблагодарить Луизу за то, что она предоставила нам эту замечательную террасу для проведения церемонии окончания наших занятий. Есть нечто символическое в такой близости к небесам... – Он сделал паузу в ожидании причитающихся ему смешков. – Сегодняшняя церемония несколько необычная, поскольку среди нас присутствуют люди, не входящие в нашу группу, однако, по-моему, это замечательная возможность продемонстрировать открытость и отметить праздник в кругу друзей. Ведь каждый из присутствующих здесь наверняка знает, что такое терять любимого человека. Итак, торжественно объявляю всех остальных почетными членами нашей группы.

Джейк стоял возле своего отца, веснушчатого, светловолосого мужчины, который, как всем нам было известно, плакал после каждого коитуса, о чем я, глядя на него, естественно, не могла не вспоминать. Сейчас он стоял, нежно прижимая к себе сына. Джейк поймал мой взгляд и сделал большие глаза. И тем не менее он улыбался.

– И я должен сказать, что, хотя мы называемся группой психологической поддержки тех, кто хочет двигаться дальше, никто из нас

не может идти вперед, не оглядываясь назад. Мы идем вперед, бережно неся с собой воспоминания о тех, кого потеряли. И основной целью нашей маленькой группы было научиться понимать, что воспоминания эти отнюдь не являются тяжким бременем, отягощающим душу и заставляющим топтаться на месте. Нет, память о наших любимых мы должны считать даром Небес. И наши встречи, во время которых мы делились воспоминаниями, переживаниями и маленькими победами, позволили нам понять очень важную вещь. Это нормально – быть грустным. Или потерянным. Или сердитым. Нормально ощущать весь спектр эмоций, быть может не всегда понятных другим. И нередко в течение долгого времени. Каждый из нас должен пройти свой собственный путь. И мы не вправе никого осуждать.

– Ну разве что печенье, – пробормотал Фред. – Я решительно осуждаю это «Печенье к чаю». Оно было ужасным.

– И хотя поначалу в это невозможно поверить, но рано или поздно мы сумеем осознать тот факт, что все люди, о которых мы говорили и которых оплакивали, сейчас здесь, среди нас, в наших сердцах, и не важно, когда они нас покинули – шесть месяцев или шесть лет назад, – мы должны почитать за великое счастье то, что они были с нами.

Я посмотрела на серьезные лица тех, кого за это время успела полюбить, и вспомнила об Уилле. Закрыла глаза и попыталась воссоздать его образ, его улыбку, его смех. Я думала даже не о том, какую цену заплатила за свою любовь, а о том, как много он мне дал в этой жизни.

Марк окинул внимательным взглядом своих подопечных. У Дафны как-то подозрительно покраснели глаза.

– Итак... а теперь, по заведенному обычаю, необходимо сказать пару слов, подтверждающих, на каком этапе эмоционального возрождения мы сейчас находимся. И не надо громких фраз. Мы просто закрываем за собой дверь на данном отрезке нашего пути. Конечно, никто никого неволить не станет, но было бы просто чудесно, если бы каждый из вас хоть что-нибудь сказал.

Члены нашей группы смущенно переглянулись, и на секунду мне показалось, что никто так и не решится открыть рот. Но тут вперед выступил Фред. Он разгладил платок в нагрудном кармане блейзера и расправил плечи:

– Джилли, я просто хочу сказать тебе спасибо. Ты была потрясающей женой, и целых тридцать лет я был счастливейшим мужчиной на свете. И каждый день я буду вспоминать о тебе.

Фред неловко попятился, и Дафна одними губами произнесла: «Очень

хорошо, Фред».

Она поправила свой шелковый шарф и вышла из толпы гостей:

– Я хотела сказать, что прошу прощения. У Алана. Алан, ты был таким хорошим человеком, и мне жаль, что мы не смогли быть друг с другом до конца откровенны. Мне жаль, что я не смогла тебе помочь. Я хочу... Нет, я надеюсь, что у тебя все в порядке и что ты нашел себе хорошего друга, где бы ты сейчас ни был.

Она закончила, и Фред ободряюще погладил ее по руке.

Тогда Джейк задумчиво потер шею и, покраснев, посмотрел на своего отца:

– Мама, нам обоим тебя очень не хватает. Но мы держимся. Я не хочу, чтобы ты волновалась за нас, и вообще.

После этих слов его отец обнял его и поцеловал в макушку, смахивая слезы. И они с Сэмом понимающе переглянулись.

Затем наступила очередь Линн и Сунилы. Обратив глаза к небу, чтобы скрыть непрошенные слезы, каждый из них произнес несколько фраз.

Уильям положил к своим ногам белую розу. Непривычно молчаливый, он бросил мимолетный взгляд на розу и присоединился к остальным. А когда Наташа его обняла в знак дружеской поддержки, он шумно сглотнул и схватился за сердце.

Поймав на себе взгляд Марка, я почувствовала, как Сэм нежно сжал мою руку. Я с улыбкой покачала головой:

– Я, пожалуй, воздержусь. А вот Лили, если можно, хотела бы сказать пару слов.

Лили вышла вперед, задумчиво прикусив губу. Она бросила взгляд на клочок бумаги с рукописным текстом, но затем, видимо, передумала и скатала бумажку в шарик.

– Хм, я попросила у Луизы разрешения выступить, хотя формально я не член вашей группы. Я не знала своего папу, не присутствовала на его похоронах, и поэтому мне хотелось бы сказать о нем сейчас, так как, по моему, за это время я узнала его чуть-чуть ближе. – Она смущенно улыбнулась, убрав упавшую на лицо прядь волос. – Итак. Уилл. Папа. Когда я впервые обнаружила, кто мой настоящий отец, то, если честно, немного распахивалась. Я надеялась, что мой настоящий папа окажется мудрым, красивым мужчиной, который научит меня разным вещам, будет меня защищать и повезет по разным красивым местам, которые ему всегда нравились. А в результате я получила озлобленного человека в инвалидном кресле, который, как вы знаете, в конце концов наложил на себя руки. Но, папа, благодаря Лу и твоей семье я стала понимать тебя гораздо лучше.

Да, наверное, я буду грустить и даже немного сердиться из-за того, что мне так и не удалось с тобой встретиться. Но сейчас я хочу сказать тебе спасибо. Сам того не подозревая, ты дал мне очень много всего. Мне кажется, я унаследовала от тебя и что-то хорошее, и что-то плохое. Я унаследовала от тебя и голубые глаза, и цвет волос, и отвращение к мармиту^[38], и способность кататься на горных лыжах... Ну и конечно, я унаследовала от тебя перепады настроения, по крайней мере, так говорят знающие люди. Не я. Но самое главное, ты дал мне семью, о которой я даже не подозревала. И это круто. Потому что, положив руку на сердце, до их появления дела у меня шли неблестяще, – неуверенно улыбнулась Лили.

– Мы очень рады, что у нас появилась ты! – крикнула Джорджина.

Я почувствовала, как Сэм стиснул мне пальцы. Ему, конечно, было вредно так долго стоять, но он решительно отказывался садиться. *Я же не инвалид.* Я положила ему голову на плечо, безуспешно пытаясь проглотить комок в горле.

– Спасибо, Джи. Итак, Уилл... папа, я не собираюсь здесь долго распинаться, потому что речи здорово утомляют, да к тому же младенец вот-вот начнет плакать, что, естественно, испортит все впечатление от моего выступления. Я просто хотела лично от себя сказать тебе спасибо. Я очень тебя люблю и никогда не забуду, и я надеюсь, что если ты согласишься на нас сверху и видишь меня, то ты доволен. Доволен тем, что я существую. Ведь то, что я здесь, вроде как означает, что и ты тоже здесь, разве нет? – Голос Лили прервался, глаза наполнились слезами. Она бросила взгляд в сторону Камиллы, которая коротко кивнула. Лили хлопнула носом и выставила вперед подбородок. – А сейчас, по-моему, самое время выпустить в небо шары.

Все дружно вздохнули и зашаркали ногами. Члены нашего кружка, тихо переговариваясь, потянулись к привязанным к шарикам веревочкам.

Лили, с белым гелиевым шариком в руках, первой вышла вперед. Она подняла руку, потом, словно поддавшись порыву, выдернула из цветочного горшка крохотный василек и аккуратно привязала его к веревочке. Снова подняла руку и как бы нехотя выпустила шарик.

Ее примеру последовал Стивен Трейнор, и я увидела, как Делла ласково сжала его руку. Потом шарик выпустила Камилла, за ней – Фред, Сунил и Джорджина. Ну и последними стали мама, Трина, папа, у которого, судя по тому, как он громко сморкался, глаза уже были на мокром месте, и Сэм. Мы молча стояли на крыше и смотрели, как шарики один за другим взмывают в небо, постепенно уменьшаясь,

уменьшаясь и наконец растворяясь в прозрачной синеве.

И тогда я отпустила свой.

Глава 30

Мужчина в желто-розовой рубашке уминал уже четвертую по счету датскую плюшку, толстыми пальцами запихивая в рот глазированные кусочки и периодически запивая все это дело холодным лагером.

– Завтрак для чемпионов. – Вера, прошедшая мимо меня с подносом грязных стаканов, сделала вид, будто ее сейчас стошнит.

Я мысленно возблагодарила судьбу за то, что мне не надо больше убирать мужской туалет.

– Эй, Лу! Что должен сделать мужчина, чтобы его обслужили? – Я увидела папу, который взгромоздился на высокий стул и, облокотившись на барную стойку, изучал различные сорта пива. – Скажи, а чтобы заказать выпивку, надо показывать посадочный талон?

– Папа...

– А что, если махнуть в Аликанте? Как тебе такая идея, Джози?

Мама игриво пихнула его в бок локтем:

– Пожалуй, стоит запланировать на этот год. Непременно стоит.

– А знаешь, у вас тут славное местечко. Очень даже неплохое. Если не считать, конечно, вашей дурацкой затеи пускать реальных детей в реальный паб. – Папа пожал плечами и оглянулся на молодую семью, которая в ожидании своего рейса сидела с двумя чашечками кофе за столом, усыпанным деталями лего и изюмом. – Ну что посоветуешь, дорогая? Чем лучше промыть мои старые трубы?

Краем глаза я увидела Ричарда, приближавшегося к нам с блокнотом в руках.

– Па, бери любое. Пиво здесь все хорошее.

– В отличие от вашей униформы. – Мама покосилась на Верину зеленую мини-юбку с люрексом.

– Головной офис, – заявил Ричард, с которым мама уже успела провести две беседы по поводу овецествления женщин на рабочем месте. – Я тут ни при чем.

– Ричард, а стаут^[39] у вас здесь подают?

– У нас есть «Мерфис», мистер Кларк. Он похож на «Гиннесс», хотя не мне давать советы такому специалисту, как вы, сэр.

– Я вовсе не такой уж специалист, сынок. Если на этикетке написано «пиво» и оно жидкое, то, по мне, и такое сойдет.

Папа причмокнул губами, и перед ним тут же возникла кружка пива.

Мама своим новоприобретенным светским тоном заказала кофе. В Лондоне она теперь разговаривала только так, совсем как высокопоставленная персона, которой демонстрируют новую производственную линию. *Так это у вас латте, да? Ну, с виду очень неплохо. И надо же, какая умная машина!*

Папа похлопал по сиденью барного стула возле мамы:

– Садись, Лу. В ногах правды нет. Позволь мне в кои-то веки угостить родную дочь.

Я посмотрела на Ричарда:

– Ладно, я выпью кофе. Спасибо, папа.

Пока Ричард нас обслуживал, мы с мамой сидели молча, папа же, раскинувшись на барном стуле, точно в своем любимом кресле, чувствовал себя легко и непринужденно, впрочем, как и в любом другом баре, в котором он когда-либо бывал. Словно выстроившиеся в ряд стаканы и твердая поверхность, на которую можно облокотиться, создавали у него ощущение родного дома. И он ни на секунду не выпускал маму из поля зрения, ласково поглаживая ее по ноге или нежно держа за руку. В последнее время они вообще практически не расставались, постоянно шептались и хихикали, будто расшалившиеся подростки. Отвратительное зрелище, если верить моей сестре. Она даже сказала мне, что, пожалуй, предпочла бы, чтобы они и дальше продолжали дуться.

«Прошлую субботу пришлось спать с берушами. Нет, ты представляешь, какой ужас?! А дедушка спустился к завтраку вообще никакой».

За окном маленький пассажирский самолет замедлил ход на взлетно-посадочной полосе и вырулил к терминалу. Его движением управлял работник наземной службы в светоотражающей куртке. Мама сидела, положив на колени сумку, и завороченно наблюдала за самолетом.

– Тóму бы здесь очень понравилось, – задумчиво сказала она. – Правда, Бернард? Не сомневаюсь, он бы просто приклеился к окну.

– Ну, раз уж он теперь будет жить по-соседству, Трина вполне сможет приводить его сюда по уик-эндам. А я могу составить ему компанию, если пиво окажется более-менее стоящим.

– Очень мило с твоей стороны позволить им пожить у тебя в квартире. – Мама проводила глазами самолет. – Ты же понимаешь, какое это подспорье для Трины, учитывая ее начальную зарплату и все такое.

– Ну, решение действительно вполне разумное.

– Конечно, мы будем по ней скучать, но она ведь не может вечно жить с родителями. Милая, я уверена, она очень ценит все, что ты для нее сделала, хотя и не показывает этого.

Мне, в сущности, было наплевать, что Трина не говорит мне слов благодарности. Я поняла одну очень важную вещь. Поняла в тот момент, когда Трина с Томом переступили порог моего дома со всеми своими пожитками и плакатами, а папа нес за ними пластиковую коробку с любимыми игрушками Тома: предаконами и автоботами. Именно в тот момент я поняла, что деньги Уилла на покупку квартиры были потрачены не зря.

– Ричард, а Луиза вам говорила, что ее сестра переезжает в Лондон?

В последнее время мама взяла себе за правило считать практически всех, кого она встречает в Лондоне, своими лучшими друзьями, которые должны быть в курсе пертурбаций, происходящих в семействе Кларк. Сегодня утром она минут десять инструктировала Ричарда по поводу мастита его жены и была явно не прочь заскочить на досуге к нему домой посмотреть на ребеночка. Хотя, с другой стороны, Мария, работавшая в туалете того дорогого отеля, собиралась недели через две приехать к маме на чай в Стортфолд, причем не одна, а с дочерью, так что мама была не так уж и не права.

– Наша Катрина – замечательная девушка. Ума палата. Если вам когда-нибудь потребуется помощь со счетами, она именно тот человек, кто вам нужен.

– Непременно буду иметь это в виду. – Ричард поймал мой взгляд и поспешно отвернулся.

Я посмотрела на часы. Без четверти двенадцать. У меня вдруг засосало под ложечкой.

– Милая, ты в порядке?

Надо отдать маме должное: от нее ничего невозможно скрыть.

– Ма, у меня все отлично.

Она сжала мою руку:

– Я так тобой горжусь. Но ты ведь и сама знаешь, да? Ты многого добилась за последние месяцы. И я понимаю, что тебе пришлось очень нелегко. – Мама вдруг оживилась и ткнула пальцем куда-то вперед. – Ой, посмотри! Я знала, что он придет. Ну вот, родная. Вот и все!

Он пришел. На голову выше всех остальных, осторожно пробирающийся сквозь толпу, рука выставлена вперед, чтобы защитить живот. Мое лицо непроизвольно расплылось в широкой улыбке, я отчаянно замахала рукой, и он, увидев меня, кивнул.

Повернувшись к маме, я обнаружила, что она, загадочно улыбаясь, внимательно за мной наблюдает.

– Он хороший малый, этот твой парень.

– Знаю.

Она внимательно посмотрела на меня. На ее лице были написаны смешанные чувства. Гордость и что-то еще, чего я не поняла.

– Ну ладно, – сказала она, слезая со стула. – Иди. Дерзай!

Я оставила родителей в баре. Так оно как-то спокойнее. Невозможно демонстрировать свои эмоции в присутствии человека, обожающего цитировать целые параграфы из должностной инструкции для персонала. Сэм перекинулся парой слов с моими родителями, при этом папа издавал странные звуки, похожие на завывание сирены. Ричард поинтересовался у Сэма, как заживают его раны, и нервно рассмеялся, когда папа заметил, что по сравнению с моим бывшим бойфрендом у Сэма, в сущности, дела не так уж и плохи. В результате папе только с третьей попытки удалось убедить Ричарда, что он отнюдь не имел в виду «Дигнитас» и всю эту очень печальную историю. Наверное, именно в этот момент Ричард даже обрадовался, что я уезжаю.

Я высвободилась из маминых объятий, и мы с Сэмом рука об руку молча пошли по терминалу. Я старалась не обращать внимания на то, что сердце вот-вот выскочит из груди, а родители печально смотрят мне вслед. Почувствовав приступ легкой паники, я повернулась к Сэму. Я рассчитывала, что у нас будет больше времени.

Сэм поглядел на часы, а затем на табло со временем отлета:

– Похоже, тебе уже пора. – Он отдал мне мой чемодан на колесиках, который я взяла, выдавив слабую улыбку, и сказал: – Отличный прикид для поездки.

Я окинула взглядом свою блузку с леопардовым принтом и очки а-ля Джеки О., которые сунула в нагрудный карман.

– Захотелось одеться в духе богатых путешественников из семидесятых.

– Неплохо смотрится. Для богатой путешественницы.

– Ну что, – начала я, – увидимся через четыре недели. Говорят, осенью в Нью-Йорке очень мило.

– В любом случае будет очень мило. – Он помотал головой. – Господи! Мило. Ненавижу слово «мило»!

Я посмотрела на наши сцепленные руки. Я смотрела на них так, будто хотела навечно сохранить в памяти это ощущение. Я словно не успела подготовиться к жизненно важному экзамену, который назначили раньше, чем я рассчитывала. Меня охватила странная паника, и он, похоже, это почувствовал.

– Ничего не забыла? Паспорт? Посадочный талон? Адрес, куда надо ехать?

– Натан будет встречать меня в аэропорту имени Джона Кеннеди.

Я не хотела отпускать Сэма. Я была точно кусок металла, застрявший между двумя магнитами с разными полюсами. Я смотрела, как другие пары вместе идут в зону посадки навстречу приключениям или со слезами на глазах дарят друг другу прощальные объятия.

Сэм тоже наблюдал за ними. Он осторожно отодвинулся от меня и, прежде чем отпустить мою руку, прижался губами к пальцам.

– Тебе пора, – сказал он.

Я хотела сказать ему миллион очень важных вещей, но все они, как назло, вылетели из головы. Тогда я шагнула вперед и поцеловала его так, как целуются в аэропорту: поцелуем, полным любви и желания, призванным сохраниться в памяти любимого человека на время путешествия, а может, на несколько недель и даже месяцев. Этим поцелуем я пыталась сказать ему, как много он для меня значит. Я пыталась сказать ему, что он и есть ответ на вопрос, который я, сама не ведая того, задала. Я пыталась поблагодарить его за то, что он предпочел дать мне возможность остаться самой собой, пусть даже ценой нашей разлуки. И в результате я как последняя дура сказала, что выпила два больших кофе, а зубы почистить забыла.

– Ты там поосторожнее, – продолжила я. – Не мчись сломя голову на работу. И хотя бы на время забудь про свою стройку.

– Завтра приезжает мой брат. Он займется кирпичной кладкой.

– И если ты все-таки вернешься туда, береги себя. Ты у нас известный любитель подставляться под пули.

– Лу, у меня все будет хорошо.

– Именно это я и имела в виду. Ладно, я собираюсь отправить имейл Донне из Нью-Йорка и сказать ей, что, если с тобой хоть что-нибудь случится, отвечать будет она. А может, попрошу твое начальство засадить тебя за канцелярскую работу. Или отправить тебя на совсем тихую станцию скорой помощи на севере Норфолка. Или хотя бы заставить тебя надевать бронежилет. Кстати, а они собираются обеспечить вас бронежилетами? Спорим, я могу купить в Нью-Йорке очень хороший броне...

– Луиза... – Он убрал прядь волос, упавшую мне на глаза.

И я вдруг почувствовала, что у меня сморщилось лицо. Я прижалась к его щеке, и стиснула зубы, и вдохнула его запах, пытаюсь подпитаться его основательностью. А затем, чтобы не передумать, я выдохнула сдавленное «пока», больше похожее на всхлип, или на кашель, или на идиотский

смешок, я и сама толком не поняла. Я повернулась и, волоча за собой чемодан, зашагала в зону досмотра.

Я протянула свой новый паспорт, распечатку электронного разрешения на въезд, ставшего моим ключом в будущее, какому-то служащему в униформе, лица которого я не видела из-за застилавших глаза слез. И когда меня уже пропустили за барьер, я резко развернулась, поддавшись секундному порыву. Он все еще стоял там, наблюдая за мной из-за ограждения. Наши взгляды встретились, он поднял руку с раскрытой ладонью, и я в ответ сделала то же самое. Я попыталась запечатлеть в памяти любимый образ: эту склоненную голову, свет в волосах, прямой взгляд, чтобы в дни, когда мне будет совсем одиноко, воспроизвести его перед мысленным взором. Потому что такие дни обязательно будут. И плохие дни тоже. И такие дни, когда я буду спрашивать себя, какого черта я сюда приехала. Потому что и это тоже является неотъемлемой частью приключения.

Я люблю тебя, произнесла я одними губами, точно не зная, видит он или нет.

А затем, крепко зажав паспорт в руке, повернулась и пошла вперед.

Он наверняка будет здесь. Останется наблюдать за тем, как мой самолет разгоняется и поднимается в бескрайнее синее небо над головой. И если мне повезет, он будет здесь, когда я снова прилечу домой.

Благодарности

Как всегда, благодарю своего агента Шейлу Кроули, редактора Луизу Мур за их бесконечную веру в меня и всемерную поддержку. Моя благодарность множеству талантливых людей в «Penguin Michael Joseph», которые помогли превратить сырой текст в ряды книжек в глянцевых обложках на полках книжных магазинов. В частности, Максин Хичкок, Франческа Расселл, Хейзел Орме, Хетти Адам Смит, Софи Эллетсон, Тому Уэлдону и всем невоспетым героям, которые помогают нам, авторам. Мне нравится быть частью их команды.

Огромная благодарность каждому, кто работает вместе с Шейлой в «Curtis Brown», особенно Ребекке Ричи, Кэти Макгован, Софи Харрис, Нику Марстону, Кэт Бакл, Ранит Ауя, Джессу Куперу, Элис Лаченс, Саре Гэд и, конечно, Джонни Геллеру. А в США огромная благодарность неподражаемому Бобу Букману. Я тебя не забуду, Боб!

Спасибо за дружбу, советы и продуктивные беседы за ланчем Кэти Рансиман, Мэдди Уикхэм, Саре Милликан, Олу Паркеру, Полли Сэмсон, Дэмиану Барру, Алексу Хеминсли, Джессу Растону и всем членам «Writersblock». Вы крутые!

Что касается моего ближнего круга, спасибо Джеки Тирн, Клэр Роуэт, Крису Лакли, Дрю Хейзел и всем, кто помогает мне делать то, что я делаю.

Спасибо актерам и всей команде фильма «До встречи с тобой». Для меня огромная честь видеть, как мои герои обретают плоть и кровь. Вы все чистое золото, но особенно вы, Эмилия и Сэм.

Посылаю свою благодарность и любовь моим родителям – Джиму Мойесу и Лиззи Сэндерс и, конечно, в первую очередь Чарльзу, Саскии, Гарри и Локки. Одним словом, моему миру.

И наконец, я хочу поблагодарить миллионы людей, которые пишут мне в «Твиттер», «Фейсбук» или на мой веб-сайт, поскольку всей душой болеют за Лу. Я, наверное, так бы и не решилась писать данную книгу, если бы героиня не продолжала жить в вашем воображении, и я рада, что это так.

СНОСКИ

Мохаммед (Мо) Фарах – британский легкоатлет сомалийского происхождения, бегун на средние и длинные дистанции, двукратный олимпийский чемпион 2012 г. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Хопалонг Кэссиди – вымышленный ковбой, первоначально появившийся в 1904 г. как главный герой одного из рассказов американского писателя Кларенса Малфорда, который затем написал целую серию рассказов и несколько романов о данном герое.

Экспат – иностранный работник или сотрудник предприятия, работающий за границей.

«*Квадратная миля*» – так иногда называют район лондонского Сити, традиционно занимавшего площадь в одну квадратную милю к северу от Темзы между мостом Ватерлоо и Тауэрским мостом.

Батлинс – система отелей и лагерей семейного отдыха с тематическими парками развлечений.

Долли Ребекка Партон – американская кантри-певица и киноактриса. Одна из самых успешных певиц в данном жанре, получившая титул «Королева кантри».

Трилистник – символ Ирландии.

Анорексия – болезнь, основное проявление которой – отказ от пищи, связанный с изменениями в нейроэндокринной системе. Возникает чаще всего у девочек в пубертатном периоде и молодых женщин.

Книга Жермен Грир, известной британской писательницы, журналистки, ученой и телеведущей, а также знаменитой феминистки XX в. Наибольшую известность ей принесла именно книга «Женщина-евнух», где писательница излагает свои феминистские идеи.

Дэниел Дэй-Льюис – британский актер английского происхождения. Единственный актер в истории, трижды удостоенный премии «Оскар» за лучшую мужскую роль, в частности за фильм «Моя левая нога».

Пикси – небольшие создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов и фей. Общим свойством, упоминаемым в источниках, является поведение пикси – от безобидных шалостей до смертельных проказ.

Реджи и Ронни Крэй – легендарные братья-близнецы, бывшие боксеры, ставшие начиная с 1950-х годов опаснейшими гангстерами Лондона.

Имеется в виду английская семья Уолтон, где впервые в мире родились шесть девочек-близнецов.

Пханган – остров в Сиамском заливе, принадлежит Таиланду.

«Мандарин ориентал» – сеть пятизвездочных курортных отелей.

Андреа Дворкин – американская писательница и радикальная феминистка.

На третьей полосе газеты «Сан» печатают материал с фотографиями молодых девушек топлес.

Автор – французская писательница и философ Симона де Бовуар; книга считается одним из основополагающих трудов феминистского направления.

Автор – американская писательница Эрика Йонг.

Автор – американская писательница-феминистка Мэрилин Френч.

«Хутерс» – торговая марка двух американских частных ресторанных (ресторан с полуобнаженными официантками) сетей; слово «hooter» переводится как «сирена», а на североамериканском сленге «hooters» – «женская грудь».

Нелл Гвин – английская актриса, выросшая в борделе Вест-Энда; куртизанка, фаворитка короля Англии Карла II.

Услуга за услугу (*лат.*).

Мохаммед Али (урожденный Кассиус Марселлус Клей) – американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории.

«Нью-Йорк, Нью-Йорк» – фильм Мартина Скорсезе 1977 г.; лирическая драма с элементами комедии и большим количеством музыкальных номеров.

Кортизол, или гидрокортизон – гормон, который вырабатывается в коре надпочечников. При стрессе уровень кортизола увеличивается на порядок.

Официально установленные нерабочие дни называются в Великобритании Банковскими выходными, или каникулами. В эти дни закрыты все банки и официальные учреждения.

Английские куклы для детей.

«Билли Эллиот» – мюзикл с элементами комедии, поставленный по художественному фильму «Билли Эллиот» 2000 г. Музыка сэра Элтона Джона. Главный герой, мальчик по имени Билли, меняет боксерские перчатки на балетные пуанты. Его личная борьба происходит на фоне борьбы рабочих за свои права в ходе забастовки шахтеров 1984–1985 гг. в графстве Дарем, Великобритания.

Тюрбо – рыба из семейства камбаловых.

Тушеные говяжьи щечки (*фр.*).

Сердечное согласие (*фр.*).

Филип Ларкин (1922–1985) – английский поэт, выставивший слабости и претенциозность английской жизни. Считается одним из лучших и самых оригинальных поэтов своей эпохи.

Чубакка – персонаж киносаги «Звездные войны». Гуманоид ростом более двух метров, покрытый густой бурой шерстью.

«Испорченный телефон» – игра, используемая также в качестве инструмента психотренинга, когда играющие по цепочке передают друг другу слово или фразу, которая в результате искажается, теряя первоначальный смысл.

Энди Гибсон – солист британской трибьют-группы «The Pink Floyd Show UK», образованной в 2012 г. и исполняющей песни группы «Pink Floyd».

Кэти Перри – американская певица.

Мармит – пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением трав и специй.

Стаут – сорт пива верхнего брожения, популярный в Великобритании; отличается от светлого пива более ярко выраженным хмельным вкусом.